3 1761 08821038 0

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/nanekrasovvvospo00ches

LR
N4189
.Ych

Cheshikin, Vasily Evgrafovich,
(Comp.)

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.
Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО,
при ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

Выпускъ VI.

Н. А. НЕКРАСОВЪ

N. A. Nekrasov,

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ, ПИСЬМАХЪ И НЕСОБРАННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

74cV

Составилъ Ч. ВѢТРИНСКІЙ
(ВАС. Е. ЧЕШИХИНЪ).

I. Вступительная статья. II. Хронологическая канва. III. Изъ біографическихъ статей и воспоминаній о Некрасовѣ. IV. Письма Некрасова. V. Изъ несобранныхъ произведеній и замѣтокъ Некрасова. VI. Указатель литературы о Некрасовѣ.

487592
15. 3. 49

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1911.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки“ V
Отъ составителя VII
Хронологическая канва IX
Руководящая статья „Н. А. Некрасовъ“ жизнь, личность и творчество 1

Ранніе годы Некрасова 42
Въ Некрасовщинѣ. *Ѳ. Смирнова* 47
Некрасовъ и гр. Лорисъ-Меликовъ. *Н. Бѣлоголоваго* 59
Литературные дебюты Некрасова. *В. Горленко* 63
Изъ „Литературныхъ воспоминаній“. *И. Панаева* 74
Изъ воспоминаній *Панаевой-Головачевой*. 77
Некрасовъ и Бѣлинскій (по ихъ письмамъ) 88
Изъ воспоминаній *А. Пыпина* 93
Н. Г. Чернышевскій о Некрасовѣ 107
Изъ воспоминаній *С. Терпигорева (Атавы)* 119
Изъ воспоминаній. *П. Ковалевскаго* 124
Г. Елисеевъ о Некрасовѣ 140
Г. Успенскій о Некрасовѣ 148
О „Русскихъ женщинахъ“ *кн. М. С. Волконскаго* 150
Н. К. Михайловскій о Некрасовѣ 153
Воспоминанія А. С. Суворина 167
Ѳ. М. Достоевскій о Некрасовѣ 181

Письма Некрасова 194

Изъ несобранныхъ произведеній Некрасова 244

Литература о Некрасовѣ 301

UNIVERSITY OF VIRGINIA
LIBRARY

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки".

Важность основательнаго знакомства съ исторіей родной литературы все яснѣе сознается въ наши дни, и интересъ къ ней растетъ, выходя далеко изъ рамокъ школы и захватывая широкіе круги общества. Для удовлетворенія этого интереса имѣются общіе историческіе обзоры различнаго типа, начиная съ краткихъ школьныхъ учебниковъ, кончая солидными научными трудами и большими коллективными изданіями, разсчитанными на широкій кругъ образованной публики. Это не покрываетъ, однако, всѣхъ потребностей общества.

Старый способъ изучать литературу, главнымъ образомъ заочно, по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ, вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошого знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ. Между тѣмъ въ нашей педагогической и популярно-научной литературѣ далеко не все сдѣлано для облегченія такого знакомства. По исторіи литературы до XIX в. существуетъ по крайней мѣрѣ рядъ хрестоматій но для XIX столѣтія такихъ трудовъ почти нѣтъ. Всѣ главныя литературныя направленія этой эпохи уже сдѣлались достояніемъ науки и могутъ изучаться въ историческомъ освѣщеніи, такъ же, какъ и лучшіе

наши писатели, почти всѣ включенные уже въ программу средней школы. Конечно, существуютъ полныя собранія сочиненій классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ обращаться и къ другимъ источникамъ, напримѣръ, къ письмамъ, къ воспоминаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко (переписка Гоголя, напримѣръ отдѣлена отъ его сочиненій и одна занимаетъ четыре тома). При изученіи же литературныхъ направленій и общественныхъ теченій необходимо привлекать обширный и разнообразный матеріалъ, разбросанный и малодоступный, что ведетъ къ необходимости, чаще чѣмъ желательно, прибѣгать къ общимъ обзорамъ, т.-е. возвращаться къ старой системѣ заочнаго знакомства изъ вторыхъ рукъ.

«Историко-литературная Библіотека» имѣетъ въ виду облегчить правильное изученіе нашей литературы прежде всего за XIX вѣкъ. Съ этой цѣлью выпущена была въ прошломъ году первая серія книжекъ: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Западники 40-хъ годовъ, Ранніе славянофилы. Каждая книжка содержала вводную руководящую статью, хронологическую канву, избранныя сочиненія писателя (когда это необходимо), подборъ важнѣйшихъ писемъ, выдержки изъ мемуаровъ современниковъ, примѣчанія и библіографическій указатель.

Во вторую серію «Библотеки» входятъ: Некрасовъ, Островскій, Тургеневъ, Л. Толстой и Достоевскій.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Согласно плану книжекъ «Историко-литературной Библіотеки», книга о Некрасовѣ содержитъ, кромѣ вступительной статьи, три отдѣла: воспоминанія и нѣкоторыя другія данныя о Некрасовѣ, письма Некрасова и отдѣлъ, въ которомъ помѣщены цѣликомъ или въ выдержкахъ мало извѣстныя произведенія, а также замѣтки Некрасова, не включенныя въ распространенное двухтомное изданіе его сочиненій.

Наиболѣе полно и разнообразно представить возможно было только первый отдѣлъ. Мы остановились на матеріалахъ, наиболѣе объективныхъ, извлекая изъ тѣхъ воспоминаній, которыя содержатъ болѣе или менѣе пространныя разсужденія о личности Некрасова или его произведеніяхъ, лишь наиболѣе цѣнную фактическую часть воспоминаній. Изъ матеріаловъ (довольно обильныхъ), содержащихъ болѣе или менѣе рѣзкія нападки на личность Некрасова, мы остановились на замѣчательныхъ воспоминаніяхъ П. М. Ковалевскаго, художественно рисующихъ друзей, обстановку и домашнюю жизнь Некрасова; въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ личности поэта, Ковалевскій сумѣлъ не перейти той грани, за которою начинается уже голая сплетня, не заслуживающая вниманія.

Писемъ Некрасова до сихъ поръ появилось въ печати весьма немного. Наиболѣе важны изъ нихъ письма Некрасова къ Тургеневу и Льву Толстому. Въ нихъ Некрасовъ раскрывается, между прочимъ, какъ замѣчательно тонкій цѣнитель литературы, редакторъ, почти никогда не ошибавшійся. Остальныя письма всѣ нѣсколько случайны и отрывочны, но даютъ тѣ или другіе отдѣльные штрихи для характеристики Некрасова, какъ человѣка и редактора. Здѣсь мы имѣли возможность

дать неизданное письмо и записку Некрасова къ В. М. Лазаревскому, благодаря любезности его сына С. В. Лазаревскаго, которому приносимъ за то искреннюю признательность. Кромѣ того помѣщаемъ извлеченія изъ неизданныхъ писемъ Некрасова А. А. Краевскому, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Что касается послѣдняго отдѣла — несобранныхъ произведеній Некрасова—то ввести этотъ отдѣлъ насъ заставила исключительно неполнота такъ называемаго полнаго собранія стихотвореній Некрасова. Историко-литературное изученіе смотритъ на раннія произведенія писателя совсѣмъ не тѣми глазами, какими могъ смотрѣть самъ онъ при жизни, по своему произволу исключая ихъ изъ собранія своихъ сочиненій. Необходимо было дать хотя нѣсколько вещей изъ сборника «Мечты и звуки», дать отрывки изъ недоступныхъ публикѣ «Петербургскихъ угловъ», изъ романа «Три страны свѣта». Въ «полномъ собраніи» (двухтомномъ) отсутствуютъ или искажены урѣзками цѣлыя пьесы и т. п. Мы сочли полезнымъ дать два пресловутыхъ стихотворенія—Комиссарову и Муравьеву-Виленскому, какъ важныя въ чисто біографическомъ отношеніи. Нѣкоторыя замѣтки Некрасова приведены, какъ матеріалъ для сужденій о характерѣ и методѣ его творчества. Наконецъ иныя пьесы даны просто, какъ художественныя вещи, отсутствіе которыхъ въ «полномъ собраніи» не объяснимо ничѣмъ, кромѣ невниманія издателей Некрасова къ указаніямъ историко-литературной критики.

Въ отдѣлѣ библіографіи мы могли указать только двѣ небольшихъ біографическихъ работы о Некрасовѣ— А. М. Скабичевскаго и Л. Мельшина. Можетъ-быть, сводка біографическаго матеріала, здѣсь нами сдѣланная, помимо прямой своей цѣли — служить пособіемъ для учащихся и для самообразованія, не останется безполезна и для лицъ, обращающихся къ самостоятельному изученію Некрасова.

Ч. Вѣтринскій.

Хронологическая канва.

11 ноября 1817 г. Въ мѣстечкѣ Юзвинѣ Винницкаго уѣзда, Подольской губерніи «двадцать восьмаго егерскаго полка, третьей бригады адъютантъ поручикъ Алексій Сергіевъ сынъ Некрасовъ грекороссійскаго исповѣданія, титулярнаго совѣтника Андрея Симеонова Закревскаго съ дочерью дѣвицею Еленою того же исповѣданія по Учиненіи въ церкви предъ народомъ троекратныхъ извѣщеній и по взятіи указаннаго обыска винницкимъ повѣтовымъ протоіереемъ Петромъ Вилентіемъ первымъ бракомъ вѣнчаны».

1821 г. 22 ноября родился Николай Алексѣевичъ Некрасовъ въ томъ же Винницкомъ уѣздѣ.

Вскорѣ выходъ А. С. Некрасова въ отставку и переѣздъ въ родовое село Грешнево, Ярославской губерніи.

1832 г. Н. А. Некрасовъ поступаетъ въ ярославскую гимназію.

1838 г. Поѣздка въ Петербургъ для поступленія въ Дворянскій полкъ.

— Въ сентябрской книжкѣ «Сына Отечества» (Н. Полевого) напечатано стихотвореніе Некрасова «Мысль».

1839—1841 г. Некрасовъ вольнослушатель университета. Годы нужды.

1840 г. Первый сборникъ стихотвореній Некрасова «Мечты и звуки» подъ иниціалами «Н. Н.». Отзывъ Жуковскаго.

— Сотрудничество въ «Пантеонѣ» Ѳ. Кони. «Макаръ Осиповичъ Случайный", первый печатный разсказъ Некрасова («Пантеонъ», № 5).

1841 г. 29 іюля. Кончина матери Некрасова.

— Водевили Некрасова подъ псевдонимомъ Перепельскаго съ его же куплетами: «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», «Ѳ. А. Бобъ», «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису» и др.

1842 г. Переводъ и постановка на сценѣ французской мелодрамы. «Материнское благословеніе» или «Бѣдность и честь».

1843 г. Первый сборникъ, составленный Некрасовымъ: «Статейки, въ стихахъ безъ картинокъ» («Говорунъ»).

— «Современная Ода» и др., преимущественно сатирическія стихотворенія. «Необыкновенный завтракъ» и др. разсказы.

— Знакомство съ Бѣлинскимъ.

1845 г. Фельетоны «Дагерротипъ» въ «Литературной Газетѣ» Краевскаго.

— «Физіологія Петербурга, составленная изъ трудовъ русскихъ литераторовъ», подъ редакціею *Н. Некрасова*. Съ политипажами. Спб. 2 части. Содержаніе. Ч. I. Вступленіе. Петербургъ и Москва. *В. Г. Бѣлинскаго*.—Петербургскій дворникъ, *В. И. Луганскаго* (Даля).—Петербургскіе шарманщики, *Д. В. Григоровича*.—Петербургская сторона, *Е. П. Гребенки*.—Петербургскіе углы, *Н. А. Некрасова*.—Ч. II. Александринскій театръ, соч. *Театрала ex officio* (Бѣлинскаго).—Чиновникъ, *Н. А. Некрасова*.—Омнибусъ, *А. Я. Кульчицкаго* (Говорилина).—Петербургская литература, *В. В.* (Бѣлинскаго).—Лотерейный балъ, *Д. В. Григоровича*.—Петербургскій фельетонистъ, *И. И. Панаева*.

1846 г. Альманахъ Некрасова «Первое апрѣля» (эпиграмма на Булгарина «Онъ у насъ осьмое чудо», принадлежащая Некрасову и др.).

— «Въ дорогѣ», привѣтствованное Бѣлинскимъ. «Передъ дождемъ», «Огородникъ», «Въ невѣдомой глуши», «Родина».

— «Петербургскій сборникъ», изданный *Некрасовымъ*. Спб. 1846. Содержаніе: Бѣдные люди, романъ *Ѳ. Достоевскаго*.—Помѣщикъ, разсказъ въ стихахъ *И. С. Тургенева*.—Капризы и раздумье, *Искандера* (Герцена).—Парижскія увеселенія, *И. И. Панаева*.—Макбетъ, трагедія В. Шекспира, переводъ *А. Кронеберга*.—Мартингалъ (изъ записокъ гробовщика), *кн. В. Ѳ. Одоевскаго*.—Машенька, поэма *Майкова*.—Три портрета, повѣсть *И. С. Тургенева*.—О характерѣ народности въ древнемъ и новѣйшемъ искусствѣ (Бѣлинскаго).—Мелкія стихотворенія: «Тьма» (изъ Байрона), *И. С. Тургенева*; два стихотворенія *А. Н. Майкова*; четыре стихотворенія *Н. Некрасова*: 1. «Въ дорогѣ». 2. «Пьяница». 3. «Отрадно видѣть»... 4. «Колыбельная пѣсня»; Римская элегія, Гете (XII), пер. *И. С. Тургенева;* Mой autographe, *гр. В. А. Соллогуба*. — Мысли и замѣтки о русской литературѣ, *В. Г. Бѣлинскаго*.

1847 г. Совмѣстное съ И. Панаевымъ изданіе и редактированіе «Современника», арендованнаго у Плетнева.—Недоразумѣнія изъ-за редакціи съ Бѣлинскимъ.

— «Ѣду ли ночью по улицѣ темной», «Я за то глубоко презираю себя».

— Разложеніе московскаго круга западниковъ. Отъѣздъ Герцена.

1848 г. Февральская революція во Франціи. Цензурныя гоненія въ Россіи. Смерть Бѣлинскаго, 26 мая.

— «Три страны свѣта», романъ *Некрасова и Станицкаго* (А. Я. Головачевой-Панаевой).

1849 г. Статья въ мартовской книжкѣ «Современника» «О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи», повлекшая за собою отставку министра народнаго просвѣщенія гр. С. Уварова.

1851 г. «Мертвое Озеро», романъ Некрасова и Станицкаго.—«Муза», Некрасова.

1852 г. Смерть Гоголя.—«Блаженъ незлобивый поэтъ».

1853 г. «Памяти пріятеля» (Бѣлинскаго). «Послѣдняя элегія». Болѣзнь.

1853—1862 гг. Чернышевскій въ редакціи «Современника».

1854 г. Начало войны. «Внимая ужасамъ войны». «Власъ».

— Въ концѣ года отъѣздъ за границу для лѣченія.

1855 г. За границей. Лѣто 1855 г. въ Петербургѣ.—«Саша».

— 18 февраля. Смерть Императора Николая I.

1855—1861 гг. Н. А. Добролюбовъ въ редакціи «Современника».

1856 г. Общій подъемъ литературы и общественной жизни и поэтической дѣятельности Некрасова. Первое изданіе собранія стихотвореній Некрасова (Москва). «Замолкни, Муза мести и печали». «Забытая деревня». «Поэтъ и гражданинъ». «Несчастные».

— Зима 1856—1857 годовъ въ Римѣ.

1857 г. Начало года въ Парижѣ. Возвращеніе въ Россію.—«Тишина», «Убогая и нарядная».

1858 г. «Размышленія у параднаго подъѣзда». «Пѣсня Еремушкѣ». «Въ столицахъ шумъ». «Ночь. Успѣли мы всѣмъ насладиться».

— Цензурное гоненіе за статью К. Д. Кавелина въ «Современникѣ» объ освобожденіи крестьянъ.

1858—1865 гг. Изданіе Некрасовымъ совмѣстно съ Н. В. Гербелемъ полнаго собранія сочиненій Шекспира.

1859 г. Основаніе Литературнаго фонда. Участіе Некрасова въ чтеніяхъ фонда.

1860 г. Второе изданіе стихотвореній Некрасова, разрѣшенное послѣ многихъ препятствій.—Разрывъ съ Тургеневымъ.

— «На Волгѣ» и «Рыцарь на часъ» (отрывки ненаписанной поэмы подъ послѣднимъ заглавіемъ, съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ Валежниковымъ). «Деревенскія новости».

1861 г. 19-е февраля — освобожденіе крестьянъ. «Что ни годъ, уменьшаются силы», «Свобода», «Крестьянскія дѣти», «Похороны», «Коробейники».

— 17-е ноября, кончина Н. Добролюбова. «Двадцатое ноября».

1862 г. Пріостановка «Современника» и «Русскаго Слова» на восемь мѣсяцевъ. Арестъ Чернышевскаго. Пожары въ Петербургѣ.

1863 г. «Зеленый шумъ», «Орина, мать солдатская», «Морозъ-Красный Носъ», «Рыцарь на часъ» (напечатано въ «Современникѣ» подъ заглавіемъ «Безсонница»).

1864 г. Третье однотомное изданіе стихотвореній Некрасова и четвертое въ трехъ томахъ.

1865 г. Новый законъ о печати.—«Газетная». «Пѣсни о свободномъ словѣ».

— 4-е декабря. Второе предостереженіе «Современнику», между прочимъ за помѣщеніе «Желѣзной дороги» Н. Некрасова.

1866 г. 4-е апрѣля. Покушеніе Каракозова на жизнь Александра II.

— Стихи Некрасова въ честь Комиссарова (спасителя Государя) и графа Муравьева-Виленскаго, написанные ради отвода грозы отъ «Современника».

— «Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи»...

— Закрытіе «Современника».

1867 г. Посвященное Некрасову стихотвореніе неизвѣстнаго «Не можетъ быть» и отвѣтъ Некрасова «Неизвѣстному другу».

— Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ. «Медвѣжья охота».

1868 г. Переходъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» въ руки Некрасова, Г. З. Елисѣева и М. Салтыкова.

— Смерть критика Писарева. «Не рыдай такъ безумно надъ нимъ». «Мать».

1869 г. Пятое изданіе стихотвореній Некрасова.

— Полемическая противъ Некрасова, какъ журнальнаго дѣятеля, брошюра: «Матеріалы для характеристики современной литературы»: 1) Литературное объясненіе съ Некрасовымъ М. А. Антоновича и 2) Postscriptum Ю. Г. Жуковскаго.

1869—1873 гг. Шестое изданіе стихотвореній Некрасова, въ 5 частяхъ.

1869—1870 гг. «Дѣдушка».

1871 г. «Недавнее время». «Сыны народнаго бича».

1871—1872 гг. «Русскія женщины». «Кузнецъ».

1873 г. Поѣздка за границу для лѣченія.

1873—1874 гг. Полное собраніе стихотвореній въ 6 частяхъ.

1873—1874 гг. Самарскій голодъ. Сборникъ «Складчина». «Три элегіи».

1874—1876 гг. «Кому на Руси жить хорошо».

1874 г. «Ночлеги». «Горе стараго Наума». «Уныніе».

1875 г. Начало предсмертной болѣзни.

— «Современники».

1876 г. Движеніе въ пользу освобожденія славянъ («Русь» Некрасова въ IV части „Кому на Руси жить хорошо»). «Сѣятелямъ».

1877 г. «Послѣднія пѣсни Н. А. Некрасова» (1874—1877). „Мать». «Затворница», «Приговоръ», «Баюшки-баю» (мартъ «Отеч. Зап.»).

— 12 апрѣля. Операція Бильрота, отсрочившая кончину.

— 27 декабря. Кончина Некрасова.

— 30 декабря. Похороны въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ Петербургѣ.

Н. А. Некрасовъ.

Жизнь, личность и творчество.

1.

Разсказы и воспоминанія современниковъ и автобіографическія страницы произведеній Некрасова даютъ возможность отчетливо представить ту общественную и психологическую среду, въ которой проходила его жизнь, развивалась личность и сложилось творчество.

Въ первой части поэмы «Несчастные», въ «Родинѣ», въ «Подражаніи Лермонтову» («Въ невѣдомой глуши»), въ незаконченныхъ вещахъ: «Затворница», «Мать» и многихъ другихъ произведеніяхъ поэтъ болѣе или менѣе рѣзкими чертами рисуетъ намъ семейную свою обстановку, воспитавшій его крѣпостной помѣщичій бытъ и тяжкую драму жизни своей матери. Полька по происхожденію, хорошо образованная дѣвушка, она связала судьбу свою съ армейскимъ офицеромъ, впослѣдствіи заурядnымъ помѣщикомъ Ярославской губерніи. Собранные недавно на мѣстѣ, «въ Некрасовщинѣ», разсказы и преданія старожиловъ о семьѣ Некрасовыхъ (см. выдержки изъ статьи г. Ѳ. Смирнова) въ общихъ чертахъ подтверждаютъ тѣ безотрадныя краски, въ какихъ вспоминалась поэту его ранняя жизнь. Некрасовщина была однимъ изъ тѣхъ хозяйственныхъ крѣпостныхъ гнѣздъ, гдѣ иногда расцвѣтала поэзія утонченной культуры духа, — вспомнимъ «Дворянское гнѣздо» Тургенева, но чаще надо всѣмъ

тяготѣла грубоватая рука барина-хозяина, въ ежовыхъ рукавицахъ державшаго семью и мужиковъ. Въ этой обстановкѣ завяла и зачахла мать Некрасова. Къ образу ея множество разъ и всегда съ трогательной любовью обращается поэтъ, начиная отъ первыхъ опытовъ стихотворства (см. въ отдѣлѣ несобранныхъ произведеній —«Красавицѣ») и до послѣднихъ стоновъ его музы. Пережитая ею драма, можетъ-быть, только угадывалась сыномъ; можетъ-быть, эта драма, растянутая на рядъ лѣтъ, протекала не столь остро, какъ представлялась она впослѣдствіи сыну и какъ рисуется она, сгущенная въ памятныя, полныя больного чувства строфы Некрасова. Но если крѣпостные нравы некрасовщины и не выдѣлялись ничѣмъ особо ужаснымъ изъ общаго низкаго уровня уѣздной культуры дореформеннаго времени, все же было здѣсь достаточно такого, что заставило Некрасова возненавидѣть крѣпостническое барство. И онъ возненавидѣлъ его не только за мать, но и за самого себя. Родина, это—край, гдѣ онъ научился «терпѣть и ненавидѣть», гдѣ, говоритъ онъ, «иногда бывалъ помѣщикомъ и я; гдѣ отъ души моей, довременно растлѣнной, такъ рано отлетѣлъ покой благословенный». Очевидно, вліяніе матери, «хрупкаго, худенькаго, нѣжнаго существа», не всегда имѣло достаточно власти надъ душой мальчика, да притомъ съ десяти съ небольшимъ лѣтъ росшаго уже наполовину внѣ семьи. Съ 1832 года Некрасовъ учится въ Ярославской гимназіи; ея онъ, однако, не кончилъ, вслѣдствіе столкновеній съ гимназическимъ начальствомъ изъ-за какихъ-то сатирическихъ и скабрезныхъ стихотвореній по адресу этого начальства.

Въ 1838 году Некрасовъ ѣдетъ въ Петербургъ, посланный отцомъ въ дворянскій полкъ (кадетскій корпусъ), но мечтая, подъ вліяніемъ совѣтовъ матери, попасть въ университетъ (см. разсказъ объ этомъ Н. Г. Чернышевскаго). Это намѣреніе поссорило юношу съ

отцомъ, который и отказалъ сыну въ какой бы ни было матеріальной поддержкѣ. Но въ университетъ, несмотря на встрѣченное имъ сочувствіе многихъ лицъ, совершенно не подготовленному юношѣ такъ и не удалось попасть на правахъ студента (см. объ этомъ разсказы о раннихъ годахъ Некрасова), а только вольнослушателемъ, и вмѣсто продолженія образованія пришлось думать о какомъ-либо заработкѣ. Юноша, явившійся въ столицу съ тетрадями стихотворныхъ упражненій, естественно обратился къ мысли о литературѣ. Уже въ осенней книжкѣ «Сына Отечества» 1838 года появляется его первое произведеніе, стихотвореніе «Мысль», при чемъ редакторъ журнала, Николай Полевой, помѣщая стихотвореніе за полной подписью автора «Н. Некрасовъ», сопроводилъ стихи примѣчаніемъ, что это «первый опытъ начинающаго шестнадцатилѣтняго поэта». Но поэзія, конечно, не могла, тѣмъ болѣе въ тѣ годы едва начинавшагося развитія литературы, какъ профессіи, питать и кормить начинающаго писателя. Идутъ нѣсколько лѣтъ тяжелой нужды, прерываемой иногда скуднымъ присыломъ средствъ отъ матери, иногда случайнымъ заработкомъ или, наконецъ, участіемъ въ болѣе или менѣе блестящемъ и разгульномъ времяпрепровожденіи болѣе богатыхъ товарищей по университету или случайныхъ знакомыхъ. Объ этомъ періодѣ жизни поэта краснорѣчиво говорятъ какъ приводимый въ настоящей книгѣ разсказъ Бѣлоголовaго о знакомствѣ Некрасова съ будущимъ государственнымъ дѣятелемъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, такъ и воспоминанія самого Некрасова, переданныя имъ въ разное время разнымъ лицамъ и вполнѣ между собою гармонирующія (см. воспоминанія Суворина, статью о «литературныхъ дебютахъ Некрасова» и т. п.). Даже тогда, когда Некрасовъ уже обратилъ на себя вниманіе въ литературныхъ и артистическихъ кругахъ, какъ усердный работникъ, долго его положеніе было далеко

отъ мало-мальски сноснаго. По сообщенію артиста М. И. Писарева («Новости», 1902 г., 25 декабря), режиссеръ Императорскихъ театровъ Н. И. Куликовъ, у котораго Некрасовъ въ молодости часто бывалъ въ качествѣ поставщика водевилей, разсказывалъ, что Некрасовъ въ сильный морозъ часто являлся къ нему какъ бы весь застывшій отъ холода, безъ верхняго пальто, безъ калошъ, безъ всякихъ признаковъ верхняго бѣлья, съ шарфомъ на шеѣ. Въ эти годы онъ и потерялъ настоящее свое здоровье.

Такъ Некрасовъ на себѣ самомъ испыталъ всю оборотную сторону жизни, видѣлъ въ то же время счастливцевъ въ жизненномъ пиру, и вотъ начинается въ теченіе ряда лѣтъ упорная борьба за завоеваніе не только славы, какая могла мерещиться и дѣйствительно мечталась юношѣ, но и обезпеченнаго матеріальнаго положенія.

Въ статьѣ «Литературные дебюты Некрасова» Горленка (см. отдѣлъ воспоминаній) дано понятіе о всемъ разнообразіи литературнаго труженичества, которое прошелъ Некрасовъ, набивая руку въ качествѣ фельетониста, поставщика повѣстей для журналовъ и водевилей для театровъ. Огромное количество имъ въ это время исписанной бумаги стоитъ внѣ литературы, забыто по заслугамъ и представляетъ интересъ лишь въ качествѣ матеріала для сужденій о развитіи личности и творчества Некрасова, да по немногимъ автобіографическимъ чертамъ, обнаруживаемымъ при внимательномъ изученіи всего этого матеріала. Таковъ и первый сборникъ Некрасова, выпущенный по совѣту Жуковскаго безъ имени автора, а только подъ буквами Н. Н. подъ заглавіемъ «Мечты и звуки». Сборникъ былъ встрѣченъ въ общемъ довольно благосклонно, какъ произведеніе автора, подающаго надежды. Но выпускъ подобнаго сборника, изданіе котораго устроили друзья (Бенецкій и др.), сравнительно съ рядовою работой,

какою кормился Некрасовъ, былъ, конечно, праздникомъ въ его жизни. Обычно, онъ редактировалъ чужія рукописи, напр., о пчеловодствѣ въ отношеніи слога (разсказъ Григоровича); поставлялъ азбуки и лубочныя сказки, и такъ составилъ дубовыми виршами сказку для издателя Полякова «Баба-Яга»; еле разбирая по-французски, приспособлялъ къ сценѣ переводныя драмы и водевили (вставляя въ нихъ бойкіе куплеты); писалъ повѣсти и драмы изъ иностранной жизни; приноравливался къ господствующему вкусу тогдашней мелкой столичной прессы и публики Александринскаго театра. Писаніе рецензій о всевозможныхъ книжкахъ было еще дѣломъ, пожалуй, наиболѣе полезнымъ для умственнаго развитія начинающаго писателя: «разбирать приходилось, — разсказывалъ Н. А.,— всякія книги, какія только попадались подъ руки, не однѣ художественныя, но подчасъ и самыя ученыя. Собственныхъ-то благопріобрѣтенныхъ знаній на это, конечно, не хватало: зато выручала Публичная библіотека. Пойдешь туда, подымешь всю ученость по предмету книги, ну и ничего, сходило съ рукъ» (біогр. очеркъ А. Скабичевскаго).

Университетъ Некрасовъ бросилъ посѣщать въ качествѣ вольнослушателя, говорятъ, потому, что проф. А. В. Никитенко, лекціи котораго по русской словесности охотно слушалъ Некрасовъ, на одной изъ нихъ весьма жестоко осудилъ его «Мечты и звуки». Впослѣдствіи Некрасовъ, подобно Гоголю, уничтожавшему своего Ганса Кюхельгартена, скупалъ и истреблялъ «Мечты и звуки». И такъ же сурово относился онъ впослѣдствіи къ первымъ своимъ стихотворнымъ, уже болѣе удачнымъ опытамъ сороковыхъ годовъ, ревниво оберегая отъ нихъ собранія своихъ стихотвореній. Эта требовательность къ себѣ была развита въ Некрасовѣ, конечно, вліяніемъ Бѣлинскаго. Съ критикомъ онъ познакомился и сошелся вскорѣ довольно близко—около 1843 года.

Въ это время Некрасовъ обратилъ на себя вниманіе въ немногочисленныхъ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ уже не только, какъ человѣкъ неутомимо пишущій, но и какъ предприниматель. Въ 1843 году выходитъ его первый сборникъ «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ», гдѣ помѣщенъ былъ фельетонъ въ стихахъ «Говорунъ» на столичныя злобы дня. Это было начало небольшихъ литературныхъ спекуляцій въ томъ духѣ, который тогда обуялъ было прикосновенныхъ къ печати людей и выражался наплывомъ легковѣсныхъ альманаховъ, непосильныхъ предпріятій въ родѣ «Энциклопедическаго словаря» Плюшара и т. п. Разсказы Панаева и его жены А. Я. Головачевой-Панаевой (см. въ отд. воспом.) передаютъ о двойственномъ отношеніи Бѣлинскаго къ Некрасову. Съ одной стороны, онъ, великій безсребренникъ, не безъ иронiи относится къ Некрасову, какъ къ человѣку, который своею ловкостью и оборотистостью не преминетъ составить капиталецъ. Это чувство съ оттѣнкомъ большой горечи выразилось въ письмѣ Бѣлинскаго къ Тургеневу, гдѣ критикъ говоритъ, что Некрасовъ дѣйствуетъ въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ, основываясь на объективномъ правѣ, «а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не дорось, а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности»... Съ другой стороны, Бѣлинскій увлеченъ Некрасовымъ, особенно его стихотвореніемъ «Въ дорогѣ» и повѣстью «Петербургскіе углы»; горячо защищаетъ его отъ нападокъ своихъ старыхъ литературныхъ товарищей; помогаетъ успѣху его сборниковъ; заговариваетъ о немъ съ жаромъ въ нѣкоторыхъ печатныхъ статьяхъ. Высоконастроенная лирическая душа Бѣлинскаго въ этотъ періодъ всецѣло отдана соціальнымъ симпатіямъ. Эта тяга къ міру униженныхъ и обиженныхъ и защита и пропаганда такъ называемой «натуральной школы», несомнѣнно, очень повліяли на Некрасова. Это осла-

било въ немъ, какъ поэтѣ, прежнія условно-романтическія настроенія сборника «Мечты и звуки» и поселило въ душѣ молодого писателя-предпринимателя опредѣленныя гражданскія настроенія. Быть-можетъ, они уже и искали только случая для выявленія на свѣтъ, поддерживаемыя воспоминаніями о матери, а можетъ-быть, и заглохли бы въ погонѣ за предпринимательскимъ успѣхомъ, если бы не Бѣлинскій. Огромное впечатлѣніе, произведенное на Некрасова личностью Бѣлинскаго, лучше всего свидѣтельствуется, конечно, трогательными стихотвореніями, посвященными его памяти: «Памяти пріятеля», отрывокъ изъ «Медвѣжьей охоты» и длиннымъ стихотвореніемъ пятидесятыхъ годовъ «Бѣлинскій» (см. въ отд. несобранныхъ произведеній), подчеркивающимъ общественно-реформаторское вліяніе Бѣлинскаго. Въ кружкѣ Бѣлинскаго Некрасовъ нашелъ и другихъ людей, съ которыми сталъ болѣе или менѣе близокъ. Первое мѣсто принадлежитъ здѣсь, конечно, впослѣдствіи столь рѣзко ему враждебному Тургеневу (см. письма Тургеневу). Вообще, о вліяніи круга Бѣлинскаго на Некрасова можно напомнить слова критика въ одномъ изъ его писемъ: «Я встрѣчалъ и внѣ нашего круга людей прекрасныхъ, которые дѣйствительнѣе насъ; но нигдѣ не встрѣчалъ людей съ такою ненасытимою жаждою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностью самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы. Вотъ отчего все къ намъ льнетъ, все подлѣ насъ измѣняется» (8 сент. 1841 г.). Такъ и Некрасовъ прильнулъ къ Бѣлинскому. Готовыя угаснуть идеалистическія настроенія раннихъ лѣтъ, любовь къ матери и ея завѣты,—все осмыслилось новымъ свѣтомъ, и Некрасовъ выросъ до той высоты, внѣ которой не могъ бы, вѣроятно, стать Некрасовымъ-поэтомъ.

Къ концу сороковыхъ годовъ Некрасовъ уже выступаетъ въ качествѣ соиздателя, вмѣстѣ съ И. И. Панае-

вымъ, журнала «Современникъ». Первоначальный блескъ журналу придали имя и сотрудничество Бѣлинскаго, а они привлекли съ собой Герцена, Достоевскаго, Гончарова, Тургенева, Григоровича и др. корифеевъ сороковыхъ годовъ. По смерти Бѣлинскаго начался глухой періодъ цензурныхъ гоненій. Проводить журналъ сквозь всѣ мытарства и не дать ему окончательно упасть стоило большихъ усилій и трудовъ, о чемъ говорится и въ письмахъ Некрасова, и въ разсказахъ Головачевой-Панаевой, и въ дневникѣ цензора Никитенка. Вообще, много крови и желчи стоила Некрасову эта неутомимая, начиная съ первыхъ сборниковъ, борьба — мелкая, ползучая, ежедневная — съ цензурой и закулисными на печать вліяніями, въ то время особливо сильными. Не пустой фразой были слова его въ письмѣ Льву Толстому, что цензурныя урѣзки въ статьѣ Толстого испортили ему «послѣднюю кровь», что не можетъ думать объ этомъ «безъ тоски и бѣшенства». Заключительный штрихъ въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ С. Терпигорева (см. въ отд. воспомин.) — подмѣченное въ глазахъ Некрасова, когда онъ однажды разразился противъ цензуры, выраженіе, напоминавшее выраженіе глазъ смертельно раненаго звѣря—какъ нельзя лучше обрисовываетъ, чѣмъ была для Некрасова, и какъ журналиста и какъ поэта, цензура. Безспорной и крупной заслугой Некрасова предъ русскимъ обществомъ было то, что въ «Современникѣ» и потомъ, по его закрытіи въ 1866 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» онъ неизмѣнно проводилъ сквозь игольныя уши цензуры цѣнный грузъ демократическихъ идей, новыхъ общественно-политическихъ настроеній и научныхъ общественныхъ знаній, объединяя около журнала лучшія литературныя силы (Л. Толстого, Тургенева, Дружинина, Авдеева, Гончарова, позднѣе Салтыкова, Г. Успенскаго и др.).

Популярность Некрасова, какъ журналиста и поэта, произведенія котораго постоянно печатались въ «Современникѣ», была уже вполнѣ прочна къ тому подъему общественно-литературной жизни, какой отмѣтилъ собою начало царствованія императора Александра II. Въ то время, какъ тяжело больной (пораженіемъ горла, навсегда лишившимъ его звучнаго голоса), Некрасовъ лѣчился въ Римѣ,—въ Москвѣ, въ 1856 году, вышло и имѣло огромный успѣхъ его первое, съ трудомъ разрѣшенное, собраніе стихотвореній (см. письма Тургеневу). Некрасова своимъ признала прежде всего та разночинная молодежь, которая въ эти годы стала вытѣснять собою, все быстрѣе и больше, прежнюю, преимущественно дворянскую интеллигенцію. Одинъ изъ этой молодежи, Н. Н. Златовратскій, вспоминая о Некрасовѣ, какъ поэтѣ шестидесятыхъ годовъ, говоритъ: «Мы, юное поколѣніе, ни въ одномъ изъ прежнихъ поэтовъ не находили такого бодрящаго и возвышающаго настроенія, какъ у Некрасова, несмотря на то, что уже въ то время онъ самъ называлъ свою музу «печальной спутницей печальныхъ бѣдняковъ, рожденныхъ для труда, страданій и оковъ» («Журн. д. вс.», 1903, № 11). И этой популярности суждено было неуклонно расти долгіе годы.

Измѣнившіяся условія общественности между тѣмъ выдвинули новые интересы и новыя настроенія. Споры западничества и славянофильства сходятъ со сцены и прежде единое западничество замѣтно распадается. Въ обществѣ и печати возникали все новые и болѣе сложные вопросы. Некрасовъ, на порогѣ этого поворота русской жизни, вводитъ въ составъ редакціи «Современника» Чернышевскаго и Добролюбова, видя въ нихъ продолженіе литературной традиціи Бѣлинскаго, и предоставляетъ имъ въ своемъ журналѣ (Панаевъ, умершій въ 1862 г., послѣдніе годы фактически отстранился отъ редакторства) преобладающую роль.

Это повело къ разрыву Некрасова съ прежнимъ кругомъ сотрудниковъ журнала (см. воспоминанія А. Н. Пыпина), что было не легкимъ для него дѣломъ по давности и тѣснотѣ дружескихъ связей, особенно съ Тургеневымъ. Во вспыхнувшей тогда острой розни «отцовъ и дѣтей» Некрасовъ сталъ на сторону «дѣтей», т.-е. того разночиннаго молодого поколѣнія, которое смѣняло собою старшее поколѣніе западниковъ сороковыхъ годовъ. И позднѣе онъ идетъ рука объ руку съ этимъ поколѣніемъ, и когда радикальное теченіе этого новаго слоя приняло рѣзкую окраску народничества, онъ самъ, уже признанный въ это время «народный поэтъ», ведетъ «Отечественныя Записки» въ народническомъ духѣ и строѣ.

Къ шестидесятымъ годамъ въ рукахъ Некрасова былъ уже, дѣйствительно, нѣкоторый капиталъ, какъ предсказывалъ Бѣлинскій. Положеніе литературнаго хозяина, въ то же время редактора журнала, стоящаго въ центрѣ общественно-литературной борьбы мнѣній, вызывало столкновеніе разнообразныхъ интересовъ, иногда весьма мелочныхъ и случайныхъ. Около имени популярнаго писателя завязывается столько толковъ и сплетенъ, мутныхъ и противорѣчивыхъ, что даже, казалось одно время, репутація самого журнала, особенно по смерти Добролюбова и заточеніи Чернышевскаго, сильно пострадаетъ. Слишкомъ на виду для сплетни лежала самая жизнь «пѣвца народнаго горя», широкая жизнь избалованнаго барича, ведущаго вдобавокъ азартную карточную игру. Недоумѣніе предъ неразгаданной личностью поэта, обвиняемаго въ неискренности его поэзіи, было тогда выражено, между прочимъ, въ стихотвореніи «Не можетъ быть» неизвѣстнаго лица (см. въ отдѣлѣ несобр. произв. Некрасова). Послѣ Каракозовскаго покушенія на жизнь Александра II обострились отношенія къ печати и въ частности къ «Современнику» со стороны правительства. Рискуя

репутаціей журнала въ глазахъ его радикальныхъ читателей, Некрасовъ напечаталъ въ «Соврем.» стихотвореніе въ честь спасителя Александра II, Комиссарова. Если сопоставить это довольно плохое и натянутое стихотвореніе (см. отдѣлъ несобр. произв.), напр., съ напечатанными въ 1856 г. въ журналѣ и выпущенными въ собраніи стихотвореній строфами «Тишины» въ честь Александра II (см. тамъ же) или другими мѣстами сочиненій Некрасова, гдѣ онъ неизмѣнно высоко и искренно ставитъ на пьедесталъ личность Александра II, то этотъ шагъ можно объяснить въ пользу Некрасова: въ это время и Герценъ въ «Колоколѣ» рѣзко осудилъ актъ Каракозова. Напротивъ того, совершенно явный характеръ сознательной лести носили стихи въ честь всесильнаго тогда графа Муравьева-Виленскаго (см. отд. несобр. произв.). Послѣдній велъ слѣдствіе по дѣлу Каракозова и грозилъ жестокими репрессіями журналистикѣ. Самъ временщикъ, когда Некрасовъ на обѣдѣ 16 апр. 1866 г. прочелъ ему эти несчастные стихи, обошелся съ поэтомъ крайне сухо и посовѣтовалъ ихъ не печатать. «Москов. Вѣдом.» (№ 84, отъ 21 апр.) злорадно сообщали, будто во время бесѣды Некрасовъ, обращаясь къ графу, повторялъ: «Да, ваше сіятельство, нужно вырвать это зло («вредныя ученія») съ корнемъ». Чрезъ короткое время «Современникъ» былъ закрытъ, такъ что попытка подкупить Муравьева этимъ способомъ и спасти журналъ,—а можетъ-быть, Некрасовъ боялся и лично за себя, — оказалась совершенно безцѣльной (см. въ воспоминаніяхъ П. М. Ковалевскаго). Но на душѣ Некрасова остался тяжелый самоупрекъ, а у многочисленныхъ его враговъ—лишній и убѣдительный поводъ къ нареканіямъ и поношенію... Слѣдуетъ сказать, что смыслъ стиховъ Некрасова въ честь Муравьева былъ въ устной передачѣ совершенно искаженъ. Даже близкіе Некрасову люди, какъ сотрудникъ «Современника» Елисеевъ (см. отд. воспоми-

наніи), были увѣрены, что въ нихъ Некрасовъ призывалъ Муравьева просто-напросто къ карамъ противъ радикальной интеллигенціи; въ дѣйствительности, пресловутое стихотвореніе говоритъ, въ условно націоналистическомъ шаблонномъ стилѣ, о заслугахъ Муравьева въ укрощеніи польскаго возстанія.

Однимъ изъ любимыхъ средствъ Некрасова для отдыха отъ тревогъ журнальной дѣятельности и вообще городской жизни были лѣтнія поѣздки на родину, гдѣ онъ со страстью отдавался охотамъ и набирался новыхъ освѣжающихъ впечатлѣній въ столкновеніяхъ съ народной жизнью. Мѣстомъ его лѣтнихъ охотъ были луга смежныхъ губерній—Ярославской, Костромской и Владимирской, а также пустыри и болота Новгородской губерніи, гдѣ онъ завелъ подъ Чудовымъ, у деревеньки Чудовская Лука, охотничью дачу, куда наѣзжалъ и лѣтомъ и зимою. Сохранившіеся разсказы объ охотничьей страсти Некрасова рисуютъ его, какъ широко-хлѣбосольнаго и щедраго барина, не считавшаго денегъ и раздававшаго ихъ встрѣчному и поперечному за пустыя услуги. Встрѣчи и похожденія охотничьей жизни, съ переѣздами изъ деревни въ деревню, не разъ давали ему матеріалъ для художественнаго воспроизведенія. Онъ говаривалъ, что самый талантливый процентъ изъ русскаго народа отдѣляется въ охотники. По разсказу его сестры послѣ охотничьихъ поѣздокъ были имъ написаны «Коробейники», «Крестьянскія дѣти»; «Орина, мать солдатская» сама разсказывала ему свою жизнь, и т. п. (см. біогр. очеркъ А. Скабичевскаго).

Но въ то время, когда талантъ Некрасова окрѣпъ и развернулся вполнѣ, когда уже писалось «Кому на Руси жить хорошо», здоровье, подорванное въ молодости и расшатываемое часто весьма безпорядочной и неправильной жизнью, тогда, когда пришли обезпеченіе и богатство, стало измѣнять. Онъ замѣтно старѣлъ и хилѣлъ. Съ 1875 года появились признаки болѣзни,

сведшей его въ могилу: это былъ ракъ въ кишкахъ, выражавшійся жесточайшими болями. Осень 1876 года Некрасовъ провелъ въ Крыму, но безъ особой пользы. Здѣсь онъ, однако, могъ еще написать четвертую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо», но былъ удрученъ невозможностью тогда же напечатать это произведеніе, и однажды встрѣтилъ пользовавшаго его врача Бѣлоголоваго словами: «Вотъ оно, наше ремесло, литература! Когда я началъ свою литературную дѣятельность и написалъ первую свою вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами; прошло съ тѣхъ поръ тридцать семь лѣтъ, и вотъ я, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе и опять-таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами»...

Въ началѣ 1877 г. появились сборникъ «Послѣднія пѣсни» и въ «Отечественныхъ Записках» стихотворенія Некрасова, говорившія о его страданіяхъ, о близкой смерти. Горечь мысли о томъ, что онъ умираетъ «настолько же чуждымъ народу, какъ жить начиналъ», была смягчена неожиданнымъ и глубоко трогавшимъ и волновавшимъ умирающаго наплывомъ писемъ и привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи и часто изъ самыхъ глухихъ мѣстъ, съ самыми нѣжными и теплыми выраженіями благодарной любви къ поэту. Возбужденный этимъ, онъ охотно сталъ вспоминать и разсказывать различные эпизоды своей жизни, не исключая и тѣхъ, которые пятнами лежали на его жизни и которые онъ теперь старался, видимо, обѣлить. Онъ диктовалъ также наброски своей автобіографіи (не напечатаны) и велъ урывками дневникъ (см.).

Весною 1877 года была произведена больному операція, отсрочившая кончину на нѣсколько мѣсяцевъ, также прошедшихъ въ неисходной борьбѣ съ физическими страданіями. Въ началѣ декабря Некрасовъ могъ еще писать кое-что. Роковая развязка пришла 27 декабря 1877 года въ 8 часовъ 50 мин. вечера. Похороны

происходили 30 декабря въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ. Несмотря на чрезвычайно морозный день, они представили зрѣлище, необыкновенно внушительное и торжественное по единодушію, съ какимъ собрались и проводили гробъ поэта толпы молодежи и представители литературнаго и всего образованнаго міра.

2.

Личность Некрасова вызывала и вызываетъ множество противорѣчивыхъ сужденій.

Рядъ лицъ охотно говоритъ о скрытности характера и сумрачной сдержанности Некрасова, крайне рѣдко и неохотно допускавшаго въ свое внутреннее «я» чужихъ. Выраженія самого Некрасова въ письмѣ Лазаревскому, записка Ефремову (см. письма) какъ бы вполнѣ подтверждаютъ этотъ взглядъ на характеръ Некрасова, какъ прежде всего замкнутый въ себѣ. Это высказано въ воспоминаніяхъ Михайловскаго и другихъ лицъ. Но изъ лицъ, болѣе или менѣе близко знавшихъ Некрасова *съ давнихъ поръ*, объ этой его чертѣ опредѣленно говоритъ одинъ Достоевскій: «Характеръ его замкнутый, почти мнительный, мало сообщительный. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ всегда казался» («Дневн. пис.», 1877, янв.). И, однако, Достоевскій разсказалъ въ связи съ исторіей своихъ «Бѣдныхъ людей», какъ восторженно и свѣтло встрѣтились они въ моментъ энтузіазма Некрасова по прочтеніи этой первой повѣсти Достоевскаго. Такіе моменты были у Некрасова и со многими другими лицами. Въ противоположность Михайловскому, Достоевскому и другимъ, знававшій Некрасова ближе другихъ Чернышевскій говоритъ о немъ не только съ глубокимъ уваженіемъ, но и съ теплой любовью, какъ къ человѣку вполнѣ открытому и искреннему. Категорическое заявленіе Чернышевскаго (см. въ отд. воспоминаній), что въ Некрасовѣ «ровно ничего

«загадочнаго» не было», сопровождается опредѣленнымъ указаніемъ, что онъ, Чернышевскій, не помнитъ ни одного случая, когда бъ Некрасовъ уклонился отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ... «Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный»...

Опредѣленное мнѣніе Чернышевскаго имѣетъ особую цѣну. За сороковые—пятидесятые годы, кромѣ упомянутаго уже свидѣтельства Достоевскаго, предъ которымъ раскрылась вдругъ и очаровала его душа Некрасова, имѣемъ рядъ опредѣленныхъ данныхъ въ томъ, что это не были случаи единичные. Неискренняя натура едва ли могла бы такъ увлечь Бѣлинскаго и Тургенева, какъ это было на дѣлѣ. Переписка Некрасова съ Тургеневымъ говоритъ сама за себя своимъ открытымъ дружескимъ тономъ и прямотою, по ней трудно заподозрѣвать, что человѣкъ прячетъ какія бы ни было заднія мысли или расчеты.

Вотъ еще разсказъ человѣка, много разъ имѣвшаго дѣло съ Некрасовымъ, именно извѣстнаго поэта-переводчика Петра Вейнберга, который былъ рекомендованъ Некрасову Дружининымъ въ 1858 году. «Это былъ въ высшей степени привѣтливый, прямо обаятельный человѣкъ; онъ могъ обласкать и пригрѣть. Прямой, временами даже рѣзкій, Некрасовъ не стѣснялся въ выраженіяхъ своихъ симпатій, и если любилъ кого, то любилъ всею силою своей прекрасной души; но ужъ если не понравится ему кто, то не только холодомъ, прямо льдомъ обдавалъ его... Человѣкъ, сравнительно мало образованный, Некрасовъ обладалъ прекраснымъ критическимъ и художественнымъ чутьемъ, онъ съ поразительной вѣрностью отмѣчалъ талантливыхъ людей и всегда оказывалъ имъ широкое содѣйствіе. Но людей бездарныхъ, такъ или иначе желавшихъ пристроиться къ печатному слову, Некрасовъ не переносилъ, не вступалъ съ ними ни въ какія сношенія и всегда въ глаза говорилъ имъ: «Литературѣ вы не нужны, ищите

себѣ другое поприще». Рѣшетникова замѣтилъ Некрасовъ, поддерживалъ его, ухаживалъ за нимъ и лелѣялъ каждую строку, написанную этимъ писателемъ... Отношеніе Некрасова къ сотрудникамъ «Современника» было прямо-таки идеальное» («Новости», 1902, отъ 21 декабря).

Совершенно ясенъ былъ Некрасовъ и Л. Толстому, которому нравился больше, нежели другіе члены стараго кружка «Современника»: «Въ немъ не было никогда ненавистнаго мнѣ лицемѣрія. Этого въ немъ никогда не было. Напротивъ, въ немъ зачастую прорывались скорѣе грубоватость и нѣкоторый цинизмъ, нежели притворство» (П. Сергѣенко, «Л. Толстой и его современники», сборникъ «Образованія»: Л. Н. Толстой. М. 1910, стр. 138). Черта нѣкотораго цинизма даже поражала иногда отталкивающимъ образомъ: «Некрасовъ пріѣзжалъ больной и непріятный,— пишетъ въ 1853 г. Грановскій: — въ немъ много отталкивающаго. Но разъ сталъ онъ намъ читать стихи свои, и я былъ пораженъ непонятнымъ противорѣчіемъ между мелкимъ торгашомъ и глубоко и горько чувствующимъ поэтомъ. Есть вещи необыкновенно хорошія. Впрочемъ, онъ пишетъ мало стиховъ. Не до стиховъ мнѣ, говоритъ онъ». Воспоминанія Ковалевскаго также говорятъ объ этой откровенности, съ какой Некрасовъ готовъ былъ иногда показать себя «не въ лучшемъ видѣ»... Между тѣмъ вотъ рѣзко противоположное свидѣтельство со стороны человѣка, враждебнаго всему западническому кругу «Современника». Въ 1857 году Иванъ Аксаковъ, видѣвшій Некрасова въ Парижѣ, пишетъ о немъ: «Познакомился я на-дняхъ съ Некрасовымъ. Онъ *чрезвычайно робокъ и застѣнчивъ;* въ немъ тоже что-то шевелится (раньше Аксаковъ говорилъ о Тургеневѣ, въ которомъ находилъ «требованіе высшей правды и свободы»). И это что-то возбуждаетъ симпатію больше, чѣмъ самоудовлетворенность «Русскаго Вѣстника» Каткова и др.».

Даже въ окрашенныхъ враждебно (въ злобномъ памфлетѣ М. Антоновича и Жуковскаго, см. воспоминанія Михайловскаго) признаніяхъ антагониста Некрасова мы находимъ чрезвычайно характерныя строки. Они формально винятъ Некрасова въ вопіющемъ лицемѣріи, но по существу рисуютъ образъ человѣка, съ глубокой любовью, заражающей другихъ, съ очаровывающею искренностью преданнаго извѣстнымъ идеямъ и носителямъ этихъ идей. М. Антоновичъ иронически благодаритъ Некрасова за минуты и часы удовольствія, доставленные его задушевными бесѣдами, «въ которыхъ,—пишетъ Антоновичъ,—между прочимъ, вы съ такимъ жаромъ, одушевленіемъ, любовью, даже восторгомъ говорили о людяхъ, которые были дороги намъ и которымъ принадлежала вся наша любовь. Дѣйствительно, чрезвычайно пріятно было видѣть въ васъ, человѣкѣ извѣстнаго поколѣнія, которое враждебно и въ лучшемъ случаѣ недовѣрчиво относилось къ новому времени, столько юношескаго жара и увлеченія первыми представителями и руководителями этого времени... Кромѣ того, во всѣхъ случаяхъ, когда, бывало, выскажется какая-нибудь либеральная мысль или кому-нибудь придетъ въ голову какой-нибудь смѣлый литературный планъ, вы прежде всего поддерживали эту мысль и этотъ планъ... Ваше, хотя и словесное, мужество возбуждало мужество и поддерживало бодрость въ окружавшихъ и слушавшихъ васъ»... «Представители и руководители» новаго времени—это, конечно, Добролюбовъ и Чернышевскій, а мы знаемъ уже, какъ горячо и искренно цѣнилъ лично Некрасова второй изъ нихъ. Эту цѣпь расходящихся справокъ закончимъ, наконецъ, указаніемъ на Глѣба Успенскаго: въ началѣ своей карьеры онъ ставилъ Некрасова, какъ предпринимателя, на одну доску съ Благосвѣтловымъ (см. письма Успенскаго къ невѣстѣ—«Мин. годы», 1908, № 3), прижимистымъ издателемъ «Русскаго Слова»; но въ семи-

десятыхъ годахъ (по приведенному въ отдѣлѣ воспом. разсказу г-жи Починковской), послѣ нечаянной задушевной бесѣды, Успенскій былъ весь потрясенъ раскрывшимся предъ нимъ Некрасовымъ, «завороженъ» имъ, его способностью однимъ взглядомъ всю душу перевернуть...

Такимъ образомъ трудно говорить, какъ о чемъ-то безусловно вѣрномъ, о загадочной сторонѣ въ Некрасовѣ, о томъ таинственномъ чемъ-то, что въ немъ таилось. При благопріятныхъ случаяхъ, предъ симпатичными ему людьми, подходившими къ нему безъ камня за пазухой, онъ развертывался весь, какъ живая, отзывчивая, добрая натура, проявляя и энтузіазмъ, всегда покоряющій сердца, и умъ, которымъ любовались. Но такъ случалось рѣдко, и, вѣроятно, съ годами бывало рѣже и рѣже, и постепенно развивалась складка сумрачной сдержанности, даже нелюдимости. Некрасовъ зналъ огромное множество людей разныхъ положеній, состояній, вліянія, умственнаго и нравственнаго склада, съ которыми бывалъ лишь въ поверхностныхъ дѣловыхъ или внѣшне-дружескихъ отношеніяхъ. Объ этой «внѣшней» дружбѣ онъ говоритъ въ письмѣ Лазаревскому 1873 г. Съ годами въ его сердцѣ накоплялся ядъ горечи по отношенію къ этой пестро мелькавшей предъ нимъ толпѣ, среди нея такъ трудно было найти друга, да подъ старость друзья находятся рѣдко, особенно послѣ тяжелыхъ разрывовъ, какъ было, напр., съ Тургеневымъ... Мизантропическая черта съ годами сильнѣе и сильнѣе пролегала на нравственной физіономіи Некрасова. Объ этой мизантропіи повѣствуетъ, между прочимъ, Ковалевскій, говоря о любви Некрасова къ собакѣ, что подчеркнулъ и самъ Некрасовъ тѣмъ памятникомъ, который онъ поставилъ въ Чудовской Лукѣ своей собакѣ съ надписью: «Здѣсь похороненъ Кадо, черный пойнтеръ. Былъ превосходенъ на охотѣ и незамѣнимый другъ дома, родился 15 іюля

1868 г., убитъ случайно на охотѣ 2 мая 1875 г.». По разсказу г. Жилкина («Спб. Вѣд.», 1902 г., № отъ 27 декабря) мѣстные крестьяне не вѣрятъ, чтобы подъ плитой темно-сѣраго гранита была зарыта только собака: «Полагать надо—кладъ большой зарытъ». Какъ видно, это былъ кладъ горькой увѣренности Некрасова, что только это существо и любило его послѣдніе годы вполнѣ нелицемѣрно и беззавѣтно, безнадежная бездна горечи и разочарованія въ людяхъ...

Эту горечь, накипѣвшую въ сердцѣ Некрасова, выразительно опредѣлилъ и указалъ какъ многое объясняющую въ его нравственной физіономіи, Достоевскій (см. отд. воспоминаній). «Это было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь»... Дѣтство по существу доброй и свѣтлой натуры было отравлено болью за страданія матери. Образъ матери проводилъ его до могилы и неизмѣнно вспоминался, какъ очищающій лучъ свѣта и тепла, но часто онъ былъ и мучительнымъ укоромъ въ нравственныхъ паденіяхъ, какъ воплощеніе требовательной совѣсти. Въ вѣроятномъ безпутствѣ ранней юности Некрасова (намекъ въ «Родинѣ») и въ упорной борьбѣ за существованіе въ молодые годы, вплоть до матеріальныхъ успѣховъ на журнальномъ поприщѣ, было отъ чего поблекнуть романтическимъ порывамъ сборника «Мечты и звуки». Свѣжесть молодости еще чувствуется въ его письмѣ къ сестрѣ (см. отдѣлъ писемъ), но молодость сердца была рано, подъ вліяніемъ оскорбительной нужды, заражена дыханіемъ, по выраженію Достоевскаго, «мрачнаго и унизительнаго бѣса»,—это былъ «демонъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердой стѣной и независимо спокойно смотрѣть на ихъ злость, угрозы»... Почти всѣ знавшіе Некрасова говорятъ объ исклю-

чительно большомъ его умѣ. Направленный въ эту сторону, умъ сослужилъ Некрасову плохую службу, показывая ему оскорбительное ничтожество, мелочность и слабость въ людяхъ, его окружавшихъ, и отсюда доля иногда цинизма, иногда сдержанности, скрытности въ отношеніи къ большинству.

Этимъ пренебрежительнымъ, скептическимъ отношеніемъ къ людямъ объясняется, вѣроятно, и самообладаніе въ азартной карточной игрѣ, вслѣдствіе чего большею частью «освѣжалъ» съ успѣхомъ (см. воспоминанія Ковалевскаго) разныхъ новичковъ, надъ которыми въ душѣ не могъ не смѣяться...

Не былъ никогда прочно счастливъ Некрасовъ и въ любви къ женщинѣ. Довольно много его раннихъ лирическихъ пьесъ посвящено этимъ отношеніямъ, но къ кому относится большая часть ихъ, вѣроятно, останется невыясненнымъ. Эта сторона жизни Некрасова рисуется преимущественно какъ рядъ тяжелыхъ размолвокъ, столкновеній, взаимнаго мученія, осложненнаго то нуждой, то болѣзнями Некрасова. Въ одномъ стихотвореніи, «Давно отвергнутый тобою», поэтъ вспоминаетъ драму, пережитую въ юности на берегахъ Волги, томившую его мысль самоубійства. Даже долгія отношенія къ женѣ Панаева стоили многихъ испорченныхъ несходствомъ характеровъ дней и годовъ, и несомнѣнно, кажется, что женщины внесли въ жизнь Некрасова однимъ изъ тяжелыхъ разочарованій больше. Только на порогѣ предсмертной болѣзни онъ нашелъ существо, отдавшее ему радостно молодую жизнь и ставшее его женой незадолго до смерти. Это — героиня его предсмертныхъ стиховъ «Зина, усни!»

Несчастье Некрасова было въ томъ, что всѣ эти слабыя стороны его печально складывавшейся жизни заняли въ его духовно-нравственной личности совершенно не подобающее мѣсто. Говоря словами Достоев-

скаго, «демонъ осилилъ, и человѣкъ остался на мѣстѣ, и никуда не пошелъ (въ то время, какъ самъ могъ взывать: «уведи меня въ станъ погибающихъ»). За то и заплатилъ страданіемъ, страданіемъ всей жизни». Истиннымъ горемъ и несчастіемъ Некрасова стало то, что, развиваясь духовно, усвоивая чисто героическое міровоззрѣніе радикальной интеллигенціи сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, онъ, ученикъ Бѣлинскаго, другъ Чернышевскаго и Добролюбова, былъ человѣкомъ трезваго скептическаго ума и пріобрѣтенныхъ привычекъ спокойно-барскаго существованія и чувствовалъ себя совсѣмъ не героемъ, а «сыномъ больнымъ больного вѣка». «Недолгая насъ буря укрѣпляетъ, хоть ею мы мгновенно смущены, но долгая навѣки поселяетъ въ душѣ привычки робкой тишины». Некрасовъ, развертывавшій свою издательскую и поэтическую дѣятельность подъ ферулой николаевской цензуры, Бенкендорфовъ и Бутурлиныхъ, невольно усвоилъ эти «привычки тишины», и въ 1866 г., дѣйствительно, могъ опасаться, какъ было въ 1856 г. (см. его письмо Анненкову), и лично за себя, не только за журналъ: онъ и пытался смягчить временщика тѣмъ же способомъ личныхъ обращеній, какими привыкъ пользоваться въ своихъ сношеніяхъ съ обычной цензурой... Упреки въ готовности поступиться гражданскимъ своимъ достоинствомъ, предъявляемые Некрасову, такимъ образомъ являются упреками не только лично ему, но и всему русскому обществу, повинному десятки лѣтъ въ томъ же самомъ. Такъ и самъ Некрасовъ ставилъ вопросъ въ стихотвореніи «Для себя» 24 іюля 1867 (см. отд. несобр. произв.) Но Некрасовъ былъ безусловно искренъ, когда говорилъ, что врагамъ не придумать казни мучительнѣе той, которую онъ самъ носилъ въ сердцѣ. Онъ самъ себя осудилъ строже, чѣмъ можетъ сдѣлать то всякій сторонній судъ, его покаянные вопли вырвались, дѣйстви-

тельно, изъ сердца, и воспоминанія о молодости стояли передъ нимъ, какъ сокрушительно жестокій упрекъ въ измѣнѣ собственнымъ вѣрованіямъ и обѣтамъ (см. «На Волгѣ» и «Рыцарь на часъ», представляющіе отрывки одной большой необработанной поэмы, и многія отдѣльныя мѣста небольшихъ лирическихъ стихотвореній). Достоевскій мѣтко опредѣлилъ въ этомъ отношеніи личность Некрасова, какъ «страстнаго къ страданію» человѣка; Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ рисуетъ поразительную картину этого страданія совѣсти, безмѣрно къ себѣ строгой (см. отд. воспоминаній).

Остается упомянуть еще объ одной личной чертѣ, какъ-то забываемой иногда, когда идетъ рѣчь о выдающемся человѣкѣ. Личная доброта Некрасова была, какъ то часто бываетъ, заслонена талантомъ, умомъ и перетолкована иногда совершенно превратно, будучи прикрыта складкой мизантропіи. Самолюбивый Н. Михайловскій вынесъ тяжелое впечатлѣніе отъ обращенія съ нимъ Некрасова, между тѣмъ въ письмѣ третьему лицу, Краевскому, отъ 27 іюля 1869, Некрасовъ въ это же время очень тепло поручаетъ молодого писателя заботамъ владѣльца «Отеч. Записокъ» и горячо его рекомендуетъ. О добротѣ Некрасова, его мягкомъ сердцѣ напомнили тотчасъ по его смерти Суворинъ и Достоевскій, при чемъ послѣдній былъ увѣренъ въ томъ, что свидѣтельствъ въ этомъ же родѣ должно явиться не мало. Въ воспоминаніяхъ Чернышевскаго мы находимъ это же указаніе, и нѣкоторыя данныя, которыя читатель найдетъ въ воспоминаніяхъ и письмахъ, вполнѣ подтверждаютъ исключительно внимательное отношеніе къ нуждѣ и положенію писателей практическаго Некрасова - предпринимателя.

Много нареканій вызывало на Некрасова, между прочимъ, то, что онъ иногда брался за изданіе произведеній нѣкоторыхъ авторовъ. На этой почвѣ создался,

напр., грубый конфликтъ у Некрасова съ Николаемъ Успенскимъ. Послѣдній ѣздилъ на годъ за границу на счетъ Некрасова въ счетъ прибылей отъ изданія его очерковъ, но вообразилъ, что издатель недобросовѣстно нажился отъ его книги, считалъ себя очень обиженнымъ, разсказывалъ, что Некрасовъ хотѣлъ его застрѣлить изъ ружья, когда онъ сталъ требовать «своихъ» денегъ, и позднѣе о томъ, что былъ будто бы обсчитанъ, не устыдился напечатать въ своихъ воспоминаніяхъ. Въ письмахъ Некрасова имѣются указанія, на какихъ условіяхъ въ дѣйствительности издавалъ онъ иногда чужія книги (записка Г. Успенскому и письмо М. В. Авдееву).

Сохранились многочисленные разсказы, въ противоположность этимъ легкомысленнымъ свѣдѣніямъ, о той готовности, съ какой Некрасовъ приходилъ въ затруднительныхъ случаяхъ на помощь собратьямъ по литературѣ, особенно не считаясь съ личными деньгами. Здѣсь достаточно привести нѣсколько строкъ воспоминаній П. Боборыкина. «Какъ фактическій издатель большого журнала — прежде «Современника», а потомъ «Отеч. Записокъ», онъ (Некрасовъ) долженъ былъ сталкиваться съ самолюбіемъ сотенъ пишущихъ людей, имѣть денежные счеты и съ постоянными сотрудниками. Сорить деньгами онъ не любилъ [1]); но поддержать талантъ, поощрить и матеріально отозваться на нужду, быть снисходительнымъ къ неумѣнью сотрудника сводить концы съ концами, — все это отличало его отъ многихъ издателей. Кто же не знаетъ, что достолюбезное слово «авансъ» — символъ, неизбѣжный въ трудовой жизни русскаго человѣка, отъ писателя до хуторского батрака и фабричнаго. Некрасовъ рѣдко отказывалъ особенно тѣмъ, въ комъ онъ цѣнилъ и дарованіе и симпатичное ему напра-

[1]) См. объ этой расчетливости — письма къ Толстому, Авдееву, Фету, Успенскому.

вленіе. *Авансисты* — назовемъ ихъ такъ,— являясь въ редакціонные понедѣльники, знали, что тамъ, налѣво отъ редакціонной, гдѣ прежде стоялъ бильярдъ, въ ящикъ подзеркальника, у Некрасова была привычка класть, не считая, тѣ пачки сторублевокъ, которыя онъ привезъ наканунѣ, поздней ночью, изъ клуба. Разговоръ объ «авансѣ» и кончался обыкновенно тѣмъ, что Некрасовъ открывалъ ящикъ подзеркальника и выдавалъ въ счетъ гонорара изъ своихъ личныхъ денегъ, тѣмъ болѣе, что по конторской части онъ былъ связанъ соиздательствомъ съ Краевскимъ. Но въ чемъ сказывались его высшій умъ, тактъ, чутье и любовь къ литературѣ — это въ томъ, какъ онъ велъ себя съ вами въ смыслѣ редакціоннаго контроля и вмѣшательства. Разъ онъ призналъ въ васъ дарованіе и пригласилъ въ сотрудники — вы могли быть увѣрены, что никакого, не то что мелочнаго, но и болѣе допустимаго учительства и надзора не будетъ... Но этого еще мало. Некрасовъ, принявъ вашу вещь, хотя бы только часть ея, никогда не заставлялъ васъ дѣлать измѣненія; не только ни къ чему не придирался, но не выкидывалъ ни одного слова. Въ рукописи онъ часто и не читалъ вещей постоянныхъ сотрудниковъ»... Эта черта довѣрчивости, конечно, дорисовываетъ Некрасова не только какъ издателя, но и какъ человѣка. Въ его письмахъ къ начинающимъ писателямъ и въ параллельныхъ письмахъ о нихъ же (напр., о Толстомъ Тургеневу) чувствуется вполнѣ искреннее и любовное отношеніе къ людямъ.

Многочисленные, не разъ повторенные разсказы объ отношеніяхъ Некрасова къ крестьянамъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло по своимъ охотамъ и въ наѣзды на родину, дружно говорятъ о немъ, какъ исключительно «добромъ», «простомъ» баринѣ, который не посердится, если и принадуютъ его, и сквозь пальцы посмотритъ на это, снисходя по своей добротѣ къ лукавству ѣд-

наго человѣка. Какъ видно, разсказчики понимали эту сторону и видѣли въ Некрасовѣ не просто только сорящаго деньгами барина, а и участливаго, мягкосердечнаго человѣка. И несомнѣнно, въ творчествѣ Некрасова играла видную роль эта мягкость сердца въ отношеніи къ страданіямъ бѣдняка и въ частности русскаго крестьянства. Въ этомъ отношеніи его къ народу было также болѣе или менѣе отчетливое сознаніе виноватости предъ нимъ. Некрасовъ былъ однимъ изъ «кающихся дворянъ», упредивъ то настроеніе, которое такъ широко сказалось въ переживаніяхъ русской общественной мысли въ семидесятые годы. Замѣчательно, что одновременно съ попыткой идеализировать пріобрѣтательство, какъ проявленіе бодрой энергіи и духа строительства жизни, у Некрасова уже въ его романѣ «Три страны свѣта» мы находимъ настоящій гимнъ русскому народу (въ рѣчахъ Каютина, см. въ отдѣлѣ несобр. произведеній), прославленіе добрыхъ качествъ его сердца и нравственной стойкости, всего, что надолго станетъ позднѣе содержаніемъ и мотивомъ благословляющей пѣсни Некрасова о русскомъ народѣ.

Высказана была о поэзіи Некрасова мысль, подчеркивающая тѣ чувства обиды и горечи, которыя дала ему жизнь въ ранніе годы. «По натурѣ сдержанный и крутой, почти неотзывчивый на чувства прекраснаго, человѣкъ сильный и глубокій, но изуродованный и огорченный жизнью, Некрасовъ нуждался въ отмщеніи за обиды судьбы, и онъ полюбилъ мстить самодовольнымъ за несчастныхъ. Граница между искреннимъ и искусственнымъ у него потерялась. Часто онъ любилъ только мечту свою, часто обливался слезами надъ вымысломъ... Но онъ чувствовалъ себя хозяиномъ скорбящаго народнаго царства—этихъ необозримо богатыхъ владѣній—для извлеченія изъ нихъ въ каждую минуту чего-нибудь ужасающаго «для сильныхъ міра». Народъ безмолвствовалъ, но это придавало еще болѣе трагиче-

скій оттѣнокъ пѣснямъ Некрасова. Онъ увлекался своей миссіей, облагораживался въ ней, возвышался до голоса истиннаго гражданина, видѣлъ въ ней свою славу, свое искупленіе за какой-то грѣхъ... Въ теченіе многихъ лѣтъ на глазахъ цѣлой Россіи развертывался этотъ романъ Некрасова съ народомъ. Поэзія была уже не только въ томъ, что онъ писалъ, но въ самой его роли, въ этой исторіи нераздѣленной, болѣзненной любви Некрасова къ народу. Такъ что, когда онъ умеръ, то его, издавна уже избалованнаго богатствомъ, несмѣтная толпа хоронила со слезами, какъ страдальца за народъ и убогихъ» (С. Андреевскій. «Литературные очерки», Спб., 1902, стр. 191—195).

Въ этой характеристикѣ нераздѣленной любви Некрасова къ народу требуетъ, конечно, оговорки, ограниченія указаніе, что источникомъ пѣсенъ Некрасова было *прежде всего* мстительное чувство, намѣренное или безсознательное стремленіе колоть людямъ глаза нарочитымъ выборомъ тяжелыхъ темъ. Нѣкоторыя пьесы Некрасова, гдѣ подчеркнута соціальная пропасть голодныхъ и сытыхъ, дѣйствительно, могли быть подсказаны этимъ мстительнымъ чувствомъ («торжествуетъ мстительное чувство, догорая теплится любовь»), напр., «Балетъ» и т. п. При жизни Некрасова на его поэзію такъ нѣкоторые и смотрѣли, въ поэтѣ видѣли публициста, призваніе котораго—обличеніе соціальныхъ противорѣчій и изображеніе народной нищеты; даже Варѳ. Зайцевъ какъ-то обрушился на «Морозъ-Красный носъ» за то, что Некрасовъ вставилъ въ сонъ замерзающей крестьянки извѣстную трудовую идиллію («Рожь сняли, полегче тутъ стало»): критикъ усмотрѣлъ въ этомъ уклоненіе поэта отъ бытовой правды. Народная жизнь, конечно, влекла къ себѣ Некрасова и независимо отъ возможности колоть ею глаза. Какъ человѣка и поэта, къ ней привлекалъ Некрасова ея бытовой укладъ, своеобразная и интересная живая человѣческая жизнь,

только что передъ тѣмъ раскрывшаяся сознанію общества. Тяга Некрасова къ народу стоитъ въ несомнѣнной связи съ общимъ литературнымъ интересомъ къ русскому крестьянству со второй половины сороковыхъ годовъ, когда въ нашу литературу въ «натуральной школѣ», какъ назвалъ ее Бѣлинскій, влился живительною струею соціальный интересъ. Некрасовъ, съ его умомъ и живымъ чутьемъ къ новымъ вѣяніямъ литературы, развивался всецѣло въ руслѣ общаго литературнаго развитія эпохи, и какъ человѣкъ, и какъ писатель.

3.

Для Некрасова пришло время критическаго историко-литературнаго изученія, какъ настало оно давно для классиковъ русской поэзіи. Но это изученіе не исключаетъ нимало непосредственнаго воздѣйствія его творчества на современнаго читателя, какъ не исключено оно ни отъ Жуковскаго ни отъ Пушкина или другихъ корифеевъ русскаго слова. Некрасовъ одинъ выдержалъ испытаніе времени среди подражавшихъ ему мелкихъ и забытыхъ представителей «гражданской лирики», осмѣянной въ многочисленныхъ пародіяхъ еще Добролюбовымъ. Съ именемъ одного Некрасова соединяется неизмѣнно названіе поэта-гражданина. Главное же—сохраняютъ свою значительность и обаяніе во всей полнотѣ многія произведенія Некрасова, въ которыхъ «гражданскій» мотивъ играетъ подчиненную роль. Не разъ и не два, критика ожесточенно отрицала за Некрасовымъ самое право на названіе поэта. Отрицаніе, основанное на явномъ недоразумѣніи, связано съ представленіемъ о поэзіи, какъ о чемъ-то оторванномъ отъ жизни современнаго общества. Между тѣмъ въ немъ исполинскій ростъ соціальнаго вопроса бросилъ свои тѣни на все, не исключая и тяготѣнія человѣческой души къ художественному отраженію

жизни. Въ то время, какъ еще спорили противъ Бѣлинскаго и Гоголя о законности вовлеченія въ искусство такъ называемой грязной дѣйствительности, т.-е. проявленій соціальныхъ контрастовъ новой жизни, эта дѣйствительность властно овладѣла душой настоящаго поэта Божіей милостью, какимъ былъ Некрасовъ, и чрезъ него заняла въ русской поэзіи свое видное мѣсто.

Нельзя, говоря о художественномъ творчествѣ Некрасова, исключить книжнаго источника вдохновеній его или внѣшняго, отъ другихъ, который онъ могъ находить въ бесѣдахъ съ нѣкоторыми людьми литературы.

Книжными были въ особенности его «Мечты и звуки» (см. стихотворенія въ отд. несобран. произв.). Некрасовъ не даромъ обращался къ Жуковскому съ этимъ сборникомъ. Внимательное изученіе первой книги стихотвореній Некрасова безъ труда открываетъ въ ней вліяніе прежде всего романтическихъ настроеній, какъ они выливались у Жуковскаго. Мы находимъ здѣсь перепѣвы порывовъ въ туманную даль, мистическія размышленія о тщетѣ всего земного бытія (какъ въ первомъ напечатанномъ стихотвореніи Некрасова), мечты о загробной лазурной странѣ, «гдѣ радость и любовь вѣчна», плачъ о несчастливой любви, поэтическое очарованіе молитвенныхъ настроеній, высокое, но весьма туманное и отвлеченное представленіе о поэтической дѣятельности («Тотъ не поэтъ»). Въ сборникѣ имѣется даже баллада «Воронъ» со всѣми страшными атрибутами самыхъ мрачныхъ балладъ Жуковскаго, съ начальными стихами: «Не шумъ домовыхъ на полночномъ пиру, не рати воинственный топотъ — то слышенъ глухой въ непробудномъ бору голоднаго ворона ропотъ; пять дней, какъ у матери вырвавъ дитя, его оглодалъ онъ, терзая» и т. д. Въ болѣе смягченной формѣ это вліяніе замѣтно въ нѣсколькихъ позднѣйшихъ

стихотвореніяхъ, вставленныхъ въ прозаическія произведенія (см. баллада Ангелики и пѣсни Маріи). Рядомъ съ вліяніемъ Жуковскаго улавливается и воздѣйствіе Лермонтова, его «Думы» (стихотвореніе «Жизнь»); позднѣе самъ Некрасовъ называетъ подражаніемъ Лермонтову извѣстное раннее стихотвореніе «Въ невѣдомой глуши». Но уже и въ «Мечтахъ и звукахъ» чувствуется, что многое искренно пережито въ душѣ юноши, и это вполнѣ осязательно при сопоставленіи съ стихотвореніями Некрасова той поры его письма къ сестрѣ (см. отд. писемъ). Мы отмѣтили уже въ раннемъ стихотвореніи «Красавицѣ» первое проявленіе апоѳеоза матери; столь характерный для позднѣйшей поэзіи Некрасова, апоѳеозъ этотъ составляетъ нѣсколько прекрасныхъ перловъ его поэтическаго вѣнца.

Не остался Некрасовъ и внѣ вліяній Пушкина, «полубога» для литературныхъ сверстниковъ Некрасова (выраженіе Тургенева). О томъ глубокомъ чувствѣ, какое питалъ Некрасовъ къ Пушкину, говоритъ уже то, какъ тепло онъ вспоминаетъ о немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ произведеній («О погодѣ», «Записки кн. Волконской»), а также и прямыя свидѣтельства современниковъ. Въ воспоминаніяхъ г-жи Е. Л. («Научное Обозрѣніе», 1903, № 4) передано нѣсколько словъ, сказанныхъ ей, какъ начинающей поэтессѣ, Некрасовымъ: онъ посовѣтовалъ ей какъ можно больше работать надъ формой, съ точки зрѣнія ея особенно рекомендовалъ изучать Пушкина, и «при этомъ съ восторгомъ вспомнилъ выраженіе Пушкина — «дорога, какъ змѣиный хвостъ, полна народу шевелится». Эпизодъ показываетъ, насколько Некрасовъ, поэтъ формы часто столь неотдѣланной, по существу-то понималъ ея значеніе. Но, конечно, прямое вліяніе Пушкина въ произведеніяхъ Некрасова улавливается слабо. Гораздо сильнѣе подѣйствовалъ на него, очевидно, кумиръ

кружка Бѣлинскаго, особенно въ пору первой славы «Мертвыхъ душъ», Гоголь. Отъ той фальшиво-сентиментальной повѣсти, которая начиналась пресловутой фразой о «дамѣ прекрасной наружности въ задумчивости» (см. ст. «Литер. дебюты Некрасова»), до «Петербургскихъ угловъ», такъ горячо встрѣченныхъ Бѣлинскимъ, какъ завоеваніе «натуральной школы», Некрасовъ, очевидно, прошелъ подъ руководствомъ Бѣлинскаго серьезную школу литературнаго вкуса, обратившись быстро отъ расплывчатой романтики къ трезвому реализму, къ бытовой правдѣ.

Вращаясь въ кругу Бѣлинскаго, Некрасовъ встрѣтилъ и нѣкоторыя западно-европейскія вѣянія, отразившіяся въ его творчествѣ лишь косвенно. По разсказу Панаева, въ началѣ знакомства съ Бѣлинскимъ Некрасовъ былъ увлеченъ Жоржъ-Зандъ, о вліяніи которой на молодые умы сороковыхъ годовъ оставили столь прочувствованныя строки Достоевскій, Салтыковъ. Собраніе стихотвореній Некрасова и открывается мотивомъ въ защиту женщины («Когда изъ мрака...»). Въ письмѣ Дружинину (см. отдѣлъ писемъ) мы находимъ интересное упоминаніе о Георгѣ Краббѣ, англійскомъ поэтѣ конца XVIII и начала XIX вѣка. Поэтическая программа Крабба, введеніе къ его «Деревнѣ» (1783 г.), весьма замѣчательна, какъ параллель изъ другого времени и страны музѣ Некрасова. «Пѣсня моя,—говоритъ поэтъ,—будетъ имѣть цѣлью изображеніе сельской жизни, съ ея трудами и заботами, съ бытомъ крестьянина въ годы его юности и старости, съ его удачами и бѣдами, съ концомъ его труднаго поприща; ибо я намѣренъ воспѣвать *истинную дѣйствительную* жизнь *бѣднаго человѣка*, и муза моя не умѣетъ пѣть другого рода пѣсенъ... Когда я вижу посреди полей настоящихъ нашихъ сельскихъ жителей за тяжелымъ трудомъ подъ полдневнымъ солнцемъ, ярко палящими лучами ударяющимъ на ихъ обнаженное темя и виски, оро-

шенные потомъ, когда я слѣжу глазомъ, какъ самые слабые изъ нихъ усиливаются поспѣть за болѣе здоровымъ товарищемъ, осмѣлюсь ли я прикрыть эту картину истиннаго труда несчастной мишурой поэтической величавости? Нѣтъ, не мишурный опытъ взлелѣялъ меня, я родился и жилъ въ краѣ, гдѣ нѣтъ счастливыхъ долинъ и пастушекъ золотого вѣка. Другого рода картины научили меня изображать сельскую жизнь словомъ правды, а не словами бардовъ»... Краббомъ, несомнѣнно, навѣяны два стихотворенія Некрасова «Свадьба» и «Забытая деревня» (параллельныя мѣста Крабба на стр. 431 и 438—439 IV т. соч. Дружинина, въ статьѣ «Т. Краббъ и его сочин.», по которой Некрасовъ и знакомился съ англійскимъ поэтомъ). Но чужой мотивъ совершенно переработанъ въ русскихъ бытовыхъ тонахъ. Самостоятельной переработкой можно считать и «Плачъ дѣтей», настолько русскій поэтъ отошелъ отъ знаменитаго оригинала Елизаветы Браунингъ. Позднѣе иногда не совсѣмъ самостоятеленъ Некрасовъ и въ обработкѣ чисто русскихъ мотивовъ. Онъ цѣликомъ переноситъ въ свои поэмы цѣлыя народныя пѣсни, причитанія и т. п., заимствованныя изъ этнографическихъ сборниковъ (напр., въ «Кому на Руси жить хорошо» заимствована изъ сборника Сахарова пѣсня «На горѣ стоитъ елочка», и т. п.). Но все навѣянное въ общемъ такъ или иначе было переработано и выношено поэтомъ въ собственной душѣ, и все въ равной степени носитъ отпечатокъ его личности: и его «суровый, неуклюжій стихъ», чуждый будто бы «творящаго искусства», по скромному мнѣнію самого Некрасова (объ искренности его въ этой скромности опредѣленно говоритъ Чернышевскій),—и покаянные вопли истерзаннаго сердца, и бытовой колоритъ его изображеній народной жизни.

Въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ имѣется цѣлый рядъ цѣнныхъ указаній о томъ, какъ создавались его болѣе или менѣе извѣстныя вещи. Источникъ его лучшихъ вдохновеній — почти всегда лично воспринятое, лично пережитое и перечувствованное. Его стихи — отвѣтъ на непосредственныя впечатлѣнія жизни. Не говоря о личныхъ переживаніяхъ Некрасова въ его интимной лирикѣ, можно указать, что и вещи, подвергавшіяся упрекамъ въ нарочитой тенденціозности, выдуманности, были въ существенныхъ чертахъ созданы подъ толчкомъ дѣйствительной жизни и сотканы изъ живыхъ, подлинныхъ чертъ. Такъ, «Размышленія у парадnаго подъѣзда» написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ живой сцены у подъѣзда Министерства Государственныхъ Имуществъ, отъ котораго гнали мужиковъ, а вставленная въ пьесу картина смерти подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи русскаго вельможи принадлежала также къ числу выхваченныхъ изъ жизни (см. воспом. Головач.-Панаевой и Чернышевскаго). Многозначителенъ разсказъ кн. М. С. Волконскаго (см. отд. восп.) о томъ, какъ написана была вторая часть поэмы «Русскія женщины», воспроизводящая въ поэтической формѣ записки княгини М. Н. Волконской: она была буквально выплакана поэтомъ. Сестра Некрасова упоминаетъ, что онъ иногда однимъ словомъ записывалъ схваченный имъ въ жизни случай, разсказъ, мимолетную сценку. Онъ хранилъ въ тайникахъ своей памяти эти, «по словечку» собранныя при наблюденіяхъ народной жизни, черточки (разск. Г. Успенскаго о «Кому на Руси жить хорошо») и потомъ, когда загоралось вдохновеніе, сводилъ ихъ въ одну вынашенную въ сердцѣ картину, которая записывалась большею частью уже тогда, когда вся пьеса была въ головѣ закончена (разск. Головачевой-Панаевой).

Живою чертою творчества Некрасова была также всегда непосредственная связь его съ живыми обще-

ственными настроеніями. Невозможность немедленно напечатать то, что роилось и складывалось въ душѣ, очень часто расхолаживала и убивала вдохновеніе Некрасова. Какъ разсказываетъ Чернышевскій, Некрасовъ органически не могъ писать «для потомства». Онъ былъ столько же публицистъ, сколько и поэтъ, и былъ журналистомъ, проводникомъ чрезъ свои журналы демократическихъ идей въ общественное сознаніе раньше, чѣмъ поэтомъ. Публицистическій мотивъ очень часто возбуждаетъ и окрашиваетъ собою творчество Некрасова, что, конечно, не исключаетъ долговѣчности его поэтическихъ созданій, какъ таковыхъ. Возьмемъ для примѣра стихотвореніе «Деревенскія новости». Это — какъ будто несомнѣнная публицистика: рисуется, можно сказать, избитая картина мелочности обыденныхъ интересовъ русской деревни, грубость ея нравовъ—сноха, просадившая вилами бокъ свекру—«было за что», безпризорность дѣтей деревни — «проклятыя свиньи», съѣвшія младенца, деревенское происшествіе: необыкновенная гроза и смерть пастушонка отъ удара молніи. Все это содержаніе, казалось бы, годно для заурядной корреспонденціи, съ упоминаніемъ въ концѣ объ ожиданіяхъ освобожденія. Но Некрасовъ-поэтъ въ это убогое содержаніе влилъ столько жизненной поэтической правды, каждая черточка передана съ такою полнотою и отчетливостью, такъ вѣрно схвачено настроеніе и манера рѣчи разсказчиковъ, самихъ крестьянъ, что все стихотвореніе производитъ неизгладимо яркое впечатлѣніе; отъ мрачныхъ «новостей» вѣетъ вѣковою покорностью народа неизбѣжному, щемитъ сердце отъ гибели Волчка, и вдругъ, надъ всѣмъ встаетъ всѣми затаенный, но страстно лелѣемый вопросъ: «Ну, говори намъ скорѣй, что ты слыхалъ про свободу?» — какъ живое напоминаніе, что живъ Богъ, не умирала подъ гнетомъ рабства и заботъ народная душа!

Литературное наслѣдство Некрасова за сороковые годы и первую половину пятидесятыхъ, въ лучшей его части, носитъ яркую печать жившей въ душѣ поэта ненависти къ рабскому строю и несказанной горечи, накопившейся въ его душѣ за годы ожесточенной борьбы за существованіе. Въ этотъ періодъ имъ написанъ рядъ злыхъ, мрачныхъ и безнадежныхъ произведеній, какъ «Въ невѣдомой глуши», «Родина», «Муза», «Ѣду ли ночью по улицѣ темной». Во всемъ этомъ передъ нами душевныя переживанія разночинца, выступавшаго тогда впервые въ литературѣ и общественности на смѣну дворянской интеллигенціи. Прозаическая голодная борьба за жизнь здѣсь впереди всего: «мгла отвсюду черная навстрѣчу бѣдняку, одна открыта торная дорога къ кабаку» («Пьяница»). Обойденный на пиру жизни неудачникъ разражается самъ на себя—«я за то глубоко презираю себя...»—самообвиненіями въ слабости и непригодности къ жизни. Автобіографическая черта—въ «Филантропѣ» (см. письмо кн. В. Одоевскому). Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ стихотвореніяхъ этой поры воспроизводятся довольно однообразныя—потому что нужда вездѣ одна и та же—переживанія разной городской бѣдноты. Къ этимъ темамъ возвращался Некрасовъ и позднѣе, достигая огромной выразительности и яркости въ соціальномъ протестѣ. Его «Поэтъ и гражданинъ», «Размышленія у параднаго подъѣзда», «Убогая и нарядная» и многое другое отвѣтили на ростъ соціальности въ русскомъ обществѣ. Именно къ этого рода произведеніямъ примѣнимо вышецитированное указаніе Андреевскаго, что Некрасовъ полюбилъ «мстить» сытымъ за голодныхъ. Городская жизнь съ ея рѣзкими контрастами давала и даетъ много матеріала для изображенія кошмарнаго сосѣдства нищеты и роскоши, и Некрасовъ въ своихъ сценахъ городской жизни въ стихахъ, какъ «О погодѣ» и мн. другія, упивается,

подобно Достоевскому, «страстный къ страданію», тяжелыми картинами мрачной столицы, въ которой «все сливается, стонетъ, гудетъ, какъ-то глухо и грозно рокочетъ, словно цѣпи куютъ на несчастный народъ, словно городъ обрушиться хочетъ»...

Пѣвецъ страданій горожанина, Некрасовъ въ этой полосѣ съ своимъ озлобленнымъ и сумрачнымъ умомъ гораздо чаще только публицистъ, чѣмъ поэтъ и оригинальный художникъ, отдающій вольную душу жизни вольнымъ впечатлѣніямъ. По существу дѣла, такая публицистика въ стихахъ не можетъ быть долговѣчна, и значительная часть наслѣдства Некрасова, навѣянная городскими впечатлѣніями и переживаніями, уже утомительна для читателя, такъ какъ требуетъ предварительнаго знакомства, иногда болѣе или менѣе детальнаго, съ исторіей нашей общественности. Таково даже лучшее произведеніе Некрасова въ этомъ родѣ— «Медвѣжья охота», съ замѣчательными картинами русской общественности, съ бичующими сатирическими выпадами. Слабѣе «Газетная», «Пѣсни о свободномъ словѣ», «Недавнее время», «Юбиляры и тріумфаторы» и многое другое. Но и въ этихъ публицистическихъ произведеніяхъ сохранилось столько живыхъ откликовъ сердца Некрасова, что и про нихъ приходится повторить некрасовское же: «Все жъ они не хуже плоской прозы и волнуютъ мягкія сердца, какъ внезапно хлынувшія слезы съ огорченнаго лица». Особенно это нужно сказать о произведеніяхъ, являющихся художественными страницами изъ исторіи русскаго общественнаго развитія. Таковы героическіе типы Некрасова, какъ «Дѣдушка», образъ декабриста, и «Русскія женщины», исторія княгинь Трубецкой и Волконской, Бѣлинскій, Добролюбовъ и стихотворенія, посвященныя нѣкоторымъ другимъ дѣятелямъ.

Особую группу произведеній составляютъ многочисленныя вещи Некрасова, иногда полуавтобіографиче-

скаго характера, посвященныя такъ или иначе «лишнимъ людямъ», типу, многократно разработанному въ русской литературѣ. «Саша», «Рыцарь на часъ» и «На Волгѣ», «Медвѣжья охота», Рѣшетиловъ (отрывокъ «Самодовольныхъ болтуновъ»), «Сыны народнаго бича» и др. даютъ болѣзненно отзывающіяся въ сердцѣ каждаго чуткаго человѣка страницы. Что нужды, что современный читатель иной разъ съ правомъ не признаетъ себя «сыномъ народнаго бича», крѣпостного рабства, мучившаго людей внизу и развращавшаго ихъ или разслаблявшаго вверху. Въ этихъ произведеніяхъ Некрасова захватываетъ сила искренности его, подлинность страданія отъ неисполненнаго нравственнаго долга. Все здѣсь «заражаетъ» независимо отъ временной формы, въ какой представляется долгъ человѣку прежней эпохи и современному. Некрасовъ поднимается здѣсь до высоты вѣчнаго трагизма нравственной коллизіи, измучившей «лишнихъ людей»: личная драма, пережитая поэтомъ, слилась здѣсь съ драмою цѣлыхъ поколѣній, и русскій «лишній» скиталецъ-интеллигентъ попрежнему бродитъ по свѣту «безъ родины и безъ прощенья»... Это и придаетъ устойчивое значеніе всей покаянной лирикѣ Некрасова и его гимнамъ общественнаго героизма.

Въ воспроизведеніяхъ народной жизни у Некрасова за первый періодъ его творчества мы видимъ прежде всего тотъ же сильно выраженный публицистическій элементъ. Это — обличительная натуральная школа. Повторяется мотивъ, общій разнымъ писателямъ той поры — Гоголю, Тургеневу, Герцену и т. д., рисуется безсердечная пошлость и общая жестокость помѣщичьяго быта («Псовая охота», «Записки графа Гаранскаго»). Писатель подходитъ къ крестьянству съ предвзятой точки зрѣнія, прежде всего, жалкаго его рабскаго и нищенскаго состоянія. При этомъ не обходится и безъ ложныхъ нотъ, какъ въ «Тройкѣ» («Что

такъ жадно глядишь на дорогу»), гдѣ поэтъ судитъ о положеніи крестьянской женщины отчасти съ точки зрѣнія барина-эстетика, сокрушающагося о гибели дѣвической красоты въ условіяхъ крестьянской жизни. Лишь позднѣе Некрасовъ подошелъ къ народной жизни болѣе свободно, и тогда освѣтилъ ее безконечно разнообразнѣе, шире и глубже.

Этотъ переломъ въ творчествѣ Некрасова совпалъ съ переломомъ русской жизни въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Тогда—«злобою сердце питаться устало: много въ ней правды, да радости мало», и надежда на обновленіе родины захватила всѣ умственныя силы страны. Послѣ лично окрашеннаго, всепоглощавшаго озлобленія, заслонявшаго радость и смыслъ жизни, поэта подхватила общая волна энтузіазма, и это новое свое настроеніе онъ превосходно изобразилъ въ прологѣ «Саши». «Родина-мать, я душою смирился, любящимъ сыномъ къ тебѣ возвратился... — читаемъ здѣсь. — Мать не враждебна и къ блудному сыну, только что ей я объятья раскрылъ — хлынули слезы, прибавилось силъ. Чудо свершилось: убогая нива вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива, ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ, солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ»... Это не просто субъективное и мимолетное настроеніе, а поворотъ къ болѣе полному и, слѣдовательно, болѣе художественному созерцанію русской жизни въ ея цѣломъ. Поэтъ перерастаетъ «натуральную школу». Онъ выявляетъ все громадное содержаніе геніальныхъ намековъ Пушкина, разумѣемъ немногія пьесы послѣдняго въ формахъ народной поэзіи. Знаменитое стихотвореніе «Тишина», одинъ изъ лучшихъ перловъ въ творчествѣ Некрасова, выражаетъ теперь съ рѣдкой красотой все покоряющую тягу къ народной массѣ, столь характерную для цѣлой полосы народничества и лично для Некрасова. Не только убогою и забитою, какою-то сплошною

«забытой деревней» видитъ онъ теперь родину, но и могучею и обильною. Онъ понялъ, что «въ ея груди бѣжитъ потокъ живой и чистый еще нѣмыхъ народныхъ силъ; такъ, подъ корой Сибири льдистой золотоносныхъ много жилъ». Если современники и ближайшее потомство высоко цѣнили Некрасова, какъ поэта-гражданина и пѣвца народнаго стона, а его пѣсни, какъ живую укоризну за равнодушіе къ страданіямъ народа, то въ настоящее время впередъ выдвинулось и, вѣроятно, навсегда утвердится значеніе Некрасова, какъ пѣвца народнаго сердца. «Въ рабствѣ спасенное, сердце свободное, золото, золото сердце народное!»—вотъ мотивъ благословляющей пѣсни Некрасова о русскомъ народѣ, звучавшій ему до конца его дней, когда на упреки, что «тема старая—страданія народа», онъ могъ твердо отвѣтить: «я вѣрую въ народъ!»

Въ тѣ годы, когда Некрасовъ создавалъ «Зеленый шумъ», «Коробейниковъ», «Морозъ - Красный носъ», «Орину, мать солдатскую» и пр., народная поэзія и ея форма привлекали не мало вниманія, благодаря, ставшимъ достояніемъ печати, богатымъ открытіямъ въ области народной лирики и эпоса знаменитыхъ собирателей этнографическаго матеріала, какъ Аѳанасьевъ, Гильфердингъ, Рыбниковъ и другіе. Нѣсколько крупныхъ поэтовъ проявило тогда не малую виртуозность въ пользованіи формами и складомъ пѣсеннаго и былиннаго творчества, особенно Л. Мей и Алексѣй Толстой. Но ихъ привлекала преимущественно возможность блеснуть въ этихъ «стилизаціяхъ» внѣшнею красотою, пестрой и колоритной этнографической формой, послѣдняя и выступаетъ въ такихъ воспроизведеніяхъ народнаго творчества на первый планъ. Въ противоположность этому у Некрасова нѣтъ и въ поминѣ этой погони за красотой и нарядностью формы, плохо ему дававшейся и иногда съ трудомъ одолѣваемой. Въ погонѣ за народностью названные писатели перегру-

жали большею частью свои стихотворенія обиліемъ «народныхъ» выраженій и рисовали пестронарядныя и совершенно условныя картинки. Какъ объективный художникъ, вполнѣ увѣренный, что нужное слово и выраженіе явятся въ нужный моментъ, Некрасовъ, въ лучшихъ своихъ воспроизведеніяхъ переживаній человѣка изъ народной массы, уловилъ въ совершенствѣ тонъ русской простонародной рѣчи. Онъ далъ воспроизведенія народной жизни не только въ объективно вѣрныхъ бытовыхъ краскахъ и подробностяхъ, но и какъ бы подъ угломъ зрѣнія на вещи самого изображаемаго имъ крестьянства. Въ этомъ смыслѣ очень правъ Достоевскій, когда говоритъ, что свидѣтелемъ за Некрасова въ тяжбѣ противъ него, какъ человѣка съ отталкивавшими слабостями, является самъ народъ. И дѣйствительно, предсмертная мечта Некрасова — «услышишь пѣсенку свою надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камой»—оправдалась буквально; чѣмъ дальше, тѣмъ шире и вглубь растетъ извѣстность пѣсенъ Некрасова, и «романъ» Некрасова съ народомъ кончился побѣдой Некрасова.

Послѣдней и самой крупной вещью Некрасова по объему и художественному значенію нѣкоторыхъ частей была его поэма «Кому на Руси жить хорошо». Собственно мы имѣемъ только разрозненныя части огромнаго цѣлаго, общій замыселъ котораго остается нѣсколько неясенъ. Поэма должна была обнять всю пореформенную русскую жизнь, но освѣтила лишь нѣкоторыя ея стороны, и притомъ лучшая третья часть поэмы «Крестьянка» въ существенной части воспроизводитъ дореформенную жизнь. Въ сохранившихся замѣткахъ Некрасова и нѣкоторыхъ воспоминаніяхъ мы находимъ отрывочныя указанія (см. въ отдѣлѣ несобранныхъ произведеній) на предполагаемыя къ написанію части. Въ нихъ должно было развернуться еще съ новыхъ сторонъ зрѣлище народныхъ страданій. Но

остается не совсѣмъ яснымъ предположенное заключеніе поэмы. Извѣстно, что въ концѣ четвертой части «счастливцемъ» изображенъ юноша-семинаристъ съ его страстной думой о счастьи народа и самоотверженномъ служеніи ему. Несомнѣнно, въ этомъ образѣ Некрасовъ возвращался къ памяти Добролюбова: въ одномъ изъ варіантовъ текста «Пиръ на весь міръ» юноша прямо именуется *Добросклоновымъ*. Но, повидимому, въ умѣ Некрасова мелькала и иная мысль, и требуетъ разгадки, конечно, вполнѣ достовѣрное сообщеніе Глѣба Успенскаго (см. воспоминанія), что одно время разрѣшающимъ недоумѣніе отвѣтомъ былъ герой—«*пьяница*». Обычно это понимаютъ, какъ сатирическую выходку: почувствовать себя блаженнымъ въ русскомъ царствѣ нищеты и скорби человѣкъ можетъ только въ состояніи пьянаго угара. Но такое объясненіе звучитъ слишкомъ бѣдно и мелко. Въ подпоясанномъ лычкомъ человѣкѣ, открывающемъ истину мужикамъ, можно видѣть олицетвореніе отрѣшившагося отъ житейскихъ узъ скитальца, свободнаго, какъ птица небесная, и тогда настроенія Некрасова связываются естественно съ столь русскими, чисто анархическими мечтами, бродящими въ русской душѣ. Предполагаемый герой-пьяница могъ быть представителемъ русской бродячей вольницы (можетъ-быть, нѣчто въ родѣ героя «Бродяги» Ивана Аксакова, гдѣ, сказать кстати, мы находимъ уже размѣръ, столь оригинально и блестяще развитый Некрасовымъ въ «Кому на Руси жить хорошо»). Босяки Максима Горькаго съ ихъ романтическимъ пониманіемъ жизни вспоминаются здѣсь сами собою. Можно предположить также, что герой-пьяница могъ явиться какъ своеобразная разновидность дяди Власа, носителемъ смиреннаго идеала нищенства духа, какъ отображеніе настроеній «Тишины» съ ея жаждою покаяннаго смиренія предъ общимъ Богомъ угнетенныхъ и скорбящихъ.

И здѣсь, какъ во всемъ творчествѣ Некрасова, можно уловить и установить черты, родящія его духовную жизнь, какъ она вылилась въ его творчествѣ, съ самыми интимными и въ то же время широкими настроеніями русской литературы и жизни. Вычеркнуть изъ нихъ Некрасова такъ же невозможно, какъ его предшественниковъ и современниковъ, отъ Жуковскаго и до Льва Толстого. Нѣкоторыми чертами своими для современниковъ онъ значилъ дѣйствительно больше, чѣмъ Пушкинъ и Лермонтовъ, споръ о чемъ завязался было на его могилѣ (см. восп. Достоевскаго) и долго продолжался въ печати. Для дальняго потомства онъ остается настоящимъ и совершенно оригинальнымъ, какъ всякій настоящій художественный геній, поэтомъ, который не нуждается въ сравненіяхъ по какой-либо условной табели о рангахъ, и поэтомъ національнымъ, отразившимъ глубокія черты нашей національной жизни за важный періодъ ея развитія.

Ч. Вѣтринскій.

Ранніе годы Н. А. Некрасова [1]).

Ник. Ал. Некрасовъ родился 22 ноября 1821 года въ Каменецъ-Подольской губерніи, въ одномъ изъ мѣстечекъ, гдѣ тогда квартировалъ полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ Алексѣй Сергѣевичъ, женатый на Александрѣ [2]) Андреевнѣ Закревской, варшавской уроженкѣ. Съ ея семьей отецъ Некрасова познакомился въ Херсонской губерніи, гдѣ Закревскій пріобрѣлъ обширныя помѣстья.

Оставивъ службу съ чиномъ майора, отецъ Некрасова поселился окончательно въ своемъ имѣніи въ дер. Грешнево, Ярославской губерніи, на почтовомъ трактѣ между Ярославлемъ и Костромой. Многочисленное семейство (всего 13 братьевъ и сестеръ), процессы по имѣнію— все это ставило нерѣдко главу семейства въ затруднительное положеніе.

Николай въ 1832 году былъ отданъ въ ярославскую гимназію, гдѣ и оставался до пятаго класса. Проведя все свое дѣтство въ деревнѣ, онъ и во время обученія возвращался туда же при первомъ удобномъ случаѣ: весною—на Пасху, лѣтомъ — на каникулы, зимою — на святки. Одно время отецъ его былъ исправникомъ; онъ любилъ часто скуки ради брать сына Николая въ разъѣзды по дѣламъ службы; такимъ образомъ мальчикъ 12—13 лѣтъ присутствовалъ при различныхъ сценахъ

---

[1]) «Русская Библіотека, VII вып., Н. А. Некрасовъ». Спб., 1877. Вступительная замѣтка сопровождается слѣдующимъ указаніемъ: «Начало настоящаго очерка, до оставленія Н. А. Некрасовымъ университета, написано съ его словъ и было прочтено ему для фактической провѣрки; серьезная болѣзнь его уничтожила возможность воспользоваться его указаніями для послѣдующихъ періодовъ». Воспроизводимъ это начало, какъ важный первоисточникъ.

[2]) Изъ записи брака А. Некрасова (см. хронол. канву) видно что мать поэта звалась Еленою. Можетъ-быть, это послѣднее имя было дано при присоединеніи ея предъ бракомъ къ православію.

народной жизни, при слѣдствіяхъ, при вскрытіяхъ труповъ, а иногда и при расправахъ во вкусѣ прежняго времени. Все это производило глубокое впечатлѣніе на ребенка.

Отецъ Некрасова всегда желалъ, чтобы его сынъ наслѣдовалъ его званіе и поступилъ въ военную службу. Вслѣдствіе того молодой Некрасовъ долженъ былъ рано оставить гимназію, и въ 1839 г. [1]) отправился въ Петербургъ для опредѣленія въ тогдашній Дворянскій полкъ на Петербургской сторонѣ.

Пріятель отца, ярославскій прокуроръ Полозовъ, далъ письмо къ своему брату, начальнику третьяго округа корпуса жандармовъ, генералу Полозову, который, въ свою очередь, отрекомендовалъ молодого человѣка Я. И. Ростовцеву [2])—и дѣло было почти рѣшено. Но Некрасовъ встрѣтилъ въ Петербургѣ своего ярославскаго товарища Глушицкаго, университетскаго студента, и случайно познакомился съ профессоромъ духовной семинаріи Дм. Ив. Успенскимъ; они возбудили въ немъ такую охоту учиться, что онъ откровенно признался женѣ генерала Полозова: вмѣсто Дворянскаго полка, ему было бы желательно поступить въ университетъ. Полозовы одобрили его намѣреніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили о томъ въ Ярославль своему родственнику. Черезъ него скоро узналъ обо всемъ и отецъ Некрасова. Гнѣвъ отца не остановилъ молодого человѣка, который вслѣдствіе того увидѣлъ себя предоставленнымъ своей судьбѣ.

Между тѣмъ друзья, Глушицкій и Успенскій, взяли на себя приготовленіе Некрасова къ вступительному экзамену въ университетъ, и Успенскій занимался съ нимъ съ такимъ успѣхомъ, что извѣстный тогда профессоръ римской словесности Фрейтагъ, очень требо-

---

[1]) Неточно, въ дѣйствительности—въ 1838 г.

[2]) Начальникъ военно-учебныхъ заведеній.

вательный латинистъ, поставилъ ему на пріемномъ экзаменѣ изъ латинскаго языка 5 «съ плюсомъ»; но въ физическихъ наукахъ самъ почтенный филологъ Успенскій былъ слабъ, и это отразилось роковымъ образомъ на его ученикѣ: Некрасовъ чувствовалъ, что изъ физики онъ не можетъ получить отмѣтки выше единицы. Это бы еще ничего, такъ какъ одна единица въ то время не была препятствіемъ къ поступленію въ университетъ; но бѣда заключалась въ томъ, что льготная единица была уже пріобрѣтена на экзаменѣ изъ географіи у проф. Касторскаго.

Въ виду такого печальнаго обстоятельства Некрасовъ рѣшился явиться къ ректору П. А. Плетневу и откровенно высказать ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ—и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго притомъ поступить на философскій факультетъ (нынѣ—историко-филологическій), и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтѣ. На основаніи этого обѣщанія Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, а вслѣдствіе того въ совѣтѣ о немъ вовсе не было и рѣчи. Потому же и Плетневъ не вспомнилъ о немъ, но послѣ, при свиданіи, убѣждалъ его все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на старомъ Исаакіевскомъ мосту онъ видитъ, что кто-то его догоняетъ и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе. Такъ началась университетская жизнь Некрасова, продолжавшаяся въ теченіе 1838—1841 гг. Некрасовъ поселился на Малой Охтѣ; средства къ жизни приходилось добывать уроками, корректурой и литературными попытками; еще до вступленія въ универ-

ситетъ онъ писалъ стихи, и первое его стихотвореніе «Мысль» было напечатано въ 1838 г. въ «Сынѣ Отечества». Но деньги, добываемыя подобными трудами, были очень скудны; нерѣдко приходилось Некрасову вмѣстѣ съ товарищемъ Глушицкимъ и ихъ единственнымъ слугою довольствоваться пятиалтыннымъ въ день.

Въ тѣ времена преимущественно въ университетѣ сосредоточивалась молодежь изъ знати, и университетскіе товарищескіе кружки смѣшивали въ себѣ всѣ состоянія и званія. Бѣдный молодой человѣкъ, съ бюджетомъ чуть не нѣсколькихъ копеекъ въ день, легко сближался съ юношами высшихъ и богатыхъ классовъ,— и не только сближался, но, благодаря своимъ личнымъ талантамъ, способностямъ и веселому характеру, могъ даже первенствовать между ними; на студенческихъ собраніяхъ и пирушкахъ, устраиваемыхъ въ то время наподобіе нѣмецкихъ кнейповъ и коммершей, предводительствовалъ не тотъ, кто знатнѣе всѣхъ, но кто лучше дрался на эспадронахъ и рапирѣ, кто былъ мужественнѣе и физически ловче. Въ такихъ-то веселыхъ и разгульныхъ товарищескихъ кружкахъ внезапно очутился провинціальный юноша, взросшій въ деревнѣ, и тутъ-то онъ ознакомился впервые съ обыденною жизнью и нравами другихъ общественныхъ классовъ, которые безъ университетской жизни остались бы ему извѣстными только по слухамъ. Эта новая обстановка, какъ и прежняя, деревенская, не остались безъ вліянія въ будущемъ на поэзію Некрасова и на самый характеръ его, а также и на условія дальнѣйшей его жизни: завязанныя тогда имъ связи сохранились и впослѣдствіи; недостатки и слабая сторона жизни высшихъ общественныхъ слоевъ стали ему знакомы изъ первыхъ рукъ и хорошо знакомы. Новыя впечатлѣнія столкнулись въ Некрасовѣ съ первыми воспоминаніями изъ деревенской жизни, совсѣмъ иного рода, и этотъ контрастъ окончательно опредѣлилъ будущій характеръ

его поэзіи. Къ этому присоединилась другая противоположность, лично испытанная имъ: при близости съ молодежью болѣе чѣмъ достаточною, беззаботною и наслаждающеюся онъ самъ терпѣлъ на каждомъ шагу много лишеній и съ трудомъ добывалъ кусокъ насущнаго хлѣба. Нечего было и думать серьезно объ университетской наукѣ и правильномъ окончаніи курса при такой обстановкѣ, требовавшей почти всего времени на добываніе самыхъ первобытныхъ средствъ къ существованію.

Между тѣмъ литературныя способности и наклонности дозволяли молодому человѣку выступить на арену общественной жизни немедленно, безъ всякихъ экзаменовъ, какихъ потребовала бы научная дорога, да и притомъ литературные труды окупались на мѣстѣ въ видѣ хотя бы и скуднаго гонорара, въ то время, какъ научный трудъ требовалъ на себя затраты уже готовыхъ денегъ. Еще въ 1839 г. Некрасовъ посылалъ свои первые опыты въ «Литературную Газету», издаваемую тогда А. А. Краевскимъ, и въ «Отечественныя Записки», а въ 1840 г. онъ рѣшился выпустить въ свѣтъ собраніе первыхъ своихъ мелкихъ стихотвореній подъ названіемъ «Мечты и звуки»,— но съ одною подписью начальныхъ буквъ имени и фамиліи: дѣло шло не о славѣ, а о кускѣ насущнаго хлѣба. Будущій его пріятель, Бѣлинскій, строго отозвался объ этомъ сборникѣ; но къ юному поэту отнеслись снисходительно Жуковскій и Полевой, въ «Библіотекѣ для Чтенія». Въ 1841 г. Некрасовъ рѣшился совсѣмъ оставить университетскія лекціи, и съ того времени для него открылась въ тогдашнихъ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ новая школа.

Въ Некрасовщинѣ.

Ѳ. Смирновъ. Передъ некрасовскими днями. Ярославль, 1902 года [1]).

Волга ниже Ярославля течетъ въ низменныхъ берегахъ. По лѣвую сторону Волги—низина версты четыре въ ширину. Это мѣсто сильно затопляется полою водою, а теперь оба берега разстилались зеленою равниной, по срединѣ которой, синѣя, изгибалась полоса Волги. Берега здѣсь такъ низки, что пароходы на Волгѣ тамъ, гдѣ рѣка не видна за изгибомъ берега, кажется, плывутъ по самымъ лугамъ. Глазъ не видитъ конца зеленой равнины въ длину, по сторонамъ же налѣво луга кончаются рыжей распаханной горой, на которую я потомъ и выбрался, потому что итти лугомъ было грязно; направо за Волгой вдали также возвышались холмы. На одномъ изъ нихъ видны были шесть церквей посада Большія Соли; бѣлыя стѣны Бабайскаго монастыря также были передъ глазами.

Я прошелъ верстъ семь, пока добрался, уже къ вечеру, до Грешнева. Первой моей заботой было найти ночлегъ.

Я слышалъ ранѣе, что въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ помѣщается теперь трактиръ, и, разсматривая тотъ домъ, въ который я хотѣлъ войти, я задавалъ себѣ вопросъ: «Здѣсь или не здѣсь провелъ свое дѣтство Некрасовъ?»

Я вошелъ въ тѣсный грязноватый деревенскій трактиръ, гдѣ не было никого, кромѣ хозяина, молодого мужчины, сидѣвшаго у стола и читавшаго книгу. Я

---

[1]) Извлечено изъ первой статьи въ названной брошюрѣ, имѣвшей цѣлью посодѣйствовать выкупу родового гнѣзда Некрасова изъ частныхъ рукъ.

тотчасъ же условился съ нимъ о ночлегѣ, а потомъ спросилъ:

— Который трактиръ здѣсь помѣщается въ бывшей барской усадьбѣ?

— А это за деревней, на большой дорогѣ.

Это былъ тотъ трактиръ, который грешневская крестьянка не порекомендовала мнѣ для ночлега.

Я тотчасъ же отправился посмотрѣть на мѣсто, которое было цѣлью моего путешествія, и, пройдя деревню, увидѣлъ двухъэтажный домъ съ кирпичнымъ нижнимъ и деревяннымъ верхнимъ этажомъ, гдѣ надъ дверью виднѣлась вывѣска съ такой надписью:

Постоялый дво
ръ Раздолье съ
распитіемъ кр
епкихъ напитокъ
и навынось и съ
продажею чаю.

Въ трактирѣ я засталъ довольно большую компанію. Это по виду были не крестьяне, но и не зимогоры, какъ въ Рыбинскѣ и другихъ мѣстахъ Ярославской губерніи называютъ золоторотцевъ; по виду и по одеждѣ это были — переходная ступень отъ очень бѣднаго крестьянина къ золоторотцу. Потомъ я узналъ, что трактиръ «Раздолье» былъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нищихъ окрестныхъ деревень,— это они и были.

Оказалось, что теперешній хозяинъ усадьбы Некрасовыхъ, нѣкій Титовъ изъ Ростовскаго уѣзда, купилъ усадьбу въ Грешневѣ у Ѳ. А. Некрасова, брата поэта, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Въ настоящее время отъ бывшей усадьбы Некрасовыхъ остался только ка-

менный нижній этажъ трактира, который прежде принадлежалъ къ усадебнымъ службамъ. Во времена А. С. Некрасова, отца поэта, здѣсь помѣщались музыканты,— А. С. Некрасовъ содержалъ оркестръ. Ѳ. А. Некрасовъ послѣ смерти отца устроилъ въ этомъ зданіи трактиръ, такъ что счастливая мысль украсить кабакомъ то мѣсто, гдѣ провелъ дѣтскіе годы народный поэтъ, принадлежитъ не трактирщику Титову, который явился на готовое, а помѣщику Ѳ. А. Некрасову, брату поэта. Что касается самаго господскаго дома, то онъ сгорѣлъ еще въ 60-хъ годахъ послѣ смерти А. С. Некрасова отъ неосторожности сторожа. Господскій домъ стоялъ влѣво отъ трактира, и мѣстоположеніе его указываютъ камни, бывшіе въ его основаніи.

До сихъ поръ на мѣстѣ бывшей усадьбы растутъ липы, посаженныя когда-то около господскаго дома.

...Въ деревнѣ всѣ люди постарше знали и помнятъ Некрасова-отца и его младшаго сына Ѳедора Алексѣевича, единственнаго оставшагося въ живыхъ изъ братьевъ поэта. Многіе знали также или, по крайней мѣрѣ, видали Н. А. Некрасова, который довольно часто пріѣзжалъ въ родныя мѣста по лѣтамъ.

Матери Некрасова почти никто не помнитъ. Только самый старый человѣкъ въ деревнѣ, крестьянинъ Ерастъ Максимовичъ Торчинъ, который считаетъ себѣ около 80 лѣтъ и съ Н. А. Некрасовымъ былъ почти сверстникъ, сохранилъ о старой барынѣ смутное воспоминаніе, какъ о существѣ хрупкомъ, худенькомъ, нѣжномъ.

— Добрая была барыня,— часто упрашивала мужа простить, если онъ кого хотѣлъ высѣчь.

Мужъ иногда слушался ея, иногда возражалъ: «Нѣтъ, вѣдь сама себя раба бьетъ» или: «Если бы на кропиву не морозъ, она и зимой бы жглась», или, наконецъ, какой-нибудь другой поучительной сентенціей, и дѣлалъ свое.

А. С. Некрасовъ, унаслѣдовавшій отъ братьевъ Сергѣя и Дмитрія, жившихъ также въ Грешневѣ, ихъ владѣнія, имѣлъ четыре деревни: Грешнево, Гогулино, Васильково, Кочевку, всего около 150 душъ. Крестьяне въ «некрасовщинѣ» жили исправно, и Алексѣй Сергѣевичъ приписывалъ это себѣ.

Часто онъ говорилъ своимъ мужикамъ, указывая на сосѣднюю неисправную деревню Никулино:

— Смотрите, какъ никулинскіе живутъ, а у васъ за мной-то и дома и все, а безъ меня такіе же будете.

— А крестьяне что? — спросилъ я Ераста Максимовича.

— А крестьяне, извѣстно, про себя думали: хоть одинъ горшокъ, да самъ большой.

Нѣкоторые наканунѣ воли откупались за большія деньги — хоть годомъ, да раньше. А. С. Некрасовъ держалъ своихъ крестьянъ строго. Онъ хорошо зналъ хозяйственныя дѣла своихъ крѣпостныхъ, и мужики не смѣли копейки лишней издержать на «баловство».

— При крѣпостномъ-то правѣ мы каждый грошъ тремя узлами завязывали,— говорилъ Ерастъ Максимовичъ,— чаю въ поминѣ не было, развѣ кто по праздникамъ пилъ.

Изъ мужиковъ Алексѣй Сергѣевичъ въ свой барскій домъ выжималъ, что могъ, не портя курицы, несущей золотыя яйца, и память объ его прижимкѣ живетъ до сихъ поръ въ населеніи бывшей «некрасовщины».

Вмѣстѣ съ прочимъ баловствомъ А. С. Некрасовъ не допускалъ и семейныхъ раздѣловъ и на просьбы раздѣлить ради умиротворенія бабъ отвѣчалъ басней о вѣникѣ, прибавляя:

— Семейная каша гуще бываетъ!

А при усиленныхъ просьбахъ отправлялъ на «девятую половину»,—грешневская метафора, означавшая порку.

Потому-то при жизни Алексѣя Сергѣевича, который немногимъ пережилъ крѣпостное право, изъ окрестныхъ деревень, случалось, неохотно отдавали дѣвицъ замужъ «въ некрасовщину на муку».

А старый Ерастъ Максимовичъ, который пользовался даже благоволеніемъ барина и былъ у него въ старостахъ до самаго объявленія воли, теперь, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ смерти барина, говоритъ:

— Барина Алексѣя Сергѣича больно-то худа не помянешь, да и хорошимъ-то нечѣмъ.

Такимъ же А. С. былъ и въ своемъ домашнемъ кругу.

Пока жива была жена, А. С. Некрасовъ, какъ говорятъ старики, не имѣлъ любовницъ; послѣ же ея смерти онъ имѣлъ ихъ нѣсколько.

— Одна была коренная, другія въ пристяжкѣ,— выразился Ерастъ Максимовичъ.

А. С. Некрасовъ до самой смерти старался сохранить молодой видъ и, если гдѣ-нибудь замѣчалъ у себя сѣдой волосъ, тотчасъ приказывалъ лакею его вырвать.

— Вырветъ и думаетъ, что теперь опять не старъ,— съ неодобреніемъ вспоминаетъ эту непокорность природѣ Ерастъ Максимовичъ, старикъ сѣдой, но еще крѣпкій, несмотря на свои 80 лѣтъ.

— Бывало, — вспоминалъ Ерастъ Максимовичъ, — баринъ встанетъ, подойдетъ къ окну, увидитъ, что пороши нѣтъ и скажетъ: «Ахъ, чортъ возьми, опять нельзя ѣхать на охоту!» А когда захворалъ передъ смертью и лежалъ въ постели, то часто приходилось отъ него слышать: «Хоть бы Господь скорѣй одинъ конецъ послалъ!»

Я слушалъ эти простыя слова и ясно представлялъ себѣ стараго барина, который всю жизнь прожилъ только для себя, зналъ только свои желанія и не только подчинялъ имъ окружавшихъ его людей, но досадовалъ,

что сама природа не шла навстрѣчу его прихоти. И только передъ грознымъ лицомъ смерти, сломленный невыносимыми страданіями, этотъ своенравный человѣкъ иногда смирялся. Говорю: иногда, потому что есть извѣстія, что А. С. Некрасовъ умеръ не въ мирѣ, а съ проклятіями за тѣ муки, которыя испыталъ передъ смертью онъ, всю жизнь свою мучившій сотни людей, ему подвластныхъ.

Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что въ воспоминаніяхъ Ераста Максимовича о старомъ баринѣ нѣтъ ничего ужаснаго, что можно встрѣтить въ другихъ воспоминаніяхъ изъ временъ крѣпостного права. Если мы вспомнимъ еще характеристику А. С. Некрасова въ поэмѣ «Мать»:

«Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но нравъ его, привычки, воспитанье?..
Умѣетъ ли онъ имя подписать?»...—

то мы получимъ понятіе объ А. С. Некрасовѣ, какъ о самомъ обыкновенномъ представителѣ стараго времени и той «гордившейся невѣжествомъ среды», которая «попрала все разумное ногами». Только особенныя качества ума и сердца давали возможность побѣдить растлѣвающее вліяніе крѣпостного права. А. С. Некрасовъ ими не обладалъ, но онъ отнюдь не былъ и извергомъ и даже былъ не лишенъ хорошихъ качествъ, что доказывается уже тѣмъ, что онъ способенъ былъ подчиняться вліянію своей жены. Семейный деспотизмъ, отъ котораго страдала семья Некрасовыхъ, будучи отраженіемъ крѣпостного права, былъ обычнымъ явленіемъ того времени. Страдалъ отъ него Пушкинъ, страдалъ Тургеневъ, хотя зналъ только мать. Притѣсненіе крестьянъ... кто же не притѣснялъ крестьянъ? Тѣмъ болѣе мелкопомѣстный А. С. Некрасовъ, который, однако, страстно любилъ псовую охоту и держалъ свору въ

100 собакъ, держалъ также оркестръ музыкантовъ настолько порядочный, что онъ былъ извѣстенъ кругомъ и приглашался иногда въ Ярославль на свадьбы и иныя торжества.

Что касается сыновей А. С. Некрасова, то о Николаѣ Алексѣевичѣ, кто его помнитъ, отзываются такъ:

— Добрый былъ, деликатный господинъ, настоящій баринъ!

Ближе всѣхъ Н. А. Некрасова зналъ крестьянинъ деревни Орлова Кузьма Ефимовичъ Солнцевъ, съ которымъ Н. А. постоянно охотился, когда пріѣзжалъ на родину.

Кузьмѣ Ефимычу теперь 70 лѣтъ. Онъ довольно высокаго роста, крѣпокъ и силенъ и смотритъ лѣтъ на 10 — 15 моложе своего возраста. Борода у него сѣдая, но въ головѣ сѣдины не видно. Когда я сказалъ ему, что пришелъ поговорить съ нимъ о Н. А. Некрасовѣ, онъ оживился и воскликнулъ:

— Какъ же! Мы съ нимъ пріятели были!

Въ воспоминаніяхъ Кузьмы Ефимыча о Некрасовыхъ нѣтъ той горечи, какая накопилась на душѣ Ераста Максимыча, бывшаго крѣпостного, видѣвшаго и испытавшаго не мало барской грозы. Кузьма Ефимычъ зналъ Некрасовыхъ съ другой стороны. Крѣпостной другихъ господъ, которые въ свою деревню не заглядывали и къ крестьянамъ относились милостиво, онъ зналъ съ Некрасовыми больше по части охоты и неизмѣнно сопутствовалъ Н. А. Некрасову, когда онъ пріѣзжалъ въ родныя мѣста охотиться.

Кромѣ врожденной страсти къ охотѣ, о которой говоритъ сестра Некрасова въ своихъ воспоминаніяхъ, охота была для Н. А. еще средствомъ стряхнуть съ себя на время треволненія столичной жизни.

Этимъ желаніемъ на время позабыть столицу объясняется, конечно, и то, что Н. А. Некрасовъ являлся въ родныя мѣста всегда одинъ, безъ столичныхъ зна-

комыхъ. Только одинъ разъ, кажется, за годъ до своей смерти, онъ пріѣзжалъ въ Орлово съ З—ой П—ой, которая прожила въ Орловѣ недѣли три и охотилась вмѣстѣ съ Н. А. Пріѣзжая на родину, Н. А. Некрасовъ временно погружался въ крестьянскій міръ. Охота, по словамъ его сестры, была для него также средствомъ сблизиться съ народомъ. Н. А. не забывалъ никого изъ деревенскихъ знакомыхъ. Дѣтямъ онъ часто привозилъ игрушки.

— Онъ былъ очень памятливъ,— говорилъ Кузьма Ефимычъ.—Другая семья—большая, а онъ и на другой годъ всѣхъ по именамъ называетъ, — записывалъ, что ли?

На охоту Н. А. выѣзжалъ съ обозомъ изъ 2—3 телѣгъ, на которыхъ были нагружены съѣстные припасы и прочее, что нужно для охоты и кочеванья по полямъ и лѣсамъ. Впрочемъ, если Н. А. забирался куда-нибудь далеко отъ обоза, то, проголодавшись, съ удовольствіемъ садился за крестьянскую ѣду, ѣлъ и похваливалъ.

Н. А. Некрасовъ, по словамъ Кузьмы Ефимыча, стрѣлялъ хорошо, съ выдержкой. Добычу отчасти разсылалъ знакомымъ, но часто предоставлялъ сопровождавшимъ его на охоту крестьянамъ, довольствуясь однимъ наслажденіемъ охоты. Въ его время въ тѣхъ мѣстахъ дичи было много.

— Теперь въ двадцать разъ меньше стало,— говорилъ Кузьма Ефимычъ, вспоминая старое.— И всего меньше стало даже такой птицы, на которую не охотятся,— скворцовъ, галокъ. А лѣсовъ сколько перевели, такъ и сказать нельзя. Если бы кто сюда попалъ, кто тутъ тридцать лѣтъ не бывалъ, своихъ мѣстъ не узналъ бы.

За всѣ услуги Н. А. щедро платилъ крестьянамъ.

— Баба воды въ ковшикѣ принесла,— полтинникъ, молока или яицъ спросилъ,— рубль.

Когда же онъ располагался обѣдать у своего обоза, то подносилъ водки всѣмъ прохожимъ, при чемъ часто вступалъ съ ними въ разговоры.

— Онъ былъ очень любопытенъ,— говорилъ К. Е.,— всѣхъ обо всемъ разспроситъ и запишетъ въ книжку.

Объ отношеніяхъ Н. А. къ роднымъ мы знаемъ отчасти по его сочиненіямъ. Крестьянамъ извѣстно, что у него былъ разладъ съ отцомъ.

— Отецъ его не любилъ,— говорилъ Кузьма Ефимычъ.— Только ужъ когда сынъ въ гору пошелъ, ну, помирился съ нимъ; бывало, даже хвастался сыномъ, что онъ съ князьями да графами знается.

Къ брату своему, Ѳедору Алексѣевичу, Н. А. питалъ самыя родственныя чувства. Н. А. часто убѣждалъ брата жениться. «А то я — неженатый, ты холостъ, — такъ нашъ родъ прекратится».

Отчего былъ неженатъ Н. А., это мы знаемъ изъ слѣдующихъ строкъ въ «Горѣ стараго Наума», имѣющихъ автобіографическое значеніе:

«Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны.
Пускай лѣнтяи и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,—
Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ,—
Я думалъ гордо. Кто не радъ
Оставить міру племя?
Но я родился невпопадъ—
Лихое было время».

Это было въ молодости Н. А. Некрасова, когда онъ находился въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. А потомъ

«Ушло и время... Мѣста нѣтъ
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнетъ слѣдъ!
Надежда вся на музу».

Какъ видитъ читатель, воспоминанія крестьянъ о Н. А. Некрасовѣ и его родныхъ вполнѣ согласны съ тѣмъ, что мы узнаемъ о родныхъ Н. А. Некрасова и о немъ самомъ изъ его сочиненій. Н. А. Некрасовъ не лгалъ въ своихъ произведеніяхъ, и представленіе о немъ, которое складывается при чтеніи его произведеній, нисколько не противорѣчитъ тому, которое имѣли о немъ крестьяне въ его родныхъ мѣстахъ, знавшіе его, какъ человѣка. Слушая разсказы крестьянъ о Н. А. Некрасовѣ, не можешь не пожалѣть, что эти люди, такъ вѣрно оцѣнившіе Н. А. Некрасова, какъ человѣка, ничего не знаютъ о немъ, какъ о писателѣ.

Село Абакумцево, около церкви котораго покоятся мать, отецъ Н. А. Некрасова и другіе его родственники, находится въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ 2—3 отъ Грешнева.

Здѣсь-то «у Петра и Павла», какъ обыкновенно говорятъ мѣстные крестьяне, за церковной оградой, позади алтаря, я увидѣлъ окруженный желѣзной рѣшеткой памятникъ изъ бѣлаго мрамора на гранитномъ основаніи. На немъ, раздвинувъ гибкія и тонкія лозы тальника, выросшія у подножья памятника и склоняющіяся за рѣшетку, я прочелъ краткую надпись, много говорящую всѣмъ, кто любилъ поэзію Н. А. Некрасова: «Елена Андреевна Некрасова. Скончалась 29 іюля 1841 г.».

Въ далекомъ Петербургѣ, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти матери, поэтъ мечталъ какъ-то:

«Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать»...

Это было сказано о той самой могилѣ, которая была передъ моими глазами. Гибкія таловыя вѣтви, склоняющіяся изъ-за рѣшетки, тотчасъ вызвали у меня въ памяти образъ той трепетной ивы, которую добрая, физически слабая мать Н. А. Некрасова посадила ря-

домъ съ дубомъ упрямаго и заскорузлаго крѣпостника мужа.

Я не знаю, кѣмъ былъ поставленъ памятникъ на могилѣ матери Некрасова, мужемъ ея или поэтомъ-сыномъ, который нерѣдко приводилъ въ исполненіе свое желаніе «рыдать на далекой могилѣ». Вспомните, напр., слѣдующія строки изъ поэмы «Мать»:

«У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невзгодамъ,
Захлеснутъ былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подъ семейнымъ сводомъ
Погребена—тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ».

На могилѣ въ настоящее время нѣтъ креста,— онъ сломанъ. Поломана мѣстами и желѣзная рѣшетка вокругъ могилы.

Отецъ же Н. А. Некрасова погребенъ подъ «семейнымъ сводомъ», о которомъ говоритъ поэтъ выше.

Фамильный склепъ Некрасовыхъ помѣщается въ маленькой четыреугольной часовнѣ, построенной изъ кирпича въ углу церковной ограды. Склепъ устроенъ, какъ говорятъ, Ѳ. А. Некрасовымъ въ 60-хъ годахъ. Внутри онъ не доконченъ. Двѣ стѣны его покрыты картинами, писанными масляными красками и изображающими Спасителя на крестѣ, положеніе во гробъ, воскресеніе; двѣ другія стѣны голы. Куполообразный потолокъ выкрашенъ свѣтло-голубой краской съ золотыми звѣздами. Вмѣсто пола — настилка изъ досокъ, положенныхъ на сгнившіе деревянные брусья. Самые брусья лежатъ на кирпичныхъ аркахъ, отчего полъ и держится, не падая внизъ. Подъ поломъ — воды на два аршина слишкомъ. Въ этой водѣ сверху плаваютъ гнилушки отъ брусьевъ, на которыхъ держится полъ, и

видны три черныхъ ящика, въ которыхъ лежитъ прахъ отца поэта, старшаго брата его Андрея и сестры Анны Алексѣевны. Поэту не такъ сыро лежать на кладбищѣ въ Петербургѣ, какъ его отцу въ семейномъ склепѣ при церкви села Абакумцева, по крайней мѣрѣ, весною, когда набирается вода отъ стаявшаго снѣга. Въ другое время воды не бываетъ, потому что церковь стоитъ на горѣ, на сухомъ мѣстѣ.

Я вышелъ, замкнувъ засовомъ зеленую желѣзную дверь склепа. За селомъ я остановился, оглядывая широко развернувшуюся передъ моими глазами картину тѣхъ мѣстъ, гдѣ выросъ народный поэтъ, гдѣ онъ находилъ источникъ лучшихъ вдохновеній и гдѣ онъ, входя въ общеніе съ народомъ, искалъ забвенія мукъ страдающей души, слитой изъ столь несродныхъ душъ его отца и его матери, души, исполненной борьбы и противорѣчій, погрязавшей въ «нечистой тинѣ мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей» и поднимавшейся на высоту самаго чистаго вдохновенія.

Передо мной тянулась зеленая полоса большой дороги, на которой влѣво за деревьями прятались крестьянскія постройки Грешнева. Отъ горы, на которой я находился, до самаго Грешнева и кругомъ его были все луга и поля, то чернѣющія свѣже-вспаханнымъ паромъ, то зеленѣющія подрастающими хлѣбами. Лѣса около Грешнева не было съ давнихъ временъ, а теперь только по луговинѣ къ Волгѣ видны кой-гдѣ купы деревьевъ и маленькія рощи. Направо за большой дорогой видно озеро, на которомъ Н. А. Некрасовъ, навѣрное, стрѣлялъ утокъ. На днѣ его народная фантазія похоронила цѣлое село съ церковью. Эта водяная могила заманчиво голубѣла, сверкая на солнцѣ, среди безконечнаго зеленаго луга. Еще далѣе вправо синѣло плесо Волги, и на ея берегу видны были высокія колокольни села Діево-Городище,— родина одной изъ прекраснѣйшихъ личностей нашей исторіи, митрополита

Филиппа. Два благородныхъ борца за правду, два великихъ заступника за жертвы произвола и насилія вышли изъ среды мирнаго и простого населенія, живущаго среди этой мирной, простой и немного грустной природы. Правда, по этимъ же полямъ носился со своими сворами и А. С. Некрасовъ, травя зайцевъ въ часы забавы и угнетая людей во всякое время, но это время уже прошло. Правда, воспоминанія о старомъ баринѣ еще не сгибли въ пучинѣ народнаго забвенія, какъ самый прахъ его въ черномъ засмоленномъ ящикѣ можно еще видѣть въ глубинѣ семейнаго склепа близъ церкви Петра и Павла, на кладбищѣ которой множество безыменныхъ могилъ, поросшихъ травою и цвѣтами, уже сравнялись съ землею. Но пройдетъ время, порастутъ быльемъ дѣла старыхъ людей, народятся новые люди; они совершатъ новыя дѣла и создадутъ новыя пѣсни, которыя, можетъ-быть, уже не будутъ говорить все о горѣ, о злосчастіи, о голодѣ и холодѣ, обо всемъ, что щемитъ нашу душу въ поэзіи Н. А. Некрасова.

Некрасовъ и гр. Лорисъ-Меликовъ [1]).

... За весь этотъ періодъ жизни Лориса трудно было бы привести что-нибудь выдающееся, если бы не было его знакомства съ поэтомъ Некрасовымъ. Знакомство это относится къ 1841 или, еще вѣрнѣе, къ 1842 году, т.-е. къ тому темному періоду существованія поэта, когда онъ изыскивалъ всякія средства, чтобы не быть затертымъ нищетой и безвѣстностью. Крайне нуждав-

---

[1]) «Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ», въ книгѣ: *Н. А. Бѣлоголовый.* Воспоминанія и друг. статьи. Спб. 1901, стр. 177—178. Графъ Михаилъ Таріэловичъ Лорисъ-Меликовъ—крупный государственный дѣятель времени императора Александра II—въ началѣ сороковыхъ годовъ поступилъ въ Петербургѣ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

шійся Некрасовъ пріютился тогда у нѣкоего профессора Бенецкаго, имѣвшаго у себя нѣсколько воспитанниковъ для приготовленія въ разныя петербургскія школы; юнкеръ Лорисъ, посѣщая одного изъ этихъ пансіонеровъ, познакомился тутъ же и съ Некрасовымъ. Какъ разъ около этого времени Лорисъ и его однокашникъ Нарышкинъ задумали нанять себѣ маленькую квартирку въ городѣ, чтобы имѣть собственный пріютъ, такъ какъ ихъ, какъ выпускныхъ юнкеровъ, отпускали не только на праздники, но позволяли отлучаться изъ школы и среди недѣли; Некрасовъ, узнавъ объ этомъ планѣ, тотчасъ же предложилъ, чтобы и его приняли въ компанію, и они втроемъ наняли себѣ квартирку гдѣ-то около Николаевской, въ то время Грязной, въ домѣ Шаумана. Зажиточностью товарищество похвастаться не могло: Лорисъ получалъ отъ родителей 25 руб. ежемѣсячно, Нарышкинъ столько же, а Некрасову въ описываемое время отецъ ничего не давалъ и только изрѣдка, въ неправильныхъ промежуткахъ и понемногу, высылала ему мать, да кромѣ того онъ состоялъ корректоромъ въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Ѳ. Кони и сдавалъ въ этотъ же журналъ свои плохо оплачиваемые стихи, такъ что весь его доходъ едва ли превышалъ доходы его сожителей. Всѣ трое были очень молоды, любили весело пожить и, получивши свои небольшіе доходы, чрезвычайно быстро спускали ихъ съ рукъ и потомъ, въ ожиданіи слѣдующей получки, впадали въ меланхолію и жили отшельниками. Вотъ въ эти-то тощія недѣли и періодическія безденежья Некрасову приходилось особенно бѣдствовать и терпѣть отъ голоду и холоду, тогда какъ для его товарищей-юнкеровъ школа служила спасительною пристанью, въ которой они имѣли все необходимое. Некрасовъ уже и тогда очень любилъ писать стихи, но выше заурядности не поднимался, и, по словамъ Лориса, трудно было предположить, чтобы впослѣд-

ствіи могъ выработаться изъ него такой сильный поэтическій талантъ; однако, и тогда онъ отличался большимъ остроуміемъ и наблюдательностью, которую прилагалъ особенное стараніе развивать въ себѣ, заводя для этого знакомство повсюду и съ самыми разнообразными личностями; онъ и Лориса нерѣдко увлекалъ съ собой для компаніи въ гости къ разнымъ мелкимъ чиновникамъ, жившимъ по окраинѣ Петербурга, а однажды, чисто для изученія типа, онъ свелъ дружбу съ полицейскимъ сыщикомъ, приглашалъ его къ себѣ и потомъ съ большимъ остроуміемъ изображалъ Лорису характерныя особенности своего новаго знакомаго.

Остался отъ этого сожительства еще одинъ забавный эпизодъ въ памяти Лориса, который онъ передавалъ съ неподражаемымъ юморомъ: разъ на Рождествѣ Некрасовъ предложилъ ему отправиться, замаскировавшись обоимъ, на вечеринку къ одной чиновничьей семьѣ въ Измайловскій полкъ; они вечеромъ зашли въ костюмерную лавочку, выбрали для себя костюмы, Некрасовъ — венеціанскаго дожа, а Лорисъ — испанскаго гранда и, тутъ же переодѣвшись, оставили у костюмера свое платье и условились, что они на слѣдующее утро заѣдутъ за своимъ платьемъ и тогда заплатятъ и за костюмы. Взяли карету и отправились; еще дорогой они провѣрили свои капиталы — хватитъ ли ихъ на уплату за экипажъ и костюмы?—и нашли, что хватитъ; но случилось такъ, что съ вечеринки они заѣхали еще куда-то, что-то выпили и, только возвращаясь подъ утро домой, спохватились, что у нихъ недостаетъ денегъ на выкупъ платья. Лорисъ живо вспоминалъ себѣ этотъ трагикомическій день, когда они сначала бѣгали въ маскарадныхъ костюмахъ по своей нетопленной квартирѣ, тщетно стараясь согрѣться въ коротенькихъ тогахъ и въ длинныхъ чулкахъ вмѣсто панталонъ, и недоумѣвая, какъ выйти имъ изъ такого

нелѣпаго положенія, и какъ потомъ, чтобы отогрѣть окоченѣвшіе члены, они рѣшили пожертвовать для растопки печи однимъ стуломъ изъ своей убогой меблировки и поддерживали огонь мочалкой, выдернутой изъ дивана, а сами разсѣлись на полу передъ печкой, на коврѣ, привезенномъ Некрасовымъ изъ деревни; скоро заговорилъ въ нихъ голодъ, а ѣсть было рѣшительно нечего и купить было не на что, и только послѣ долгихъ переговоровъ лавочникъ, у котораго были раньше заложены двѣ серебряныя ложки, согласился отпустить имъ въ долгъ студени, и дожъ и грандъ благородно подѣлили между собой эту незатѣйливую трапезу. Пріятели разослали въ разные концы записки къ знакомымъ съ просьбою ихъ выручить, но отовсюду получили отказъ, и лишь къ вечеру Нарышкинъ добылъ денегъ и выручилъ ихъ изъ бѣды. Вскорѣ послѣ этого сожительство съ Некрасовымъ прекратилось, не по причинѣ какого-нибудь разлада, а просто по измѣнившимся обстоятельствамъ; Лорисъ вышелъ въ офицеры, и пріятели потеряли другъ друга изъ виду, а когда, примѣрно, года черезъ два, Лорисъ столкнулся съ Некрасовымъ на Невскомъ и послѣдній затащилъ его къ себѣ на квартиру у Аничкова моста, то дѣла поэта видимо ужъ стали процвѣтать: и самъ онъ ходилъ щеголемъ и квартира его была меблирована не безъ изящества. Это было ихъ послѣднее свиданіе; Лорисъ уѣхалъ вскорѣ на Кавказъ и не возвращался въ Петербургъ до 1873 г.; Некрасовъ же умеръ въ 1877 г.; только когда Лорисъ состоялъ начальникомъ Терской области, онъ получилъ письмо отъ Некрасова, въ которомъ поэтъ, напоминая ихъ прежнія отношенія, просилъ его принять участіе въ литераторѣ Благовѣщенскомъ, отправленномъ по болѣзни на Кавказъ на продолжительное житье и безъ всякихъ средствъ къ существованію, и Лорисъ исполнилъ просьбу стараго пріятеля.

Я нарочно разсказалъ подробно все, что̀ зналъ о сношеніяхъ Лориса съ Некрасовымъ, потому что, съ одной стороны, фактъ этотъ можетъ послужить для біографовъ того и другого, а съ другой, объяснить отчасти ту любовь къ поэзіи и къ литературѣ, которую питалъ Лорисъ и которая такъ гуманизировала его, невзирая на суровую и боевую его обстановку на Кавказѣ.

Литературные дебюты Н. Некрасова [1]).

[Авторъ статьи говоритъ въ началѣ ея: «Нѣкоторыми очень цѣнными разъясненіями и указаніями обязаны мы Ѳедору Алексѣевичу Кони, бывшему издателю «Литературной Газеты» и «Пантеона», постояннымъ сотрудникомъ которыхъ былъ Некрасовъ въ тѣ годы» (1838—1845)].

... Въ 1840 году Некрасовъ, вольнослушатель университета, состоитъ репетиторомъ въ приготовительномъ пансіонѣ при Дворянскомъ полку, содержавшемся преподавателемъ этого заведенія Бенецкимъ. Въ числѣ товарищей Бенецкаго по Дворянскому полку былъ Ѳ. А. Кони, также преподаватель, и въ то время уже издатель «Пантеона». Услышавъ отъ Бенецкаго отзывы о Некрасовѣ, какъ о юношѣ, очень даровитомъ и начинающемъ поэтѣ, онъ просилъ Бенецкаго познакомить его съ нимъ, что тотъ и исполнилъ. Знакомство это имѣло нѣкоторое вліяніе на дѣла Некрасова. Онъ оставляетъ вскорѣ послѣ этого пансіонъ Бенецкаго и, поселясь поблизости редакціи «Пантеона» (на Владимирской улицѣ), дѣлается его дѣятельнымъ и постояннымъ сотрудникомъ съ опредѣленнымъ небольшимъ жалованьемъ. Со второго же нумера этого журнала на 1840 годъ появляется цѣлый рядъ стихотво-

---

[1]) В. Горленко. «Отечественныя Записки» 1878 г., № 12.

реній и куплетовъ Некрасова («Провинціальный подъячій въ Петербургѣ», три отрывка, подписанные псевдонимомъ Ѳ. Бобъ, «Офелія», «Слеза разлуки» и друг.). До того времени Некрасовъ ничего не писалъ въ прозѣ, а на стихахъ, какъ извѣстно, заработать много нельзя. На совѣты Кони писать прозою, Некрасовъ отвѣчалъ, что онъ рѣшительно не умѣетъ и не знаетъ, о чемъ писать. «Попробуйте на первый разъ разсказать какой-нибудь извѣстный вамъ изъ жизни случай, приключеніе», совѣтуетъ ему Кони. Предложеніе принято, изобрѣтается для прозы псевдонимъ Перепельскій (имъ подписана большая часть повѣстей и разсказовъ Некрасова, но не всѣ: другіе, и не всегда лучшіе, подписаны настоящимъ именемъ) и въ № 5-мъ «Пантеона» 1840 года появляется первый прозаическій опытъ Некрасова, повѣсть «Макаръ Осиповичъ Случайный», гдѣ, со всѣми заурядными романическими пріемами того времени, разсказывается дѣйствительная исторія нѣкоего чиновника Сл—скаго, надѣлавшая въ то время нѣкотораго шуму въ Петербургѣ. *Идея* этой повѣсти, содержаніе которой мы, конечно, передавать не будемъ, резюмирована въ слѣдующемъ возгласѣ героя ея Зорина: «Мазурка, мазурка! Когда-то я потерпѣлъ отъ тебя много, пускай же и другіе узнаютъ, какъ иногда ты непріятна!» Единственное мѣсто, нѣсколько выдѣляюшееся на тускломъ фонѣ этой романической исторіи — это коротенькое описаніе ненастной, дождливой петербургской осенней ночи, такой ночи, когда даже тѣмъ, «которые сидятъ въ своей теплой, сухой комнатѣ, передъ растопленнымъ каминомъ, съ трубкою или сигарою въ рукахъ, передъ стаканомъ чаю, въ то время, какъ у ихъ окна на дворѣ другіе мокнутъ и мерзнутъ подъ небомъ, покрытымъ тучами, это эгоистическое удовольствіе не доставляетъ отрады». Первый опытъ былъ сдѣланъ и сошелъ благополучно. О чемъ писать теперь? «Опишите себя, свое недавнее положе-

ніе», совѣтуетъ тотъ же издатель, и Некрасовъ пишетъ разсказъ: «Безъ вѣсти пропавшій піита», имѣющій, по словамъ Кони, несомнѣнное автобіографическое значеніе, на которомъ поэтому мы и остановимся подольше. Замѣтимъ, что здѣсь, когда молодому автору приходится описывать лично пережитыя и выстраданныя невзгоды, у него является и живость и мѣткость, и что вообще этотъ и еще другой, позднѣйшій разсказъ въ томъ же родѣ, значительно выдѣляются въ этомъ отношеніи изъ массы другихъ «сочиненныхъ» повѣстей Некрасова той эпохи.

Разсказъ открывается такою, вѣроятно списанною съ натуры, сценою: «Плотно закутавшись въ шинель и дрожащій отъ холода, я лежалъ на коврѣ, разостланномъ посрединѣ моей квартиры и размышлялъ о средствахъ достать чернилъ. Мнѣ нужно было непремѣнно написать одну статейку, на которой основывались всѣ надежды моего бѣднаго желудка, въ продолженіе трехъ дней голоднаго. Годъ былъ урожайный; за статьи платили мало или ничего вовсе, а ѣсть любилъ я много; ни родового ни благопріобрѣтеннаго я не имѣлъ, слѣдовательно, нечему дивиться, что мебель моя состояла изъ одного трехногаго стула и вся квартира простиралась не болѣе, какъ на шесть квадратныхъ шаговъ, половина которыхъ была отгорожена ширмою, за которой жительствовалъ мой слуга. Я находился въ тѣсныхъ обстоятельствахъ во всевозможныхъ смыслахъ этого выраженія; денегъ у меня не было ни гроша; вещей удобопродаваемыхъ тоже»... Въ такую-то тяжелую минуту, когда юный писатель, чтобъ добыть чернилъ, начинаетъ осторожно смывать съ сапоговъ своихъ ваксу, является къ нему пріѣхавшій съ мѣста его родины курьезный піита Грибовниковъ, явившійся въ Петербургъ искать славы и богатства на литературномъ поприщѣ. Разсказчикъ писалъ на родину роднымъ и знакомымъ, что литература обогатила его, и

вотъ Грибовниковъ соблазнился этими разсказами и самъ захотѣлъ попытать счастья въ Петербургѣ. Изъ самолюбія разсказчикъ сначала не хочетъ открыть ужасной истины... (Дѣло оканчивается тѣмъ, что разсказчикъ не выдерживаетъ своей роли, его нищета обнаруживается, а *піита* скрывается, пораженный ужасомъ.)

... Во всякомъ случаѣ, разсказъ этотъ представляетъ большой интересъ по своему автобіографическому значенію. Не лишены также подобнаго же интереса помѣщенныя въ №№ 15 и 16 «Литературной Газеты» водевильныя сцены изъ журнальной жизни «Утро въ редакціи», не подписанныя, но принадлежащія, несомнѣнно, Некрасову, по указанію г. Кони. Здѣсь выведенъ редакторъ «Литературной Газеты» подъ именемъ Семячко, и самъ авторъ, сотрудникъ его, подъ сокращеннымъ его псевдонимомъ—Пельскій. Содержаніе сценъ—невзгоды редакторской жизни, возня съ непрошенными сотрудниками, считающими себя геніями и ужасно самолюбивыми, съ провинціальными подписчиками, актерами, объ игрѣ которыхъ газета давала отчетъ, и проч. Есть тутъ много и другихъ куплетовъ, съ намеками на журнальную перебранку того времени, въ которой отличался преимущественно доблестный Булгаринъ, особенно невзлюбившій Некрасова и старавшійся не разъ всячески вредить ему.

Слѣдующая повѣсть Некрасова въ «Пантеонѣ» — «Пѣвица» имѣетъ всѣ признаки вещи, написанной исключительно подъ вліяніемъ крайности и для денегъ. Содержаніе ея невѣроятно, лица и событія искусственны въ высшей степени и вообще вся эта исторія, въ которой героиня носитъ имя Ангелики (она итальянка), а герои—графы и бароны—вполнѣ невозможна. Молодому автору, безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ кому бы то ни было, извѣстно было это, въ то время, когда онъ, можетъ-быть, голодный, писалъ, напр., начало этой

повѣсти, дающее понятіе объ остальномъ. «Молодая дама прекрасной наружности сидѣла на кушеткѣ въ грустной задумчивости». Эта дама ждала пріѣзда своего любовника барона Р. и, вѣроятно, вслѣдствіе этого обстоятельства у нея «отъ груди, какъ отъ раскаленнаго металла, вѣяло пламенемъ» и т. д. Однако, повѣсть была напечатана («Пантеонъ», № 11), даже, какъ будто бы нарочно, съ настоящимъ именемъ автора, и нимало не выдалась своею невозможностью изъ массы подобныхъ произведеній, украшавшихъ столбцы журналовъ того времени.

Почти то же самое можно сказать о цѣлой серіи повѣстей и разсказовъ, которые печатаются въ слѣдующемъ году въ «Литературной Газетѣ». Изданіе «Лит. Газеты» принялъ въ этомъ году на себя издатель «Пантеона», и Некрасовъ перешелъ туда вслѣдъ за нимъ.

... По словамъ Кони, происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ повѣствованій было слѣдующее: «А вотъ что я сегодня *начиталъ*», говорилъ девятнадцатилѣтній писатель, входя къ своему издателю и передавая ему содержаніе прочитаннаго въ какой-нибудь забытой книжкѣ. «Ну, вотъ вамъ и сюжетъ, садитесь и пишите», говорилъ ему издатель, и въ результатѣ являлись разсказы въ родѣ «Пѣвицы», «Въ Сардиніи» и т. п. Это было время, когда Некрасовъ оставилъ университетъ и перебивался исключительно литературной работой. Задача состояла въ томъ, чтобы писать какъ можно больше, такъ какъ платили немного, а потому объ отдѣлкѣ, о жизненности производимаго некогда было и помышлять. Такимъ образомъ, въ «Литературной Газетѣ» и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ появляется цѣлый рядъ подобныхъ произведеній, содержанія которыхъ мы здѣсь не будемъ передавать, хотя просмотрѣли ихъ всѣ, такъ какъ они имѣютъ единственное значеніе, какъ факты біографіи поэта, свидѣтельствующіе о массѣ несродной ему работы и о томъ

тяжеломъ трудѣ и лишеніяхъ, которые ему пришлось испытать прежде, чѣмъ выбраться на свой настоящій путь. Вотъ заглавія этихъ сочиненій: «Двадцать пять рублей», разсказъ («Лит. Газ.» № 9), «Ростовщикъ», разсказъ (id. №№ 25, 26), «Капитанъ Кукъ», разсказъ (id. № 42), «Карета», предсмертныя записки дурака (id. № 60), «Жизнь Александры Ивановны», повѣсть (id. №№ 84—87), «Опытная женщина», повѣсть («Отеч. Записки 1841 г., № 10), только въ одинъ 1841 годъ, не считая стихотвореній, *пяти* театральныхъ пьесъ и театральныхъ и журнальныхъ рецензій.

Я отрокомъ покинулъ отчій домъ,
За славой я въ столицу торопился,
Въ семнадцать лѣтъ я жилъ своимъ трудомъ,
И между тѣмъ, урывками, учился...

говоритъ поэтъ, вспоминая ту эпоху въ своей предсмертной поэмѣ. По словамъ свидѣтеля, на котораго мы уже ссылались, въ то время Некрасовъ читалъ очень много и съ жадностью, и особенно любилъ чтеніе европейскихъ классиковъ, съ которыми, по незнанію иностранныхъ языковъ, долженъ былъ знакомиться по немногочисленнымъ русскимъ переводамъ. Иногда Кони бралъ того или другого поэта и переводилъ подстрочно. Случалось, что Некрасовъ заимствовалъ что-нибудь изъ прочитаннаго, какъ матеріалъ для своихъ литературныхъ работъ. Такъ фабулы разсказа «Ростовщикъ» и водевиля «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», взяты были изъ повѣстей Нарѣжнаго.

Дѣятельность драматическаго автора и водевилиста была вторымъ источникомъ средствъ къ жизни, который открылъ юный писатель. Съ особеннымъ рвеніемъ предался онъ этой дѣятельности въ 1841 году. Уже съ январскаго нумера «Пантеона» выступаетъ онъ въ качествѣ театральнаго рецензента этого журнала. Въ своемъ первомъ обозрѣніи, написанномъ языкомъ жи-

вымъ и игривымъ, г. Н. Н. (такъ подписывался онъ), давая отчетъ о поставленныхъ въ то время на сцену пьесахъ Шекспира и Шиллера, защищаетъ, между прочимъ, великихъ поэтовъ, духъ коихъ угаданъ имъ былъ ужъ вполнѣ, отъ безобразныхъ перекроекъ и передѣлокъ, которыя производили надъ ними русскіе драматическихъ дѣлъ мастера. Театральнымъ рецензентомъ Некрасовъ остается, однако, не долго. Смотрѣть нелѣпости, которыми пробавлялась, за немногими исключеніями, тогдашняя сцена, скоро ему надоѣло.

Присмотрѣвшись къ дѣлу, Некрасовъ и самъ захотѣлъ попробовать свои силы на драматическомъ поприщѣ и принялся за водевили. Первымъ представленнымъ изъ нихъ былъ «Актеръ», одноактный водевиль съ куплетами, въ основу котораго положена та мысль, что актеръ—не скоморохъ, какъ смотрятъ на него многіе въ невѣжественномъ обществѣ, а художникъ, избравшій своимъ поприщемъ сцену. Пьеса, написанная по пріемамъ того времени, имѣла полнѣйшій успѣхъ... Этотъ успѣхъ поощрилъ нашего автора, и онъ ставитъ послѣдовательно въ этомъ и въ 1842 году слѣдующія пьесы: «Шила въ мѣшкѣ не утаишь — дѣвушки подъ замкомъ не удержишь», вод. въ 2-хъ дѣйств., «Θеоклистъ Онуфріевичъ Бобъ» или «Мужъ не въ своей тарелкѣ», «Дѣдушкины попугаи» (1841) и «Вотъ что значитъ влюбиться въ актрису» (id.)—обѣ передѣланы съ французскаго...

... Но едва ли не самымъ большимъ театральнымъ успѣхомъ Перепельскаго была драма «Материнское благословеніе» или «Бѣдность и честь», поставленная въ 1842 году. Пьеса эта, переведенная съ французскаго, съ прибавленіемъ многихъ куплетовъ, одна изъ тѣхъ ловко сдѣланныхъ французскихъ мелодрамъ съ честною основою, которыя не удовлетворяютъ зрителя, желающаго найти въ сценическомъ произведеніи художе-

ственныя качества, но до которыхъ такъ падки театральныя массы, ищущія въ пьесахъ прежде всего поученія, интересной завязки и отвѣта на честные запросы души. Драма эта обошла всѣ столичныя и провинціальныя сцены и еще недавно (писано въ 1878 г.) давалась здѣсь (въ Петербургѣ) въ какомъ-то клубѣ или на загородныхъ театрахъ.

Послѣднею вещью, написанной Некрасовымъ для сцены (въ сообществѣ съ двумя другими лицами) была комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ «Похожденія Петра Степановича Столбикова», передѣланная изъ неудачнаго романа Основьяненка, носящаго то же названіе. Въ ней Перепельскому, вѣроятно, принадлежатъ одни куплеты, которыхъ много.

Вслѣдствіе ли крайне нелестнаго отзыва «Отечественныхъ Записокъ» или перемѣнившагося вкуса къ театру, Некрасовъ пересталъ писать для сцены, и на этотъ разъ навсегда. На этотъ періодъ увлеченія театромъ есть указанія въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній поэта. Такъ, всѣ помнятъ прелестную пьесу «Въ тоскѣ по юности моей...», посвященную памяти рано угасшей талантливой артистки Асенковой, сводившей съ ума петербургскую молодежь начала 40-хъ годовъ. Въ «Прекрасной партіи» поэтъ также вспоминаетъ о томъ времени въ одномъ изъ куплетовъ:

Отрада юношескихъ лѣтъ,
Подруга идеаламъ,
О сцена, сцена! Не поэтъ,
Кто не былъ театраломъ!.. и т. д.

Если вспомнить, что на этой сценѣ подвизались тогда такіе артисты, какъ Сосницкій, Мартыновъ, Асенкова, Самойловы, то это увлеченіе станетъ еще понятнѣе.

Однако, несмотря на столь разнообразную дѣятельность, матеріальное положеніе юноши было попреж-

нему не блистательно. Издатель самъ еле дышалъ и потому не могъ платить много. Около этого-то времени Некрасовъ входитъ въ сношенія съ книгопродавцами Ивановымъ и Поляковымъ и становится у нихъ поставщикомъ азбукъ и сказокъ. Потомъ онъ рѣшается выступить и самъ въ качествѣ издателя своихъ произведеній. Въ началѣ 1843 года появляется его первый сборникъ «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ», заключающій въ себѣ двѣ стихотворныя шутки: «Встрѣчу стараго года съ новымъ» и первую часть «Говоруна» (записки петербургскаго жителя Ѳомы Артемьевича Бѣлопяткина). Живость содержанія и дешевая цѣна книжки (30 коп.) способствуютъ ея успѣху и быстрой распродажѣ. Второй томъ появляется вскорѣ за первымъ.

... Собственно журнальная дѣятельность Некрасова въ этомъ году, кромѣ рецензій, о которыхъ будетъ говорено ниже, ограничилась помѣщеніемъ двухъ разсказовъ: «Необыкновенный завтракъ» въ «Отечественныхъ Запискахъ» (разсказъ изъ жизни литературной братіи, съ довольно комическими подробностями, и гдѣ, вѣроятно, есть много чертъ, списанныхъ съ натуры) и «Помѣщикъ двадцати трехъ душъ» (въ «Лит. Газ.»), не представляющій, вопреки обѣщающему заглавію, ничего интереснаго, если не считать брошеннаго разсказчикомъ вскользь воспоминанія о «нелѣпомъ восторгѣ, который заставлялъ его бѣгать высунувши языкъ, когда онъ увидѣлъ въ «Сынѣ Отечества» первое свое стихотвореніе съ примѣчаніемъ, которымъ былъ очень доволенъ», и далѣе «о вызовахъ Александринскаго театра». Гораздо важнѣе то обстоятельство, что въ этомъ году написаны были первыя *настоящія* некрасовскія стихотворенія (напримѣръ, «Современная ода»). Въ этомъ же году, по свидѣтельству Кони, послѣдовало знакомство и сближеніе Некрасова съ Бѣлинскимъ, имѣвшее такое громадное вліяніе на разви-

тіе міросозерцанія и таланта знаменитаго поэта. Ближайшій поводъ къ нему подали нѣкоторыя рецензіи Некрасова, которыми заинтересовался Бѣлинскій. Изъ слышанныхъ нами все отъ того же свидѣтеля свѣдѣній, Некрасовъ, увлеченный статьями Бѣлинскаго, еще раньше искалъ этого знакомства. Вѣроятно, только обиліе срочной работы помѣшало критику и поэту столкнуться раньше, хотя это и удивительно, такъ какъ Бѣлинскій, кромѣ «Отечественныхъ Записокъ», помѣщалъ свои статьи и въ «Литературной Газетѣ», постояннымъ сотрудникомъ которой былъ Некрасовъ.

... Въ 1845 году Некрасовъ опять появляется въ «Литературной Газетѣ», въ качествѣ фельетониста. Фельетоны носятъ общее заглавіе «Дагеротипъ», въ которомъ сосредоточиваются «легкіе физіологическіе (слово, вошедшее тогда въ моду съ легкой руки Бальзака) наброски, замѣтки, касающіяся общества, театра, литературы и проч.». Первые фельетоны подписаны «Никъ-Некъ» (сокращенное Николай Некрасовъ) и писаны то стихами, то прозой. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній («Новости», «Стишки, стишки, давно ль я былъ геній?..» «Еще изъ записокъ Бѣлопяткина») вошли въ извѣстныя «Приложенія» къ третьей части стихотвореній. Другія были перепечатаны въ сборникѣ «Первое апрѣля» или просто остались погребенными въ этихъ давно забытыхъ газетныхъ статейкахъ...

«*Физіологія Петербурга*» — «это едва ли не лучшій изъ всѣхъ альманаховъ, которые когда-либо издавались», говоритъ о немъ Бѣлинскій вслѣдъ за его появленіемъ...

Въ концѣ перваго тома «Физіологіи» помѣщены «Петербургскіе углы» Некрасова, одно изъ хорошихъ его прозаическихъ сочиненій, имѣющее вдобавокъ и біографическій интересъ, какъ новое свидѣтельство о томъ близкомъ знакомствѣ съ міромъ гонимыхъ судь-

бою бѣдняковъ, которое поэту пришлось сдѣлать въ пору ранней молодости.

Вотъ вкратцѣ содержаніе разсказа: молодой пролетарій, Тростниковъ, нанимаетъ уголъ за четыре рубля ассигнаціями въ мѣсяцъ у нѣкоей мѣщанки Акулины Ѳедотовой «на фторомъ дварѣ, впадвале». Перевезши туда свои вещи (перевозка стала ему въ 10 коп.), Тростниковъ оглядывается:

«Въ комнатѣ царствовалъ матовый полусвѣтъ, какой любятъ художники; полусвѣтъ выходилъ изъ пяти низкихъ окошекъ, которыя снаружи казались стоящими на землѣ, а внутри были неестественно далеки отъ пола. Комната была вышиною аршина въ три съ половиною и имѣла свой особенный воздухъ, подобный которому можно встрѣтить только въ винныхъ погребахъ и могильныхъ склепахъ. Налѣво отъ двери огромная русская печка съ вывалившимися кирпичами; остальное пространство до двери было завалено разнымъ хламомъ; полъ комнаты дрожалъ и гнулся подъ ногами, щели огромныя; концы нѣкоторыхъ досокъ совсѣмъ перегнили, такъ что когда ступишь на одинъ конецъ доски, другой поднимается. Стѣны комнаты были когда-то оштукатурены, одна изъ досокъ потолка, чернаго и усѣяннаго мухами, выскочила однимъ концомъ изъ-подъ средняго поперечнаго бруса и торчала наклонно, чему, казалось, обитатели подвала были очень рады, ибо вѣшали на ней полотенца свои и рубахи»... Эти обитатели подвала являются вскорѣ одинъ за другимъ, и Тростниковъ знакомится съ ними. Все это несчастнѣйшіе представители столичной голытьбы. Прежде всѣхъ приходитъ Дворовый Человѣкъ, изгнанный на оброкъ и явившійся искать мѣста въ Питерѣ. Не находя мѣста, онъ живетъ въ подвалѣ, и въ карманѣ его въ ту минуту остается еще всего только одинъ завѣтный полтинникъ; за нимъ является Кирьянычъ, человѣкъ съ очень странной профессіей: онъ

ловитъ собакъ на улицахъ и потомъ или продаетъ ихъ, или доставляетъ владѣльцамъ, какъ находку, за что получаетъ награду, и, наконецъ, Зеленый Господинъ, выгнанный давно со службы, горьчайшій пьяница-учитель, получающій крошечный пансіонъ, пропиваемый въ первые же дни мѣсяца, остальная часть котораго проходитъ въ шатаніи по прежнимъ знакомымъ и ученикамъ, дающимъ ему на бѣдность [1]). По просьбѣ Дворового Человѣка Тростниковъ даетъ, ради своего новоселья, немного денегъ своимъ сожителямъ для покупки водки. Приносится штофъ и начинается мрачное, горькое пьянство... Въ другомъ отдѣленіи «угловъ» помѣщаются женщины. Всѣ онѣ беременны, что объясняется тѣмъ, что у Акулины Ѳедотовны нѣчто въ родѣ пріюта для роженицъ, контингентъ которыхъ, по преимуществу, составляютъ кухарки и горничныя, которымъ въ этомъ состояніи неудобно оставаться на своихъ мѣстахъ. Въ тотъ вечеръ съ одной изъ этихъ женщинъ — горькой пьяницей — дѣлается припадокъ, въ родѣ такъ называемаго *кликушества*, который очень удачно излѣчиваетъ посредствомъ угрозъ и крика Дворовый Человѣкъ...

Вотъ картина, которую пришлось видѣть Тростникову въ первый день своего пріѣзда въ «углы» и которая, вѣроятно, списана съ натуры.

Изъ „Литературныхъ воспоминаній“ И. И. Панаева [2]).

Въ началѣ 40-хъ годовъ, къ числу сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» присоединился Некрасовъ; нѣкоторыя его рецензіи обратили на него вниманіе

---

[1]) См. извлеченіе изъ «Петербургскихъ угловъ» въ отдѣлѣ произведеній Некрасова.

[2]) «Литературныя воспоминанія» И. И. Панаева, беллетриста и фельетониста 40—50-хъ годовъ XIX в., друга Бѣлинскаго, предста-

Бѣлинскаго и онъ познакомился съ нимъ. До этого Некрасовъ имѣлъ прямыя сношенія съ Краевскимъ. Я въ первый разъ встрѣтилъ Некрасова въ половинѣ [1]) 30-хъ годовъ у одного моего пріятеля. Ему было тогда лѣтъ семнадцать, онъ только что издалъ небольшую книжечку своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Мечты и звуки», которую онъ впослѣдствіи скупалъ и истреблялъ. Мы возобновили знакомство съ нимъ черезъ семь лѣтъ. Онъ, какъ и всѣ мы, очень увлекался въ это время Жоржъ-Зандомъ. Онъ былъ знакомъ съ нею только по русскимъ переводамъ. Я звалъ его къ себѣ и обѣщалъ ему прочесть отрывки, переведенные мною изъ «Спиридіола». Некрасовъ вскорѣ послѣ этого зашелъ ко мнѣ утромъ, и я тотчасъ же приступилъ къ исполненію своего обѣщанія.

Съ этихъ поръ мы видѣлись чаще и чаще. Онъ съ каждымъ днемъ болѣе сходился съ Бѣлинскимъ, разсказывалъ намъ свои горькія литературныя похожденія, свои расчеты съ редакторами различныхъ журналовъ, и принесъ однажды Бѣлинскому свое стихотвореніе «На дорогѣ».

Некрасовъ произвелъ на Бѣлинскаго съ самаго начала очень пріятное впечатлѣніе. Онъ полюбилъ его за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ не по лѣтамъ, который вынесъ онъ изъ своей труженической и страдальческой жизни и которому Бѣлинскій всегда мучительно завидовалъ.

вляютъ важный источникъ свѣдѣній о сороковыхъ годахъ. Вмѣстѣ съ Панаевымъ Некрасовъ предпринялъ изданіе съ 1847 г. журнала «Современникъ». Приводимое извлеченіе взято изъ VII главы «Воспоминаній». Упоминаемый здѣсь Краевскій А. А. былъ издателемъ «Литературной Газеты» и «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ работалъ Бѣлинскій до 1847 года.

[1]) Очевидно—въ концѣ 30-хъ годовъ.

Некрасовъ пускался передъ этимъ въ изданіе разныхъ мелкихъ литературныхъ сборниковъ, которые постоянно приносили ему небольшой барышъ... Но у него уже развивались въ головѣ болѣе обширныя литературныя предпріятія, которыя онъ сообщалъ Бѣлинскому.

Слушая его, Бѣлинскій дивился его сообразительности и смѣтливости и восклицалъ обыкновенно:

— Некрасовъ пойдетъ далеко... Это не то, что мы... Онъ наживетъ себѣ капиталецъ!

Ни въ одномъ изъ своихъ пріятелей Бѣлинскій не находилъ ни малѣйшаго практическаго элемента и, преувеличивая его въ Некрасовѣ, онъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ.

Литературная дѣятельность Некрасова до того времени не представляла ничего особеннаго. Бѣлинскій полагалъ, что Некрасовъ навсегда останется не болѣе, какъ полезнымъ журнальнымъ сотрудникомъ; но когда онъ прочелъ ему стихотвореніе «На дорогѣ», у Бѣлинскаго засверкали глаза, онъ бросился къ Некрасову, обнялъ его и сказалъ чуть не со слезами на глазахъ:

— Да знаете ли вы, что вы поэтъ—и поэтъ истинный?

Съ этой минуты Некрасовъ еще болѣе возвысился въ глазахъ его... Его стихотвореніе къ «Родинѣ» привело Бѣлинскаго въ восторгъ. Онъ выучилъ его наизусть и послалъ его въ Москву къ своимъ пріятелямъ... У Бѣлинскаго были эпохи, когда онъ особенно увлекался кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей... Въ эту эпоху онъ былъ увлеченъ Некрасовымъ и только и говорилъ о немъ.

Некрасовъ съ этихъ поръ сдѣлался постояннымъ членомъ нашего кружка.

Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой [1].

Первый разъ я увидѣла Некрасова въ 1842 году [2], зимой. Бѣлинскій привелъ его къ намъ, чтобы онъ прочиталъ свои «Петербургскіе углы». Бѣлинскаго ждали играть въ преферансъ его партнеры; пріѣхавшій изъ Москвы В. П. Боткинъ [3] тоже сидѣлъ у насъ. Послѣ рекомендаціи Некрасова мнѣ и тѣмъ, кто его зналъ, Бѣлинскій заторопилъ его, чтобы онъ началъ чтеніе. Панаевъ уже встрѣчался съ Некрасовымъ гдѣ-то. Некрасовъ, видимо, былъ сконфуженъ при началѣ чтенія; голосъ у него былъ всегда слабый и онъ читалъ очень тихо, но потомъ разошелся. Некрасовъ имѣлъ видъ болѣзненный и казался на видъ гораздо старѣе своихъ лѣтъ, манеры были у него оригинальныя; онъ сильно прижималъ локти къ бокамъ, горбился, а когда читалъ, то часто машинально приподнималъ руку къ едва пробивавшимся усамъ и, не дотрогиваясь до нихъ, опускалъ опять ее. Этотъ машинальный жестъ такъ и остался въ немъ, когда онъ читалъ свои стихи.

Бѣлинскій уже прочелъ «Петербургскіе углы», но слушалъ чтеніе съ большимъ вниманіемъ и посматривалъ на слушателей, желая знать, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ чтеніе.

Я замѣтила, что реальность «Петербургскихъ угловъ» коробитъ слушателей.

По окончаніи чтенія раздались похвалы автору. Бѣлинскій, расхаживая по комнатѣ, сказалъ:

---

[1]) Воспом. Головачевой-Панаевой. Спб., 1890. Авдотья Яковлевна Головачева-Панаева въ 50-хъ годахъ была интимно близка Некрасову, и къ ней относятся нѣкоторыя его стихотворенія.

[2]) Ошибка. Дѣло было, какъ видно по времени напечатанія «Петербургскихъ угловъ», не раньше 1845 г.

[3]) Василій Петровичъ Боткинъ — авторъ извѣстныхъ въ свое время «Писемъ объ Испаніи»‘ членъ московскаго кружка западниковъ.

— Да-съ, господа! Литература обязана знакомить читателей со всѣми сторонами нашей общественной жизни. Давно пора коснуться матеріальныхъ вопросовъ жизни, вѣдь важную роль они играютъ въ развитіи общества.

На эту тему Бѣлинскій говорилъ довольно долго.

Сѣли за преферансъ и Некрасовъ всѣхъ обыгралъ, потому что его партнеры были плохіе игроки. Проигрышъ всѣхъ не превышалъ трехъ рублей. Бѣлинскій сказалъ Некрасову:

— Съ вами играть опасно, безъ сапогъ насъ оставите.

По уходѣ Бѣлинскаго и Некрасова В. П. Боткинъ началъ ораторствовать. Онъ считался въ кружкѣ за тонкаго цѣнителя всѣхъ изящныхъ искусствъ. Боткинъ развивалъ мысль, что такую реальность въ литературѣ нельзя допускать, что она зловредна, что обязанность литературы развивать въ читателяхъ эстетическій вкусъ и т. п.

Перешли и къ внѣшности автора, подтрунивали надъ его свѣтскими манерами, находили, что его литературная дѣятельность низменна.

Некрасовъ передѣлывалъ французскіе водевили на русскіе нравы съ куплетами для бенефисовъ плохихъ актеровъ, вращался въ кругу всякаго сброда и сотрудничалъ въ мелкихъ газетахъ.

На другой день, за обѣдомъ у насъ, у Бѣлинскаго съ Боткинымъ произошелъ горячій споръ о Некрасовѣ. Бѣлинскій возражалъ Боткину.

— Здоровъ будетъ организмъ ребенка, если его питать одними сладостями,— говорилъ Бѣлинскій.—Наше общество еще находится въ дѣтствѣ, и если литература будетъ скрывать отъ него всю грубость, невѣжество и мракъ, который его окружаетъ, то нечего и ждать прогресса.

Когда коснулись низменной литературной дѣятельности Некрасова, то Бѣлинскій на это отвѣтилъ:

— Эхъ, господа! Вы вотъ радуетесь, что проголодались и съ аппетитомъ будете ѣсть вкусный обѣдъ, а Некрасовъ чувствовалъ боль въ желудкѣ отъ голода и у него черстваго куска хлѣба не было, чтобы заглушить эту боль!.. Вы всѣ дилетанты въ литературѣ, а я на себѣ испыталъ поденщину. Вотъ мнѣ давно пора приняться за разборъ глупыхъ книжонокъ, а я отлыниваю, хочется писать что-нибудь дѣльное, къ чему лежитъ душа, анъ нѣтъ! Надо притуплять свой мозгъ надъ пошлостью, тратить свои силы на чепуху. Если бы у меня было что жрать, такъ я бы не сталъ изводить свои умственныя и физическія силы на поденщинѣ... Я дамъ голову на отсѣченіе, что у Некрасова есть талантъ и, главное, знаніе русскаго народа, непониманіемъ котораго мы всѣ отличаемся... Я бесѣдовалъ съ Некрасовымъ и убѣжденъ, что онъ будетъ имѣть значеніе въ литературѣ. У васъ у всѣхъ есть недостатокъ,—вамъ нужна внѣшняя сторона въ человѣкѣ, чтобы вы протянули ему руку, а для меня главное—его внутреннія качества. Хоть прудъ пруди людьми съ внѣшнимъ-то лоскомъ, да что пользы-то отъ нихъ?!

Боткинъ стоялъ на своемъ, что грубаго реализма въ литературѣ нельзя допускать.

Некрасовъ очень рѣдко бывалъ у насъ въ эту зиму, но зато видѣлся часто съ Бѣлинскимъ и сталъ писать разборы въ отдѣлѣ библіографіи «Отечественныхъ Записокъ».

Газъ вышла очень смѣшная сцена. Боткину очень понравился разборъ одной книги въ библіографіи, и онъ говорилъ: «Тонко, умно Бѣлинскій разобралъ книгу, живо, остроумно, прекрасно!»—и при свиданіи сталъ хвалить Бѣлинскому его разборъ.

— Находите тонко, остроумно я написалъ?—спросилъ его Бѣлинскій.

— Прелестно, изящно,—отвѣчалъ Боткинъ.

Бѣлинскій разсмѣялся и сказалъ:

— Передамъ вашу похвалу Некрасову, это онъ разобралъ книгу.

...Мы вернулись въ Петербургъ [1]) и у насъ почти каждый вечеръ собирались литераторы и не литераторы. Въ числѣ первыхъ появились начинающіе свое литературное поприще: Григоровичъ, совсѣмъ еще юный не столько годами, сколько своимъ характеромъ, Некрасовъ, который уже сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ Бѣлинскому, и былъ непремѣннымъ его партнеромъ въ преферансъ, П. В. Анненковъ [2]).

Некрасовъ задумалъ издать «Петербургскій Сборникъ». У него уже были куплены статьи у нѣкоторыхъ литераторовъ. Бѣлинскій принялъ горячее участіе въ этомъ изданіи, упросилъ Панаева написать что-нибудь для сборника и Панаевъ написалъ «Парижскія увеселенія».

Бѣлинскій находилъ, что тѣмъ литераторамъ, которые имѣютъ средства, не слѣдуетъ брать денегъ съ Некрасова. Онъ проповѣдывалъ, что обязанность каждаго писателя помочь нуждающемуся собрату выкарабкаться изъ затруднительнаго положенія, дать ему средство свободно вздохнуть и работать — что ему подушѣ. Онъ написалъ въ Москву Герцену и просилъ его прислать что-нибудь въ «Петербургскій Сборникъ». Герценъ, Панаевъ, Одоевскій и даже Сологубъ отдали свои статьи безъ денегъ. Кронебергъ и другіе литераторы сами очень нуждались; имъ Некрасовъ заплатилъ; Тургеневъ тоже отдалъ даромъ своего «Помѣщика» въ стихахъ, но Некрасову обошлось это гораздо

---

[1]) Изъ деревни.

[2]) П. В. Анненковъ, членъ тогдашнихъ литературныхъ кружковъ, пользовался нѣкоторою извѣстностью, какъ авторъ «писемъ изъ Парижа»; особенно цѣнны его литературныя воспоминанія.

дороже, потому что Тургеневъ, по обыкновенію, истративъ деньги, присланныя ему изъ дому, сидѣлъ безъ гроша и поминутно занималъ у Некрасова деньги. Объ этихъ займахъ передали Бѣлинскому; онъ, придя къ намъ, какъ нарочно встрѣтилъ Тургенева, поджидавшаго возвращенія Панаева домой, чтобы вмѣстѣ съ нимъ итти обѣдать къ Дюссо. Бѣлинскій зналъ, что обыкновенно по четвергамъ въ этотъ модный ресторанъ собиралось много аристократической молодежи обѣдать, и накинулся на Тургенева.

— Къ чему вы разыграли барича? Гораздо было бы проще взять деньги за свою работу, чѣмъ, сдѣлавъ одолженіе человѣку, обращаться сейчасъ же къ нему съ займами денегъ. Понятно, что Некрасову неловко вамъ отказывать, и онъ самъ занимаетъ для васъ деньги, платя жидовскіе проценты. Добро бы вамъ нужны были деньги на что-нибудь путное, а то пошикарить у Дюссо! Непостижимо!

Тургеневъ очень походилъ на провинившагося школьника.

«Петербургскій Сборникъ», изданный Некрасовымъ, быстро разошелся, и онъ очень сожалѣлъ, что не рискнулъ напечатать его въ большемъ числѣ экземпляровъ

Бѣлинскій очень радовался, что, благодаря этому, Некрасовъ можетъ освободиться на нѣсколько мѣсяцевъ отъ поденщины и писать стихи.

Въ 1848 году, строгость цензуры дошла до того, что изъ шести повѣстей, назначенныхъ въ «Современникъ» ни одна не была пропущена, такъ что нечего было набирать для ближайшей книжки. Въ самомъ невинномъ разсказѣ о бѣдномъ чиновникѣ, цензоръ усмотрѣлъ намѣреніе автора выставить плачевное положеніе чиновниковъ въ Россіи. Приходилось печатать

въ отдѣлѣ беллетристики переводы. Романъ Евгенія Сю не былъ дозволенъ; оставалось пробавляться Ламартиномъ. Некрасову пришла мысль написать романъ во французскомъ вкусѣ, въ сотрудничествѣ со мной и съ Головачевымъ. Мы долго не могли придумать сюжета. Некрасовъ предложилъ, чтобы каждый изъ трехъ написалъ по главѣ и чья глава будетъ лучше для завязки романа, то разработать сюжетъ, раздѣливъ главы по вкусу каждаго. Я написала первую главу о подкинутомъ младенцѣ, находя, что его можно сдѣлать героемъ романа, описавъ разныя его похожденія въ жизни. Головачевъ принесъ двѣ странички описанія природы, а Некрасовъ ничего не написалъ. Моя первая глава и послужила завязкой романа; мы стали придумывать сюжетъ уже вдвоемъ, потому что Головачевъ положительно не могъ ничего придумать. Когда было написано нѣсколько главъ, то Некрасовъ сдалъ ихъ въ типографію набирать для октябрьской книжки «Современника», хотя мы не знали, что будетъ далѣе въ нашемъ романѣ; но такъ какъ писалось легко, то и не боялись за продолженіе. Некрасовъ далъ названіе роману «Три страны свѣта», рѣшивъ, что герой романа будетъ странствовать. Цензоръ потребовалъ, чтобы ему представили весь романъ, не соглашаясь иначе пропустить первыя главы. Некрасовъ объяснилъ, что романъ еще не весь написанъ. Цензоръ донесъ объ этомъ въ главный цензурный комитетъ, который потребовалъ отъ авторовъ письменнаго удостовѣренія, что продолженіе романа будетъ нравственное. Я отвѣтила, что въ романѣ «Три страны свѣта»—«порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель восторжествуетъ». Некрасовъ подтвердилъ своею подписью то же самое, и тогда главное цензурное управленіе разрѣшило напечатать начало романа.

До этого времени въ русской литературѣ еще не было примѣра, чтобы романъ писался вдвоемъ и по

этому поводу В. П. Боткинъ говорилъ Панаеву: «Нельзя, любезный другъ, нельзя срамить такъ свой журналъ— это балаганство, это унижаетъ литературу» [1]).

Бѣдный Панаевъ потерялся, такъ какъ отъ другихъ слышалъ, напротивъ, похвалы о началѣ романа. Я предложила, чтобы Некрасовъ одинъ ставилъ свое имя, но послѣдній не согласился. Къ удивленію нашему, въ концѣ ноября подписка на «Современникъ» возобновилась, а на новый годъ, въ декабрѣ, иногородные подписчики стали требовать высылки имъ и 1848 года, такъ что всѣ оставшіеся экземпляры этого года разошлись, ихъ даже не хватило для удовлетворенія всѣхъ требованій. В. П. Боткинъ измѣнилъ свое мнѣніе и съ участіемъ освѣдомлялся о ходѣ нашей работы. Въ редакціи было получено много писемъ отъ иногородныхъ подписчиковъ съ благодарностями за «Три страны свѣта», но получались и такія письма, въ которыхъ редакціи предлагали романъ, написанный десятью авторами подъ названіемъ «Въ пяти частяхъ свѣта» и писали, что «этотъ романъ будетъ не чета вашему мизерному, бездарнѣйшему роману».

Мы встрѣчали не мало досадныхъ препятствій со стороны цензора: пошлютъ ему отпечатанные листы, а онъ вымараетъ половину главы, и надо вновь передѣлывать. Пришлось бросить цѣлую часть и замѣнить ее другой. Некрасовъ писалъ романъ по ночамъ, потому что днемъ ему было некогда, вслѣдствіе множества хлопотъ по журналу; ему пришлось прочитать массу разныхъ путешествій и книгъ, когда герой романа долженъ былъ отправиться въ путешествіе. Я писала тѣ главы, дѣйствіе которыхъ происходило въ Петербургѣ. Иногда выдавались такія минуты, что мы положительно не знали, какъ продолжать романъ, по-

---

[1]) Впрочемъ, я должна оговорить, что двѣ главы въ романѣ написаны, по просьбѣ Некрасова, Ипполитомъ Панаевымъ.

тому что приходилось приноравливаться къ цензурѣ. Боже мой, какъ легко стало, когда мы закончили «Три страны свѣта». Но Некрасовъ тотчасъ же уговорилъ меня писать новый романъ «Мертвое озеро».

Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» часто упоминаетъ о своемъ школьномъ товарищѣ Языковѣ, находившемся со всѣми литераторами на дружеской ногѣ.

Когда онъ женился, то у него разъ въ недѣлю вечеромъ собирались многіе писатели. Даже когда Языковъ жилъ на стеклянномъ казенномъ заводѣ, гдѣ получилъ мѣсто, то, несмотря на дальнее разстояніе, собранія у него все-таки не прекращались. Панаевъ упоминаетъ о томъ, что рукопись «Обыкновенной исторіи» Гончарова была доставлена въ «Современникъ» Языковымъ.

Некрасовъ также принесъ Языкову свою рукопись «Петербургскіе углы», прося, чтобы онъ ее прочиталъ.

Своячиница Языкова разсказывала мнѣ о первомъ посѣщеніи Некрасова. Это было зимой. У Языкова обѣдали гости; вдругъ кто-то позвонилъ въ передней; она вышла изъ-за стола, чтобы узнать, кто пришелъ, и увидала худого, блѣднаго молодого человѣка, въ поношенномъ холодномъ пальто, котораго лакей грубо выпроваживалъ вонъ. Она поспѣшила остановить грубаго лакея и провела молодого человѣка въ кабинетъ хозяина, котораго и вызвала изъ-за стола къ посѣтителю. Она была въ полной увѣренности, что это какой-нибудь несчастный проситель на бѣдность; но она ошиблась; молодой человѣкъ просилъ Языкова прочитать и передать принесенную рукопись Бѣлинскому. По забывчивости Языкова, рукопись не скоро попала въ руки Бѣлинскаго, который за это очень на него разсердился; главное же, Языковъ затерялъ адресъ молодого человѣка.

Этотъ выговоръ очень огорчилъ Языкова и произвелъ на него такое впечатлѣніе, что въ продолженіе всей своей жизни онъ вѣчно о комъ-нибудь хлопоталъ или исполнялъ чьи-нибудь порученія самымъ ревностнымъ образомъ. По счастью, авторъ рукописи опять явился узнать о своей участи въ тотъ день, когда Бѣлинскій сидѣлъ у Языкова. Оба они чрезвычайно обрадовались приходу молодого человѣка.

Вотъ какимъ образомъ состоялось первое знакомство Бѣлинскаго съ Некрасовымъ.

Это мнѣ было разсказано черезъ 15 лѣтъ послѣ моего знакомства съ Некрасовымъ.

Я слышала отъ самого Некрасова, какъ онъ бѣдствовалъ нѣкоторое время въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ.

Онъ съ юморомъ передавалъ, какъ съ недѣлю прожилъ въ пустой комнатѣ, потому что его квартирная хозяйка, желая выжить своего жильца, въ его отсутствіе вынесла всю убогую мебель изъ комнаты, и Некрасовъ спалъ на голомъ полу, подложивъ пальто подъ голову, а когда писалъ, то растягивался на полу, уставая стоять на колѣняхъ у подоконника.

На моихъ глазахъ произошло почти сказочное превращеніе въ наружной обстановкѣ и жизни Некрасова.

Конечно, многіе завидовали Некрасову, что у подъѣзда его квартиры по вечерамъ стояли блестящіе экипажи очень важныхъ особъ; его ужинами восхищались богачи-гастрономы; самъ Некрасовъ бросалъ тысячи на свои прихоти; выписывалъ изъ Англіи ружья и охотничьихъ собакъ; но если бы кто-нибудь видѣлъ какъ онъ по-двое сутокъ лежалъ у себя въ кабинетѣ въ страшной хандрѣ, твердя въ нервномъ раздраженіи, что ему все опротивѣло въ жизни, а главное — онъ самъ себѣ противенъ, то, конечно, не позавидовалъ бы ему...

Въ хандрѣ онъ злился на меня за то, что я уговаривала его измѣнить свой образъ жизни, который доставлялъ ему по временамъ такія мучительныя страданія; я припоминала ему, что, несмотря на всѣ лишенія прежней своей жизни, онъ не испытывалъ такого убійственнаго настроенія духа. Некрасовъ находилъ, что я будто бы нарочно усиливаю своими разговорами его и безъ того ужасное настроеніе.

— Чѣмъ бы развлечь человѣка, а вы его добиваете.

— Развлекателей у васъ развелось съ тѣхъ поръ много, какъ вы сдѣлались капиталистомъ, — отвѣчала я.

Некрасовъ раздражительно прерывалъ меня:

— Я не такъ глупъ, чтобы не видѣть перемѣны въ отношеніяхъ къ себѣ людей, начиная съ невѣждъ и кончая образованными.

Потомъ ужъ я поняла, что, въ самомъ дѣлѣ, глупо возбуждать подобные вопросы, когда отъ нихъ не могло быть иного результата, кромѣ непріятнаго впечатлѣнія, остающагося послѣ такихъ разговоровъ.

Стихотвореніе «У параднаго подъѣзда» было написано Некрасовымъ, когда онъ находился въ хандрѣ. Онъ лежалъ тогда цѣлый день на диванѣ, почти ничего не ѣлъ и никого не принималъ къ себѣ.

Наканунѣ того дня, какъ было написано это стихотвореніе, я замѣтила Некрасову, что давно уже не было его стихотвореній въ «Современникѣ».

— У меня нѣтъ желанія писать стихи для того, чтобы прочесть двумъ-тремъ лицамъ и спрятать ихъ въ ящикъ письменнаго стола... Да и такая пустота въ головѣ: никакой мысли подходящей нѣтъ, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя къ окну, заинтересовалась крестьянами, сидѣвшими на ступенькахъ лѣстницы параднаго подъѣзда въ домѣ, гдѣ жилъ министръ государственныхъ имуществъ.

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всѣмъ вѣроятіямъ, крестьяне желали подать какое-нибудь прошеніе и спозаранку явились къ дому. Швейцаръ, выметая лѣстницу, прогналъ ихъ; они укрылись за выступомъ подъѣзда и переминались съ ноги на ногу, прижавшись у стѣны и промокая на дождѣ.

Я пошла къ Некрасову и разсказала ему о видѣнной мною сценѣ. Онъ подошелъ къ окну въ тотъ моментъ, когда дворники дома и городовой гнали крестьянъ прочь, толкая ихъ въ спину. Некрасовъ сжалъ губы и нервно пощипывалъ усы; потомъ быстро отошелъ отъ окна и улегся опять на диванъ. Часа черезъ два онъ прочелъ мнѣ стихотвореніе «*У параднаго подъѣзда*».

Некрасовъ писалъ прозу, сидя за письменнымъ столомъ и даже лежа на диванѣ; стихи же онъ сочинялъ, большею частью, прохаживаясь по комнатѣ, и вслухъ произносилъ ихъ; когда онъ оканчивалъ все стихотвореніе, то записывалъ его на первомъ попавшемся подъ руку лоскуткѣ бумаги.

Онъ дѣлалъ мало поправокъ въ своихъ стихахъ. Если онъ сочинялъ длинное стихотвореніе, то по цѣлымъ часамъ ходилъ по комнатѣ и все вслухъ однообразнымъ голосомъ произносилъ стихи; для отдыха онъ ложился на диванъ, но не умолкалъ; потомъ снова вставалъ и продолжалъ ходить по комнатамъ. Некрасовъ могъ прочесть наизусть любое изъ своихъ стихотвореній, когда бы то ни было сочиненныхъ, и какъ бы оно ни было длинно, онъ не останавливался ни на одной строфѣ, точно читалъ по рукописи. Впрочемъ, онъ помнилъ наизусть массу стихотвореній и другихъ русскихъ поэтовъ.

Некрасовъ и Бѣлинскій.

Письма Бѣлинскаго Тургеневу [1]:

1) «С.-Петербургъ, 19 февраля 1847 года.—Получилъ отъ Кетчера ругательное письмо [2]); но не показалъ Некрасову. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мной онъ былъ нехорошъ; кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснить, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ, и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки—видно, что доволенъ мной вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ *преувеличеніи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него — за него, а не за себя. Мнѣ трудно *переболѣть* внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ, а потомъ—ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню Некрасова и, тѣмъ не менѣе, онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ, а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

---

1) «Воспоминанія о Бѣлинскомъ» И. С. Тургенева, соч. т. XII.

2) Н. Х. Кетчеръ, московскій другъ Бѣлинскаго, переводчикъ Шекспира; «ругательное» письмо относилось къ Некрасову, котораго винили въ томъ, что, предпринявъ изданіе «Современника», онъ и Панаевъ не привлекли къ участію, въ качествѣ соиздателя, Бѣлинскаго, оставивъ критика только сотрудникомъ.

«...Скажу, какъ новость: я, можетъ-быть, буду въ Силезіи. Боткинъ достаетъ мнѣ 2,500 руб. асс. Я было начисто отказался — ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство, — а просить, чтобы мнѣ выдали жалованье за время отсутствія, мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненія съ Некрасовымъ я подумалъ, что церемониться глупо. Онъ былъ очень радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ къ Боткину и теперь отвѣтъ его рѣшитъ дѣло».

[Въ книгѣ А. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», гл. IX, дана еще слѣдующая выдержка изъ этого же письма Бѣлинскаго Тургеневу]:

«Некрасовъ написалъ недавно страшно-хорошее стихотвореніе. Если не попадетъ въ печать (а она назначается въ 3 №), то пришлю къ вамъ въ рукописи [1]). Что за талантъ у этого человѣка! И что за топоръ его талантъ!»

2) «С.-Петербургъ, 1 марта 1847 года.—Скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе насчетъ источника извѣстныхъ поступковъ Некрасова. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ, а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не дорось, а пріобрѣсти его не могъ, по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности и никогда не былъ ни идеалистомъ ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу — изъ его примѣра — какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можетъ быть полезенъ для иныхъ натуръ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Гадки они — этотъ идеализмъ и романтизмъ; но что за дѣло человѣку, что ему помогло дурное на вкусъ лѣкарство, даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертельной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже несмертельныя болѣзни; главное тутъ не то, что оно гадко, а то, что оно помогло».

---

[1]) Рѣчь, вѣроятно, о стих. «Нравственный человѣкъ», помѣщенномъ въ 3 № «Современника».

Замѣтки Некрасова [1]).

1) Мнѣ попался здѣсь «Вѣстникъ Европы», и я прочелъ выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго. Прямо беру ихъ на себя, ибо онѣ для меня — не новость [2]). Не такой былъ человѣкъ Бѣлинскій, чтобъ долго молчать. Помолчавъ нѣсколько дней, онъ высказалъ мнѣ горячо и болѣе рѣзко, чѣмъ въ этихъ письмахъ, свое неудовольствіе и свои сожалѣнія о внутреннемъ разрывѣ со мной и съ Панаевымъ. Можетъ-быть, плодомъ этихъ объясненій и было второе письмо къ Тургеневу, въ значительной долѣ уничтожающее первое. Сопоставивъ эти два письма, останется, что «Н. дѣйствовалъ добросовѣстно, но не переходилъ той черты, гдѣ начиналась его невыгода, изъ-за принципа, до котораго онъ не доросъ». Кажется, такъ? Я останавливаюсь на этомъ. Я былъ очень бѣденъ и очень молодъ, восемь лѣтъ боролся съ нищетою, видѣлъ лицомъ къ лицу голодную смерть, въ 24 года я былъ уже надломленъ работой изъ-за куска хлѣба. Не до того мнѣ было, чтобы жертвовать своими интересами чужимъ. Бѣлинскій это понималъ, иначе не написалъ бы въ томъ же первомъ обвиняющемъ меня письмѣ, что онъ и теперь меня высоко цѣнитъ. А во второмъ письмѣ онъ говоритъ, что почти перемѣнилъ свое мнѣніе и насчетъ источника моихъ поступковъ. Съ меня этого довольно. Я не знаю, исчезло ли въ его воззрѣніи на меня впослѣдствіи это *почти*, но

---

[1]) Изъ біографическаго очерка А. Скабичевскаго. (Соч., ч. II. Спб. 1895, 239—312 стр.). Замѣтки Некрасова, изъ которыхъ вторая представляетъ измѣненную редакцію первой, набросаны по поводу появленія выше приведенныхъ писемъ Бѣлинскаго въ воспоминаніяхъ Тургенева въ «Вѣстникѣ Европѣ» 1869 года. Можетъ-быть, Некрасовъ предполагалъ выступить съ печатнымъ возраженіемъ.

[2]) Некрасовъ былъ названъ въ текстѣ отрывковъ одною буквою «Н».

отношенія наши до самой его смерти были короткія и хорошія. Я не былъ, точно, идеалистъ (иначе прежде всего не взялся бы за журналъ, требующій практическихъ качествъ), еще менѣе былъ я равенъ ему по развитію; ему могло быть скучно со мной, но помню, что онъ всегда былъ радъ моему приходу. Отношенія его ко мнѣ до самой смерти сохраняли тотъ характеръ, какой имѣли вначалѣ. Бѣлинскій видѣлъ во мнѣ богато-одаренную натуру, которой недостаетъ развитія и образованія. И вотъ около этого-то держались его бесѣды со мной, имѣвшія для меня значеніе поученія [1]). Несмотря на сильный по тому времени успѣхъ «Современника» въ первомъ году, мы понесли отъ перваго года 10,000 убытка (въ 1-мъ году «Современникъ» имѣлъ 2,000 подписчиковъ); денежныя заботы, необходимость много работать—всѣ, такъ сказать, черновыя работы по журналу: чтеніе и исправленіе рукописей, а также добываніе ихъ, чтеніе корректуръ, объясненіе съ цензорами, возстановленіе смысла и связи статей послѣ ихъ карандашей, лежали на мнѣ, да я еще писалъ рецензіи и фельетоны, — все это, а также и послѣдовавшія съ февраля 1848 года цензурныя гоненія, сопровождавшіяся крайней шаткостью почвы подъ ногами каждаго причастнаго тогда къ литературѣ — довело здоровье мое до такого разстройства, что Бѣлинскій часто говаривалъ, что я немногимъ лучше его. Бѣлинскій вообще зналъ мою тогдашнюю жизнь до мельчайшей точности и строго говаривалъ мнѣ: «Что вы съ собой дѣлаете, Некрасовъ? смотрите! берегитесь, иначе съ вами то же будетъ, что со мной». При этомъ въ его умирающихъ глазахъ я уловилъ однажды выраженіе, которое не умѣю иначе истолковать, какъ

---

[1]) Далѣе вычеркнуты Некрасовымъ слѣдующія строки: «онъ ловилъ меня часто на словахъ — и одно слово давало ему поводъ высказать мнѣ многое, что было для меня и ново и полезно».

той любовью, о которой упоминается въ письмѣ къ Тургеневу, какъ о потерянной мною. Въ этомъ взглядѣ была еще глубокая скорбь. Впослѣдствіи я узналъ отъ общихъ нашихъ друзей, что въ близкой моей смерти онъ былъ убѣжденъ положительно. Припоминая и тысячу разъ передумывая, я прихожу къ убѣжденію, что главная моя вина въ томъ, что я дѣйствительно не умеръ вскорѣ за нимъ, но за эту вину я готовъ выносить не только клеветы г-на А., но и тонкіе намеки г-на Т., которые онъ хитро старается скрѣпить авторитетомъ Бѣлинскаго.

2) Мнѣ попался здѣсь № 4 «Вѣстн. Европы» и я прочелъ намеки Тургенева и выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго. Прямо беру эти выдержки на себя, ибо онѣ для меня не новость: все это, даже въ болѣе прямомъ и рѣзкомъ видѣ, слышалъ я отъ самого Бѣлинскаго; онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы молчать. Подувшись на меня нѣсколько дней, онъ самъ высказалъ мнѣ свои неудовольствія и свое сожалѣніе о послѣдовавшемъ въ немъ внутреннемъ разрывѣ со мной. Послѣдовали объясненія не со мной однимъ, но и съ Панаевымъ. Не надо думать, чтобъ я имѣлъ тогда вліяніе на Панаева, какое пріобрѣлъ впослѣдствіи. Онъ былъ десятью годами старше меня и находился въ эту эпоху наверху своей извѣстности. Я его, какъ и онъ меня, тогда зналъ мало: онъ былъ для меня авторитетъ; притомъ деньги на журналъ были его (моихъ было только 5 т. р. асс., которые незадолго до того дала мнѣ взаймы на неопредѣленный срокъ Наталья Александровна Герценъ [1]). Даже контрактъ съ Плетневымъ [2]) былъ заключенъ на имя одного Панаева.

---

[1]) Жена Александра Ив. Герцена.

[2]) Плетневъ былъ издателемъ-редакторомъ «Современника», когда этотъ журналъ былъ заарендованъ у него Панаевымъ и Некрасовымъ.

Значитъ, въ сущности онъ одинъ былъ хозяиномъ дѣла. Только впослѣдствіи, спустя нѣсколько лѣтъ, при перемѣнѣ контракта съ Плетневымъ, прибавлено было въ контрактѣ мое имя, чѣмъ права мои уравнялись съ правами Панаева. Не хочу этимъ сказать, что Панаевъ помѣшалъ мнѣ сдѣлать желаемое Бѣлинскому, но я не могъ бы этого сдѣлать помимо его. А мнѣніе Панаева было то же, что и мое, именно, что предоставленіе Бѣлинскому доли было бы безплодно для него и опасно для дѣла, въ виду неминуемо близкой смерти Бѣлинскаго, которая была рѣшена врачами, что не было тайной ни для кого изъ друзей его: пришлось бы связать себя въ будущемъ, имѣя дѣло не съ нимъ, а съ его наслѣдниками... Это особенно пугало Панаева.

Воспоминанія о Некрасовѣ А. Н. Пыпина [1]).

...Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, я познакомился съ редакціей «Современника». Раньше я бывалъ на «четвергахъ» Краевскаго, гдѣ собиралось много литературныхъ людей; но меня особенно интересовалъ литературный кругъ «Современника», гдѣ можно было видѣть, въ числѣ болѣе или менѣе близкихъ друзей редакціи, самыхъ крупныхъ писателей того времени. Представлялась и небольшая литературная работа, для меня очень не лишняя. Впослѣдствіи я довольно сблизился съ редакціей «Современника»; мнѣ нерѣдко случалось бывать въ ближайшемъ кружкѣ, который собирался у Некрасова за его обѣдами и ужинами.

---

[1]) Изъ книги А. Н. Пыпина «Н. А. Некрасовъ». Спб., 1905,— извлеченіе изъ статьи подъ заглавіемъ «Нѣсколько воспоминаній». Александръ Николаевичъ Пыпинъ, двоюродный братъ Н. Г. Чернышевскаго, впослѣдствіи извѣстный изслѣдователь исторіи русской литературы, началъ свою дѣятельность въ «Современникѣ».

«Отечественныя Записки» и «Современникъ» представляли тогда какъ бы два враждебныхъ лагеря. Историки, касавшіеся того времени, давали иногда не совсѣмъ вѣрное освѣщеніе этихъ отношеній и, напримѣръ, объясняли эту вражду только чисто «коммерческой» конкуренціей двухъ изданій. Это не совсѣмъ вѣрно или даже совсѣмъ невѣрно, потому что здѣсь не замѣчена одна существенная разница двухъ журналовъ. Нѣкогда «Современникъ» основался съ тѣмъ, чтобы дать болѣе независимое положеніе Бѣлинскому. Правда, и здѣсь дѣло шло для Бѣлинскаго не совсѣмъ ладно; но въ ту пору и положеніе самого журнала, основаннаго на занятыя деньги, было довольно трудное. По смерти Бѣлинскаго, кружокъ, собравшійся въ «Современникѣ», не распался, и хотя многіе изъ тогдашнихъ писателей принимали участіе и въ томъ и въ другомъ журналѣ одновременно, но характеръ изданій былъ довольно различенъ. Краевскій былъ только предприниматель: это былъ опытный практикъ во внѣшней сторонѣ издательскаго дѣла, но самъ вовсе не писатель, и хотя онъ велъ журналъ болѣе или менѣе серьезно, но не имѣлъ какого-нибудь опредѣленнаго взгляда на вещи; у него не сохранилось никакихъ преданій Бѣлинскаго. «Отечественныя Записки» велись аккуратно, но довольно сухо и безцвѣтно; это былъ болѣе или менѣе случайный сборникъ, которому самъ редакторъ не могъ придать какого-либо одушевленія.

Совсѣмъ иного рода былъ кругъ редакціи «Современника». Редакторами были Некрасовъ и И. И. Панаевъ,—оба, уже имѣвшіе литературную извѣстность, сами не мало работавшіе въ журналѣ, оба, особливо Некрасовъ, имѣвшіе большой литературный вкусъ, и для писателей кружка они могли быть прямо литературными товарищами.

Между журналами происходили иногда полемическія стычки, но, опять, ихъ источникомъ не было одно «коммерческое» соперничество, какъ говорили это нѣ которые литературные историки. Въ настоящую ми нуту не помню въ точности этихъ столкновеній; но, отыскавши старыя книжки журналовъ, не трудно будетъ видѣть, что въ этихъ столкновеніяхъ присутствовала разница въ самомъ литературномъ складѣ двухъ изданій: одно было тяжеловѣсное, съ неяснымъ направленіемъ; другое, при всей трудности тогдашняго положенія вещей, — все-таки болѣе живое, болѣе чуткое къ стремленіямъ общественной жизни и болѣе остроумное.

...Я видѣлъ въ первый разъ Некрасова въ 1854 году; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ я принялъ близкое участіе въ «Современникѣ», когда онъ возобновился послѣ закрытія его въ 1861 году [1]). Это участіе продолжалось до окончательнаго прекращенія журнала въ 1866 году. Послѣ того,—это было въ тѣ годы, когда Некрасовъ издавалъ «Отечественныя Записки» съ М. Е. Салтыковымъ и другими, — я видалъ его мало, и нерѣдко навѣщалъ его во время его послѣдней продолжительной болѣзни. Въ первые годы знакомства и сложились мои представленія о Некрасовѣ; потомъ они мало измѣнились. Многое въ этомъ характерѣ не давало нравственнаго удовлетворенія; но въ общемъ счетѣ и по силѣ благопріятныхъ впечатлѣній, въ моихъ впечатлѣніяхъ скорѣе преобладали и преобладаютъ симпатіи.

Для всякой исторической оцѣнки необходимымъ основаніемъ должно быть опредѣленіе условій времени и среды. Для болѣе молодыхъ поколѣній нашего времени эти условія обыкновенно совсѣмъ неизвѣстны, — или представляются только въ общихъ чертахъ, безъ

---

[1]) Не точно, журналъ былъ пріостановленъ въ 1862 г.

тѣхъ реальныхъ подробностей, какія въ свое время дѣйствовали въ жизни каждый день и на каждомъ шагу. То время, когда складывался характеръ Некрасова, несомнѣнно, наложило на него свой отпечатокъ. Прежде всего это было время полнаго разгара крѣпостныхъ нравовъ и бюрократическаго самовластія. Въ такъ называемомъ обществѣ человѣкъ имѣлъ значеніе прежде всего или по числу принадлежавшихъ ему «душъ», или по служебному положенію. У Некрасова не было ни того ни другого. Извѣстны разсказы о томъ, какъ онъ бѣдствовалъ, когда безпомощнымъ юношей пріѣхалъ въ Петербургъ. Домашнее обученіе было скудное; между тѣмъ онъ желалъ поступить въ университетъ... Онъ не стѣснялся своихъ бѣдственныхъ воспоминаній и разсказывалъ, напримѣръ, какъ онъ съ грѣхомъ пополамъ учился латыни, необходимой для экзамена, у какого-то учителя изъ семинаристовъ, который принималъ его въ халатѣ, подпоясанный полотенцемъ, и урокъ шелъ за штофомъ водки; этого учителя онъ, впрочемъ, хвалилъ, это былъ человѣкъ неглупый и училъ хорошо. Изъ этого ничего потомъ не вышло, потому что для дальнѣйшаго ученья вообще было слишкомъ много препятствій. «Петербургскіе углы», которые Некрасовъ описывалъ впослѣдствіи, были извѣстны ему по наглядному собственному опыту. Такимъ образомъ эта тяжкая и элементарная сторона жизни была однимъ изъ первыхъ и довольно продолжительныхъ опытовъ, какіе пришлось ему извѣдать и которые, конечно, не могли не оставить своего трудно изгладимаго слѣда..

Но въ молодомъ человѣкѣ, такъ тяжко испытуемомъ судьбою, жило тѣмъ не менѣе рѣшеніе не покориться этой судьбѣ, пріобрѣталось реальное знаніе жизни; закалялся сильный характеръ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и грубѣлъ...

... Въ первый разъ, когда я видѣлъ Некрасова, онъ жилъ въ домѣ, еще недавно сохранявшемся въ томъ же видѣ на углу Загороднаго проспекта и Звенигородской улицы. Здѣсь у него я встрѣтилъ въ первый разъ И. С. Тургенева.

При этомъ первомъ знакомствѣ съ кружкомъ редакціи «Современника», я уже достаточно зналъ принадлежавшихъ къ нему лицъ по ихъ литературнымъ трудамъ и репутаціи, — уже впередъ этотъ кружокъ имѣлъ для меня самый живой интересъ. Дѣйствительно, здѣсь собрались самыя лучшія силы тогдашней литературы, притомъ не въ случайной встрѣчѣ по журнальнымъ дѣламъ, а въ сознательномъ единеніи, которое внушалось общими литературными взглядами и задачами, сродствомъ художественнаго вкуса и взаимной оцѣнкой,—и это единеніе переходило въ дружескія отношенія; многихъ (какъ, напримѣръ, Тургенева, Григоровича, Анненкова, Боткина) связывало дружество еще со временъ Бѣлинскаго. Въ литературномъ отношеніи «Современникъ», безъ сомнѣнія, былъ лучшимъ журналомъ того времени. Здѣсь начались и продолжались «Записки Охотника» Тургенева, оставшіяся самымъ замѣчательнымъ его произведеніемъ; помѣщались повѣсти Григоровича (другія, второстепенныя вещи его, какъ «Проселочныя дороги» и т. п., помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ»); здѣсь появлялись произведенія Гончарова, Дружинина, художественно-критическія статьи В. Боткина; въ дружескихъ отношеніяхъ съ редакціей былъ П. В. Анненковъ; далѣе Ег. П. Ковалевскій, В. П. Гаевскій, братья Жемчужниковы и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что писатель, котораго можно было справедливо назвать писателемъ-художникомъ, долженъ былъ гораздо больше тяготѣть къ редакціи «Современника», чѣмъ къ «Отечественнымъ Запискамъ». Въ послѣднихъ для такого писателя былъ только одинъ матеріальный вопросъ—вопросъ напеча-

танія повѣсти, романа и т. д. и гонорара; здѣсь, напротивъ, онъ могъ быть увѣренъ въ интересѣ цѣлаго кружка къ самому произведенію, его художественному значенію и общественному смыслу; въ случаѣ успѣха, онъ могъ ожидать искренняго сочувствія, а также и критики, внушаемой опытнымъ вкусомъ, — того и другого всегда жаждетъ писатель-художникъ, серьезно относящійся къ своему труду.

Кромѣ названныхъ лицъ, здѣсь встрѣчались и другіе извѣстные писатели того времени: бывалъ Писемскій, Я. П. Полонскій; ни тотъ ни другой не были, сколько припоминаю, частыми посѣтителями; позднѣе, едва ли не послѣ извѣстныхъ статей Добролюбова, бывалъ А. Н. Островскій.

Характеры лицъ были довольно разнообразны; но въ цѣломъ это былъ, безъ сомнѣнія, лучшій литературный кругъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ кругу въ извѣстной степени чувствовалось превосходство надъ обычною массой тогдашней литературы. И это не было лишено основанія: за этимъ кругомъ стояло славное преданіе Бѣлинскаго и сороковыхъ годовъ; высокая степень дарованій, литературнаго вкуса и опыта. Къ этому чувству превосходства присоединилось, вѣроятно, и нѣкоторое, уже не зависѣвшее отъ литературы, барство. Кружокъ могъ напоминать слова г-жи Сталь, что въ Россіи нѣсколько «gentilhommes» занимаются литературой. Большею частью, это были люди именно дворянскаго круга, съ еще привычными тогда его чертами; послѣднія принимались и другими, у которыхъ дворянское барство замѣнялось барствомъ купеческимъ, какъ, напримѣръ, у В. П. Боткина.

Самымъ сильнымъ по таланту и самымъ крупнымъ по литературному значенію (до Л. Н. Толстого) въ этомъ кругу былъ, несомнѣнно, Тургеневъ; по уму и общественному пониманію едва ли не превосходилъ всѣхъ Некрасовъ.

... Настроеніе литературнаго круга, которое я видѣлъ здѣсь и въ нѣкоторыхъ иныхъ кружкахъ, было довольно странное: прежде всего это было, конечно, настроеніе подавленное; трудно было говорить въ литературѣ даже то, что говорилось еще недавно, въ концѣ сороковыхъ годовъ. По распоряженіямъ негласнаго комитета даже отбирались нѣкоторыя книги прежняго времени, напр., «Отечественныя Записки» сороковыхъ годовъ; славянофиламъ просто запрещали писать, или представлять въ цензуру какія-нибудь свои статьи; оставались возможны только темные намеки или молчаніе. Въ кругу «Современника» передавались текущія новости разнаго рода, цензурные анекдоты, иногда сверхъестественные, или шла незатѣйливая пріятельская болтовня, какая издавна господствовала въ холостой компаніи тогдашняго барскаго сословія,—а эта компанія была холостая и барская. Нерѣдко она попадала на темы совсѣмъ скользкія. Въ это время Дружининъ писалъ въ «Современникѣ» цѣлые шутовскіе фельетоны подъ заглавіемъ «Путешествіе Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ» для развлеченія читателя, да и собственнаго. Въ это время создавались творенія знаменитаго Кузьмы Пруткова, которыя также печатались въ «Современникѣ», въ особомъ отдѣлѣ журнала, и въ редакціи «Современника» я въ первый разъ познакомился съ однимъ изъ главныхъ представителей этого сборнаго символическаго псевдонима, Владимиромъ Жемчужниковымъ. Въ то же время, когда писались творенія Кузьмы Пруткова, пріятельская компанія, которую онъ собою представлялъ, отчасти аристократическая, продѣлывала въ Петербургѣ различныя практическія шутовства, о которыхъ, если не ошибаюсь, было говорено въ литературѣ по поводу Кузьмы Пруткова. Это не были только простыя шалости беззаботныхъ и балованныхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ тѣмъ бывало

здѣсь частью инстинктивное, частью сознательное желаніе посмѣяться въ удушливой атмосферѣ времени [1]).

... Въ тяжелыхъ условіяхъ времени, для журнала, который въ концѣ сороковыхъ годовъ начатъ былъ дѣятельностью Бѣлинскаго, невозможно было думать о непосредственномъ продолженіи начатаго Бѣлинскимъ. На ту минуту не было и людей, которые были способны къ юношескому энтузіазму Бѣлинскаго. Но такъ или иначе завѣтъ Бѣлинскаго не изсякъ совсѣмъ. Высоко ставилось дѣло литературы; съ дѣломъ литературы само собою соединялось (у болѣе серьезныхъ людей) и предполагалось извѣстное нравственное достоинство и общественная обязанность. Въ журналѣ соединились лучшія литературныя силы; къ нему примыкали и нѣсколько замѣчательныхъ людей другой области, ученые и публицисты. Въ первое время журнала въ немъ работалъ Кавелинъ (К. Д.); присылали свои труды С. М. Соловьевъ, А. Н. Аѳанасьевъ, И. Е. Забѣлинъ; много работалъ Владимиръ Милютинъ; одно время усерднымъ сотрудникомъ былъ Ушинскій [2]) и т. д. Въ 1853 г. къ блестящей плеядѣ Тургенева, Гончарова, Григоровича присоединилось имя или, на первое время, три буквы, которыя тотчасъ привлекли всеобщее вниманіе. Эти буквы Л. Н. Т. «Дѣтство», «Отрочество», «Юность» и вскорѣ затѣмъ «Севастопольскіе разсказы» поставили гр. Л. Н. Толстого въ первомъ ряду русскихъ писателей.

---

[1]) О Кузьмѣ Прутковѣ см. подробнѣе въ статьѣ Н. Котляревскаго «Графъ А. К. Толстой, какъ сатирикъ». «Старинные портреты», Спб., 1907.

[2]) К. Д. Кавелинъ — знаменитый ученый, историкъ русскаго права и общественный дѣятель; Соловьевъ и Забѣлинъ — историки; Аѳанасьевъ — изслѣдователь народной словесности; Владимиръ Милютинъ—публицистъ, защитникъ естественно-научнаго метода въ изученіи общественныхъ наукъ, политико-экономъ; К. Д. Ушинскій—знаменитый педагогъ.

Въ этомъ характерѣ журнала, и въ этомъ составѣ редакціи вступилъ въ «Современникъ» Н. Г. Чернышевскій и, года черезъ два потомъ, Добролюбовъ. Положеніе вещей было таково. На первый разъ вступленіе Н. Г. Чернышевскаго въ редакцію не произвело на членовъ кружка особеннаго впечатлѣнія, — но уже вскорѣ, при всемъ согласіи основныхъ стремленій къ успѣхамъ литературы, сказалась весьма существенная разница въ пониманіи ея общественнаго значенія. Различіе этихъ оттѣнковъ восходило къ различію понятій теоретическихъ и общественно-историческихъ. Это были двѣ различныя школы и два поколѣнія: младшее поколѣніе (въ данномъ случаѣ) было именно несравненно болѣе воспріимчиво къ тревожнымъ стремленіямъ общественнаго мнѣнія.

... Та и другая сторона имѣли одну основу своихъ стремленій — идеи сороковыхъ годовъ, которыя для обѣихъ, безъ сомнѣнія, сторонъ совмѣщались въ преданіи Бѣлинскаго. Но одна, повидимому, поглощенная художественными интересами, разъ намѣченными, относилась какъ будто равнодушно къ дальнѣйшему развитію завѣтовъ Бѣлинскаго. Другая, напротивъ, видѣла въ этомъ дальнѣйшемъ развитіи прямую задачу литературы. Это преданіе напоминали «Очерки Гоголевскаго періода» и указывали, что становилось задачей литературы послѣ дѣятельности Гоголя, какъ это объяснялъ уже и Бѣлинскій... Это различіе взглядовъ выразилось въ томъ, что писатели стараго кружка вознамѣрились именно поддерживать «Пушкинское» направленіе *противъ* «Гоголевскаго». Это было, конечно, весьма прискорбное недоразумѣніе[1])... Некрасовъ по-

---

[1]) Теоретикомъ стараго кружка явился А. В. Дружининъ въ своихъ статьяхъ о Пушкинѣ и въ особенности въ статьяхъ «Критика гоголевскаго періода русской литературы и наши къ ней отношенія» (см. соч. Дружин. т. VII, Спб., 1865).

нималъ эту новую точку зрѣнія и этотъ новый порывъ литературы; но то и другое остались мало понятны его друзьямъ и для нѣкоторыхъ совсѣмъ непонятны. Новое литературное поколѣніе съ своей стороны платило Некрасову своими симпатіями (иногда, можетъ-быть, нѣсколько преувеличенными), потому что въ его поэзіи находило сродные ему мотивы общественнаго чувства; и именно въ эти годы являлись нѣкоторыя изъ самыхъ яркихъ его стихотвореній... Такимъ образомъ здѣсь естественнымъ образомъ возникало взаимное пониманіе,— когда у старыхъ друзей «Современника» относительно новаго поколѣнія была только нетерпимость, нѣсколько высокомѣрная, потомъ крайне враждебная. Некрасовъ не воспротивился шутливой рецензіи дѣтской книжки[1]): онъ не былъ такъ малодушенъ, чтобы возстать противъ нея (сущность ея, отдѣленную отъ шутки, онъ могъ вполнѣ понять и съ ней соглашаться),— зато въ кругу старыхъ друзей его начали считать измѣнникомъ.

Но еще гораздо больше возбудилъ къ себѣ вражды Добролюбовъ. Это былъ въ особенности представитель молодого поколѣнія и дѣйствительно самый молодой во всемъ кружкѣ; человѣкъ съ сильнымъ умомъ и за тѣмъ остроумный, онъ при самомъ вступленіи на литературное поприще питалъ уже сильно возбужденные общественные интересы, которые именно въ это время поднялись въ обществѣ, какъ этого не бывало раньше. Съ этой точки зрѣнія онъ относился и къ тому, что видѣлъ въ ту минуту въ литературѣ и литературныхъ нравахъ. Къ представителямъ литературы онъ прилагалъ ту суровую требовательность, какая по его взгляду

---

[1]) Рѣчь идетъ о рецензіи Чернышевскаго (3-я книжка «Совр.» на 1855 г.) на одну незначительную книжку для дѣтей. Въ рецензіи Чернышевскій далъ пародію на нѣкоторыя безсодержательныя повѣсти того времени, при чемъ почувствовалъ себя уязвленнымъ въ особенности Д. В. Григоровичъ.

подобала жизненнымъ вопросамъ, стоявшимъ передъ русскимъ обществомъ въ кризисѣ данной исторической минуты. Его отталкивало легкомысліе, примѣровъ котораго онъ видѣлъ массу въ литературѣ, и какое ему случалось видѣть даже въ кругу корифеевъ, и онъ не былъ нрава уступчиваго... Самъ Тургеневъ пишетъ, что если старшій другъ Добролюбова былъ «змѣя», то Добролюбовъ—«змѣя очковая»; говорилось это въ видѣ шутки, но шутка была, какъ видимъ, очень острой формы, а въ существѣ была и не шуткой. Некрасовъ, какъ умный человѣкъ, не могъ не оцѣнить этого сильнаго дарованія и не думалъ уступать старымъ пріятелямъ, которые въ концѣ-концовъ вооружились противъ Добролюбова; ихъ нападенія казались ему, вѣроятно, мелочными, а иногда они были и просто несправедливы...

Не обошлось и безъ прямыхъ маленькихъ столкновеній, которыя, кажется, переполнили чашу. Въ первой половинѣ 1858 г. минуло десять лѣтъ со смерти Бѣлинскаго. Старые друзья и ученики хотѣли почтить его память, и кружокъ собрался на поминальный обѣдъ въ ресторанѣ; сочли нужнымъ пригласить и молодого человѣка. Послѣдній могъ ожидать на поминкахъ услышать отъ очевидцевъ и друзей какія-нибудь воспоминанія о замѣчательномъ человѣкѣ; но вмѣсто того услышалъ обычную пріятельскую застольную болтовню, — на его свѣжее чувство она подѣйствовала раздражающимъ образомъ. На другое утро собесѣдники получили стихотвореніе, посвященное вчерашней бесѣдѣ. Добролюбовъ, ничего не говоря, пришелъ утромъ къ Некрасову, также получившему стихотвореніе. Некрасовъ, конечно, узналъ автора и понялъ его; но другіе пришли въ раздраженіе...

... Какое же въ дѣйствительности было положеніе Некрасова въ этомъ раздорѣ? Если принять буквально всѣ отзывы Тургенева, Фета и пр., роль Некрасова

была относительно ихъ какая-то предательская: онъ удерживалъ въ редакціи лицъ, непріятныхъ старымъ друзьямъ, а послѣднихъ увѣрялъ, что ужасно ихъ любитъ... Нѣкоторые историки и рѣшали вопросъ категорически противъ Некрасова — на основаніи отзывовъ Тургенева, Фета и пр., но, въ сущности, наобумъ...

Вражда между прежними друзьями бываетъ обыкновенно самая раздражительная и ядовитая. Такъ было и здѣсь — со стороны враговъ Некрасова, потому что съ его стороны не видимъ такого озлобленія. Напримѣръ, Тургеневъ не однажды говоритъ о «штукахъ» Некрасова, состоявшихъ въ томъ, что, не принимая чью-нибудь статью въ журналъ, онъ ссылался на «сотрудниковъ», которые, по его словамъ, этого не желали. Эта ссылка была, по утвержденію Тургенева, только «штукой»; въ дѣйствительности, эта ссылка могла быть совершенно справедлива, потому что, разъ предоставивши сотрудникамъ участіе въ веденіи журнала, Некрасовъ не могъ не слышать ихъ мнѣній; взгляды во многихъ отношеніяхъ бывали иные, чѣмъ прежде, и люди были иногда вовсе не уступчивые, какъ прежде, напримѣръ, Добролюбовъ, впослѣдствіи Елисеевъ или Салтыковъ... Скажемъ даже больше: Некрасовъ — въ томъ, что Тургеневъ называлъ его «штуками» («я ихъ знаю»),—вовсе не прятался за «сотрудниковъ»; въ дѣйствительности ему просто приходилось иногда уступать имъ. Дѣло въ томъ, что въ общемъ Некрасовъ соглашался съ основнымъ характеромъ ихъ понятій, но во многихъ частностяхъ, вѣроятно, съ инымъ не соглашался; инымъ, быть-можетъ, даже нѣсколько тяготился, но предпочиталъ уступать мнѣніямъ сотрудниковъ, чѣмъ начинать раздоръ. Прибавимъ еще, что въ послѣдніе годы онъ вообще былъ какъ будто утомленъ и меньше работалъ для журнала, чѣмъ въ первые годы, когда на немъ лежала почти вся тяжесть дѣла. Источникомъ заблужденія

Тургенева было именно то, что Тургеневъ зналъ эту прежнюю журнальную работу Некрасова, но онъ не зналъ послѣдующаго хода дѣла; въ прежнее время Некрасовъ былъ главный хозяинъ и главный работникъ въ журналѣ; потомъ болѣзнь и пребываніе за границей прервали его постоянную работу по журналу, а потомъ, вернувшись, онъ значительную долю этой работы прямо передалъ сотрудникамъ. Чернышевскій и Добролюбовъ оба много работали, и Некрасовъ очень цѣнилъ ихъ труды по самому существу.

Здѣсь, а не въ какихъ-нибудь журнальныхъ мелочахъ, и заключалась основная причина раздора. Извѣстно, что Бѣлинскій въ послѣдніе годы его дѣятельности именно искалъ для литературы этого реальнаго общественнаго содержанія, и то направленіе молодыхъ литературныхъ поколѣній, которое казалось новымъ, въ сущности было развитіемъ мыслей и стремленій Бѣлинскаго.

Друзья стараго кружка редакціи этого не понимали. Новая критика была имъ непріятна; «политика», т.-е. вопросы общественные, была неинтересна; «разные экономическіе вопросы» (а рѣчь шла объ освобожденіи крестьянъ) просто невразумительны. Словомъ, интересы молодыхъ поколѣній, — тѣ самые, которые подняты были въ тревожную пору Крымской войны и волновали лучшую часть общества,—были какъ будто чужды старымъ друзьямъ, когда, напротивъ, для молодыхъ поколѣній это были интересы животрепещущіе.

Но то, что было чуждо или нелюбопытно старымъ друзьямъ, было Некрасову вполнѣ понятно, и не трудно было человѣку, нѣсколько воспріимчивому къ общественнымъ вопросамъ, понять, въ годы кризиса Крымской войны, общественное возбужденіе; понять, что оно должно было быть тѣмъ сильнѣе въ поколѣніяхъ молодыхъ, всегда наклонныхъ къ идеализму и еще не успѣвшихъ зачерствѣть въ рутинѣ

себялюбія и самодовольствѣ. Некрасовъ сумѣлъ понять идеалистическое настроеніе, представителями котораго были два новые сотрудника журнала. Съ другой стороны, основою дружескихъ отношеній съ ними была собственная дѣятельность Некрасова: въ эти самые годы его поэзія получила тотъ характеръ, который и самъ Тургеневъ, не признававшій его поэзіи, призналъ въ своемъ отзывѣ (въ декабрѣ 1856 г.) о первомъ его сборникѣ: «а Некрасова стихотворенія, собранныя въ одинъ фокусъ, жгутся». Такъ и принимало ихъ въ особенности молодое поколѣніе, искавшее, наконецъ, въ литературѣ какого-либо отвѣта на свои общественно-идеалистическіе мечты и порывы. Здѣсь была прочная почва для взаимнаго пониманія. Некрасовъ видѣлъ интересъ первыхъ работъ своихъ новыхъ сотрудниковъ и естественно могъ имъ сочувствовать. Онъ видѣлъ, что въ общественномъ настроеніи начинается переломъ,—котораго давно надо было ожидать,— и что литература, чтобы сохранить свой давній историческій смыслъ, должна удовлетворить нравственнымъ требованіямъ общества. Некрасовъ, такимъ образомъ, непосредственно зналъ новое направленіе и во многомъ сполна раздѣлялъ его: безъ сомнѣнія, онъ понималъ значеніе и своевременность «Очерковъ Гоголевскаго періода», понималъ упомянутый шуточный разборъ дѣтской книжки, понималъ колкое стихотвореніе Добролюбова послѣ поминальнаго обѣда и т. п., видѣлъ, что тутъ есть правда, и вовсе не раздражался... Онъ сознавалъ, что болѣе вѣрными хранителями преданій Бѣлинскаго были не собесѣдники поминальнаго обѣда, а люди новаго поколѣнія [1]).

Очевидно, что Некрасову было не трудно прійти къ этимъ впечатлѣніямъ и заключеніямъ; но этого не

---

[1]) Это сознаніе выразилось и въ воспоминаніяхъ соиздателя «Современника» И. И. Панаева о Добролюбовѣ.

могло понять и примириться съ этимъ большинство старыхъ друзей. Имъ представилось, что это только расчетъ и потомъ измѣна старымъ друзьямъ; когда при этомъ Некрасовъ продолжалъ высказывать имъ дружескія чувства, это считали лицемѣріемъ и обманомъ

Н. Г. Чернышевскій о Некрасовѣ.

I.

Замѣтки о Некрасовѣ [1]).

[Вначалѣ Чернышевскій возражаетъ на замѣчанія Достоевскаго о «затаенной сторонѣ» «загадочнаго человѣка», какимъ былъ Некрасовъ].

... Ровно ничего «загадочнаго» въ Некрасовѣ не было. Онъ былъ хорошій человѣкъ съ нѣкоторыми слабостями, очень обыкновенными; при своей обыкновенности эти слабости не были нимало загадочными сами по себѣ; не было ничего загадочнаго и въ томъ, почему онѣ развились въ немъ: общеизвѣстные факты его жизни очень отчетливо объясняютъ это. А если кому-нибудь изъ его знакомыхъ не ясно было, почему онъ поступалъ такъ, а не иначе въ какомъ-нибудь случаѣ, то надобно было только спросить у него, почему онъ поступилъ такъ, и онъ отвѣчалъ прямо, ясно; я не помню ни одного случая, когда бы уклонился отъ прямодушнаго объясненія своихъ мотивовъ,—ни одного такого случая не было, не то что лишь въ разговорахъ его со мною, но и во всѣхъ тѣхъ разговорахъ съ другими, какіе происходили при мнѣ. Онъ былъ человѣкъ очень прямодушный.

---

[1]) Сочин. Н. Г. Чернышевскаго, т. X, ч. 2. Статьи послѣдняго времени, стр. 230, и въ книгѣ А. Пыпина «Некрасовъ». Замѣтки были присланы Чернышевскимъ Пыпину при письмѣ отъ 9 декабря 1883 г. въ видѣ замѣчаній на біографическія свѣдѣнія о Некрасовѣ, появившіяся при изданіи сочиненій Некрасова 1879 года.

Кѣмъ была внушена Некрасову мысль поступить въ университетъ?—По разсказу его мнѣ, матерью.

Дѣло было, по его разсказу мнѣ, такъ.

Мать хотѣла, чтобы онъ былъ образованнымъ человѣкомъ, и говорила ему, что онъ долженъ поступить въ университетъ, потому что образованность пріобрѣтается въ университетѣ, а не въ спеціальныхъ школахъ. Но отецъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ; онъ соглашался отпустить Некрасова не иначе, какъ только для поступленія въ кадетскій корпусъ. Спорить было безполезно, мать замолчала. Отецъ послалъ Некрасова въ Петербургъ для поступленія въ кадетскій корпусъ; въ Петербургъ, а не въ Москву, потому что въ Петербургѣ у отца былъ человѣкъ, который могъ быть полезенъ успѣху просьбы о принятіи въ корпусъ (Полозовъ). Некрасовъ поѣхалъ въ Петербургъ, посланный отцомъ въ кадетскій корпусъ, съ письмомъ объ этомъ Полозову. Но онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ поступить не въ кадетскій корпусъ, а въ университетъ. Письмо отца къ Полозову онъ не могъ не отдать. И пошелъ отдать. Полозовъ, прочитавъ письмо, безъ всякихъ разспросовъ сказалъ Некрасову, что представитъ его Ростовцеву. Отказаться было невозможно. Некрасовъ побоялся и начать разговоръ о намѣреніи поступить въ университетъ: что̀ сказалъ бы на это Полозовъ? — «Мечта, другъ, не выдержишь экзамена», — и что могъ бы отвѣчать Некрасовъ? Онъ, дѣйствительно, былъ не подготовленъ къ экзамену для поступленія въ университетъ. Онъ разсудилъ, что долженъ молчать передъ Полозовымъ объ университетѣ, пока будетъ въ состояніи сказать, что надѣется выдержать экзаменъ. Промолчавъ объ университетѣ, не имѣлъ возможности отказаться отъ представленія Ростовцеву и былъ представленъ. Когда нѣсколько подготовился къ экзамену, сказалъ Полозову о своемъ намѣреніи.

При перечисленіи мотивовъ, изъ которыхъ происходила «мягкость», то-есть снисходительность, доброжелательность тона рецензій Некрасова, говорится, что, кромѣ этихъ соображеній, «мягкость некрасовской критики могла обусловливаться и благодушными чертами его характера»; безъ сомнѣнія, собственно ими она и обусловливалась; другія причины, если были, то были только очень второстепенными мотивами; главное дѣло было въ томъ, что Некрасовъ былъ человѣкъ очень добрый.

... Цензурныя рамки нѣсколько «раздвинулись» [1]), и поэтъ получилъ возможность писать кое о чемъ изъ того, о чемъ прежде нельзя было ему писать. Когда дошло и до крайняго своего предѣла расширеніе цензурныхъ рамокъ, Некрасовъ постоянно говорилъ, что пишетъ меньше, нежели хочется ему; слагается въ мысляхъ пьеса, но является соображеніе, что напечатать ее будетъ нельзя, и онъ подавляетъ мысли о ней; это тяжело, это требуетъ времени, а пока онѣ не подавлены, не возникаютъ мысли о другихъ пьесахъ; и когда онѣ подавлены, чувствуешь усталость, отвращеніе отъ дѣятельности, слишкомъ узкой. — Я говорилъ ему: «Если бъ у меня былъ поэтическій талантъ, я дѣлалъ бы не такъ; я писалъ бы и безъ возможности напечатать теперь ли, или хоть черезъ десять лѣтъ; писалъ бы и оставлялъ бы у себя до поры, когда будетъ можно напечатать; хотя бы думалъ, что и не доживу до той поры, все равно: когда же нибудь, хоть послѣ моей смерти, было бы напечатано». Онъ отвѣчалъ, что его характеръ не таковъ, и потому онъ не можетъ дѣлать такъ; о чемъ онъ думалъ, что этого невозможно напечатать скоро, надъ тѣмъ онъ не можетъ работать.

---

[1]) Съ 1856 г.

Причина невозможности всегда была цензурная.

Онъ былъ одушевляемъ на работу желаніемъ быть полезнымъ русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведеніе будетъ скоро напечатано; если бы онъ заботился о своей славѣ, то могъ бы работать и съ мыслью, что произведеніе будетъ напечатано лишь черезъ двадцать, тридцать лѣтъ: право на славу заработано созданіемъ пьесы; когда оно будетъ предъявлено, все равно; даже выгоднѣе для славы, если оно будетъ предъявлено черезъ десятки лѣтъ: посмертныя находки цѣнятся дороже даваемаго поэтомъ при жизни. Но онѣ служатъ только славѣ поэта, а не обществу, вопросы жизни котораго уже не тѣ, какіе разъясняются посмертною находкою.

Итакъ, писать безъ надежды скоро увидѣть произведеніе напечатаннымъ Некрасовъ не имѣлъ влеченія. Поэтому содержаніе его поэтическихъ произведеній сжималось или расширялось соотвѣтственно измѣненіямъ цензурныхъ условій. Изъ того, что оно послѣ Крымской войны стало шире прежняго, нимало не слѣдуетъ, что за три, за четыре года до начала войны умственный и нравственный горизонтъ его былъ менѣе широкъ.

«Имѣла ли большое вліяніе на образъ мыслей перемѣна въ настроеніи массы образованнаго общества, произведенная Крымской войной? (По выраженію «Біогр. свѣдѣній», «горизонтъ» его «раздвинулся» отчасти подъ вліяніемъ этой перемѣны.) Припомнимъ, въ чемъ состояла перемѣна. Было сознано массою общества, что надобно отмѣнить крѣпостное право, улучшить судопроизводство и провинціальную администрацію, дать нѣкоторый просторъ печатному слову. Только. Что новаго для Некрасова могло быть въ этихъ мысляхъ, новыхъ для массы образованнаго общества? Задолго до Крымской войны онѣ были ясными и твердыми мыслями—только ли того литературнаго передового круга,

ръ которомъ жилъ Некрасовъ съ 1846 г., если не съ 1845 г.?—Нѣтъ, не этому только кругу онѣ были ужъ привычны въ 1846 году и раньше того; около 1845 г. онѣ были ужъ вполнѣ усвоены большинствомъ той части образованнаго общества, мнѣнія которой рано или поздно пріобрѣтаютъ владычество надъ мыслями другой, болѣе многочисленной части его; вполнѣ усвоены большинствомъ тѣхъ людей, которые сами чувствовали разницу таланта между Пушкинымъ и Бенедиктовымъ, Шекспиромъ и Коцебу [1]) и т. д., которые чувствовали эту разницу сами, и съ голоса которыхъ научились говорить о ней менѣе развитые образованные люди. — Перемѣна, произведенная Крымской войной въ настроеніи русскаго общества, нимало не была перемѣною въ мысляхъ той части русской публики, которая до Крымской войны любила Жоржъ-Занда и Диккенса; она состояла лишь въ томъ, что другая, болѣе многочисленная часть образованнаго общества,— та, которая любила Александра Дюма,—примкнула къ болѣе развитой части по вопросамъ о русскомъ бытѣ; это и дало возможность развитымъ людямъ заговорить о надобности преобразованій, издавна составлявшихъ предметъ ихъ затаенныхъ желаній; поддерживаемые новыми своими многочисленными союзниками, они доставили нѣкоторый просторъ печати, и Некрасовъ, подобно другимъ передовымъ дѣятелямъ печатнаго слова, получилъ возможность расширить содержаніе своей дѣятельности; вотъ этимъ онъ, дѣйствительно, обязанъ «тому сильному движенію, которое началось въ обществѣ», — обязанъ точно такъ же, какъ и всѣ талантливые ли, не особенно ли даровитые поэты, беллетристы, драматурги, его сверстники или старшіе его,

---

[1]) Плодовитый нѣмецкій драматургъ конца XVIII и начала XIX вѣка, произведенія котораго—приторно-сентиментальныя мелодрамы, драмы и комедіи — были у насъ весьма популярны до половины XIX вѣка.

имѣвшіе прогрессивный образъ мыслей: всѣмъ имъ можно стало писать кое о чемъ изъ того, о чемъ желали, но не могли они писать прежде.

Итакъ, перемѣна въ настроеніи большинства многочисленнѣйшей части образованнаго общества не «раздвинула умственный и нравственный горизонтъ» Некрасова, потому что онъ гораздо раньше этой перемѣны имѣлъ понятія, болѣе широкія, нежели какія могли быть внесены въ его мысли овладѣвшими тогда этою частью общества желаніями, не очень широкими, или, вѣрнѣе сказать, очень узкими; но все-таки это «сильное движеніе», начавшееся въ обществѣ, имѣло большое вліяніе на его поэтическую дѣятельность: нимало не «раздвигая его умственный и нравственный горизонтъ», оно раздвинуло внѣшнія ограниченія, сжимавшія прежде дѣятельность его, дало ему возможность писать о томъ, о чемъ не дозволялось писать до той поры; это вліяніе перемѣны въ настроеніи общества, дѣйствительно, обнаружилось въ содержаніи поэтическихъ произведеній Некрасова...

[Переходя къ вопросу о томъ, имѣли ли какое-нибудь вліяніе на поэзію Некрасова тѣ новые люди, которые окружили его, Пыпинъ замѣчаетъ: «Авторъ замѣтокъ (т.-е. самъ Чернышевскій) отвѣчаетъ на вопросъ отрицательно. Можно было бы думать, что отвѣтъ вызванъ скромной уклончивостью (такъ какъ самъ авторъ замѣтокъ принадлежалъ къ этимъ «новымъ людямъ»); но таково было, дѣйствительно, мнѣніе автора: Некрасову нечего было у нихъ заимствовать. Правда, у новыхъ людей «по нѣкоторымъ отдѣламъ знанія было больше свѣдѣній; по многимъ вопросамъ были мысли болѣе опредѣленныя, чѣмъ у него; но это были свѣдѣнія и мысли, болѣе спеціальныя, чѣмъ какія нужны для поэта; а то, что̀ нужно было ему знать какъ поэту, онъ зналъ отчасти хуже, отчасти не хуже новыхъ людей». Нѣкоторые частные взгляды были даже совсѣмъ различны... Добролюбовъ былъ самымъ молодымъ изъ новыхъ друзей Некрасова: еще меньше было возможности заимствованія].

... Любовь къ Добролюбову могла освѣжать сердце Некрасова; и я полагаю, освѣжала. Но это совсѣмъ иное дѣло, не расширеніе «умственнаго и нравственнаго горизонта», а чувство отрады. Чувство отрады благотворно. Оно укрѣпляетъ душевныя силы. За десять лѣтъ до знакомства съ Добролюбовымъ подобное благотворное вліяніе имѣло на Некрасова знакомство съ тою женщиной, которая была предметомъ многихъ его лирическихъ пьесъ [1]).

Въ чемъ же состояло расширеніе «умственнаго и нравственнаго горизонта поэта»?—Въ томъ, поясняютъ «Біографическія свѣдѣнія», что «прежніе идеалы» его «оттѣснялись» «новыми». Какъ Бѣлинскій не любилъ, чтобы ему напоминали объ его статьяхъ въ родѣ «Бородинской годовщины» или «Менцеля», такъ и Некрасовъ «неохотно потомъ вспоминалъ» о грѣхахъ своей молодости въ родѣ «Трехъ странъ свѣта», говорится въ «Біограф. свѣдѣніяхъ». Дѣйствительно ли онъ «неохотно вспоминалъ» о «Трехъ странахъ свѣта»? — Это замѣчаніе произошло, вѣроятно, изъ недоразумѣнія. Некрасовъ былъ не охотникъ говорить о своихъ произведеніяхъ. Вѣроятно, ему случилось устранить вопросъ о «Трехъ странахъ свѣта» выраженіемъ недостатка охоты говорить объ этомъ романѣ; человѣку, не знавшему, что онъ не любитъ разсуждать ни о какихъ своихъ произведеніяхъ, должно было показаться, что онъ не любитъ говорить объ этомъ романѣ.

Главною причиною его неохоты говорить о своихъ произведеніяхъ была скромность. Онъ былъ очень скромный человѣкъ. Другая—второстепенная—причина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ хорошо зналъ по опыту, какъ скучна и смѣшна для слушателя слабость большинства беллетристовъ и поэтовъ разглагольствовать о своихъ произведеніяхъ. Человѣкъ съ

---

1) А. Я. Головачева-Панаева.

сильной волей, онъ легко удерживался отъ этой слабости.

«Три страны свѣта» и другія прежнія слабыя произведенія Некрасова («грѣхи его молодости», по выраженію «Біограф. свѣдѣній») вовсе не находятся въ такомъ отношеніи къ послѣдующимъ его произведеніямъ, какъ статьи Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ и Менцелѣ къ позднѣйшимъ статьямъ. Бѣлинскій выражалъ въ тѣхъ прежнихъ статьяхъ мысли, которыя послѣ стали казаться ему ошибочны, дурны, ненавистны. Въ «Трехъ странахъ свѣта» нѣтъ ничего такого, что́ казалось бы впослѣдствіи Некрасову дурнымъ съ нравственной и общественной точки зрѣнія. И, сколько мнѣ помнится, тамъ и не было ничего такого. Въ анализѣ этого романа, даваемомъ «Біограф. свѣдѣніями», проводится мысль о противоположности успѣшной житейской (въ данномъ случаѣ, коммерческой) дѣятельности благу народа. Точка зрѣнія фантастическая. Мнѣ она всегда казалась фантастической. Мнѣ всегда было тошно читать разсужденія о «гнусности буржуазіи» и обо всемъ тому подобномъ; тошно потому, что эти разсужденія, хотя и внушаемыя «любовью къ народу», вредятъ народу, возбуждая вражду его друзей противъ сословія, интересы котораго хотя и могутъ часто сталкиваться съ интересами его (какъ сталкиваются очень часто интересы каждой группы самихъ простолюдиновъ съ интересами всей остальной массы простолюдиновъ), но въ сущности одинаковы съ тѣми условіями національной жизни, какія необходимы для блага народа, потому что въ сущности тожественны съ интересами народа.

[Замѣтка къ «Своду статей о Некрасовѣ» въ IV т. изд. соч. 1879 г.]

На стр. CLXXV говорится, что помѣщенное въ «Современникѣ» за 1856 годъ, въ томѣ LXX, на страни-

цахъ 1—12 (по нумераціи библіографическаго отдѣла) «краткое извѣстіе о выходѣ собранія стихотвореній» (Некрасова) съ выпискою нѣкоторыхъ пьесъ — «статья самого Некрасова»; нѣтъ, эта статья написана мною, и пьесы, приведенныя въ ней, выбраны для помѣщенія въ ней мною [1]).

Это дѣло моей неопытности и несообразительности имѣло чрезвычайно тяжелое вліяніе и на «Современникъ» и на судьбу «Стихотвореній» Некрасова [2]). Цѣлые четыре года цензура оставалась лишенною возможности дозволить второе изданіе его «Стихотвореній»; оставалась бы лишена и долыше, если бы, по счастью, не принялъ на себя заботу о разрѣшеніи цензурѣ этого дозволенія графъ Адлербергъ.

Прибавлю къ прежнимъ замѣткамъ еще двѣ.

1) Для всѣхъ очевидно, что въ пьесѣ «На Волгѣ» (Дѣтство Валежникова) есть личныя воспоминанія Некрасова объ его дѣтствѣ.—Однажды, разсказывая мнѣ о своемъ дѣтствѣ, Некрасовъ припомнилъ разговоръ бурлаковъ, слышанный имъ ребенкомъ, и передалъ; пересказавъ, прибавилъ, что онъ думаетъ воспользоваться этимъ воспоминаніемъ въ одномъ изъ стихотвореній, которыя хочетъ написать. Прочитавъ черезъ нѣсколько времени пьесу «На Волгѣ», я увидѣлъ, что разсказанный мнѣ разговоръ бурлаковъ переданъ съ совершенною точностью, безъ всякихъ прибавленій или убавленій; перемѣны въ словахъ сдѣланы лишь такія, которыя были необходимы для подведенія ихъ подъ размѣръ стиха; онѣ нимало не измѣняютъ смысла рѣчи, и даже часто съ грамматической и лексикальной стороны не многочисленны и не важны. Вмѣсто—

«А кабы умереть къ утру, такъ было бъ еще лучше»,—

---

[1]) Чернышевскій выбралъ слѣдующія стихотворенія: «Поэтъ и гражданинъ», «Забытая деревня», «Отрывки изъ путевыхъ записокъ графа Гаранскаго».

[2]) См. въ отдѣлѣ писемъ письмо Некрасова Анненкову 1856 г.

въ пьесѣ сказано:

«А кабы къ утру умереть,
Такъ лучше было бы еще»;

только такими пятью-шестью перемѣнами и отличается передача разговора въ пьесѣ отъ воспоминанія объ этомъ разговорѣ, разсказанномъ Некрасовымъ мнѣ. Когда я читалъ пьесу въ первый разъ, у меня въ памяти еще были совершенно тверды слова, слышанныя мною.

2) О пьесѣ: «Размышленія у параднаго подъѣзда» могу сказать, что картина:

«Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное» и т. д.

живое воспоминаніе о томъ, какъ дряхлый русскій грѣлся въ коляскѣ на солнцѣ, «подъ плѣнительнымъ небомъ» южной Италіи (не Сициліи).

Вторая замѣтка: въ концѣ пьесы есть стихъ, напечатанный Некрасовымъ въ такомъ видѣ:

«Иль судебъ повинуясь закону»,—

этотъ печатный стихъ—лишь замѣна другому...

II.

Изъ писемъ Чернышевскаго и Пыпина о Некрасовѣ.

[Въ статьѣ Н. С. Русанова «Чернышевскій въ Сибири» («Русское Богатство», 1910, апр.) приведено содержаніе писемъ Чернышевскаго о Некрасовѣ и нѣкоторыя выдержки изъ переписки Чернышевскаго и Пыпина о поэтѣ. Воспроизводимъ соотвѣтствующее мѣсто статьи и выдержки].

... Добролюбовъ скоро и близко сошелся съ Некрасовымъ. Они и жили вмѣстѣ. Но когда между ними выходило недоразумѣніе, возникалъ какой-нибудь споръ, то Чернышевскій неизмѣнно говорилъ, что при всякомъ такомъ столкновеніи правъ былъ Добролюбовъ.

А между тѣмъ Чернышевскій въ общемъ очень любилъ и цѣнилъ и Некрасова, невзирая на нѣкоторыя отрицательныя черты послѣдняго. Николай Гавриловичъ всегда, напримѣръ, полагалъ, что отъ природы умъ у Некрасова былъ сильнѣе его ума. И, несмотря на то, что жизнь ихъ была совершенно различна, Чернышевскій умѣлъ понимать, что разница извѣстныхъ вкусовъ и понятій, вырабатывавшихся благодаря различной обстановкѣ у того и у другого, не могла мѣшать ихъ взаимному уваженію. Наприм.: «Некрасовъ почти ничему не учился до 15 лѣтъ и послѣ того не учился. И ему... было обидно общество людей хорошо образованныхъ; онъ не стѣснялся со мною, потому что видѣлъ во мнѣ презрѣніе къ педантамъ. Разговоръ его со мною не былъ оскорбителенъ для его невѣжества. Онъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума. И, если взглядывалъ на человѣка со вниманіемъ, понималъ его мысли. Онъ видѣлъ, что я плюю на дурацкую ученость. И я постоянно пробовалъ разсказывать ему просто, въ чемъ состоитъ сущность нашихъ знаній, о томъ, что было бы полезно ему знать. Онъ, разумѣется, не тяготился, не чувствовалъ досаднымъ, что я хочу учить его. Но при малѣйшей возможности отлынивалъ отъ скучнаго ему предмета разговора. А я не умѣлъ принуждать его долго: надоѣстъ и мнѣ говорить зѣвающему и плохо слушающему. И чуть я ослабилъ принужденіе ему, онъ пускался толковать объ интересномъ ему».

Разговоры эти были порою любопытны. Но чаще всего то были разговоры на тему о карточной игрѣ. И Чернышевскій забавно передаетъ теорію Некрасова насчетъ того, какъ играть безъ проигрыша. По мнѣнію страстнаго игрока, все дѣло сводится тутъ къ большей выдержкѣ, къ большей силѣ характера. И вотъ практическій Некрасовъ выработалъ себѣ пріемъ: смотрѣть въ глаза прямо своему будущему партнеру. Не

выдержитъ этотъ некрасовскаго взгляда, значитъ, играть съ нимъ можно; выдержитъ—опасный противникъ: съ такимъ не выиграешь.

Изъ письма Чернышевскаго Пыпину 1877 года.

«Въ «Отеч. Зап.» я, разумѣется, читалъ стихи Некрасова, говорившіе, что онъ, хилый и страдающій тяжкою болѣзнью, ждетъ смерти. Я видѣлъ, что это не прикрасы для поэтичности мысли, а фактическая истина. Но я желалъ сохранить надежду, и отчасти успѣлъ было убѣдить себя, что онъ еще поправится: я думалъ, это просто старческая хилость; она для него еще преждевременна; и, быть-можетъ, медикамъ удастся сладить съ нею. Глубоко скорблю, прочитавъ, что смерть была ужъ неотвратима и близка, когда ты писалъ твое второе письмо; если, когда ты получишь мое письмо, Некрасовъ еще будетъ продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любилъ его, какъ человѣка, что я благодарю за его доброе расположеніе ко мнѣ, что я цѣлую его, что я убѣжденъ: его слава будетъ безсмертна, что вѣчна любовь Россіи къ нему, геніальнѣйшему и благороднѣйшему изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ. Я рыдаю о немъ. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ очень высокаго благородства души и человѣкъ великаго ума. И, какъ поэтъ, онъ, конечно, выше всѣхъ русскихъ поэтовъ».

Изъ письма Пыпина Чернышевскому 5 ноября 1877 г.

«Сегодня я опять былъ у него (Некрасова). Видѣть теперь его можно рѣдко: страданіе дѣлаетъ тяжелымъ присутствіе чужихъ. Сегодня я опять засталъ у него докторовъ, но онъ просилъ, чтобы я зашелъ къ нему; онъ говоритъ едва слышнымъ шопотомъ. Я передалъ ему твои слова. Онъ былъ тронутъ: «Скажите Николаю

Гавриловичу, что я очень благодарю его; я теперь утѣшенъ; его слова дороже мнѣ, чѣмъ чьи-либо слова». Онъ сталъ говорить о своей болѣзни; весной, до операціи, онъ могъ еще работать часъ въ день; но теперь онъ не имѣетъ почти минутъ свободныхъ, чтобы сосредоточить свою мысль».

Воспоминанія С. Н. Терпигорева (С. Атавы [1]).

... Однажды онъ (Ѳ. И. Рахманиновъ, цензоръ «Современника», дядя С. Терпигорева) входитъ ко мнѣ и, не сказавъ ни слова, садится у окна, возлѣ котораго стоялъ мой письменный столикъ.

— Я хотѣлъ поручить тебѣ отвезти письмо къ Некрасову. Хочешь?

Я вскочилъ даже на кровати.

— Конечно!

— Онъ издалъ свои сочиненія. Ему долго не разрѣшали изданія ихъ. Разрѣшили—и онъ прислалъ мнѣ одинъ экземпляръ съ надписью. Самому мнѣ ѣхать благодарить его — я цензоръ, цензирую его журналъ, и это будетъ неловко, безтактно; ничего не отвѣтить ему на это или написать по почтѣ—опять будетъ неловко въ другомъ ужъ родѣ. Я поэтому остановился на мысли написать ему письмо, въ которомъ благодарить его за это, и отправить его къ нему съ тобой. Въ письмѣ я упомяну о томъ, что ты мой племянникъ.

— Я очень радъ,—сказалъ я.

— Потому, — продолжалъ дядя, — что если литераторъ съ такимъ именемъ, какъ Некрасовъ, даритъ цензору свои сочиненія, это значитъ, что онъ уважаетъ его, а это все, что цензоръ можетъ получить отъ пи-

---

[1]) «Историч. Вѣстн.», 1896 г., мартъ.

сателя и чего, если онъ порядочный человѣкъ, долженъ добиваться.

Дядя былъ въ возбужденномъ состояніи, онъ сіялъ точно. Въ это время, я увѣренъ, онъ не отдѣлялъ себя отъ Некрасова и его взгляды, убѣжденія, направленіе считалъ своими и его дѣло тоже своимъ, кровнымъ— любимое его выраженіе.

... Некрасовъ въ это время жилъ ужъ на той же самой квартирѣ, на углу Литейной и Бассейной, въ домѣ Краевскаго, гдѣ онъ и умеръ потомъ. Я зналъ этотъ адресъ, и не одинъ разъ, проходя или проѣзжая по Литейной, всматривался въ окна квартиры, не увижу ли человѣка, котораго обожалъ за его стихотворенія и за котораго, какъ говорится, душу бы всю отдалъ.

Въ передней у Некрасова меня встрѣтилъ его егерь въ охотничьей одеждѣ съ зелеными обшивками, и штукъ пять роскошнѣйшихъ собакъ пойнтеровъ; всѣ онѣ окружили меня, обнюхивали и ласкались, я ихъ гладилъ, трепалъ, какъ истый охотникъ самъ.

— Дома Николай Алексѣевичъ?—спросилъ я.

Егерь крикнулъ кого-то; вошелъ совершенно провинціальнаго вида лакей, такой, какъ у насъ былъ въ Тамбовѣ, и съ серьезнымъ видомъ спросилъ:

— Вамъ что угодно?

— Отъ цензора Рахманинова.

— Пожалуйте, — сухо сказалъ онъ и указалъ мнѣ на дверь налѣво отъ входа.

Я вошелъ вмѣстѣ съ собаками въ довольно большую комнату съ бильярдомъ посрединѣ, съ чучелами медвѣдей по угламъ и съ гравюрами, изображавшими оленей и лосей, развѣшанными въ массивныхъ рамкахъ по стѣнамъ. Собаки прыгали, ласкались, вообще встрѣчали и продолжали занимать меня чрезвычайно радушно и гостепріимно. Я занялся ими и не замѣтилъ, какъ въ дверяхъ показалась фигура Некрасова

въ туфляхъ, халатѣ и ермолкѣ. Онъ былъ болѣзненно блѣденъ, хмуръ и суровъ.

За нимъ стоялъ лакей. Некрасовъ полуобернулся къ нему, и лакей, указывая на меня головой, сказалъ:

— Вотъ они-съ.

Я приблизился и подалъ письмо. Некрасовъ торопливо, нервно распечаталъ его и сталъ читать. Я въ это время разсматривалъ его исхудалое, пожелтѣвшее лицо, рѣденькую бородку и усы. Вдругъ на губахъ у него показалась едва замѣтная, но ядовито-злая улыбка, и онъ, опуская письмо, перевелъ на меня иронически благодушно улыбавшіеся глаза. Я невольно тоже улыбнулся.

— Я очень радъ, — глухимъ голосомъ и, по обыкновенію, берясь одной рукой за бородку, началъ Некрасовъ,—что я доставилъ Ѳедору Ивановичу удовольствіе. Пожалуйста, передайте ему мой поклонъ. Я бы самъ къ нему заѣхалъ, да вотъ совсѣмъ больной... Простудился на охотѣ, должно-быть... Да! — вдругъ сказалъ онъ, точно вспомнивъ что.— Закусить не хотите ли? рюмку водки: адмиральскій часъ вѣдь теперь... Василій!..

Вошелъ тотъ же человѣкъ его.

— Собери-ка намъ чего-нибудь, что тамъ есть... Пожалуйста, вотъ сюда,—продолжалъ Некрасовъ, беря меня рукой слегка за талію.

Мы вошли въ слѣдующую комнату, съ богатыми турецкими диванами по стѣнамъ, огромнымъ круглымъ столомъ, покрытымъ тяжелой дорогой скатертью.

— А вы никогда не говорите, что отъ цензора пріѣхали,—началъ Некрасовъ, уже весело улыбаясь, когда мы усѣлись,—вы этимъ пугаете...

— Онъ такой вашъ поклонникъ,—сказалъ я.

— Да и я и всѣ мы очень любимъ Ѳедора Ивановича... Только страшно все-таки бываетъ! Вѣдь вотъ Фингалъ! — крикнулъ онъ на собаку; Фингалъ подбѣ-

жалъ.—Вѣдь вотъ Фингалъ песъ, а дашь ему плетку—несетъ, бережно, съ любовью, а вѣдь тоже боится ея; скажешь: а гдѣ плетка? — слово только услышитъ «плетка», не знаетъ еще, что съ нимъ хотятъ дѣлать, а ужъ боится, сейчасъ видно это. Такъ и мы. Шутите вы, въ нашемъ дѣлѣ—цензоръ! Да мы такъ генералъ-губернатора не боимся, министровъ такъ не боимся, какъ цензора; царя онъ страшнѣе!

Я молчалъ. Мое положеніе было неловкое. Онъ, должно-быть, это сообразилъ или замѣтилъ и совсѣмъ уже благодушно, просто очаровывая меня лѣнивой, усталой, обычной, какъ я узналъ это впослѣдствіи, манерой своей, началъ разспрашивать, что я тутъ дѣлаю въ Петербургѣ, учусь или служу уже.

Я замѣтилъ, что онъ или нарочно тогда сказалъ, что онъ боленъ, или дѣйствительно теперь, со мною, хандра у него прошла, и онъ не замѣчалъ своей простуды: онъ былъ рѣдко такъ благодушно настроенъ.

.... Я разсказалъ дядѣ о водкѣ, что выпилъ первую рюмку изъ рукъ Некрасова, но объ его разсужденіяхъ о цензурѣ умолчалъ благоразумно.

Потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, Ѳедоръ Ивановичъ все нѣтъ-нѣтъ да и заведетъ рѣчь о Некрасовѣ, спроситъ о какой-нибудь подробности моего визита къ нему.

[Далѣе Терпигоревъ разсказываетъ о знакомствѣ съ Чернышевскимъ и передаетъ жалобу своего дяди на то, какъ лукаво издатели «Современника» добиваются его снисхожденія, какъ цензора].

... И Панаевъ съ Некрасовымъ, дѣйствительно, всегда заводятъ разговоръ о постороннемъ, сидятъ, болтаютъ, несутъ всякую чепуху, пока не явится Чернышевскій. Онъ начинаетъ просить поскорѣе прочитать и подписать корректуру, даже останавливаетъ Панаева не мѣшать мнѣ, не разсказывать всякій вздоръ; но могу ли

я въ это время спокойно заниматься?.. Ну, и проскакиваетъ...

... Десять лѣтъ спустя, когда я ближе познакомился съ Некрасовымъ, и не какъ писатель, а на охотѣ, я однажды на привалѣ вспомнилъ старину, мою первую съ нимъ встрѣчу, заговорилъ и объ этомъ «способѣ» его и Чернышевскаго въ отношеніи Рахманинова.

— Да какъ же съ ними! На каждаго звѣря особая вѣдь уловка должна быть,— отвѣтилъ онъ, закидывая руки за голову и потягиваясь на разостланномъ мягкомъ коврѣ.

— Онъ добрый малый былъ... для васъ, — возразилъ я.

— Конечно. А знаете, отчего происходитъ добрый малый? — и, смѣясь, повернулся на бокъ ко мнѣ лицомъ и самъ же отвѣтилъ на свой вопросъ.—Отъ добра мало...

Кто-то изъ сидѣвшихъ и лежавшихъ тутъ же на коврѣ—чуть ли не Ераковъ—началъ этому смѣяться. Тогда Некрасовъ приподнялся, сѣлъ на коврѣ и уже не шуточно, а совсѣмъ серьезно и съ страшной вспыльчивостью заговорилъ о томъ, что онъ вытерпѣлъ и вынесъ отъ цензуры...

Сидѣвшіе, вообще протестовавшіе, тутъ молча слушали его. Но онъ не долго говорилъ объ этомъ, замолчалъ, потомъ круто повернулъ на что-то другое.

Такого выраженія у него въ глазахъ я никогда не видывалъ послѣ... Охотники видятъ это выраженіе въ глазахъ у смертельно раненаго медвѣдя, когда подходятъ къ нему, и онъ глядитъ на нихъ.

Воспоминанія П. М. Ковалевскаго [1]).

... Это было въ Римѣ, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ. На Монте-Пинчіо, залитомъ декабрьскимъ солнцемъ, прогуливались двое русскихъ. Одинъ былъ средняго роста, худощавъ, съ жидкою остроконечною темною бородкой на болѣзненно-желтомъ лицѣ, съ карими, не безъ лукавства, глазами. На ходу онъ подавался нѣсколько впередъ, особенно подавалась сухая шея, а голова откидывалась назадъ и чуть-чуть покачивалась. Другой, гораздо выше, плотный, съ крупнымъ носомъ на толстомъ лицѣ, крошечными свѣтлыми глазками и такими же усиками, держался прямо и выступалъ твердою военною поступью. На немъ было сѣрое офицерское пальто (первой реформы новаго царствованія), съ клапаномъ позади, только безъ металлическихъ пуговицъ. Первый мнѣ былъ знакомъ по Петербургу, второго я въ первый разъ видѣлъ.

Они поравнялись съ моею скамьей.

— Да это Ковалевскій!—проговорилъ сиплымъ голосомъ знакомый.

— Здравствуйте, Николай Алексѣевичъ.

— Здравствуйте, отецъ! Вотъ гдѣ встрѣтились! Хорошо у васъ тутъ!.. А его знаете?

И Некрасовъ указалъ на незнакомаго.

— Не имѣю удовольствія...

— Ну, такъ имѣйте: это Фетъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ, а по-нашему Фетушка. Любите и жалуйте.

Кого угодно, только не автора изящнѣйшихъ и воздушныхъ стиховъ ожидалъ я увидѣть въ такомъ во-

[1]) «Встрѣчи на жизненномъ пути. Н. А. Некрасовъ». «Русская Старина» 1910 г., № 1). Талантливый поэтъ 60-хъ годовъ, П. М. Ковалевскій собралъ изъ своей памяти много отрицательныхъ чертъ для характеристики Некрасова, какъ человѣка. Взглядъ его на Некрасова, какъ на поэта, насиловавшаго свой талантъ ради опредѣленной, сознательно принятой, чуждой тенденціи, опровергается другими данными.

площеніи!.. Съ этихъ поръ началось мое знакомство съ Фетомъ и закрѣпилось съ Некрасовымъ.

Остановился Некрасовъ въ одномъ изъ первыхъ отелей на Испанской площади, гдѣ я и навѣстилъ его на другой же день. Встрѣтила меня нарядная и эффектная брюнетка, тоже извѣстная мнѣ по Петербургу, — его самого не было дома... Эта неожиданная встрѣча, этотъ отель и эта красивая женщина вызвали невольно изъ памяти первую мою встрѣчу Некрасова на Невскомъ проспектѣ, дрогнущаго въ глубокую осень въ легкомъ пальто и ненадежныхъ сапогахъ, помнится, даже въ соломенной шляпѣ съ толкучаго рынка... То былъ и не совсѣмъ еще Некрасовъ, а только Перепельскій, передѣлыватель водевилей съ французскаго, котораго онъ не зналъ, или Н. Н.— авторъ «статеекъ въ стихахъ безъ картинокъ»... Потомъ я встрѣчаю его на обѣдахъ у моего дяди Егора Петровича,—совсѣмъ Некрасовымъ,—сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» по всѣмъ отдѣламъ, даже рецензентомъ, отбивающимъ работу у Бѣлинскаго, потому что работалъ сходнѣе,— а редакторъ Краевскій сходную работу предпочиталъ всякой другой. Пріѣзжали они, сходный сотрудникъ и любитель сходныхъ сотрудниковъ, вмѣстѣ, «на его коштъ», говорилъ онъ. Редакторъ уже тогда былъ чугунно-монументаленъ и невозмутимо твердъ (такимъ онъ, должно-быть, и родился); придерживался онъ людей и разговоровъ солидныхъ. Сотрудникъ тотчасъ послѣ обѣда убѣгалъ отъ тѣхъ и другихъ къ нашей братіи молодежи, протягивался въ креслѣ и ноги укладывалъ на столъ. Онъ говорилъ намъ стихи, зачеркнутые цензурой, пародіи, куплеты, подсмѣивался надъ монументальностью «Андрея»,—иначе онъ не называлъ Краевскаго; былъ вообще молодосообщителенъ и простъ, невзирая на начинавшуюся извѣстность, далеко превзошедшую Андрееву.

Вслѣдъ затѣмъ я видѣлъ его въ коляскѣ, щеголявшаго модными жилетами и красивою нарядною женою Панаева. На коштъ послѣдняго онъ осуществилъ расколъ съ Андреемъ, отъ котораго всѣ лучшія силы «Отечественныхъ Записокъ» перешли въ «Современникъ», арендованный у Плетнева на заложенныя въ опекунскомъ совѣтѣ Панаевскія крѣпостныя души. А далѣе онъ самъ ѣздилъ въ той же коляскѣ, которая уже была колоскою не Панаева, вдвоемъ съ красивой женой Панаева, которая тоже перестала быть женою Панаева... Теперь Некрасовъ вмѣстѣ съ нею пріѣхалъ въ Римъ, — «помирать», иронизировалъ онъ надъ собою: «лѣкаря за этимъ самымъ послали. Ну, да авось либо еще надуемъ, — не умремъ...» И онъ, дѣйствительно, надулъ: отъ горловой чахотки, которую у него открыли въ Петербургѣ, вылѣчился на Монте-Пинчіо въ Римѣ и воротился здоровымъ домой.

[Идутъ воспоминанія о Фетѣ].

... — Надо бы перетащить Тургенева сюда! — не зъ говорилъ Некрасовъ и, наконецъ, поѣхалъ за нимъ въ Парижъ; но засталъ Тургенева больнымъ, при чемъ даже умилился и даже отчасти въ прегрѣшеніяхъ своихъ покаялся.

— Живетъ бѣдный въ третьемъ этажѣ, даже лучшій докторъ не хочетъ его лѣчить; выше второго, говоритъ, не поднимаюсь. А мы-то на его счетъ наживаемся! Онъ намъ подписку дѣлаетъ, а самъ чуть не на чердакѣ больной лежитъ... Это выходитъ какъ бы ужъ и безсовѣстно...

Я знаю, что Тургеневу были высланы вслѣдъ за тѣмъ деньги изъ редакціи «Современника», не знаю только, была ли то замедленная уплата за выполненную работу или выдача за будущую...

У Некрасова такія движенія случались. Писателямъ далеко не такимъ крупнымъ, между прочимъ, Пальму, онъ выдавалъ впередъ довольно часто и подолгу

ждалъ отдачи рукописями. Смѣнившій его Салтыковъ гнѣвно принялся требовать отдачи и самъ не ссужалъ впередъ...

Лучшаго редактора, какъ Некрасовъ, я не зналъ; едва ли даже былъ у насъ другой такой же. Были люди свѣдущѣе его, образованнѣе; Дружининъ, напримѣръ; но умнѣе, проницательнѣе и умѣлѣе въ сношеніяхъ съ писателями и читателями никого не было. Краевскій былъ просто толковымъ хозяиномъ литературной лавки съ значительной приправой кулачества; литературнаго вкуса у него и духу не было. Некрасовъ былъ тонкаго обонянія редакторъ, эстетикъ, какихъ мало (хоть онъ и обязанъ былъ скрывать этотъ порокъ отъ столповъ своей редакціи, Чернышевскаго и Добролюбова). Эстетическую контрабанду онъ одинъ умѣлъ проносить въ журналѣ черезъ такія таможенныя заставы, какія воздвигнуты были отрицаніемъ искусства, въ то время, когда... «рукописи съ направленіемъ» стояли ему поперекъ горла.

— Нынче,—жаловался онъ,—развѣ лѣнивый пишетъ безъ направленія; а вотъ чтобы съ дарованіемъ, такъ не слыхать что-то... Статья и помимо содержанія должна читаться. Она обязана быть литературной,—и читаться въ такомъ видѣ будетъ.

Знаніе вкусовъ читателей у него выражалось не безъ своеобразнаго юмора.

— Читатель вѣдь чего хочетъ. Онъ хочетъ, чтобы повѣсть была поскучнѣе; серьезная, дескать, повѣсть, не какая-нибудь,—а ученая статья, чтобъ была повеселѣе: онъ прочитать ее можетъ...

Никогда онъ не ошибался въ выборѣ рукописей: «читаться будетъ!»—скажетъ и напечатаетъ. Смотришь, читаютъ точно. Ошибся онъ одинъ разъ, зато сильно, нехорошо и неразсчетливо ошибся, съ повѣстью Достоевскаго «Село Степанчиково», которая была точно слаба, но которую тотъ привезъ съ собою изъ ссылки

и которую редакторъ «Современника» ужъ по одному этому обязанъ былъ взять.

— Достоевскій вышелъ весь. Ему не написать ничего больше, — произнесъ Некрасовъ приговоръ — и ошибся: Достоевскій взялъ да и написалъ «Записки изъ Мертваго дома» и «Преступленіе и наказаніе». Онъ только дѣлался «весь». Некрасову на этотъ разъ чутье измѣнило...

... По возвращеніи изъ Италіи Некрасовъ не нашелъ еще въ Россіи начала первыхъ вольностей литературныхъ; онѣ пришли годомъ — двумя позже. Но когда онѣ пришли, пришло и окончательное его возвышеніе, какъ поэта и редактора. Только звонъ «Колокола» изъ Лондона въ силахъ былъ покрывать собою «Свистокъ» «Современника», а руководящими статьями, критическими, внутренняго обозрѣнія и иностранной политики руководствовалось чуть не все отъ мала до велика читающее общество...

Имя Панаева еще стояло на сиреневой оберткѣ журнала, но редакторство его ограничивалось держаніемъ корректуры и фельетономъ новаго поэта. Панаевъ еще жилъ на общей съ Некрасовымъ квартирѣ; но въ ней онъ занималъ уже одну комнату во дворѣ, а рядъ большихъ комнатъ на улицу принадлежалъ Некрасову. У послѣдняго была шапка-боярка,—мода, появившаяся съ конца пятидесятыхъ годовъ, — изъ такого темнаго и сѣдого соболя, что бѣдный Панаевъ, теперь обреченный на муки Тантала при видѣ всего моднаго, ему болѣе не доступнаго, готовъ былъ, по собственному сознанію, отдать нѣсколько лѣтъ жизни за эту шапку! Самый модный англичанинъ портной облекалъ теперь въ самыя отборныя издѣлія англійскихъ мануфактуръ тѣло Некрасова, когда-то довольствовавшееся произведеніями съ толкучаго рынка, и самые тонкіе обѣды подавались по нѣскольку разъ въ недѣлю самому разнообразному составу гостей когда-то голодавшимъ Не-

красовымъ... Благодаря почти Чичиковской способности съ каждымъ говорить и обходиться соотвѣтственно его значенію, Некрасовъ дѣлилъ и гостей своихъ соотвѣтственно значенію обѣдовъ или обѣды задавалъ соотвѣтственно значенію гостей. Такъ, у него были обѣды для людей свѣтскихъ, преимущественно игроковъ, ничего общаго съ литературой не имѣвшихъ. Это были самые тонкіе обѣды. За ними слѣдовали обѣды для знаменитыхъ литераторовъ, вносителей беллетристическихъ перловъ въ сокровищницу «Современника», съ редакціей имѣвшихъ мало общаго; потомъ обѣды редакціонные, собиравшіе къ столу постоянныхъ сотрудниковъ журнала; такіе давались рѣдко, въ случаяхъ исключительныхъ; наконецъ, обѣды, которые можно было назвать эстетическими, гдѣ Некрасовъ, не сдерживаемый препятствіями «направленія», позволялъ себѣ являться эстетикомъ по душѣ, отводя эту душу отъ обѣдовъ редакціонныхъ, для которыхъ эстетика запрятывалась такъ, чтобы и подозрѣнія о ней не было.

На эстетическихъ обѣдахъ бывало по два, по три человѣка, не болѣе: Дружининъ, Гончаровъ, иногда Григоровичъ. Тутъ хозяинъ читывалъ тѣ задушевныя изліянія своей поэзіи, какимъ суждено было долго не появляться на свѣтъ. Для своего «Рыцаря на часъ» онъ позвалъ только Дружинина и меня и прочелъ со слезами въ голосѣ этотъ покаянный вопль своей грѣховной души...

Читалъ онъ всегда все (кромѣ самыхъ крупныхъ вещей) наизусть. Память у него была удивительная, а писалъ онъ необыкновенно легко.

— Я запрудилъ бы стихами литературу, — говаривалъ онъ,—если бы только далъ себѣ волю.

Изъ обѣдовъ, задававшихся вносителямъ перловъ, мнѣ остался памятнѣе другихъ тотъ, на которомъ я познакомился съ Тургеневымъ. Обѣдъ этотъ могъ бы

быть названъ выставкою цвѣта русской литературы. Выбившись изъ-подъ николаевскаго снѣга сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, она отходила теперь на весеннемъ солнышкѣ первыхъ вольностей воцарившагося Александра. Тутъ были: печатавшій своего «Обломова» Гончаровъ—кругленькій, пухлый, съ сонливо-спокойнымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ изъ-подъ широкихъ вѣкъ въ ячменяхъ; Писемскій,—съ лицомъ, какъ самоваръ изъ красной мѣди, и черными на выкатѣ, какъ уголья, глазами, — Писемскій — «Тысячи душъ» и «Горькой судьбины»; рыжеватый и бѣлый, какъ банщикъ или молодецъ изъ лабаза, Островскій—«Любима Торцова»; огромный Тургеневъ—«Дворянскаго гнѣзда», которое уже набиралось для «Современника»; сухой, длинный, съ длиннымъ лицомъ, висячими волосами и бородою Полонскій—«Кузнечика-Музыканта»; тоже длинный, но пооткормленнѣе или брюзглѣе, съ подслѣповатыми, вѣчно потупленными глазками Дружининъ, редактирующій «Библіотеку для чтенія»; похожій на маркера Панаевъ — Новый поэтъ «Современника»; прозванный имъ «critique fin» Анненковъ, пучеглазый, съ кувшиннымъ рыломъ, получавшій свой свѣтъ отъ большихъ солнцъ литературы, около которыхъ неустанно вращался; московскій краснобай, остроумный и стародавній, теперь заново реставрированный писатель, Павловъ [1]), въ высокомъ, намотанномъ вокругъ шеи галстукѣ по модѣ тридцатыхъ годовъ; наконецъ, два самыхъ яркихъ представителя только что народившейся породы «новыхъ людей» — будущихъ нигилистовъ, — Чернышевскій, маленькій, блѣдный и худой, въ золотыхъ очкахъ, съ тонкими

---

[1]) Николай Филипповичъ Павловъ, авторъ «Трехъ повѣстей» (1835 г.), содержавшихъ протестъ противъ крѣпостного права. Въ 1856 г. нашумѣла его статья о комедіи Соллогуба «Чиновникъ». Павловъ родился въ 1805 году, умеръ въ 1864.

чертами лица и длинными свѣтлыми волосами, и Добролюбовъ, — высокій съ волосами довольно темными, крупными чертами лица (строгаго педагога или протестантскаго пастора)—тоже въ очкахъ. Оба съ ироническимъ отношеніемъ къ окружающему. Молчаніе было съ ихъ стороны отвѣтомъ на все, что говорилось. Одинъ разъ только пошутилъ вслухъ Добролюбовъ и то по адресу своего сосѣда Чернышевскаго, когда заговорили о какомъ-то стихотворцѣ, который писалъ оды Николаю и ходатайствовалъ о переименованіи его настоящей фамиліи въ фамилію Николаевскаго.

— Какъ переименовали Грязную улицу,— вставилъ Добролюбовъ.

Улица эта недавно была изъ Грязной переименована въ Николаевскую.

Анненковъ увидѣлъ возможность совершить вращеніе въ сторону восходящихъ солнцъ: поднялъ надъ тарелкою ладони и изобразилъ ими рукоплесканіе. Но тамъ это не было даже замѣчено.

Некрасовъ разливалъ супъ въ головѣ длиннаго стола, Панаевъ — въ хвостѣ накладывалъ щи. Разговоромъ, съ понаторѣлостью москвича и свѣтскаго человѣка, завладѣлъ Павловъ, не стѣсняясь сосѣдствомъ Тургенева, первенство котораго, на то время безпрекословно признанное, такимъ образомъ какъ бы упразднялось. Иванъ Сергѣевичъ дѣлалъ видъ, что тѣмъ лучше для него, пусть эту тяготу берутъ на себя другіе. Онъ прижималъ високъ концами пальцевъ и жаловался на мигрень.

[Далѣе Ковалевскій разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Тургеневымъ].

Чуть ли не самые многолюдные обѣды были редакціонные, а уже самые разношерстные были, несомнѣнно, они. Помню огромные глаза Салтыкова, перепуганно-озирающіеся на сотрапезниковъ, между кото-

рыми дикообразный Рѣшетниковъ производилъ на него какое-то удручающее впечатлѣніе.

— Сядемте, пожалуйста, рядомъ. Ей Богу, даже не безопасно, — уговариваетъ, бывало, Салтыковъ.

Если когда кормъ бывалъ не въ коня, то ужъ, конечно, на этихъ обѣдахъ. Порціонные цыплята, зимою и лѣтомъ, выставка бутылокъ разнообразныхъ винъ передъ каждымъ приборомъ, являлись тутъ почти насмѣшкою. Собирались, напримѣръ, сотрудники обсудить вопросъ: по скольку копеекъ вычитать изъ ихъ гонорара, чтобы собрать сумму на случай крайней нужды одного изъ нихъ, не прибѣгая къ пособію «литературнаго фонда», и тутъ же издерживалась сумма въ цыплятахъ и дорогихъ винахъ, въ которыхъ никто не нуждался. Многіе, напротивъ, страдали отъ замѣны ими простой водки.

Салтыковъ особенно занимался такими страдальцами.

— Посмотрите, посмотрите! Видите, какъ страдаетъ, — толкалъ онъ меня локтемъ, указывая на преслѣдовавшаго его Рѣшетникова.

... Некрасовъ благодушно усмѣхался во всѣ стороны.

— Пусть ихъ полакомятся!—говорили его каріе съ лукавствомъ глаза:—не всякій день получаютъ.

Не всякій день получались тутъ и тѣ мнѣнія, какія высказывалъ хозяинъ по разнымъ предметамъ. Болѣе чѣмъ когда, они были чичиковски привѣтливы къ составу обѣдавшихъ.

Нельзя не упомянуть еще объ обѣдахъ спеціальныхъ, съ глазу на глазъ съ одними редакторами, — обѣдахъ сперва для цензора, а впослѣдствіи для члена управленія по дѣламъ печати, приставленнаго ходить за журналомъ. Эти исключительные обѣды не допускали для себя полной гласности, подобно людямъ, для которыхъ они предназначались.

[Авторъ передастъ, какъ однажды попалъ нечаянно на такой конфиденціальный обѣдъ и скомфузилъ своимъ появленіемъ Салтыкова. Некрасовъ надъ этимъ подшучивалъ].

— А крѣпко не любитъ, чтобы его въ такомъ видѣ знали. Все норовитъ, какъ бы въ наилучшемъ! — подсмѣивался онъ.

Некрасовъ откровеннѣе совершалъ то, чего не могъ дѣлать въ наилучшемъ видѣ. Разъ мнѣ довелось также неожиданно зайти къ нему въ самый разгаръ игры, продолжавшейся нѣсколько сутокъ. Остатки не то ужина, не то завтрака на тарелкахъ, на блюдахъ, на подносахъ, стоявшихъ въ безпорядкѣ, гдѣ ни попало: по стульямъ, диванамъ, на корректурныхъ листахъ,— бутылки, стаканы и нѣсколько человѣкъ играющихъ, въ такомъ же безпорядкѣ, заставили меня попятиться назадъ. Но Некрасовъ меня увидѣлъ и предупредилъ.

— А, это вы, отецъ! Куда же вы! Дайте, я къ вамъ вылѣзу.

И точно вылѣзъ, и повелъ въ другую комнату.

— Это мы «освѣжаемъ» новичка, — объяснилъ онъ мнѣ.—Третью ночь не ложимся. Кто послабѣе, вздремнетъ на диванѣ... И ничего. Нервы только это отлично размотаетъ: какъ покончимъ, стихи писать стану.

Онъ увѣрялъ, что никогда такъ хорошо не пишетъ, какъ послѣ «освѣженій».

— А то заспишь, заѣшь ихъ совсѣмъ проклятые (нервы), ходишь, какъ дубина!

И этого человѣка посылали умирать когда-то въ Италію!

— А что значитъ «освѣжать»? — полюбопытствовалъ я.

— Это, отецъ, хорошее слово. Я ему выучился у нашего повара. Когда онъ потрошитъ птицу, такъ говоритъ, что ее «освѣжаетъ». Вотъ и мы тоже, когда

потрошимъ горячаго игрока, то говоримъ, что освѣжаемъ его...

Искренность это или цинизмъ, — что хотите; но во всякомъ случаѣ не притворство.

Притворялся Некрасовъ не въ жизни, — онъ былъ слишкомъ по-русски смѣтливъ, чтобы притворяться тамъ, гдѣ шила въ мѣшкѣ не утаишь, — притворялся онъ гораздо хуже: въ искусствѣ, въ дѣлѣ, на которое природа благословила его особымъ даромъ. Онъ родовое свое достояніе сдалъ въ пожизненную аренду подъ чужія ученія, которыхъ даже ясно не сознавалъ, потому что ихъ хорошенько и не зналъ, а принялъ на вѣру отъ другихъ. Какъ человѣкъ недюжиннаго ума и смекалки необыкновенной, онъ привыкъ къ этимъ ученіямъ и, не сроднясь съ ними душой, пребылъ имъ умственно вѣренъ до конца. Онъ сдерживалъ вдохновеніе, когда оно рвалось не въ ту сторону, и завидовалъ тѣмъ, кто не былъ обязанъ его сдерживать.

... Совершенно эпически начатую поэму «Кому на Руси жить хорошо» онъ дальше принялся портить дидактическими вставками, потому что тѣ, которые «не велятъ такимъ манеромъ разговаривать», нашли добродушно-шутливое отношеніе къ мужику неуважительнымъ. Никуда негодныя сатиры онъ писалъ смѣло, а лучшія лирическія вещи украдкой, въ родѣ того, какъ ученики сочиняютъ стихи подъ классной скамьей.

Отдавши себя въ неволю въ томъ, что должно было составлять раздолье и отраду жизни, свободный только въ средствахъ матеріальныхъ, которыя лились на него дождемъ и съ литературно-журнальнаго и съ игорнаго горизонта (онъ былъ необычайно счастливъ въ картахъ и такъ сдержанъ, что всегда оставался въ выигрышѣ), — Некрасовъ вполнѣ свободно предавался только страсти къ охотѣ да къ своей черной легавой «Кадошкѣ», которую любилъ, какъ человѣка. По сви-

дѣтельству старика Дюма, «le grand poéte russe» любилъ еще и Григоровича; но я этого уже не засталъ и могу свидѣтельствовать только о любви его къ «Кадошкѣ»...

Ему позволялось вскакивать на столъ за обѣдомъ и локать воду изъ хрустальныхъ кувшиновъ; для него подавалась жареная куропатка или жареный рябчикъ, и онъ ихъ съѣдалъ на коврѣ, иногда заносилъ на диванъ и трепалъ на дорогой обивкѣ. («Надо замѣтить этотъ диванъ!»—говаривалъ аккуратный Гончаровъ,—чтобы никогда на него не садиться».) Когда собака была больна, лѣкарства она получала отъ знаменитаго врача, лѣчившаго самого Некрасова. Трагическая ея кончина (ее подстрѣлили нечаянно на охотѣ) вызвала въ Некрасовѣ сознаніе, что онъ только тогда испыталъ истинное горе и понялъ отчаяніе отъ утраты дорогихъ существъ, когда увидѣлъ Кадошкинъ трупъ. Онъ упалъ на него и рыдалъ истерически. Послѣ того онъ долго не заводилъ собаки и бросилъ на время самую охоту.

Изъ разсказаннаго, пожалуй, можно бы вывести заключеніе, что редактору сперва «Современника», а потомъ «Отечественныхъ Записокъ» на занятія по редакціи и времени не оставалось. А между тѣмъ это было не такъ: редакція руководилась имъ неуклонно, какъ оркестръ хорошимъ капельмейстеромъ. Такъ, какъ хорошій капельмейстеръ набираетъ хорошихъ музыкантовъ и, убѣдившись въ ихъ умѣньи дѣлать свое дѣло, требуетъ одного вниманія къ движеніямъ своей палочки, такъ и Некрасовъ умѣлъ подобрать сотрудниковъ, которымъ довольно было сказать: «отцы, маленечко потише!» или «пріударить позволяется, отцы—валяйте», и редакціонный оркестръ исполнялъ литературныя симфоніи и фуги, какихъ въ другихъ редакціяхъ не исполнялось. При этомъ деликатность Некрасова была такъ велика, что не только въ дѣло первой скрипки или віолончели, какими были Чернышевскій

съ Добролюбовымъ, онъ никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться, но и составителя фельетона онъ оставлялъ самостоятельнымъ въ игрѣ на своей дудкѣ.

... Отношеніе къ календарю, составляющее единственную сердечную сторону послѣдующихъ редакторовъ, было у Некрасова самое холодное; ему не было никакого дѣла до перваго числа; если тридцатаго попадалась живая статья или матеріалъ для нея, первое число могло случиться хоть пятнадцатаго.

— Книжка должна свѣжимъ человѣкомъ выйти въ свѣтъ,—говаривалъ онъ.

— И жаркóе то хорошо, которое съ пылу; зажаренное за полчаса не годится.

Зато при немъ книжки журнала въ самомъ дѣлѣ были живыми. Не тѣмъ, такъ другимъ способомъ, а онъ вдыхалъ въ нихъ жизнь.

... Какъ уже упомянуто, Некрасовъ довелъ до самоотверженности свое служеніе направленію. Самоотверженностью, которая перешла на этотъ разъ въ самооплеваніе, объяснялъ онъ и прискорбный случай съ Муравьевымъ въ англійскомъ клубѣ. Извѣстно, что Муравьевъ былъ одно время чѣмъ-то въ родѣ руки Всевышняго, которой суждено было отечество спасти, — отъ чего? Да просто отъ всего: отъ толстыхъ журналовъ до стриженыхъ женщинъ включительно. Отсюда— совершенно понятное общее уныніе и трепетъ въ области журналистики, представляемой Некрасовымъ, какъ редакторомъ толстаго «Современника». Трепеталъ ли редакторъ и за Некрасова, не берусь рѣшать; между трепетными, во всякомъ случаѣ, я его не считаю на одномъ ряду съ Салтыковымъ. Такъ или иначе, но онъ рѣшается на самозакланіе и кладетъ себя искупительною жертвою на алтарь муравьевскаго всемогущества. Чтобы спасти направленіе, онъ погубитъ себя...

И вотъ послѣ одного изъ обѣдовъ въ англійскомъ клубѣ, онъ подходитъ къ современному Атиллѣ тол-

стой журналистики и стриженыхъ женскихъ головъ, становится предъ нимъ и, при свидѣтеляхъ, произноситъ стихи, благословляющіе на подвигъ отрощенія волосъ и остриженія журналовъ... Атилла окидываетъ его презрительнымъ взглядомъ и поворачиваетъ ему спину.

Спасено ли хоть направленіе? Ничуть. Журналъ, немного погодя, запрещается... Я помню угнетенный видъ бѣднаго Некрасова послѣ совершоннаго имъ подвига.

Сдѣлать подлость, но умно сдѣлать, — еще за это простить могутъ; а сдѣлать подлость и глупость разомъ — непростительно. Можетъ-быть, мнѣ измѣняетъ память, но съ тѣхъ поръ самый образъ жизни Некрасова потерпѣлъ перемѣну; домъ его сталъ менѣе открытымъ, обѣды не такъ часты и гораздо проще. Тѣ угощенія, которыя прежде являлись по манію невидимой руки вдовы Панаева, отошли въ преданіе вмѣстѣ съ нею и съ поваромъ, «освѣжавшимъ» дичь и карманъ Некрасова. Обѣдали больше запросто; готовила кухарка, хотя отличная; у стола служилъ бородатый охотникъ «Никандръ» въ платьѣ съ некрасовскаго плеча, и если его кто-нибудь называлъ Никандромъ, то Некрасовъ непремѣнно прибавлялъ: «Никандра, отецъ, онъ иначе себя не понимаетъ». На обѣдахъ присутствовала уже для всѣхъ видимая другая хозяйка,— бѣлокурая Зиночка, столько же соотвѣтствуя простотѣ новой обстановки, сколько старая обстановка соотвѣтствовала остроумной и блестящей брюнеткѣ Авдотьѣ Яковлевнѣ... Редакція арендованнаго уже другого журнала («Отеч. Записокъ») не кормилась и не поилась вовсе. Бывалъ одинъ Салтыковъ, да и тотъ больше, когда случалось «прикармливать» какого-нибудь рѣдкаго цензурнаго звѣря... Вносители перловъ беллетристики или перестали совсѣмъ нестись, или клали свои яйца въ другіе журналы. Одинъ Островскій остался неизмѣненъ.

... Потомъ Некрасовъ пошелъ болѣть. Неизлѣчимая болѣзнь (ракъ въ кишкахъ), мучительная, долгая, заживо похоронила его для всѣхъ, кромѣ двухъ не оставлявшихъ его ни на минуту женщинъ: этой самой Зиночки и родной сестры. Онѣ соперничали въ самоистязаніяхъ: каждая не давала себѣ спать, чтобы услышать первый его стонъ и первой подбѣжать къ постели. Для этого Зиночка, которая была моложе и со сномъ справлялась труднѣе, садилась на полъ и уставлялась на зажженную свѣчу:

Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей
Муки мои продолжаются;
Ночью и днемъ
Въ сердцѣ твоемъ
Стоны мои отзываются,
Двѣсти ужъ дней,
Двѣсти ночей.
Гемные зимніе дни,
Ясныя зимнія ночи...
Зина! закрой утомленныя очи.
Зина! усни...

Но Зина не закрывала очей и не давала себѣ уснуть.

Зато, по истеченіи этихъ двухсотъ дней и ночей, она изъ молодой, бѣленькой и краснощекой женщины превратилась въ старуху съ желтымъ лицомъ, и такою осталась.

Недобрые люди давали свое толкованіе самоотверженности этихъ женщинъ: у больного было большое состояніе...

Состояніе Некрасова было, дѣйствительно, велико. Однако денегъ послѣ покойника не осталось. Зиночка даже продала съ публичнаго торга его носильное платье, и сама осталась бѣдною Зиночкой... А кто остался богатъ, — для всѣхъ тайна. Сестра покойнаго тоже не разбогатѣла; ей досталось одно право соб-

ственности на сочиненія брата. Или состояніе опять принесено въ жертву «направленію», скрыто, а съ тою же цѣлью показано только незначительное имущество для основанія народной школы имени народнаго поэта?.. И здѣсь тайна...

Всю жизнь скрывать врожденное эстетическое чувство; выражать въ поэтической формѣ голоданье и холоданье простонародья, и въ то же время жить бариномъ въ полномъ смыслѣ слова; наконецъ, умереть, не оставивъ ничего, — чтобы хоть было подозрѣніе въ чемъ-то общемъ съ бѣднымъ народомъ: какой добровольный крестъ и для чего!..

Послѣдніе дни жизни забота о прославленіи себя за гробомъ возложила на Некрасова новый крестъ: онъ началъ допускать къ своей постели людей, которые прежде никогда не получили бы доступа къ его креслу: разныхъ газетныхъ глашатаевъ, публицистовъ пошустрѣе, изъ грязи вылѣзшихъ редакторовъ и всякую пресмыкающуюся литературную тварь. Они его утомляли до изнеможенія; развѣдывали, разспрашивали, выворачивали его душу, чтобы пересказать, чѣмъ она подбита; что-то записывали и, не дождавшись, чтобы онъ хорошенько закрылъ глаза, пустились взапуски платить по-медвѣжьему за переданныя (и еще переданныя ли?) откровенія...

Мнѣ довелось однажды попасть на слѣдующую сцену. Некрасовъ лежалъ спиной къ окнамъ, лицомъ къ стѣнѣ, съ которой смотрѣлъ сосланный въ деревню Пушкинъ, читающій Пущину стихи (картина Гэ). Приподнятое острое колѣно Некрасова торчало подъ простыней, какъ на портретѣ Крамского. Сбоку, у самой кровати, на стулѣ сидѣлъ взбудораженный и алчный газетчикъ, прислушиваясь къ тому, что черезъ силу протягивалъ сиплымъ, совсѣмъ уже беззвучнымъ голосомъ больной.

Какъ только я подошелъ, онъ разомъ замолкъ.

— Усталъ, отецъ. Довольно, — обратился онъ къ газетчику.

— Какъ-нибудь позвольте въ другой разъ?— заговорилъ тотъ.

Некрасовъ отмахнулся рукой, какъ отъ комара, и закрылъ глаза. Газетчикъ удалился, но прежде записалъ-таки что-то въ книжечку.

— Вотъ такъ-то: на нихъ и суда не найдешь. Какъ оводы лѣтомъ,—протянулъ Некрасовъ и усиленно принялся стонать. Зиночка такъ и налетѣла.

Я видѣлъ, что ему было совѣстно. Мнѣ за него тоже: «не въ лучшемъ видѣ» засталъ я его.

Многое происходило не въ лучшемъ видѣ на глазахъ подбиравшейся каждый часъ смерти. Не въ лучшемъ видѣ были и возложенія на гробъ вѣнковъ, во время погребальнаго шествія по улицамъ, переодѣтыми въ бабъ женщинами съ направленіемъ. Вѣнки... бабы,—какъ это одно съ другимъ не ладится [1])!

Впрочемъ, вѣнки и бабы за гробомъ, тонкія вина и голодные сотрудники за обѣдомъ, — это только двѣ разныхъ сцены, но изъ одной и той же комедіи...

Г. З. Елисеевъ о Некрасовѣ.

Герой - рабъ [2]).

Въ бумагахъ Н. К. Михайловскаго сохранилась въ высшей степени характерная и любопытная записка

---

[1]) Въ описаніи похоронъ Некрасова («Бирж. Вѣд.», 1877, № 336, 31 дек.), между прочимъ, читаемъ: «Въ передовой группѣ молодежи можно было видѣть представителей почти всѣхъ учебныхъ заведеній... Молодежь, схватившись за руки, образовала цѣпь четыреугольникомъ. Въ серединѣ этой цѣпи впереди другихъ шли двѣ крестьянки въ полушубкахъ и несли небольшой вѣнокъ изъ зелени съ надписью: «отъ русскихъ женщинъ», высоко поднявъ его надъ головою. По временамъ ихъ смѣняли другія женщины».

[2]) Изъ критико-біографическаго очерка Л. Мельшина (П. Ф. Якубовича): «Н. Некрасовъ, его жизнь и литературная дѣятель-

Г. З. Елисеева, имѣющая форму отвѣта на письмо Худякова, горячаго когда-то поклонника Некрасова, осужденнаго по дѣлу Каракозова и изъ глубины восточной Сибири славшаго поэту горькіе и даже жестокіе упреки за «невѣрный звукъ лиры». Письмо это получено было Елисеевымъ или, быть-можетъ, самимъ Некрасовымъ еще въ концѣ 60-хъ или началѣ 70-хъ годовъ, защитительная же записка Елисеева относится, по всей вѣроятности, къ концу 80-хъ годовъ, когда Худякова давно уже не было на свѣтѣ. Приводимъ ее здѣсь цѣликомъ [1]).

«Намъ понятно то глубокое негодованіе, которое кипѣло въ груди автора каждый разъ при мысли, что Некрасовъ говорилъ въ клубѣ стихи въ честь М. (Муравьева), въ которыхъ призывалъ карающую руку [2])... Понятно потому, что, можетъ-быть, первыя чувства гражданской доблести въ Х. (Худяковѣ) были пробуждены и воспитаны музою Некрасова, и вотъ те-

---

ность», Спб., 1907. Біограф. библ. Павленкова.—Григорій Захаровичъ Елисеевъ (род. 1821 г.—ум. 1891) былъ профессоромъ казанской духовной академіи, съ шестидесятыхъ годовъ велъ обозрѣніе внутренней жизни въ «Современникѣ» и потомъ въ «Отечественныхъ Записках». Біографическая его характеристика въ книгѣ Н. К. Михайловскаго «Литературныя воспоминанія и современная смута», Спб., 1900, т. I, стр. 417—508. Здѣсь, стр. 466—468, приводится сдѣланная Елисеевымъ характеристика Некрасова, какъ редактора, совпадающая съ тѣмъ, что говорятъ П. М. Ковалевскій и мн. др.

[1]) Когда въ концѣ 1902 г. я впервые печаталъ въ своей статьѣ о Некрасовѣ эту записку, цензурныя условія «режима Плеве» заставили меня выбросить изъ нея нѣсколько строкъ и ослабить нѣкоторыя отдѣльныя слова и выраженія (да и то покойный Н. К. Михайловскій боялся, что цензоръ ея не пропуститъ). Въ настоящее время у меня нѣтъ, къ сожалѣнію, въ рукахъ подлинной записки Елисеева. П. Я.

[2]) Стихотвореніе М. Н. Муравьеву-Виленскому, помѣщенное въ отдѣлѣ произведеній Некрасова, въ дѣйствительности никакого призыва къ карамъ не содержитъ, какъ не содержитъ ничего подобнаго и стихотвореніе въ честь Комиссарова.

перь... онъ слышитъ отъ этой самой музы вмѣсто утѣшенія и благословенія проклятіе! Тѣмъ не менѣе, такое отношеніе автора къ Некрасову мы признаемъ крайне несправедливымъ и жестокимъ. Извѣстно, что въ томъ мракѣ... ни одна публичная мысль ни одно публичное слово, а тѣмъ болѣе дѣло не могли явиться безъ компромиссовъ. А у Некрасова на рукахъ было большое публичное дѣло, дѣло расширенія и упроченія за прессою свободнаго слова, съ цѣлью дать возможно широкое распространеніе въ обществѣ новой идеѣ. Изъ всѣхъ писателей 40-хъ годовъ Некрасовъ одинъ съ самаго перваго появленія этой идеи предался ей вполнѣ и сдѣлался неизмѣннымъ ея носителемъ и служителемъ и остался такимъ до конца жизни. На это посвятилъ онъ весь свой громадный талантъ, дѣйствуя какъ поэтъ и какъ журналистъ. Теперь даже трудно опредѣлить, чѣмъ онъ болѣе принесъ пользы: своими ли поэтическими произведеніями, или своей журнальной дѣятельностью. Въ то время, когда стихи его разсѣивали всюду «святое недовольство» и возбуждали въ молодыхъ умахъ горячіе порывы къ обновленію, журналъ указывалъ источники зла и тѣ пути, которыми нужно было итти для его истребленія, и гдѣ, и въ чемъ искать новаго дѣла; около журнала группировались вѣрные борцы за новую идею, дѣлавшіе всегда первые смѣлые шаги впередъ. Не даромъ «Современникъ» сдѣлался любимѣйшимъ журналомъ публики и въ особенности молодежи; не даромъ ни на одинъ журналъ не сыпалось столько обвиненій и тайныхъ доносовъ со стороны ретроградовъ и столько гоненій и притѣсненій со стороны цензуры, какъ на «Современникъ». Съ назначеніемъ Муравьева все ставилось на карту. Передъ чѣмъ могъ остановиться, чего не могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, который иногда осмѣливался не являться во дворецъ, несмотря на неоднократныя требованія, отзы-

ваясь дѣлами и недосугомъ [1])? И вотъ, для умилостивленія этого человѣка, способнаго и готоваго уничтожить всю новую литературу и остановить движеніе новой идеи на нѣсколько десятковъ лѣтъ, Некрасовъ принесъ въ жертву свое самолюбіе, написавъ въ его честь и прочитавъ публично въ клубѣ стихотвореніе. Говорятъ: Некрасовъ все-таки не спасъ этимъ «Современника»... Но тѣ, которые говорятъ такъ, забываютъ, что дѣло шло не о спасеніи одного «Современника», а о сохраненіи возможности существованія новой идеи, о предупрежденіи гоненія на литературу, какъ на литературу только... Законность и необходимость принесенной Некрасовымъ жертвы, навѣрно, будетъ выяснена для всѣхъ исторіей нашего времени. Къ сожалѣнію, Некрасовъ былъ не настолько великъ, чтобы, сознавая необходимость своего поступка, оставаться равнодушнымъ къ близорукимъ толкамъ современной толпы о своемъ поступкѣ. Толки эти мучили его всю жизнь. Всѣмъ извѣстно написанное имъ въ 1866 же году прекрасное стихотвореніе «Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи вчерашній другъ, качая головой», гдѣ онъ изображаетъ себя оттолкнутымъ отъ всѣхъ, къ кому лежали его симпатіи, и попавшимъ черезъ свое (клубное) стихотвореніе въ дружбу къ толпѣ *безличныхъ*, которые «спѣшатъ въ объятья къ новому рабу и пригвождаютъ жирнымъ поцѣлуемъ несчастнаго къ позорному столбу». Сокрушеніе о своемъ поступкѣ Некрасовъ высказывалъ и впослѣдствіи въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ и лично говорилъ о немъ всѣмъ симпатизирующимъ ему лицамъ, стараясь оправдать его или объяснить необходимостью тогдашнихъ обстоятельствъ. Даже передъ смертью, мучимый страшною

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ, императоръ Александръ II не любилъ Муравьева, и, благодаря только этому, послѣдній не могъ дать полную волю своимъ реакціоннымъ стремленіямъ. П. Я.

болѣзнью, едва дышавшій и говорившій, онъ не переставалъ приносить покаяніе... Такъ давила и мучила его жертва, принесенная имъ въ пользу своего великаго дѣла.

«Но что руководило Некрасовымъ при его поступкѣ: мысль о дѣлѣ, которому онъ служилъ, или о тѣхъ личныхъ выгодахъ, которыя были сопряжены съ этимъ дѣломъ? И если это послѣднее, то не заслуживаетъ ли его поступокъ справедливаго порицанія и не были ли тѣ страданія, которыя онъ испыталъ за него, вполнѣ заслуженной карой? На этотъ вопросъ можно отвѣчать другимъ вопросомъ. Могъ ли бы Некрасовъ имѣть столько враговъ, сколько онъ ихъ имѣлъ, если бы сталъ пѣть другія пѣсни и служить другому, противоположному дѣлу? Наглядное, блистательное доказательство того, какъ перемѣна идейнаго фронта можетъ обогатить и возвеличить даже и не такого талантливаго, какъ Некрасовъ, но бойкаго и ловкаго литератора, каждый можетъ видѣть на примѣрѣ Суворина. Этотъ робкій чижъ скромно чирикалъ свои либеральные фельетоны у Корша, завидуя славѣ и блеску такого сокола-соловья, какъ Катковъ. Но вдругъ у него родилось желаніе направить свое чириканье во славу «сильныхъ и сытыхъ міра сего». Онъ попробовалъ — и на него полились деньги и слава. Онъ теперь признанъ политическимъ мудрецомъ...

«Чего же бы, какихъ почестей и какого богатства не достигъ Некрасовъ, при его громадномъ умѣ и талантѣ, если бы захотѣлъ хотя бы нѣсколько умѣрить свое направленіе? Но онъ не пошелъ этой дорогой. А не пошелъ потому, что не могъ пѣть фальшиво; это не былъ скворецъ, наученный пѣть по-соловьиному, или чижикъ, робко чирикающій ходячія пѣсенки, а— дѣйствительный соловей, который могъ пѣть только своимъ голосомъ и пѣть то, что хватало его за живое. Талантъ Некрасова былъ вполнѣ самобытный,

соединенный съ замѣчательною силою и крѣпостью ума. Некрасовъ нигдѣ почти не воспитывался — онъ не окончилъ курса даже въ гимназіи,—не могъ читать ни на одномъ иностранномъ языкѣ, а между тѣмъ критическій умъ его былъ такъ силенъ, что никто лучше его не могъ оцѣнить значенія каждой новой мысли, являвшейся въ литературѣ по наукамъ соціальнымъ; при этомъ равно тонко было и его эстетическое чутье, такъ что можно смѣло сказать, что онъ былъ лучшимъ критикомъ для всѣхъ статей, которыя помѣщались въ его журналѣ. Это самое критическое чутье давало ему возможность замѣчать каждое выдающееся дарованіе, появлявшееся въ другихъ журналахъ и вербовать его въ сотрудники своего изданія, что онъ и дѣлалъ. Но еще болѣе вѣрно это критическое чутье руководило имъ въ области явленій міра политическаго. Вспомнимъ, что при самомъ первомъ появленіи новыхъ вѣяній, почувствовавшихся въ обществѣ вскорѣ послѣ Крымской войны, Некрасовъ тотчасъ понялъ новое положеніе вещей, круто порвалъ съ своими сверстниками — литературными дѣятелями 40-хъ годовъ [1]), набралъ себѣ новыхъ сотрудниковъ по журналу и сталъ во главѣ новаго литературнаго движенія. До какой степени это характеризуетъ не только тонкость критическаго чутья Некрасова, но и симпатію его къ новой идеѣ, это мы можемъ видѣть изъ примѣра многихъ его современниковъ, какъ-то: Писемскаго, Достоевскаго, самого Тургенева, который, несмотря на свою замѣчательную чуткость ко всѣмъ новымъ вѣяніямъ, безтактно выступилъ въ то время на борьбу съ новой идеей въ своихъ «Отцахъ и дѣ-

---

[1]) Расхожденіе Некрасова съ Тургеневымъ и его друзьями («старымъ кружкомъ» «Современника»), какъ говоритъ о томъ Пыпинъ, въ дѣйствительности, происходило не вдругъ, какъ можно бы подумать на основаніи этого указанія Елисеева.

тяхъ»[1]). Все это показываетъ, насколько былъ проницателенъ и твердъ умъ Некрасова въ распознаваніи и оцѣнкѣ проходящихъ передъ нимъ явленій и вѣяній политическаго міра. Онъ ясно понималъ ветошь и ничтожность дореформеннаго строя, видѣлъ невозможность его долгаго существованія и не могъ не быть борцомъ за новую идею. Только во имя ея онъ могъ слагать свои пѣсни, только ея дѣло онъ могъ нести такъ усердно всю жизнь, какъ онъ его несъ. Правда, онъ не былъ теоретикомъ, у него не было предвзятаго опредѣленнаго міросозерцанія, но онъ, навѣрное, пошелъ бы за новою идеею до тѣхъ поръ, пока она не создала бы лучшаго строя жизни, возможнаго для разумнаго человѣческаго существованія. Говоря все это, мы, однакоже, никакъ не думаемъ возводить Некрасова въ герои въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимаютъ это слово. Некрасовъ не пошелъ бы на смерть, на страданія за дѣло новой идеи, которое онъ несъ на себѣ: мы не должны забывать, что онъ воспитанъ былъ въ ежовыхъ рукавицахъ дореформенной эпохи. Это былъ, если угодно, герой, но герой-рабъ, который поставилъ себѣ цѣлью добиться во что бы то ни стало свободы, упорно преслѣдуетъ эту цѣль, по временамъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, дѣлаетъ уступки, но на своемъ главномъ пути постоянно держитъ ее въ умѣ; понимаетъ, что такимъ только образомъ онъ можетъ ея добиться, а, кромѣ того, понимаетъ, что въ той средѣ, которая его окружаетъ, не найдется такихъ людей, какъ онъ; хотя, быть-можетъ, есть не мало лицъ изъ тронутыхъ новой идеей, которыя гораздо выше, т.-е. самоотверженнѣе и чище,

[1]) Отношеніе Тургенева къ «новой идеѣ», конечно, не столь просто, и «безтактность», въ которой винитъ здѣсь Тургенева Елисеевъ, на дѣлѣ не была только простою безтактностью. Извѣстно, что въ то время, какъ «Современникъ» въ лицѣ М. А. Антоновича обрушился на Тургенева за «Отцовъ и дѣтей», Писаревъ горячо взялъ Базарова подъ защиту.

лицъ, которыя готовы пожертвовать за нее жизнью, но не найдется такихъ героевъ-рабовъ, которые бы такъ упорно шли въ теченіе десятковъ лѣтъ, шагъ за шагомъ, по тому тернистому пути, по которому идетъ онъ, подвергаясь изо дня въ день разнымъ мелкимъ мученіямъ и перенося сдѣлки со своей совѣстью. Герой-рабъ могъ признаваться, что его рука иногда «у лиры звукъ невѣрный исторгала», что, «жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ прикованъ онъ привычкой и средой», что онъ «къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ и для нея не жертвовалъ собой». Но дѣйствительный герой не могъ дѣйствовать въ то время на журнальномъ поприщѣ. Мы, однако, не должны забывать, что каждый герой долженъ оцѣниваться по условіямъ времени и цѣлямъ. Для каждаго времени является свой *мужъ потребенъ*. Герой тотъ, кто понялъ условія битвы и выигралъ побѣду. Хорошъ и тотъ герой, который умираетъ за свое дѣло, такъ сказать, мгновенно, ѣсецѣло, публично, запечатлѣвая передъ всѣми своею смертью свои убѣжденія; хорошъ и другого рода герой, герой-рабъ, который умираетъ за свое дѣло въ теченіе десятковъ лѣтъ, умираетъ, такъ сказать, по частямъ, медленною смертью въ ежедневныхъ мелкихъ пыткахъ отъ внѣшнихъ мелкихъ гоненій и стѣсненій, отъ сдѣлокъ съ своею совѣстью, умираетъ никѣмъ не признанный въ своемъ геройствѣ и даже подъ общимъ тяжелымъ обвиненіемъ или подозрѣніемъ отъ толпы въ измѣнѣ дѣлу. По условіямъ нашей жизни у насъ могъ выработаться въ литературѣ только герой-рабъ. Скажемъ болѣе: только такой герой и могъ вынести дѣло новой идеи при первомъ ея появленіи и утвержденіи въ обществѣ... Покойный Х. не понялъ, что герой-рабъ позволилъ своей рукѣ, «у лиры звукъ невѣрный исторгнуть» единственно для того, чтобы уравнять и сдѣлать менѣе тернистымъ путь для героевъ иного типа, героевъ будущаго

Г. Успенскій о Некрасовѣ.

I [1]).

... Это было въ началѣ 70-хъ гг. Въ ночь пасхальной заутрени, когда онъ (Глѣбъ Ив. Успенскій) зашелъ къ Демерту [2]) поздно вечеромъ—прямо отъ Некрасова. Я тоже зашла зачѣмъ-то къ Николаю Александровичу и застала ихъ вдвоемъ за столомъ, на которомъ были разставлены пасхальныя снѣди: куличъ, пасха, окорокъ, красныя яйца и красное вино. Въ церквахъ уже благовѣстили, и Демертъ предлагалъ, «отбросивъ рутину», разговѣться, прежде чѣмъ итти бродить по улицамъ. И, какъ всегда, изображая всѣхъ и вся въ комическомъ видѣ, усердно подливалъ въ стаканы и мнѣ и Глѣбу Ивановичу.

Успенскій сидѣлъ молчаливый, сосредоточенный. Но послѣ второго стакана лицо его начинало разогрѣваться.

— А знаете, В. В.,—обратился онъ вдругъ ко мнѣ:—я сегодня долго проговорилъ съ Некрасовымъ... Какіе у него удивительные глаза! Просто заворожилъ онъ меня сегодня... Вотъ гдѣ именно можно сказать его же стихами:

«Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны!»

Онъ прочиталъ эти два стиха вполголоса, просто, какъ будто думая вслухъ и самъ задумываясь надъ

---

[1]) Изъ воспоминаній В. Т—вой (Починковской): «Г. И. и А. В. Успенскіе», «Минувшіе Годы», 1908, № 1 (стр. 123—124). Глѣбъ Успенскій сотрудничалъ въ «Современникѣ», гдѣ появились его «Нравы Растеряевой улицы», и въ особенности въ «Отечественныхъ Запискахъ» до смерти Некрасова и послѣ.

[2]) Близкій другъ Успенскаго, сотрудникъ «Отеч. Зап.», авторъ «Внутреннихъ обозрѣній» журнала въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ. Умеръ въ 1876 г.

глубиной сокрытой въ нихъ мысли. Ни прежде ни потомъ, никогда не слыхала я никакихъ лирическихъ звуковъ отъ Глѣба Успенскаго. Онъ точно стыдился или пренебрегалъ поэзіей... И вдругъ стихи—моментъ лирическаго экстаза! Помню, это произвело на меня тогда впечатлѣніе молніи въ темной комнатѣ: какъ будто душа его внезапно распахнулась на мигъ и стала мнѣ еще ближе и еще понятнѣе... И эти стихи запомнились навсегда вмѣстѣ съ образомъ Глѣба Ивановича въ ту пасхальную ночь...

— Необыкновенный это человѣкъ!—задумчиво прибавилъ онъ опять о Некрасовѣ.—Я съ нимъ безъ волненія говорить не могу... И что мы такое пишемъ? Зачѣмъ? Всѣ мы вообще?.. А вотъ онъ... Однимъ взглядомъ всю душу перевернетъ... все внутри заработаетъ!

II.

«Кому жить на Руси хорошо» [1]).

Въ 662 № *Новаго Времени* г. Незнакомецъ, разсказывая о своемъ знакомствѣ съ покойнымъ Н. А. Некрасовымъ, говоритъ, между прочимъ, о томъ, что Н. А. «возлагалъ большія надежды на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо» и сожалѣлъ, что болѣзнь не даетъ ему окончить этого труда, сожалѣлъ потому, что именно теперь, въ дни недуга, весь ходъ поэмы выяснился ему какъ нельзя лучше и шире. «Начиная (поэму),—говорилъ Н. А.—я не видалъ ясно, гдѣ ей, конецъ, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала»...

Объ этой поэмѣ раза два приходилось бесѣдовать съ Н. А. и пишущему эти строки. Дѣйствительно, Н. А. много думалъ надъ этимъ произведеніемъ, на-

---

[1]) Письмо Г. И. Успенскаго въ редакцію журнала «Пчела». № 2, 1878 г.

дѣясь создать въ немъ «народную книгу», т.-е. книгу, понятную народу и правдивую. Въ эту книгу долженъ былъ войти весь опытъ, данный Н. А. изученіемъ народа, всѣ свѣдѣнія о немъ, накопленныя, по собственнымъ словамъ Н. А., *по словечку* въ теченіе 20 лѣтъ.

Однажды я спросилъ его:

— А каковъ будетъ конецъ? Кому на Руси жить хорошо?

— А вы какъ думаете?

Н. А. улыбался и ждалъ.

Эта улыбка дала мнѣ понять, что у Н. А. есть на мой вопросъ какой-то непредвидѣнный отвѣтъ, и чтобы вызвать его, я наудачу назвалъ одного изъ поименованныхъ въ началѣ поэмы счастливцевъ.

— Этому?—спросилъ я.

— Ну, вотъ! Какое тамъ счастье!

И Н. А. немногими, но яркими чертами обрисовалъ безчисленныя черныя минуты и призрачныя радости названнаго мной счастливца.

— Такъ кому же?—переспросилъ я.

И тогда Н. А., вновь улыбнувшись, произнесъ съ разстановкой:

— *Пья-но-му!*

Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ именно предполагалъ окончить поэму. Не найдя на Руси счастливаго, странствующіе мужики возвращаются къ своимъ семи деревнямъ: Горѣлову, Неѣлову и т. д. Деревни эти *смежны*, стоятъ близко другъ отъ друга, и отъ каждой идетъ тропинка къ кабаку. Вотъ у этого-то кабака встрѣчаютъ они спившагося съ кругу человѣка, «подпоясаннаго лычкомъ», и съ нимъ, за чарочкой, узнаютъ, кому жить хорошо.

Это окончаніе поэмы въ литературныхъ кругахъ извѣстно, по всей вѣроятности, не мнѣ одному. Сообщаю его для провинціальныхъ читателей.

Поэма „Русскія женщины“ [1]).

Съ Некрасовымъ я былъ знакомъ долгіе годы. Насъ сблизила любовь моя къ поэзіи и частыя зимнія охоты, во время которыхъ мы много бесѣдовали, при чемъ я, однакоже, обходилъ разговоры о сосланныхъ въ Сибирь, не желая, чтобъ они проскользнули несвоевременно въ печать. Однажды, встрѣтивъ меня въ театрѣ, Некрасовъ сказалъ мнѣ, что написалъ поэму: «Княгиня Е. И. Трубецкая», и просилъ меня ее прочесть и сдѣлать свои замѣчанія. Я ему отвѣтилъ, что нахожусь въ самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Трубецкихъ и что, если впослѣдствіи найдутся въ поэмѣ мѣста, для семьи непріятныя, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мнѣ, Трубецкіе могутъ меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готовъ сообщить свои замѣчанія въ томъ лишь случаѣ, если авторъ ихъ приметъ. Получивъ на это утвердительный отвѣтъ Николая Алексѣевича, а на другой день и самую поэму въ корректурномъ еще видѣ, я тотчасъ ее прочелъ и свезъ автору съ своими замѣтками, касавшимися, преимущественно, характеровъ описываемыхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для красоты мысли и стиха, онъ измѣнилъ характеръ этой высокодобродѣтельной и кроткой сердцемъ женщины, на что я и обратилъ его вниманіе. Многія замѣчанія онъ принялъ, но отъ нѣкоторыхъ отказался и, между прочимъ, отказался выпустить четырехстишіе, въ которомъ княгиня бросаетъ кускомъ грязи въ

---

[1]) Изъ предисловія кн. М. С. Волконскаго къ «Запискамъ княгини Маріи Волконской», Спб., 1904, стр. XI — XVII. Князь М. С. Волконскій—родной сынъ декабриста князя С. Г. Волконскаго и его жены кн. Маріи Николаевны, послѣдовавшей за мужемъ въ Сибирь и оставившей высоко замѣчательныя по задушевности, правдивости и художественной красотѣ записки.

только что покинутое ею высшее петербургское общество, къ которому принадлежали ея родные и близкіе друзья, и къ которому она, въ дѣйствительности, стремилась душою изъ далекой ссылки до конца своихъ дней...

Поэма имѣла громадный успѣхъ, и Некрасовъ задумалъ другую. Разъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что пишетъ о моей матери, и просилъ меня дать ему ея «Записки», о существованіи которыхъ ему было извѣстно; отъ этого я отказался наотрѣзъ, такъ какъ не сообщалъ до тѣхъ поръ этихъ «Записокъ» никому, даже людямъ, мнѣ наиболѣе близкимъ. «Ну, такъ прочтите мнѣ ихъ», сказалъ онъ мнѣ. Я отказался и отъ этого. Тогда онъ сталъ меня убѣждать, говоря, что данныхъ о княгинѣ Волконской у него гораздо меньше, чѣмъ было о княгинѣ Трубецкой, что образъ ея выйдетъ искаженнымъ, невѣрными явятся и факты, и что мнѣ первому это будетъ непріятно и тяжело, а опроверженіе будетъ для меня затруднительно. При этомъ онъ давалъ мнѣ слово принять всѣ мои замѣчанія и не выпускать поэмы безъ моего согласія на всѣ ея подробности. Я просилъ дать мнѣ нѣсколько дней на размышленіе, еще разъ перечелъ «Записки» моей матери и, въ концѣ-концовъ, согласился, несмотря на то, что мнѣ была крайне непріятна мысль о появленіи поэмы весьма интимнаго характера и основанной на разсказѣ, который въ то время я не предполагалъ предавать печати.

Некрасовъ по-французски не зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы понимать текстъ при чтеніи, и я долженъ былъ читать, переводя по-русски, при чемъ онъ дѣлалъ замѣтки карандашомъ въ принесенной имъ тетради. Въ три вечера чтеніе было закончено. Вспоминаю, какъ при этомъ Николай Алексѣевичъ по нѣскольку разъ въ вечеръ вскакивалъ и съ словами: «Довольно, не могу», бѣжалъ къ камину

садился къ нему и, схватясь руками за голову, плакалъ, какъ ребенокъ. Тутъ я видѣлъ, насколько нашъ поэтъ жилъ нервами, и какое мѣсто они должны были занимать въ его творчествѣ.

Когда поэма была кончена, онъ принялъ мои замѣчанія и просилъ лишь оставить ему сцену встрѣчи княгини Волконской съ мужемъ не въ тюрьмѣ, какъ изложено въ «Запискахъ», а въ шахтѣ: «Не все ли вамъ равно, съ кѣмъ встрѣтилась тамъ княгиня: съ мужемъ ли или съ дядею Давыдовымъ; они оба работали подъ землею, а эта встрѣча у меня такъ красиво выходитъ». Я уступилъ, но, уѣзжая изъ Петербурга, просилъ выслать мнѣ, для просмотра, еще послѣднюю корректуру. Поэтъ этого не исполнилъ, и я получилъ отъ него при письмѣ, полномъ извиненій, поэму, уже выпущенную («Отечественныя Записки», январь 1873 года). Этимъ объясняется то, что въ поэмѣ проскользнуло нѣсколько выраженій, не отвѣчающихъ характеру воспѣтой имъ женщины.

Я нашелъ необходимымъ изложить подробно предшествующее, чтобы выяснить, почему поэма Некрасова оказывается такою близкою къ подлиннымъ «Запискамъ».

Н. К. Михайловскій о Некрасовѣ [1]).

[Михайловскій разсказываетъ о своихъ колебаніяхъ примкнуть къ «Отечественнымъ Запискамъ», арендованнымъ у Краевскаго Некрасовымъ; колебанія вызваны были упадкомъ авторитета «Современника» по смерти Добролюбова и удаленіи Чернышевскаго и слухами о неблаговидномъ поведеніи Некрасова въ 1866 г.

---

1) «Литературныя воспоминанія и смута», т. I, Спб., 1900, стр. 41—85. Въ своихъ воспоминаніяхъ Михайловскій много распространяется о различныхъ подробностяхъ исторіи «Отечественныхъ Записокъ». Мы выбрали здѣсь мѣста, непосредственно относящіяся къ Некрасову.

Въ «Отечественныя Записки» ввелъ Михайловскаго Н. С. Курочкинъ (братъ поэта Вас. Ст. Курочкина, журналистъ)].

Не знаю, что говорилъ обо мнѣ Курочкинъ Некрасову, но, должно-быть, что-нибудь очень лестное. Сужу по тому, что мою «Борьбу»[1]) не просто взяли для прочтенія, а предложили мнѣ прочитать ее самому въ присутствіи всей редакціи. Такъ обыкновенно не дѣлается, и я былъ сконфуженъ. Конфузъ мой достигъ высшаго предѣла, когда я въ назначенный день и часъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Курочкинымъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» и увидалъ тамъ Некрасова, Салтыкова, Елисеева и, помнится, еще многихъ. Какъ будто и А. М. Скабичевскій тутъ былъ, и красивое, точно точеное, но, какъ маска, мертвенное лицо Слѣпцова помнится.

Чтеніе кончилось. Прочиталъ я только первую часть, такъ какъ изъ остального были лишь наброски, и я даже не захватилъ ихъ съ собой. Наступило молчаніе. Прервалъ его Салтыковъ сердитымъ басомъ: «Надо кончать! А то что же такъ-то, безъ хвоста!» Некрасовъ сказалъ то же самое, но гораздо любезнѣе. Елисеевъ сидѣлъ молча, насупившись, поглаживая правою рукой лѣвый усъ и, повидимому, совсѣмъ о моей «Борьбѣ» не думая. Курочкинъ отвелъ Некрасова въ сторону и что-то шепталъ ему, послѣ чего Некрасовъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ, не нужно ли мнѣ денегъ. Деньги были очень нужны, но я сконфузился и отказался. Выходя вмѣстѣ со мной изъ редакціи, Курочкинъ меня очень бранилъ за этотъ отказъ, а о романѣ выразился такъ: «Бойко написано, бойко прочитано, впечатлѣніе получилось недурное, а, въ сущности, бросьте-ка вы этотъ романъ, право, не ваше дѣло!» Я и самъ въ эту именно минуту почувствовалъ, что надо бросить и что это не мое дѣло.

---

[1]) Романъ Михайловскаго, не появившійся въ печати.

Мнѣ именно въ этотъ же вечеръ стало ясно, что я, дѣйствительно, у пристани. Конечно, великое дѣло молодость, легко оправляющаяся отъ погромовъ и легко окрыляемая надеждой. Но на этотъ разъ дѣло было, я полагаю, не въ одной молодости. Я въ первый разъ подошелъ къ вершинамъ русской литературы, настоящимъ, несомнѣннымъ, общепризнаннымъ. Бурная жизнь Некрасова создала ему много недоброжелателей. Литературная и въ особенности редакторская его дѣятельность тоже много этому способствовала. Но какъ бы далеко ни шло въ нѣкоторыхъ сферахъ отрицаніе не только личныхъ достоинствъ Некрасова, а и достоинствъ его поэзіи, перстъ исторіи уже давно отмѣтилъ его, какъ достояніе даже отдаленнаго будущаго, а въ настоящемъ вся грамотная Россія зачитывалась его стихами. Салтыковъ также давно занималъ положеніе перваго въ своемъ родѣ человѣка. Елисеевъ былъ неизвѣстенъ въ большой публикѣ, но въ литературныхъ кружкахъ его цѣнили очень высоко, а мы, тогдашняя молодежь, не зная его лично, хорошо знали его «Внутреннія обозрѣнія» въ «Современникѣ». А изъ-за этихъ трехъ выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевскаго, Бѣлинскаго, какъ бы передавшихъ имъ свой авторитетъ. Далѣе, всѣ трое, независимо отъ своихъ собственно литературныхъ талантовъ, были опытные и горячо преданные своему дѣлу журналисты, убѣжденные въ возвышенности задачъ журналистики. Немудрено, что отъ этихъ людей и отъ руководимаго ими дѣла вѣяло спокойною, сознающею себя силой. Примыкая къ нимъ, вы чувствовали, что вступаете на какую-то, хорошую или худую,— это кто какъ посмотритъ, но во всякомъ случаѣ прочную, смѣю сказать, историческую дорогу. Эта дорога, съ одной стороны, уходила въ даль прошедшаго, гдѣ была пробита не однимъ поколѣніемъ тружениковъ и страстотерпцевъ мысли, а съ другой—разстилалась въ

перспективу будущаго. Велики и ярки были таланты Салтыкова и Некрасова, крупную литературную силу представлялъ собою и Елисеевъ, но ихъ личныя силы удваивались тѣмъ историческимъ путемъ, на которомъ они стояли...

[Михайловскій далѣе полемизируетъ съ авторомъ статьи «Развѣнчанный Некрасовъ» («Моск. Вѣд.», 1891), говорившимъ о лицемѣріи Некрасова, какъ поэта, и злорадно повторявшимъ омрачающія память Некрасова воспоминанія. Разсказавъ со словъ Головачевой-Панаевой печальную исторію самоубійства литератора, сотрудничавшаго въ «Современникѣ» и получившаго отказъ отъ Некрасова въ авансѣ,— при чемъ отказъ послѣдовалъ со стороны Некрасова вслѣдствіе игрецкой примѣты,—Михайловскій продолжаетъ:]

Въ жизни Некрасова эта несчастная страсть (къ картамъ) играла огромную роль. Онъ много проигрывалъ, много выигрывалъ, а, главное, много душевныхъ силъ тратилъ на это странное, но, должно-быть, очень увлекательное дѣло. Я помню, какъ однажды въ редакціонный день мы собрались, по обыкновенію, часу во второмъ на квартирѣ Некрасова, а хозяинъ все не выходилъ. Я думалъ, что онъ спитъ, — вставалъ онъ вообще поздно. Но вотъ является Некрасовъ не изъ внутреннихъ комнатъ, а изъ входной двери, съ шапкой въ рукахъ, свѣжій, веселый. «Откуда это, Николай Алексѣевичъ?» Оказалось, что Николай Алексѣевичъ на этотъ разъ даже не ложился, а всю ночь и все утро игралъ въ карты и былъ въ выигрышѣ. При проигрышѣ онъ становился угрюмъ и мраченъ. Обидно было знать все это, обидно и сейчасъ вспоминать. Тѣмъ не менѣе, я вполнѣ увѣренъ, что собственно жадности къ деньгамъ тутъ не было. Разумѣется, кто играетъ, тотъ хочетъ выиграть. И когда Некрасовъ еще только выбивался изъ бѣдности, выигрышъ, по всей вѣроятности, составлялъ его главную цѣль при игрѣ. Но постепенно этотъ моментъ такъ осложнялся

жаждою спеціальныхъ волненій, даваемыхъ игрой, что подъ конецъ и совсѣмъ въ нихъ утонулъ. Извѣстно пророчество Бѣлинскаго: «Некрасовъ наживетъ себѣ капиталецъ». Онъ его, дѣйствительно, нажилъ, а съ другой стороны, пожалуй, что и не нажилъ. Жилъ онъ въ то время, когда я съ нимъ познакомился, баріномъ, ни въ чемъ себѣ не отказывая, но послѣ его смерти денегъ не оказалось совсѣмъ. Я самъ читалъ его завѣщаніе, въ которомъ прямо говорилось, что никакихъ денежныхъ капиталовъ у него нѣтъ, а есть такое-то и такое-то движимое и недвижимое имущество, которое такъ-то и такъ-то распредѣляется между наслѣдниками. Знаю я также, что незадолго до смерти онъ взялъ на прожитіе и лѣченіе изъ конторы «Отечественныхъ Записокъ» 1.000 руб. впередъ (деньги эти его сестра, благоговѣйно чтившая его память, потомъ возвратила въ контору). Вдову его я видѣлъ еще довольно долго спустя послѣ его смерти и знаю, что на оставшіяся у нея средства она могла жить лишь очень скромно, хотя, конечно, не нуждаясь въ помощи Литературнаго фонда.

Къ начинающимъ писателямъ онъ относился съ большимъ вниманіемъ, охотно давая имъ разные совѣты. Нельзя было при этомъ не любоваться его умомъ. Онъ отлично зналъ пробѣлы своего образованія и никогда не старался ихъ скрыть. Но даже по поводу статей о совершенно незнакомыхъ ему предметахъ у него находилось умное слово, заимствованное изъ его огромной житейской и журнальной опытности. Но разговорчивъ онъ не былъ, и когда молодой сотрудникъ сколько-нибудь оперялся, онъ предоставлялъ его самому себѣ и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ выражалъ свое удовольствіе. Благодаря безусловному довѣрію Некрасова къ своимъ главнымъ сотрудникамъ и соредакторамъ, редакціонныя дѣла «Отечественныхъ Записокъ» шли точно сами собою, точно никто ничего

и не дѣлалъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, всѣ много работали. Какія-нибудь пререканія были величайшею рѣдкостью. Тотъ же порядокъ былъ и потомъ, когда послѣ смерти Некрасова отвѣтственнымъ редакторомъ сталъ Салтыковъ. Только Салтыковъ, въ силу своей крайней экспансивности, не могъ удержать въ себѣ ни одной мысли, ни одного чувства, тогда какъ Некрасовъ, напротивъ, былъ до такой степени замкнутъ и скрытенъ, что иной разъ и догадаться было невозможно, что онъ думаетъ.

Вообще въ Некрасовѣ было что-то загадочное, невысказанное, затаенное отъ всѣхъ постороннихъ взглядовъ. Тѣмъ поразительнѣе были случаи, когда это затаенное рвалось наружу и все-таки не могло вырваться вполнѣ.

Въ 1869 г. появилась брошюра гг. Антоновича и Жуковскаго «Матеріалы для характеристики современной литературы», въ которой заключались крайне ядовитыя нападки на Некрасова, на Елисеева, на «Отечественныя Записки». Она состояла изъ двухъ частей: изъ «Литературнаго объясненія съ Н. А. Некрасовымъ», написаннаго г. Антоновичемъ, и изъ статьи г. Жуковскаго «Содержаніе и программа «Отечественныхъ Записокъ» за прошлый годъ». Брошюра гг. Антоновича и Жуковскаго содержитъ въ себѣ много злобно выраженныхъ непріятныхъ намековъ и предположеній насчетъ Некрасова, Елисеева и «Отечественныхъ Записокъ». Значительная часть этихъ намековъ и предположеній давно, такъ сказать, ликвидирована самою жизнью. Авторы брошюры предсказывали рѣшительное отклоненіе «Отечественныхъ Записокъ» отъ того направленія, котораго Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ держались прежде въ «Современникѣ», а этого, какъ извѣстно, не случилось (Салтыковъ въ брошюрѣ не поминался по имени, ему предоставлялось узнать себя въ общей формулѣ «разной шушеры и шелухи изъ

«Современника»). Авторы брошюры потратили много остроумія насчетъ объединенія Некрасова и Краевскаго, слитія ихъ въ одну литературную фирму, а такого объединенія и слитія никогда не было. Но «Отечественныя Записки» были еще тогда вновѣ; за одинъ годъ существованія онѣ успѣли, конечно, выясниться, не настолько, однако, чтобы для нихъ были вполнѣ безразличны нападки бывшихъ сотрудниковъ «Современника». Притомъ же въ брошюрѣ заключалась крупица истины, хотя и вполнѣ безтактно выраженной; и это было тѣмъ непріятнѣе, что крупица истины находилась въ связи съ обстоятельствами, бросившими на Некрасова такую тѣнь въ 1866 году. Никогда, ни до ни послѣ этой брошюры, Некрасовъ не былъ «развѣнчанъ» такъ грубо, такъ открыто и безпощадно, — и кѣмъ же?—не какимъ-нибудь отпѣтымъ проходимцемъ, а «своими», людьми, объявлявшими себя истинными хранителями лучшихъ литературныхъ преданій. А за одно съ Некрасовымъ призывался къ отвѣту и весь журналъ, въ лицѣ, впрочемъ, главнымъ образомъ, Елисеева. Немудрено, что, придя въ ближайшій редакціонный день въ редакцію, я засталъ тамъ переполохъ. Салтыковъ рвалъ и металъ, направляя по адресу авторовъ брошюры совершенно нецензурные эпитеты. Елисеевъ сидѣлъ молча, поглаживая правою рукой лѣвый усъ (его обыкновенный жестъ въ задумчивости), и думалъ, очевидно, невеселую думу. Самъ Некрасовъ произвелъ на меня истинно удручающее впечатлѣніе, и я, пользуясь тѣмъ, что не былъ еще тогда членомъ редакціи и, значитъ, не обязанъ былъ сидѣть въ ней, скоро ушелъ. Тяжело было смотрѣть на этого человѣка. Онъ прямо-таки заболѣлъ, и какъ теперь вижу его вдругъ осунувшуюся, точно постарѣвшую фигуру въ халатѣ. Но самое поразительное состояло въ томъ, что онъ, какъ-то странно заикаясь и запинаясь, пробовалъ что-то объяснить, что-то возразить на обвине-

нія брошюры и не могъ: не то онъ признавалъ справедливость обвиненій и каялся, не то имѣлъ многое возразить, но, по закоренѣлой привычкѣ таить все въ себѣ, не умѣлъ. Это просто невыносимое зрѣлище я видѣлъ еще разъ потомъ, въ трагической обстановкѣ предсмертныхъ расчетовъ Некрасова съ жизнью.

Крупица истины, заключавшаяся въ брошюрѣ, лучше всего выражена въ слѣдующихъ словахъ г. Антоновича, обращенныхъ непосредственно къ Некрасову: «Современникъ» закрытъ; для предотвращенія этого оказались безсильными все ваше искусство, всѣ ваши отреченія и вся ваша литература на обѣдѣ; ваши громоотводы и щиты, купленные цѣною столькихъ моральныхъ и неморальныхъ жертвъ съ вашей стороны и удовлетворительно защищавшіе васъ въ обыкновенное время, при обыкновенной непогодѣ, не могли защитить вашъ журналъ при необыкновенно сильной, экстраординарной грозѣ».

Это все вѣрно. Вѣрно, что для защиты своего дѣла Некрасовъ въ теченіе многихъ лѣтъ приносилъ обильныя моральныя и неморальныя жертвы; вѣрно, что онъ былъ въ этомъ отношеніи очень искусенъ; вѣрно, наконецъ, что въ 1866 г., въ моментъ экстраординарной грозы, все искусство и всѣ жертвоприношенія Некрасова не спасли дѣла. Но на всѣхъ этихъ несомнѣнно вѣрныхъ данныхъ можетъ быть построено не обвиненіе Некрасова, не развѣнчаніе его, а, напротивъ, его апологія.

Я думаю, что Некрасовъ тогда просто растерялся, испуганный надвигавшеюся грозой, тѣмъ болѣе страшной, что неизвѣстно было, какъ и куда она направитъ свои удары. Испугался онъ, можетъ-быть, частью и за журналъ, но, главнымъ образомъ, я думаю, за себя лично. Такъ и самъ Некрасовъ понималъ дѣло. Однако, нарисованный Елисеевымъ трагическій образъ героя-раба въ общемъ вѣренъ дѣйствитель-

ности, да ему и не противорѣчитъ испугъ въ трудную минуту.

[Далѣе авторъ воспоминаній передаетъ о томъ, какъ Некрасовъ, дѣйствительно, пользовался своими знакомствами въ разнообразныхъ кругахъ общества, для-того, чтобы при случаѣ имѣть возможность отвести грозу отъ своихъ изданій, но при этомъ находилъ въ этомъ знакомствѣ также удовлетвореніе своимъ избалованнымъ вкусамъ богатаго барина.]

Онъ полагалъ, впрочемъ, что литератору, какъ литератору, необходимо все знать и видѣть.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Петербургѣ существовало какое-то гастрономическое общество. Оно устраивало обѣды, куда знатоки гастрономическаго дѣла, люди, конечно, богатые и избалованные, а также извѣстные столичные рестораторы поставляли — кто одно блюдо изъ своей кухни, кто другое, кто одно вино изъ своего погреба, кто другое. Все это серьезнѣйшимъ образомъ смаковалось и сообща обсуживалось; ставились даже баллы за кушанья и вина. Бывалъ на этихъ обѣдахъ и Некрасовъ. И не только самъ бывалъ, а и другихъ тащилъ, между прочимъ, и меня, который, вѣроятно, по своему гастрономическому невѣжеству, не могъ видѣть въ этомъ учрежденіи ничего, кромѣ до уродливости странной формы разврата. Когда я выразилъ Некрасову свое мнѣніе на этотъ счетъ, онъ со мною согласился, но привелъ три резона, по которымъ онъ на эти обѣды ходитъ: во-первыхъ, тамъ можно, дѣйствительно, вкусно поѣсть; во-вторыхъ, литератору нужно знать и тѣ сферы, въ которыхъ такими дѣлами занимаются; въ-третьихъ, это одинъ изъ способовъ поддерживать знакомство съ разными нужными людьми. Въ гастрономическое общество я не попалъ, но въ балетъ меня однажды Некрасовъ затащилъ-таки, и это единственный разъ въ жизни, что я былъ въ балетѣ. Балетъ привлекалъ его тѣми же тремя сторонами: это красиво, это

надо знать, это почва для сближенія съ нужными людьми.

Въ числѣ другихъ видовъ общенія съ нужными людьми у Некрасова бывали, если не ошибаюсь, еженедѣльно спеціальныя собранія, на одномъ изъ которыхъ былъ и я. Это было некрасивое зрѣлище. Изъ ненужныхъ людей, кромѣ меня, былъ только Салтыковъ. Остальные все нужные. Правда, это были dii minores Олимпа нужныхъ людей, но все-таки значительные, почтенные люди. Некрасовъ накормилъ насъ хорошимъ обѣдомъ, напоилъ хорошимъ виномъ, потомъ сѣли играть въ карты на нѣсколькихъ столахъ. Игра была небольшая, не некрасовская. Некрасовъ былъ очень милъ и любезенъ, но его тактъ избавлялъ его отъ какихъ-нибудь заискивающихъ формъ любезности. И все-таки мнѣ было какъ-то не по себѣ, какъ-то чуждо и жутко, точно я въ дурномъ дѣлѣ участвовалъ.

... Въ странномъ клубкѣ его жизни черныя, бѣлыя и цвѣтныя нити переплетались тѣснѣйшимъ образомъ. Онъ сознавалъ искренность своей поэзіи, но сознавалъ и разладъ ея съ собственною его жизнью; разладъ этотъ имѣлъ, однако, въ его глазахъ извѣстное оправданіе въ обстоятельствахъ его молодости и въ той трудной роли литературнаго кормчаго, которая выпала на его долю, — онъ сознавалъ, что какой-нибудь Бѣлинскій съ своею хрустальною нравственною чистотой не смогъ бы сдѣлать для литературы то, что сдѣлалъ онъ своими компромиссами и уступками совѣсти; но сознавалъ онъ также, что къ нему прилипло много грязи на этой трудной житейской дорогѣ. Сознавая все это по частямъ, онъ не могъ, однако, разобраться въ цѣломъ этой смѣси добра и зла, вины и заслуги, и еще менѣе, конечно, могъ растолковать ее кому-нибудь другому даже въ тѣхъ случахъ, когда растолковать хотѣлось: многое грязное подлежало здѣсь обѣ-

ленію, многое доброе было загрязнено. Отсюда пасмурная замкнутость, переходившая иногда въ дѣловитую жесткость...

Еще немножко личныхъ воспоминаній...

Финансовыя мои обстоятельства поправились въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я много работалъ и достаточно зарабатывалъ. Но частью потому, что дѣла мои были очень разстроены предыдущими невзгодами, частью по всегдашнему моему неумѣнью какъ слѣдуетъ обращаться съ деньгами, на мнѣ скоро оказался довольно значительный долгъ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ». На бѣду, весной 1870 г. [1]) мнѣ понадобились экстренныя средства на отправку одного близкаго мнѣ больного человѣка за границу. Я изложилъ Некрасову исключительность обстоятельствъ, но онъ очень сухо отказалъ въ деньгахъ, указавъ на мой долгъ. Я понималъ, что онъ правъ, но все-таки съ горькимъ и обиднымъ чувствомъ вернулся домой, а тутъ еще надо было статью дописывать. Дописалъ, сдалъ въ редакцію и уѣхалъ на нѣсколько дней изъ Петербурга искать денегъ, потому что состоятельныхъ знакомыхъ у меня въ Петербургѣ не было. Однако и поѣздка оказалась неудачною. Вернувшись и раздумывая, какъ быть, получаю отъ Некрасова пригласительную записку. Застаю его за корректурой моей статьи. Онъ заговорилъ со мной тѣмъ же сухимъ, дѣловымъ, сумрачнымъ тономъ, но уже другими словами. «Вы просили денегъ. Сколько вамъ надо?» — «Столько-то». — «Такъ я вамъ дамъ записку въ контору, вы намъ человѣкъ нужный». Хотя слова эти выводили меня изъ труднаго положенія, въ благополучномъ выходѣ изъ котораго я уже отчаялся, они все-таки оставили во мнѣ тяжелое впе-

[1]) Изъ письма Краевскому 1869 года (см. отд. писемъ) видно, что разсказываемый Михайловскимъ эпизодъ относится къ 1869 г., и, кромѣ того, что Михайловскій, въ данномъ случаѣ, совершенно не понялъ отношенія къ нему Некрасову.

чатлѣніе. Опять-таки Некрасовъ былъ, несомнѣнно, правъ: если бы я не былъ нуженъ журналу, такъ не зачѣмъ мнѣ и льготы оказывать, а коли нуженъ, такъ надо обратить вниманіе. Но какъ-то ужъ очень это жестко и обнаженно вышло...

Не всегда, однако, Некрасовъ былъ такъ жестокъ и сухъ. Мнѣ кажется, что на него дѣйствовала въ этомъ отношеніи петербургская жизнь, въ особенности *его* петербургская жизнь — шумная, пестрая, но нескладная. Лѣтомъ сердце его, вѣроятно, размягчалось и уста разверзались для мягкихъ и ласковыхъ словъ. Сужу такъ частью по его писаніямъ, а частью по собственному опыту, очень, впрочемъ, незначительному. Однажды я былъ у него на дачѣ въ Чудовѣ, а въ другой разъ столкнулся съ нимъ за границей, въ Киссингенѣ. Онъ былъ тамъ съ женой и сестрой, подобрались и еще знакомые, въ томъ числѣ Елисеевъ съ женой. Киссингенъ, хотя и имѣлъ честь лѣчить своими водами такихъ высокопоставленныхъ особъ, какъ императоръ Вильгельмъ I и Бисмаркъ, есть одинъ изъ самыхъ мирныхъ курортовъ. Развлеченія своимъ многочисленнымъ и разноязычнымъ гостямъ онъ предоставляетъ самыя скромныя: ѣда самая умѣренно-нѣмецкая, въ гастрономическомъ смыслѣ оставляющая многаго желать; музыка ниже посредственной; скромныя ассамблеи въ «ротондѣ», гдѣ подъ звуки той же музыки, а то и рояля, танцуютъ нѣмчики съ нѣмочками; игорныхъ учрежденій никакихъ; театра нѣтъ,— по крайней мѣрѣ, нѣтъ постоянной труппы, а наѣзжаютъ третьестепенные актеры. Можетъ-быть, во время пребыванія особъ, въ родѣ Вильгельма и Бисмарка, все это измѣняется, но я видѣлъ Киссингенъ такимъ два раза, въ 1871 и въ 1873 г., когда столкнулся тамъ съ Некрасовымъ. И Некрасовъ, видимо, отмякалъ, если можно такъ выразиться, въ этой простой обстановкѣ.

Верстахъ въ двухъ отъ Киссингена есть развалины древняго замка Боденлаубе. Преданіе гласитъ, что замокъ этотъ былъ построенъ знаменитымъ миннезингеромъ XIII вѣка, поэтомъ-рыцаремъ Отто фонъ-Боденлаубе. Теперь въ этихъ живописно заросшихъ зеленью развалинахъ ютится элементарный ресторанчикъ, гдѣ можно получить яйца всмятку, кофе, молоко, дешевое вино. Однажды мы сидѣли тамъ съ Некрасовымъ. Онъ разговорился, разсказывалъ про Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, отзывался о нихъ почти восторженно. Преданіе о рыцарѣ - поэтѣ, въ развалинахъ замка котораго мы теперь пьемъ скверный нѣмецкій кофе, навело разговоръ на поэзію вообще, потомъ на поэзію Некрасова. Онъ говорилъ грустно, задушевно и какъ-то вдругъ началъ не то оправдываться, не то казнить себя. Мнѣ живо припомнился тотъ Некрасовъ, котораго я видѣлъ въ 1869 г. послѣ брошюры гг. Антоновича и Жуковскаго. Не было того остраго волненія, но та же затрудненная, смущенная, сбивчивая рѣчь человѣка, который хочетъ сказать очень много, но не можетъ... Я очень хорошо помню, что ни единымъ нескромнымъ вопросомъ не вызывалъ его на откровенность. Онъ самъ началъ, а я даже не поддерживалъ этого щекотливаго разговора. Мнѣ было неловко.

Но уже не неловко, а прямо жутко и страшно было слушать эти обрывистыя, затрудненныя откровенныя рѣчи, когда Некрасовъ умиралъ. Умиралъ онъ долго и мучительно; несмотря на все свое самообладаніе, временами стоналъ, прямо кричалъ и плакалъ. Но въ свѣтлые промежутки неустанно думалъ и говорилъ о литературѣ. Поводовъ для этого было много. Онъ самъ писалъ или диктовалъ послѣднія изъ своихъ «послѣднихъ пѣсенъ». Онъ получалъ со всѣхъ концовъ Россіи множество писемъ, адресовъ, телеграммъ отъ почитателей, скорбѣвшихъ о тяжкихъ страданіяхъ люби-

маго поэта. Посѣщали его, конечно, главнымъ образомъ, литераторы. Посѣтилъ его и Тургеневъ, когда-то закадычный другъ, а потомъ врагъ, много несправедливаго о немъ сказавшій и отрицавшій даже его поэтическій талантъ. Это посѣщеніе, послѣ многихъ лѣтъ враждебныхъ отношеній и разлуки, разумѣется, окончательно убѣдило бы страдальца въ близости конца, если бы онъ и безъ того не былъ въ этомъ увѣренъ. Я не присутствовалъ при этомъ свиданіи. Говорили послѣ, что оба бывшіе друга молча прослезились [1])... Въ такомъ-то состояніи умирающій, худой какъ скелетъ, Некрасовъ и со мной и со многими другими заводилъ свои затрудненныя оправдательно-покаянныя рѣчи, перемежаемыя еще вдобавокъ стонами и криками. Очевидно, было страстное желаніе выложить всю душу, уже еле державшуюся въ больномъ, изможденномъ тѣлѣ; страстное, послѣднее въ жизни желаніе раскрыть тайну этой жизни, можетъ-быть, даже не намъ, слушателямъ этой единственной въ своемъ родѣ исповѣди, а самому себѣ. Но умирающій не находилъ словъ для выраженія «той казни мучительной, которую въ сердцѣ носилъ». Онъ то хватался за какой-нибудь отдѣльный эпизодъ своей жизни, то пробовалъ подвести ей общій итогъ, запинался и опять начиналъ... Некрасовъ чувствовалъ и понималъ, что въ его прошломъ есть большая заслуга, отъ которой отрекаться не приходится. Но она трагически-фатально забрызгалась грязью, и, передъ зіяющею пропастью смерти, Некрасовъ не могъ ни другимъ разсказать ни себѣ уяснить эту смѣсь добра и зла. Онъ старался, не могъ и мучился... Дѣло происходило въ той самой комнатѣ, въ которой поэтъ вспоминалъ своихъ «унесенныхъ борьбою» друзей:

---

[1]) См. «стихотвореніе въ прозѣ» И. С. Тургенева «Послѣднее свиданіе» (апр., 1878 г.).

Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты,
Пали жертвою злобы, измѣнъ
Въ цвѣтѣ лѣтъ; на меня ихъ портреты
Укоризненно смотрятъ со стѣнъ...

Я не видалъ болѣе тяжкой работы совѣсти, да не дай Богъ и видѣть. А, между тѣмъ, такъ ли уже, въ самомъ дѣлѣ, велики вины Некрасова? И не искуплены ли онѣ благою стороной его дѣятельности и этою страшною, несказанною мукой совѣсти? Поэтъ молилъ: «прости меня, о родина! прости!» Благодарная родина давно простила. Но есть неумолимые, которые не прощаютъ и непремѣнно желаютъ «развѣнчать» Некрасова. Должно-быть, ихъ собственная совѣсть чиста какъ зеркало, въ которое они могутъ спокойно любоваться на свои добродѣтели и гражданскіе подвиги. Должно-быть, ихъ головы увѣнчаны безспорными лаврами... Да, эта совѣсть, очевидно, спокойна; да, оспаривать эти лавры немного найдется охотниковъ. Пусть... Но мы, грѣшные, не послѣдуемъ за ними. Мы скажемъ: насъ прости, тѣнь поэта! Свою родину прости,—ту родину, грѣхами которой ты самъ заразился и для просвѣтлѣнія которой сдѣлалъ такъ много...

Воспоминанія А. С. Суворина.

I[1]).

... Некрасовъ представляетъ замѣчательный примѣръ живучести духа. Чуть не мальчикомъ пустился онъ въ море жизни, бѣднымъ, одинокимъ, безъ всякой поддержки, безъ родныхъ и друзей, въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ... Его разсказы о то-

---

[1]) Недѣльные очерки и картинки, «Нов. Вр.», № 380 отъ 20 марта 1877 г. А. С. Суворинъ въ семидесятые годы пользовался извѣстностью, какъ либеральный фельетонистъ подъ именемъ *Незнакомца*.

гдашней жизни необыкновенно занимательны и характерны,—этой жизни на дешевыхъ квартирахъ, иногда безъ куска хлѣба и ночлега.

Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, когда ему не было еще 16 лѣтъ; пріѣхалъ онъ съ письмомъ своего отца къ жандармскому генералу Полозову, сосѣду по имѣнію. Въ письмѣ была просьба опредѣлить сына въ Дворянскій полкъ (теперь Константиновское училище); Полозовъ отправилъ его къ Я. И. Ростовцеву, который принялъ его и сказалъ, что опредѣлить можно. Но Некрасову вдругъ не захотѣлось въ корпусъ и, не долго думая, онъ пришелъ къ Полозову и сталъ просить его, чтобъ онъ не безпокоился на его счетъ: «Я хочу въ университетъ поступить».—«Тѣмъ лучше», сказалъ Полозовъ. Г-жа Полозова накормила его картофелемъ съ масломъ, разспросила о родныхъ и отпустила съ миромъ.

Молодой человѣкъ остался на полной своей волюшкѣ съ 150 р. ассигн. въ карманѣ, съ феской, шитой его сестрою золотомъ, и съ архалукомъ съ бархатными полосками. Онъ, конечно, считалъ себя вполнѣ обезпеченнымъ и немедленно подписался на чтеніе въ библіотекѣ и взялъ «Современникъ». Читая его, онъ писалъ подражанія всему, что читалъ, и, разумѣется, сходился съ молодежью. Изъ его знакомыхъ всѣхъ ближе къ нему былъ одинъ студентъ медико-хирургической академіи, столь бѣдный, что бѣгалъ съ Петербургской стороны на Разъѣзжую къ Некрасову, «чтобъ затянуться».

Скоро и Некрасову пришлось очутиться въ такомъ же положеніи, такъ какъ отецъ не любилъ шутить съ непослушнымъ сыномъ и не сталъ присылать ему денегъ. Это было самое горькое время. Приходилось голодать буквально, «но какой аппетитъ тогда былъ—ужасъ!—говорилъ Некрасовъ. — Разъ мы играли въ карты на булки. Я выигралъ 45 коп., послали за бул-

ками; не помню, сколько съѣли два мои товарища, но я съѣлъ все остальное». Но такіе случаи были не часты.

«Задолжалъ я солдату на Разъѣзжей 45 рублей. Стоялъ я у него въ деревянномъ флигелькѣ. Голодъ, холодъ, а тутъ еще горячка. Жильцы посылали меня ко всѣмъ чертямъ. Однако я выздоровѣлъ, но жить было нечѣмъ, а солдатъ пристаетъ съ деньгами. Я кое-какъ отдѣлываюсь, говорю, что пришлютъ. Разъ онъ приходитъ ко мнѣ и начинаетъ ласково: «Напишите, что вы мнѣ должны 45 руб., а въ залогъ оставляете свои вещи». Я былъ радъ и сейчасъ же удовлетворилъ его просьбу. Ну, думаю себѣ, гора съ плечъ долой. Отправляюсь къ пріятелю на Петербургскую сторону и сижу до поздняго вечера. Возвращаюсь домой, вдоволь наговорившись и совершенно увѣренный въ томъ, что солдатъ меня не скоро теперь потревожитъ. Дворникъ пропустилъ меня съ какой-то улыбочкой: извольте, молъ, попробуйте итти. Подошелъ я къ флигельку и стучусь. «Кто вы?» спрашиваетъ солдатъ. «Постоялецъ вашъ, Некрасовъ», отвѣчаю. «Наши постояльцы всѣ дома», говоритъ. «Какъ, говорю, всѣ дома: я только что пришелъ!» — «Напрасно, говоритъ, безпокоились: вы вѣдь отъ квартиры отказались, а вещи въ залогъ оставили»...

Что было дѣлать? Пробовалъ бѣдняга браниться, кричать—ничего не помогло. Солдатъ остался непреклоненъ. Была осень, скверная, холодная осень, пронизывающая до костей. Некрасовъ пошелъ по улицамъ, ходилъ-ходилъ, усталъ страшно и присѣлъ на лѣсенкѣ одного магазина; на немъ была дрянная шинелишка и саржевые панталоны. Горе такъ проняло его, что онъ закрылъ лицо руками и плакалъ. Вдругъ слышитъ шаги. Смотритъ — нищій съ мальчикомъ. «Подайте, Христа ради», протянулъ мальчикъ, обращаясь къ Некрасову и останавливаясь. Онъ не собрался

еще съ мыслями, что сказать, какъ старикъ толкнулъ мальчика:

— Что ты? не видишь развѣ, онъ самъ къ утру окоченѣетъ. Эхъ, голова! Чего ты здѣсь?—продолжалъ старикъ.

— Ничего,—отвѣчалъ Некрасовъ.

— Ничего, ишь гордый! Пріюту нѣтъ, видно. Пойдемъ съ нами.

— Не пойду. Оставьте меня.

— Ну, не ломайся. Окоченѣешь, говорю. Пойдемъ, не бойсь, не обидимъ.

Дѣлать нечего. Некрасовъ пошелъ. Пришли они въ 17 линію Васильевскаго острова. Теперь этого мѣста не узнаешь—все застроено. А тогда былъ одинъ деревянный домишко съ заборомъ и кругомъ пустырь. Вошли они въ большую комнату, полную нищими, бабами и дѣтьми. Въ одномъ углу играли въ три листа. Старикъ подвелъ его къ играющимъ.

— Вотъ грамотный, — сказалъ онъ, — а пріютиться некуда. Дайте ему водки, иззябъ весь.

Некрасовъ выпилъ полрюмки. Одна старуха постлала ему постель, подложила подъ голову подушечку. Крѣпко и хорошо уснулъ онъ. Когда проснулся, въ комнатѣ никого не было, кромѣ старухи. Она обратилась къ нему: «Напиши мнѣ аттестатъ, а то безъ него плохо!» Онъ написалъ и получилъ 15 копеекъ.

«Съ ними пошелъ разживаться», сказалъ Некрасовъ. Этотъ разсказъ я слышалъ отъ него два года тому назадъ, и онъ такъ врѣзался въ моей памяти, что я точно слышу его теперь. Это было послѣ обѣда. Покуривая сигару, здоровый, довольный, онъ съ видимымъ удовольствіемъ вспоминалъ эти горькіе годы, когда нужда закаляла его характеръ, учила уму-разуму и говорила: крѣпись, не падай никогда, не сдавайся безъ боли.

И теперь духъ такъ же крѣпокъ, мысль такъ же свѣтла, хотя страданія тѣла невыносимы. Болѣзнь то отпуститъ немного, то опять примется съ новою силою, точно желая наверстать тѣ часы, въ которые человѣкъ чувствуетъ себя сравнительно лучше. «Муза печали» осталась съ нимъ неразлучно и шепчетъ ему прежнія пѣсни, и торопится онъ запомнить ихъ, выговорить, чтобы ихъ записали. И опять муки, опять стоны, и все это при полномъ сознаніи. Пусть весна принесетъ ему исцѣленіе, не здѣшняя весна, а та чудная весна, гдѣ все уже теперь цвѣтетъ и зеленѣетъ...

II [1]).

... Это былъ не изъ тѣхъ, кого судьба можетъ взять въ охапку и бросить, куда хочетъ. Нѣтъ, это былъ прежде всего человѣкъ замѣчательнаго ума. Не зная ни одного иностраннаго языка, почти ни одного иностраннаго слова, получивъ отрывочное, кое-какое образованіе, не кончивъ нигдѣ курса, даже въ гимназіи, онъ быстро все схватывалъ и не только не терялся среди образованныхъ, научно развитыхъ, молодыхъ людей сороковыхъ годовъ, но сталъ между ними, какъ нѣчто очень оригинальное, самобытное, крѣпкое, поражавшее знаніемъ людей и жизни вообще. Дѣйствительно, онъ зналъ ее ближе и лучше, чѣмъ Бѣлинскій, Тургеневъ и многіе другіе, съ которыми судьба его сталкивала. Не даромъ онъ прожилъ на лонѣ крѣпостного права, не даромъ голодалъ и холодалъ, сходился со всякимъ людомъ, брался за всякое писанье. Онъ смѣло шелъ въ жизни. Попалъ въ кругъ артистовъ—и началъ писать пьесы для театра, то передѣлывая, то сочиняя. Сочинилъ онъ «Похожденія Столбикова» въ 5 дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ,

---

[1]) Недѣльные очерки и картинки. Изъ фельетона въ № 662, «Нов. Вр.», 1877 г. (послѣ смерти Некрасова).

«но,—говорилъ онъ,—прологъ и эпилогъ не спасли пьесы». Зато огромный успѣхъ имѣла «Шила въ мѣшкѣ не утаишь, дѣвушки подъ замкомъ не удержишь».

— Первый актъ только сочинилъ я,—говорилъ онъ мнѣ,—а второй выкралъ почти цѣликомъ изъ Нарѣжнаго, и этотъ актъ и имѣлъ особенный успѣхъ.

Но, отличаясь отъ всѣхъ своимъ знаніемъ жизни, онъ былъ полонъ идеализма, полонъ высокихъ стремленій. Иначе это и не могло быть: если бъ это была практическая, умная натура, думавшая только о томъ, чтобы найтись среди людей, занять между ними хорошее мѣсто, составить себѣ состояніе — откуда она, эта зачерствѣвшая натура, нашла бы столько чувства, столько силы негодованія, откуда бы она почерпнула тѣ поистинѣ мощныя и до слезъ трогающія строфы, которыя мы находимъ въ «Родинѣ», въ «Тишинѣ» и во многихъ другихъ пьесахъ? Человѣкъ, у котораго не билъ бы глубокій родникъ лучшихъ человѣческихъ стремленій, человѣкъ, у котораго не было бы нѣжной, любящей души, не вырвалъ бы изъ нея ничего, кромѣ дѣланныхъ, напыщенныхъ и звонкихъ фразъ...

Однажды, разсказывая мнѣ разные анекдоты изъ своей жизни, рисуя ту бѣдность, которую онъ видѣлъ, то нахальство непомѣрное, съ какимъ эксплуатировался всякій трудъ и литературный въ особенности, потому что тутъ такъ же эксплуатировался и талантъ; рисуя умственную ничтожность тѣхъ людей, которые являлись наилучшими піявками, онъ сказалъ:

— Я далъ себѣ слово не умереть на чердакѣ. Нѣтъ, думалъ я, будетъ и тѣхъ, которые погибли прежде меня, — я пробьюсь во что бы то ни стало. Лучше по владимиркѣ пойти [1]), чѣмъ околѣвать безпомощнымъ,

---

[1]) Т.-е. попасть на каторгу: изъ Москвы на Владиміръ шла большая дорога въ Сибирь, «проторенная цѣпями» (см. стих. Некрасова «Благодареніе Господу Богу»).

забитымъ и забытымъ всѣми. И днемъ и ночью эта мысль меня преслѣдовала, отъ нервнаго волненія я подпрыгивалъ на своей кровати, и голова горѣла, какъ въ горячкѣ. Я мучился той внутренней борьбою, которая во мнѣ происходила: душа говорила одно, а жизнь совсѣмъ другое. И идеализма было у меня пропасть, того идеализма, который вразрѣзъ шелъ съ жизнью, и я сталъ убивать его въ себѣ и стараться развить въ себѣ практическую смѣтку. Идеалисты сердили меня, жизнь мимо нихъ проходила, они въ ней ровно ничего не смыслили, они всѣ были въ мечтахъ, и всѣ ихъ эксплуатировали. Я рѣдко говорилъ въ ихъ обществѣ, но когда напивался вмѣстѣ съ ними — на это всѣ мастера были,—я начиналъ говорить противъ этого идеализма съ страшнымъ цинизмомъ, съ такимъ цинизмомъ, который просто пугалъ ихъ. Я все отрицалъ, всѣ самыя благородныя стремленія, и проповѣдывалъ жесткій эгоизмъ и древнее правило — око за око, зубъ за зубъ. Пускай ихъ! Когда, на другой день, проспавшись, я вспоминалъ свои рѣчи, то самъ удивлялся своей смѣлости и пропасти цинизма...

Я ручаюсь за подлинность этихъ словъ, которыя, вѣроятно, не мнѣ одному случалось слышать изъ устъ Некрасова.

... Не стремись Некрасовъ къ независимости, не вырабатывай онъ у себя практической смѣтки, не умѣй онъ пользоваться пріобрѣтеннымъ состояніемъ и большими знакомствами, судьба журналистики русской, столь часто зависѣвшая отъ случая, могла быть иною, а журналистика очень много обязана Некрасову. Для нея тоже нуженъ былъ «практическій человѣкъ», но не того предпринимательскаго закала, который тогда царствовалъ нераздѣльно. Нуженъ былъ талантливый человѣкъ, понимающій ея задачи, широко на нихъ смотрѣвшій, строящій успѣхъ журнала не на эксплуатаціи сотрудниковъ, а на идеяхъ и талантахъ.

— Одинъ я между идеалистами былъ практикъ,— говорилъ Некрасовъ, продолжая ту рѣчь, начало которой я привелъ выше. И когда мы заводили журналъ, идеалисты это прямо мнѣ говорили и возлагали на меня какъ бы миссію создать журналъ.

И онъ создалъ этотъ журналъ, несмотря на всѣ препятствія, на отсутствіе сотрудниковъ, денегъ и возможности писать что-нибудь такое, что живо затрогивало бы общество. Мы вообразить себѣ не можемъ того времени — такъ мы далеко ушли отъ той мелкой, но трагической борьбы, потому что она изсушала мозгъ. Только натура необычайно сильная могла ее выдержать. Некрасовъ тогда работалъ по цѣлымъ суткамъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ писались, напримѣръ, романы «Три страны свѣта» и «Мертвое озеро».

— У меня въ кабинетѣ было нѣсколько конторокъ. Бывало, зайдетъ Григоровичъ, Дружининъ и др., и сейчасъ къ нимъ: становитесь и пишите что-нибудь для романа, главу, сцену. Они писали. Писала много и Панаева (Станицкій). Но все, бывало, не хватало матеріала для книжки. Побѣжишь въ Публичную библіотеку, просмотришь новыя книги, напишешь нѣсколько рецензій—все мало. Надо роману подпустить. И подпустишь. Я, бывало, запрусь, засвѣчу огни и пишу, пишу. Мнѣ случалось писать безъ отдыху болѣе сутокъ. Времени не замѣчаешь; никуда ни ногой, огни горятъ, не знаешь, день ли, ночь ли; приляжешь на часъ, другой и опять за то же. Теперь хорошо вспомнить объ этомъ, а тогда было жутко, и не разъ мнѣ приходили на память слова Бѣлинскаго, которыя онъ сказалъ мнѣ за недѣлю до смерти: «Я все думаю о томъ,—говорилъ онъ, лежа грустный, блѣдный,—что года черезъ два и вы будете лежать такъ же безпомощно, какъ я. Берегите себя, Некрасовъ». Но развѣ можно было себя беречь?.. А какъ на насъ смотрѣли тогда, я не говорю о властныхъ особахъ,—напр., такія

знаменитости, какъ Гоголь. Разъ онъ изъявилъ желаніе насъ видѣть. Я, Бѣлинскій, Панаевъ и Гончаровъ надѣли фраки и поѣхали представляться, какъ къ начальству. Гоголь и принялъ насъ, какъ начальникъ принимаетъ чиновниковъ; у каждаго что-нибудь спросилъ и каждому что-нибудь сказалъ. Я читалъ ему стихи «Къ родинѣ». Выслушалъ и спросилъ: «Что же вы дальше будете писать?»—«Что Богъ на душу положитъ».—«Гмъ», и больше ничего. Гончаровъ, помню, обидѣлся его отзывомъ объ «Обыкновенной исторіи»...

Разсказывалъ онъ обыкновенно много и живо. Это была живая и умная лѣтопись литературы и жизни, и притомъ такой жизни, которая для большинства насъ—terra incognita. Любилъ читать свои стихотворенія, но не иначе, какъ въ интимномъ кружкѣ.

— Въ сороковыхъ годахъ, — говорилъ онъ, — писатели думали, что необходимо составлять себѣ репутацію прежде всего въ большомъ свѣтѣ, а потому нѣкоторые изъ насъ изъ фрака не выходили. Я никогда этого не дѣлалъ. Я бывалъ у графини Разумовской и другихъ, но въ карты тамъ игралъ: я былъ равный съ равными, а не заискивалъ, не представлялъ своихъ стиховъ на судъ этихъ господъ и госпожъ. Я всегда думалъ, что надо репутацію у публики завоевать, а большой свѣтъ—какая это публика?

Говаривалъ онъ, въ особенности въ послѣдніе годы, и о своемъ значеніи въ литературѣ, и всегда чрезвычайно скромно. Въ прошломъ году разъ онъ писалъ намъ, между прочимъ: «Боленъ такъ, что не пишется, да и трудно измыслить что-нибудь... Вотъ всего четыре стиха:

Къ портрету **.

Твои права на славу очень хрупки,
И если вычесть изъ заслугъ
Ошибки юности, послѣднихъ лѣтъ уступки—
Пиши пропало, милый другъ.

«Многимъ годится, и мнѣ въ томъ числѣ», прибавилъ онъ къ этимъ стихамъ.

Большія надежды возлагалъ онъ на свою поэму «Кому на Руси жить хорошо». Уже больной, онъ разъ говорилъ съ одушевленіемъ о томъ, что можно было бы сдѣлать, «если бы еще года три-четыре жизни. Это такая вещь, которая только въ цѣломъ можетъ имѣть свое значеніе. И чѣмъ дальше пишешь, тѣмъ яснѣе представляешь себѣ дальнѣйшій ходъ поэмы, новые характеры, картины. Начиная, я не видѣлъ ясно, гдѣ ей конецъ, но теперь у меня все сложилось, и я чувствую, что поэма все выигрывала бы и выигрывала. Боюсь, что не проживу. Плохъ сталъ».

Онъ, дѣйствительно, становился плохъ, а какъ онъ страдалъ отъ своей болѣзни, что выносилъ — представить трудно. «Въ январѣ будетъ ровно три года, — говорилъ онъ незадолго до смерти,—какъ я заболѣлъ», но страдалъ онъ особенно сильно года полтора. Нервныя боли онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ и постоянно долженъ былъ перемѣнять положеніе. То онъ ходитъ, то прижмется въ уголъ и стоитъ неподвижно, то упрется головою о стѣну, то ляжетъ и тутъ не можетъ оставаться и нѣсколькихъ минутъ въ одномъ положеніи: то на одинъ бокъ повернется, то на другой, то сядетъ и судорожно сожметъ руками ноги, то положитъ ноги выше головы, то отчаянно закидываетъ голову назадъ. Боли усиливаются, долго онъ терпитъ и выдерживаетъ—есть всему предѣлы, и комната оглашается его крикомъ и стонами. Эти припадки случались ежедневно и по нѣскольку разъ въ день. Ему давали одуряющія вещества и онъ засыпалъ. Весной 1877 г. страданія усилились необычайно; несчастный рвалъ на себѣ бѣлье, схватывалъ себя за горло. Предположено было сдѣлать ему операцію. За нѣсколько дней до нея я зашелъ къ нему и, противъ обыкновенія, засталъ его въ хорошемъ состояніи.

Комната была страшно натоплена; больной лежалъ на кровати, въ углу, покрытый простыней — онъ не могъ выдерживать на себѣ даже одѣяла, которое казалось слишкомъ тяжело — такъ чутки были его нервы.

— Я васъ съ годъ не видалъ такимъ хорошимъ,— сказалъ я.

— Да, сегодня просвѣтъ такой нашелъ, — началъ онъ тихимъ голосомъ.—Знаете, какъ въ лѣсу, въ темной чащѣ. Идешь, идешь и вдругъ просвѣтъ увидишь. Такъ и у меня. Нѣсколько дней было ужасно тяжело; я думалъ, что ужъ конецъ. Лежишь въ полусознаніи подъ вліяніемъ морфія и этихъ адскихъ мукъ. Слышишь и видишь даже, что кто-то будто ходитъ тутъ такой унылый, и такъ жалко мнѣ его, такъ хочется утѣшить его, а не могу... Да, сегодня просвѣтъ у меня, но онъ сейчасъ кончится, боюсь. Вотъ что, чтобы не терять времени: я виноватъ передъ вами—все никакъ не могу переслать, а стихи вамъ готовы [1]).

Онъ быстро поднялся съ кровати и при помощи человѣка подошелъ къ столу. На немъ была одна ру-

---

[1]) Николай Алексѣевичъ принималъ самое теплое участіе во мнѣ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы хорошо съ нимъ познакомились. Это было въ 1872 г. Никакой ему нужды во мнѣ не было, но онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на Васильевскій островъ и долго бесѣдовалъ о литературѣ. Тогда же онъ совѣтовалъ мнѣ завести свою газету и вести ее такъ, какъ я самъ понимаю. Участіе его, совершенно безкорыстное, указывающее именно на нѣжную его душу, простиралось до того, что въ концѣ 1873 г. онъ предложилъ мнѣ значительную для меня сумму на поѣздку за границу, чтобы оправиться тамъ отъ постигшаго меня несчастія. Я не воспользовался этимъ предложеніемъ, но не могу не вспомнить объ этомъ съ глубокою благодарностью. Онъ же старался убѣдить меня купить «Новое Время» и жалѣлъ, что самъ ужъ устарѣлъ для веденія газеты, для участія въ ней. Онъ далъ для нея нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны подъ рубрикой: «Изъ записной книжки», но безъ его имени; другія, вѣроятно, долго еще останутся въ рукописи, хотя они почти всѣ имѣютъ отрывочный, неотдѣланный характеръ.

башка. Тутъ только увидалъ я, до чего онъ исхудалъ и какъ сгорбилась спина его. На столѣ лежали листы, исписанные карандашомъ. Онъ взялъ ихъ и снова улегся. Все дѣлалъ крайне торопливо.

— Видите что. У меня что-то странное выходитъ. Лежишь дни и ночи съ закрытыми глазами и все картины проходятъ, люди, деревья, сцены. Отбою нѣтъ; приглядываешься всматриваешься и такъ все ясно. Въ послѣднее время все мнѣ представляются степи. Безъ конца лежитъ степь и степь, сибирская, безпредѣльная. Вотъ вижу, снѣгъ идетъ, такъ и валитъ хлопьями и степь бѣлѣетъ, и я смотрю на нее долго-долго. Этотъ образъ степи просто не даетъ мнѣ покоя. И я задумалъ цѣлую поэму, которую назову «Безъ роду, безъ племени». Разныя подробности у меня уже сложились, нѣсколько стиховъ набросано на этихъ листахъ, а другіе въ головѣ. Понимаете, что будетъ. По этой степи ходитъ человѣкъ. Онъ вырвался изъ острога на волю. А воля эта — степь. И зимой и лѣтомъ онъ тамъ. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ до истощенія силъ, голодаетъ, голодаетъ. Нигдѣ нѣтъ пріюта. Тутъ я опишу, какъ мучитъ человѣка холодъ, голодъ, жажда. Это ужасныя муки. Я знаю теперь, что значитъ физическая мука. И вотъ онъ идетъ, и ничего нѣтъ, кромѣ снѣга и степи... Вдругъ видитъ онъ что-то черное. Онъ туда, смотритъ — горностайка: замерзъ, бѣдняга. Подумалъ-подумалъ—бросить горностайку или взять съ собой? Все - таки товарищъ, Божье созданіе, все будто не одинъ въ этой проклятой степи. Снялъ онъ шапку, положилъ горностайку, надѣлъ ее опять и снова идетъ. Все степь и снѣга, силъне хватаетъ итти. И вотъ слышитъ звонъ. Остановился, прислушался. Жилье близко. Да что тамъ его ждетъ? Этотъ звонъ только раздражаетъ, только напоминаетъ, что есть близко люди, да нельзя къ нимъ итти — онъ бродяга, безъ рода, безъ племени. А звонъ продолжается. Перекре-

ститься или нѣтъ? думаетъ онъ. Чему радоваться? И озлобленіе беретъ его и вспоминаетъ онъ, какъ жилъ онъ между людьми, какъ этотъ звонъ колокольный вызывалъ въ немъ чувство. Снялъ онъ шапку—глядь, а горностайка шевелится: онъ согрѣлъ его на головѣ своей. Глядитъ онъ на него, по шерсткѣ гладитъ. Ну, хочешь со мной, или на волю? Присѣлъ, спустилъ горностайку — прижался звѣрекъ и вдругъ бросился на волю... Это начало. Вотъ вамъ нѣсколько стиховъ— дѣлайте съ ними, что хотите [1]).

Разсказывая это гораздо подробнѣе и, разумѣется, гораздо лучше, чѣмъ я написалъ, онъ опять всталъ и подошелъ къ камину. Тутъ были сестры его и жена, которыя не покидали страдальца, ухаживая за нимъ постоянно и дежуря при немъ по ночамъ поочередно. Принесли бифстексъ. Зинаида Николаевна (жена Некрасова) рѣзала его на мелкіе кусочки на тарелкѣ. Некрасовъ подошелъ къ столу и сталъ ѣсть, разрѣзая куски еще на меньшіе.

— Я много говорилъ,—сказалъ онъ.—Этого нельзя. Если бы Николай Андреевичъ (Бѣлоголовый) узналъ, задалъ бы онъ мнѣ.

И этотъ человѣкъ, у котораго голова была полна поэтическими образами, который такъ много могъ бы еще сдѣлать,—умираетъ. Я посидѣлъ минуту и сталъ прощаться.

— Дай Богъ, чтобы вамъ становилось лучше и лучше.

— Нѣтъ, этого не будетъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и повернулся къ столу, потомъ опять обернулся ко мнѣ, сдѣлалъ два-три шага впередъ и сказалъ шопотомъ:

— Черезъ нѣсколько дней отправлюсь на тотъ свѣтъ.

---

[1]) Это было стихотвореніе «Бродяга» («Имени и роду Богу не скажу»).

— Полноте, Николай Алексѣевичъ.

— Нѣтъ, это такъ. Да оно и лучше.

Голосъ его дрогнулъ—въ немъ послышались слезы. Несмотря на невыносимыя страданія, онъ все-таки хотѣлъ жить, и когда проходили припадки, и онъ могъ вздохнуть свободно, онъ говорилъ своимъ близкимъ: «А все-таки я радъ, что я здѣсь еще, а не тамъ».

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его 7 декабря. Наканунѣ я поздравилъ его запиской со днемъ ангела и пожелалъ здоровья. Онъ написалъ мнѣ въ тотъ же день карандашомъ на листѣ почтовой бумаги, гдѣ было переписано его стихотвореніе «Букинистъ и библіографъ», между прочимъ, слѣдующее: «Я не могу похвалиться здоровьемъ. Эта жизнь мнѣ въ тягость и сокрушеніе. Но лучше объ этомъ не начинать». Я вошелъ тотчасъ же, какъ докторъ отъ него вышелъ, и присѣлъ около кровати. Онъ сталъ говорить, но шопотомъ; говорилъ минутъ пять: иногда вдругъ вырывалась изъ горла рѣзкая нота, точно невольно, и шопотъ становился еще тише. Онъ попросилъ папироску и сталъ курить. Руки были худы страшно, и онъ жаловался, что рука устаетъ держать папироску. Онъ весь истаялъ, но всѣ мысли его вертѣлись на литературѣ, ея идеалѣ, ея задачахъ. «Сколько я передумалъ за это время,—шепталъ онъ,—Боже мой, сколько передумалъ! Времени много. Закрыты глаза. Полагаютъ, что я сплю, а я думаю, думаю, пока боли не напомнятъ о себѣ. И о томъ думаю, что безъ меня будетъ... Вотъ глаза закрываются... Усталъ. Заходите».

Черезъ нѣсколько дней былъ у него Боткинъ. Некрасовъ уже почти не говорилъ. Боткинъ вышелъ отъ него въ слезахъ.

И вчера такъ многіе плакали, провожая его въ могилу...

Достоевскій о Некрасовѣ [1]).

....Умеръ Некрасовъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ за мѣсяцъ до его смерти. Онъ казался тогда почти уже трупомъ, такъ что странно было даже видѣть, что такой трупъ говоритъ, шевелитъ губами. Но онъ не только говорилъ, но и сохранилъ всю ясность ума. Кажется, онъ все еще не вѣрилъ въ возможность близкой смерти. За недѣлю до смерти съ нимъ былъ параличъ правой стороны тѣла, и вотъ 28-го утромъ я узналъ, что Некрасовъ умеръ наканунѣ, 27-го, въ 8 ч. вечера. Въ тотъ же день я пошелъ къ нему. Страшно изможденное страданіемъ и искаженное лицо его какъ-то особенно поражало. Уходя, я слышалъ, какъ псалтирщикъ четко и протяжно прочелъ надъ покойнымъ: «Нѣсть человѣкъ, иже не согрѣшитъ». Воротясь домой, я не могъ уже сѣсть за работу; взялъ всѣ три тома Некрасова и сталъ читать съ первой страницы. Я просидѣлъ всю ночь до шести часовъ утра, и всѣ эти тридцать лѣтъ какъ будто я прожилъ снова. Эти первыя четыре стихотворенія, которыми начинается первый томъ его стиховъ, появились въ «Петербургскомъ Сборникѣ», въ которомъ явилась и моя первая повѣсть. Затѣмъ, по мѣрѣ чтенія (а я читалъ сподрядъ), передо мной пронеслась какъ бы вся моя жизнь. Я узналъ и припомнилъ и тѣ изъ стиховъ его, которые первыми прочелъ въ Сибири, когда, выйдя изъ моего четырехлѣтняго заключенія въ острогѣ, добился, наконецъ, до права взять въ руки книгу. Припомнилъ и впечатлѣніе тогдашнее. Корюче, въ эту ночь я пере-

---

[1]) «Дневникъ писателя», 1877, № 12. Извлечено все, касающееся личныхъ отношеній Достоевскаго и Некрасова, и характеристика Некрасова, какъ человѣка. Нѣкоторыя черты, заслуживающія вниманія, указаны и въ другой статьѣ Достоевскаго, въ № 1 «Дневн. пис.» за 1877 г.

челъ чуть не двѣ трети всего, что написалъ Некрасовъ, и буквально въ первый разъ далъ себѣ отчетъ: какъ много Некрасовъ, какъ поэтъ, во всѣ эти тридцать лѣтъ занималъ мѣста въ моей жизни! Какъ поэтъ, конечно. Лично мы сходились мало и рѣдко и лишь однажды вполнѣ съ беззавѣтнымъ, горячимъ чувствомъ, именно въ самомъ началѣ нашего знакомства, въ сорокъ пятомъ году, въ эпоху «Бѣдныхъ людей». Но я уже разсказывалъ объ этомъ. Тогда было между нами нѣсколько мгновеній, въ которыя разъ навсегда обрисовался передо мною этотъ загадочный человѣкъ самой существенной и самой затаенной стороной своего духа. Это именно, какъ мнѣ разомъ почувствовалось тогда, было раненое въ самомъ началѣ жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началомъ и источникомъ всей страстной, страдальческой поэзіи его на всю потомъ жизнь. Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери; та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождала и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись гдѣ-нибудь украдкой, чтобы не видали (какъ разсказывалъ онъ мнѣ), съ мученицей матерью, съ существомъ, столь любившимъ его. Я думаю, что ни одна потомъ привязанность въ жизни его не могла бы такъ же, какъ эта, повліять и властительно подѣйствовать на его волю и на иныя темныя, неудержимыя влеченія его духа, преслѣдовавшія его всю жизнь. А темные порывы духа сказывались уже и тогда. Потомъ, помню, мы какъ-то разошлись, и довольно скоро; бли-

зость наша другъ съ другомъ продолжалась не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Помогли и недоразумѣнія, и внѣшнія обстоятельства, и добрые люди. Затѣмъ, много лѣтъ спустя, когда я уже воротился изъ Сибири, мы хоть и не сходились часто, но, несмотря даже на разницу въ убѣжденіяхъ, уже тогда начинавшуюся, встрѣчаясь, говорили иногда другъ другу даже странныя вещи—точно какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-то продолжалось въ нашей жизни, начатое еще въ юности, еще въ сорокъ пятомъ году, и какъ бы не хотѣло и не могло прерваться, хотя бы мы и по годамъ не встрѣчались другъ съ другомъ. Такъ, однажды, въ шестьдесятъ третьемъ, кажется, году, отдавая мнѣ томикъ своихъ стиховъ, онъ указалъ мнѣ на одно стихотвореніе—«Несчастные» и внушительно сказалъ: «Я тутъ о васъ думалъ, когда писалъ это (т.-е. о моей жизни въ Сибири), это о васъ написано». И, наконецъ, тоже въ послѣднее время мы стали опять иногда видать другъ друга, когда я печаталъ въ его журналѣ мой романъ «Подростокъ»...

На похороны Некрасова собралось нѣсколько тысячъ его почитателей. Много было учащейся молодежи. Процессія выноса началась въ 9 часовъ утра, а разошлись съ кладбища уже въ сумерки. Много говорилось на его гробѣ рѣчей, изъ литераторовъ говорили мало. Между прочимъ, прочтены были чьи-то прекрасные стихи. Находясь подъ глубокимъ впечатлѣніемъ, я протѣснился къ его раскрытой еще могилѣ, забросанной цвѣтами и вѣнками, и слабымъ моимъ голосомъ произнесъ вслѣдъ за прочими нѣсколько словъ. Я именно началъ съ того, что это было раненое сердце, разъ на всю жизнь, и не закрывавшаяся рана эта и была источникомъ всей его поэзіи, всей страстной до мученія любви этого человѣка ко всему, что страдаетъ отъ насилія, отъ жестокости необузданной воли, что гнететъ нашу русскую женщину, нашего ребенка

въ русской семьѣ, нашего простолюдина въ горькой, такъ часто, долѣ его. Высказалъ тоже мое убѣжденіе, что въ поэзіи нашей Некрасовъ заключилъ собою рядъ тѣхъ поэтовъ, которые приходили со своимъ «новымъ словомъ». Въ самомъ дѣлѣ (устраняя всякій вопросъ о художнической силѣ его поэзіи и о размѣрахъ ея), Некрасовъ, дѣйствительно, былъ въ высшей степени своеобразенъ и дѣйствительно приходилъ съ «новымъ словомъ». Былъ, напримѣръ, въ свое время поэтъ Тютчевъ, поэтъ обширнѣе его и художественнѣе, и, однако, Тютчевъ никогда не займетъ такого виднаго памятнаго мѣста въ литературѣ нашей, какое, безспорно, останется за Некрасовымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ, въ ряду поэтовъ (т.-е. приходившихъ съ «новымъ словомъ»), долженъ прямо стоять вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Когда я вслухъ выразилъ эту мысль, то произошелъ одинъ маленькій эпизодъ: одинъ голосъ изъ толпы крикнулъ, что Некрасовъ былъ *выше* Пушкина и Лермонтова, и что тѣ были всего только «байронисты». Нѣсколько голосовъ подхватили и крикнули: «Да, выше!» Я, впрочемъ, о высотѣ и о сравнительныхъ размѣрахъ трехъ поэтовъ и не думалъ высказываться. Но вотъ что вышло потомъ: въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» г. Скабичевскій, въ посланіи своемъ къ молодежи по поводу значенія Некрасова, разсказывалъ, что будто бы когда *кто-то* (т.-е. я) на могилѣ Некрасова «вздумалъ сравнивать имя его съ именами Пушкина и Лермонтова, вы всѣ (т.-е. вся учащаяся молодежь) *въ одинъ голосъ хоромъ* прокричали: «Онъ былъ выше, выше ихъ». Смѣю увѣрить г. Скабичевскаго, что ему не такъ передали, и что мнѣ твердо помнится (надѣюсь, я не ошибаюсь), что сначала крикнулъ всего одинъ голосъ: «Выше, выше ихъ», и тутъ же прибавилъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ были «байронисты» — прибавка, которая гораздо свойственнѣе и естественнѣе одному голосу и мнѣнію, чѣмъ *всѣмъ*, въ одинъ и

тотъ же моментъ, т.-е. тысячному хору — такъ что фактъ этотъ свидѣтельствуетъ, конечно, скорѣе въ пользу моего показанія о томъ, какъ было это дѣло. И затѣмъ уже, сейчасъ послѣ перваго голоса, крикнуло еще нѣсколько голосовъ, но всего только нѣсколько, тысячнаго же хора я не слыхалъ, повторяю это и надѣюсь, что въ этомъ не ошибаюсь.

Я потому такъ на этомъ настаиваю, что мнѣ все же было бы чувствительно видѣть, что *вся* наша молодежь впадаетъ въ такую ошибку. Благодарность къ великимъ отошедшимъ именамъ должна быть присуща молодому сердцу. Безъ сомнѣнія, ироническій крикъ о байронистахъ и возгласы: «выше, выше», произошли вовсе не отъ желанія затѣять надъ раскрытой могилой дорогого покойника литературный споръ, что было бы неумѣстно, а что тутъ просто былъ горячій порывъ заявить какъ можно сильнѣе все накопившееся въ сердцѣ чувство умиленія, благодарности и восторга къ великому и столь сильно волновавшему насъ поэту, и который, хотя и въ гробѣ, но все еще къ намъ такъ близокъ (ну, а тѣ-то, великіе прежніе старики ужъ такъ далеко!)

Самъ я зналъ «практическую жизнь» покойника мало, а потому приступить къ анекдотической части дѣла не могу, но если бы и могъ, то не хочу, потому что прямо окунусь въ то, что самъ признаю сплетнею. Ибо я твердо увѣренъ (и прежде былъ увѣренъ), что изъ всего, что разсказывали про покойнаго, по крайней мѣрѣ, половина, а можетъ-быть, и всѣ три четверти—чистая ложь. Ложь, вздоръ и сплетни. У такого характернаго и замѣчательнаго человѣка, какъ Некрасовъ, не могло не быть враговъ. А то, что дѣйствительно было, что въ самомъ дѣлѣ случалось,— то не могло тоже не быть подчасъ преувеличено. Но,

принявъ это, все-таки увидимъ, что нѣчто все-таки остается. Что же такое? Нѣчто мрачное, темное и мучительное, безспорно, потому что — что же означаютъ тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признанія, что «онъ упалъ», эта страстная исповѣдь передъ тѣнью матери? Тутъ самобичеваніе, тутъ казнь! Опять-таки въ анекдотическую сторону дѣла вдаваться не буду, но думаю, что суть той мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта какъ бы предсказана имъ же самимъ, еще на зарѣ дней его, въ одномъ изъ самыхъ первоначальныхъ его стихотвореній, набросанныхъ, кажется, еще до знакомства съ Бѣлинскимъ (и потомъ ужъ позднѣе обдѣланныхъ и получившихъ ту форму, въ которой явились они въ печати). Вотъ эти стихи:

Огни зажигались вечерніе,
Вылъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
Когда изъ Полтавской губерніи
Я въ городъ столичный входилъ.
Въ рукахъ была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечахъ шубенка овчинная,
Въ карманѣ пятнадцать грошей.
Ни денегъ, ни званья, ни племени,
Малъ ростомъ и съ виду смѣшонъ,
Да сорокъ лѣтъ минуло времени,—
Въ карманѣ моемъ милліонъ.

Милліонъ — вотъ демонъ Некрасова! Что жъ, онъ любилъ такъ золото, роскошь, наслажденія, и чтобы имѣть ихъ, пускался въ «практичности»? Нѣтъ, скорѣе это былъ другого характера демонъ; это былъ самый мрачный и унизительный бѣсъ. Это былъ демонъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердой стѣной и независимо, спокойно смотрѣть на ихъ злость, на ихъ угрозы. Я думаю, этотъ демонъ присосался еще къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, очутившагося на петербург-

ской мостовой, почти бѣжавшаго отъ отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотѣла, войти въ соглашеніе съ этой чуждой толпою людей не желала. Не то, чтобы невѣріе въ людей закралось въ сердце его такъ рано, но скорѣе скептическое и слишкомъ раннее (а сталобыть, и ошибочное) чувство къ нимъ. Пусть они не злы, пусть они не такъ страшны, какъ о нихъ говорятъ (навѣрно, думалось ему), но они всѣ все-таки слабая и робкая дрянь, а потому и безъ злости погубятъ, чуть лишь дойдетъ до ихъ интереса. Вотъ тогда-то и начались, можетъ-быть, мечтанія Некрасова, можетъ-быть, и сложились тогда же на улицѣ стихи: «Въ карманѣ моемъ милліонъ».

Это была жажда мрачнаго, угрюмаго, отъединеннаго самообезпеченія, чтобы ужъ не зависѣть ни отъ кого. Я думаю, что я не ошибаюсь, я припоминаю кое-что изъ самаго перваго моего знакомства съ нимъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось всю потомъ жизнь. Но этотъ демонъ все же былъ низкій демонъ. Такого ли *самообезпеченія* могла жаждать душа Некрасова,—эта душа, способная такъ отзываться на все святое и не покидавшая вѣры въ него? Развѣ такимъ самообезпеченіемъ ограждаютъ себя столь одаренныя души? Такіе люди пускаются въ путь босы и съ пустыми руками и на сердцѣ ихъ ясно и свѣтло. Самообезпеченіе ихъ не въ золотѣ. Золото — грубость, насиліе, деспотизмъ! Золото можетъ казаться обезпеченіемъ именно той слабой и робкой толпѣ, которую Некрасовъ самъ презиралъ. Неужели картины насилія и потомъ жажда сластолюбія и разврата могли ужиться въ такомъ сердцѣ,—въ сердцѣ человѣка, который самъ бы могъ воззвать къ иному: «Брось все, возьми посохъ свой и иди за мной»—

Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!

Но демонъ осилилъ, и человѣкъ остался на мѣстѣ и никуда не пошелъ.

Зато и заплатилъ страданіемъ,—страданіемъ всей жизни своей. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ лишь стихи, но что мы знаемъ о внутренней борьбѣ его съ своимъ демономъ,—борьбѣ, несомнѣнно, мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я и не говорю уже о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онъ о нихъ не публиковалъ, но они, несомнѣнно, были, люди уже начинаютъ свидѣтельствовать о гуманности, нѣжности этой «практической» души. Г. Суворинъ уже публиковалъ нѣчто; я увѣренъ, что обнаружится много и еще добрыхъ свидѣтельствъ, — не можетъ быть иначе. «О, скажутъ мнѣ, вы тоже вѣдь оправдываете, да еще дешевле нашего». Нѣтъ, я не оправдываю, я только разъясняю и добился того, что могу поставить вопросъ, — вопросъ окончательный и всеразрѣшающій.

Еще Гамлетъ дивился на слезы актера, декламировавшаго свою роль и плакавшаго о какой-то Гекубѣ: «Что ему Гекуба?» спрашивалъ Гамлетъ. Вопросъ предстоитъ прямой: былъ ли нашъ Некрасовъ такой же самый актеръ, т.-е. способный *искренно* заплакать о себѣ и о той святынѣ духовной, которой самъ лишалъ себя, излить затѣмъ скорбь свою (настоящую скорбь!) въ безсмертной красотѣ стиховъ и назавтра же способный дѣйствительно утѣшиться... этой красотою стиховъ? Красотою стиховъ и только. Мало того: взглянуть на эту красоту стиховъ, какъ на «практическую» же вещь, способную доставить прибыль, деньги, славу и употребить эту вещь въ этомъ смыслѣ? Или, напротивъ того, скорбь поэта не проходила и послѣ стиховъ, не удовлетворялась ими; красота ихъ, сила въ нихъ выраженная, угнетала и мучила его самого, и если, будучи не въ силахъ совладать съ своимъ

вѣчнымъ демономъ, съ страстями, побѣдившими его на всю жизнь, онъ и опять падалъ, то спокойно ли примирялся съ своимъ паденіемъ, не возобновлялись ли его стоны и крики еще сильнѣе въ тайныя святыя минуты покаянія, — повторялись ли, усиливались ли въ сердцѣ его съ каждымъ разомъ такъ, что самъ онъ, наконецъ, могъ видѣть ясно, чего стоитъ ему его демонъ, и какъ дорого заплатилъ онъ за тѣ блага, которыя получилъ отъ него? Однимъ словомъ, если онъ и могъ *примиряться* моментально съ демономъ своимъ, и даже самъ могъ пускаться оправдывать «практичность» свою въ разговорахъ съ людьми, то оставалось ли такое примиреніе и успокоеніе навѣчно, или, напротивъ, улетало мгновенно изъ сердца, оставляя по себѣ еще жгуче боль, стыдъ и угрызенія? Тогда, — если бы только можно было рѣшить этотъ вопросъ, — тогда намъ что же бы оставалось? Оставалось бы только осудить его за то, что, будучи не въ силахъ совладать съ соблазнами своими, онъ не покончилъ съ собой, напримѣръ, какъ тотъ древній печерскій многострадалецъ, который, тоже будучи не въ силахъ совладать со зміемъ страсти, его мучившей, закопалъ себя по поясъ въ землю и умеръ, если не изгнавъ своего демона, то ужъ, конечно, побѣдивъ его. Въ такомъ случаѣ мы сами, т.-е. каждый изъ насъ, очутились бы въ унизительномъ и комическомъ положеніи, если бы осмѣлились брать на себя роль судей, произносящихъ такіе приговоры. Тѣмъ не менѣе, поэтъ, который самъ написалъ о себѣ:

Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ,

тѣмъ самымъ какъ бы и призналъ надъ собой судъ людей, какъ «гражданъ». Какъ лицамъ, намъ бы, конечно, было стыдно судить его. Сами-то мы каковы, каждый-то изъ насъ? Мы только не говоримъ лишь о

себѣ вслухъ и прячемъ нашу мерзость, съ которою вполнѣ миримся, внутри себя. Поэтъ плакалъ, можетъ-быть, о такихъ дѣлахъ своихъ, отъ которыхъ мы бы и не поморщились, если бы совершили ихъ. Вѣдь мы знаемъ о паденіяхъ его, о демонѣ его изъ его же стиховъ. Но не было бы этихъ стиховъ, которые онъ въ покаянной искренности своей не убоялся огласить, то и все, что говорилось о немъ, какъ о человѣкѣ, о «практичности» его и о прочемъ — все это умерло бы само собою и стерлось бы изъ памяти людей, понизилось бы прямо до сплетни, такъ что всякое оправданіе его оказалось бы вовсе и не нужнымъ ему. Замѣчу кстати, что для практическаго и столь умѣющаго обдѣлывать дѣла свои человѣка, дѣйствительно, не практично было оглашать свои покаянные стоны и вопли, а стало-быть, онъ, можетъ-быть, вовсе былъ не столь практиченъ, какъ иные утверждаютъ о немъ. Тѣмъ не менѣе, повторяю, на судъ гражданъ онъ долженъ итти, ибо самъ призналъ этотъ судъ. Такимъ образомъ, если бы тотъ вопросъ, который поставился у насъ выше: удовлетворялся ли поэтъ стихами своими, въ которые облекалъ свои слезы, и примирялся ли съ собою до того спокойствія, которое опять позволяло ему пускаться съ легкимъ сердцемъ въ «практичность», или же, напротивъ того, примиренія бывали лишь моментальныя, такъ что онъ самъ презиралъ себя, можетъ-быть, за позоръ ихъ, потомъ мучился горше и больше, и такъ во всю жизнь,—если бы этотъ вопросъ, повторяю, могъ бы быть разрѣшенъ въ пользу второго предположенія, то ужъ, конечно, тогда мы бы тотчасъ могли примириться и съ «гражданиномъ» Некрасовымъ, ибо собственныя страданія его очистили бы передъ нами вполнѣ нашу память о немъ. Разумѣется, тутъ сейчасъ является возраженіе: если вы не въ силахъ разрѣшить такой вопросъ (а кто можетъ его разрѣшить?), то и ставить его не надо было. Но въ томъ

то и дѣло, что его можно разрѣшить. Есть свидѣтель, который можетъ его разрѣшить. Этотъ свидѣтель — народъ.

То-есть любовь его къ народу! И, во-первыхъ, для чего бы «практическому» человѣку такъ увлекаться любовью къ народу? Всякій занятъ своимъ дѣломъ: одинъ практичностью, другой печалью по народѣ. Ну, положимъ, прихоть, такъ вѣдь поигралъ и отсталъ. А Некрасовъ не отставалъ во всю жизнь. Скажутъ: народъ для него—это тоже «Гекуба», предметъ слезъ, облеченныхъ въ стихи и дающихъ доходъ. Но я уже не говорю о томъ, что трудно до того поддѣлать такую искренность любви, какая слышится въ стихахъ Некрасова (объ этомъ споръ можетъ быть безконечный), но я о томъ только скажу, что мнѣ ясно, почему Некрасовъ такъ любилъ народъ, почему его такъ тянуло къ нему въ тяжелыя минуты жизни, почему онъ шелъ къ нему и что находилъ у него. Потому, какъ я сказалъ выше, что любовь къ народу была у Некрасова какъ бы *исходомъ его собственной скорби по себѣ самомъ*. Поставьте это, примите это—и вамъ ясенъ весь Некрасовъ, и какъ поэтъ и какъ гражданинъ. Въ служеніи сердцемъ своимъ и талантомъ своимъ народу онъ находилъ все свое очищеніе передъ самимъ собой. Народъ былъ настоящею внутреннею потребностью его не для однихъ стиховъ. Въ любви къ нему онъ находилъ свое оправданіе. Чувствами своими къ народу онъ возвышалъ духъ свой. Но что главное, это то, что онъ не нашелъ предмета любви своей между людей, окружавшихъ его, или въ томъ, что чтутъ эти люди и передъ чѣмъ они преклоняются. Онъ отрывался, напротивъ, отъ этихъ людей и уходилъ къ оскорбленнымъ, къ терпящимъ, къ простодушнымъ, къ униженнымъ, когда нападало на него отвращеніе къ той жизни, которой онъ минутами слабодушно и порочно отдавался; онъ шелъ и бился о плиты бѣднаго сельскаго

родного храма и получалъ исцѣленіе. Не избралъ бы онъ себѣ такой исходъ, *если бы не вѣрилъ въ него.* Въ любви къ народу онъ находилъ нѣчто незыблемое, какой-то незыблемый и святой исходъ всему, что его мучило. А если такъ, то, стало-быть, и не находилъ ничего святѣе, незыблемѣе, истиннѣе, передъ чѣмъ преклониться. Не могъ же онъ полагать все самооправданіе лишь въ стишкахъ о народѣ. А коли такъ, то, стало-быть, и онъ преклонялся передъ *правдою народною.* Если не нашелъ ничего въ своей жизни болѣе достойнаго любви, какъ народъ, то, стало-быть, призналъ и *истину народную* и *истину въ народѣ*, и что истина есть и сохраняется лишь въ народѣ. Если не вполнѣ сознательно, не въ убѣжденіяхъ признавалъ онъ это, то сердцемъ признавалъ, неудержимо, неотразимо. Въ этомъ порочномъ мужикѣ, униженный и унизительный образъ котораго такъ его мучилъ, онъ находилъ, стало-быть, и что-то истинное и святое, что не могъ не почитать, на что не могъ не отзываться всѣмъ сердцемъ своимъ. Въ этомъ смыслѣ я и поставилъ его, говоря выше объ его литературномъ значеніи, тоже въ разрядъ тѣхъ, которые признавали правду народную. Вѣчное же исканіе этой правды, вѣчная жажда, вѣчное стремленіе къ ней свидѣтельствуютъ явно, повторяю это, о томъ, что его влекла къ народу внутренняя потребность,—потребность высшая всего, и что, стало-быть, потребность эта не можетъ не свидѣтельствовать и о внутренней, всегдашней, вѣчной тоскѣ его, тоскѣ не прекращавшейся, не утолявшейся никакими хитрыми доводами соблазна, никакими парадоксами, никакими практическими оправданіями. А если такъ, то онъ, стало-быть, страдалъ всю свою жизнь.. И какіе же мы судьи его послѣ того? Если и судьи, то не обвинители.

Некрасовъ есть русскій историческій типъ, одинъ изъ крупныхъ примѣровъ того, до какихъ противорѣ-

чій и до какихъ раздвоеній, въ области нравственной и въ области убѣжденій, можетъ доходить русскій человѣкъ въ наше печальное, переходное время. Но этотъ человѣкъ остался въ нашемъ сердцѣ. Порывы любви этого поэта такъ часто были искренни, чисты и простосердечны! Стремленіе же его къ народу столь высоко, что ставитъ его, какъ поэта, на высшее мѣсто. Что же до человѣка, до гражданина, то опять-таки, любовью къ народу и страданіемъ по немъ, онъ оправдалъ себя самъ, и многое искупилъ, если и дѣйствительно было что искупить...

VI.

Письма Некрасова.

Сестрѣ, Елизаветѣ Алексѣевнѣ Звягиной [1]).

9 ноября 1840 г.

Вчера цѣлый день мнѣ было скучно. Вечеромъ скука усилилась... Какая-то безотчетная грусть мучила меня. Я самъ не понималъ, что̀ со мною дѣлалось. Всѣ занятія мои мнѣ опротивѣли, всѣ предположенія показались мнѣ жалкими. Я не могъ ни за что приняться и со злостью изорвалъ начало одной срочной статьи. Мнѣ было не до того... я чуть не плакалъ... И, право, заплакалъ бы, если бъ не стыдился самого себя. Вдругъ приносятъ письмо отъ тебя... я съ жадностью схватилъ его, прочелъ, но и оно не успокоило меня; однакожъ оно изумило меня, какъ будто ты подслушала меня, какъ будто оно было писано подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ идей, которыя преслѣдовали меня въ этотъ вечеръ. Я сожалѣлъ, досадовалъ, что такъ сильно увлекся пустою суетностію; я писалъ:

Грустно... совсѣмъ въ суетѣ утонулъ я,
Бѣдному сердцу простора я не далъ...
Тяжко... за что самъ себя обманулъ я...
Самъ себя мрачнымъ терзаніямъ предалъ?

Я думалъ тогда, отчего такая пустота въ моей душѣ? Отчего меня не всегда и не такъ сильно радуетъ то,

---

[1]) „Рус. Стар.“ 1889 г., февраль.

что радуетъ и дѣлаетъ счастливыми другихъ?.. Отчего я такъ холодно встрѣчаю и успѣхъ и неуспѣхъ того, что другого или закинуло бы на седьмое небо, или бросило въ ознобъ злости и отчаянія? Оттого, отвѣчаю я самъ себѣ, что все это мнѣ кажется мелкимъ, ничтожнымъ... А стремясь за нимъ, я вмѣшался въ пеструю толпу людей, у которыхъ не моя цѣль, я увлекся общимъ потокомъ и не отстаю отъ другихъ, хлопочу, торгуюсь на рынкѣ свѣта...

А дни летятъ... Слой пыли гуще, шире,
День ото дня на позабытой лирѣ...
Порой возьму: по струнамъ пробѣгу,
Но ужъ ни пѣть, ни плакать не могу,
Ни забывать душевной тяжкой муки;
Твердятъ укоръ разорванные звуки,
И я отъ лиры прочь бѣгу!
Бѣгу... Куда? Въ торгъ суетности шумной,
Чтобъ заглушить тоску души безумной...
Бѣгу туда, гдѣ плачетъ нищета,
Гдѣ свѣтелъ ликъ богатаго шута...
Бѣгу затѣмъ, чтобъ дать душѣ уроки,
Пренебрегать правдивые упреки,
Когда желаетъ быть сыта!..

Да, дни летятъ... летятъ и мѣсяцы... летятъ самые годы... А грустно... все такъ же грустно. Когда же мнѣ будетъ весело? спрашиваю я самъ себя. Видно, еще пора не пришла, можетъ-быть, и не будетъ ея. Что это за странная, за безпокойная жизнь человѣческая, которая сама не знаетъ, чего ищетъ, чего ждетъ. Пройдутъ годы—нѣтъ и въ поминѣ прежнихъ чувствъ, прежнихъ желаній, всѣ они кажутся уже глупыми, не стоившими ни труда, ни борьбы съ препятствіями. Настанутъ новыя желанія, стремленія, — и вотъ ты снова хлопочешь, суетишься, перемогаешь самого себя. И что же? И они, въ свой чередъ, кажутся смѣшными, глупыми... и такъ далѣе, до самой кончины... Грустно! Лучше не расшевеливать души, не бросать искры въ

порохъ, а жить такъ однообразно и инстинктивно, какъ живутъ многіе, какъ многимъ жить суждено и какъ многимъ жить нравится. Не въ томъ ли и состоитъ искусство жить, чтобъ умѣть самого себя заставить признаться, что не стоитъ жить; что ты не живешь, а состоишь на службѣ, которой отставка—смерть?.. Тяжела борьба души съ тѣломъ, тяжела борьба человѣка съ самимъ собою. Нѣтъ, не буду больше думать объ этомъ, пойду, опять брошусь въ общій потокъ... Несите меня, несите, волны суетности, къ вашей глупой цѣли... я опять вашъ... опять.

Я день и ночь тружусь для суеты,
И ни часа для мысли, для мечты...
Зачѣмъ? На что? Безъ цѣли, безъ охоты!
Лишь боль въ костяхъ отъ суетной работы,
Да въ сердцѣ бездна пустоты!

Но что нужды! Зато я не буду имѣть право жаловаться на жизнь, не буду глупцомъ въ глазахъ другихъ. Иногда, какъ теперь, я оглянусь назадъ, загляну въ тайникъ души и, вѣрно, ужаснусь, заплачу... Мнѣ будетъ стыдно самого себя, но что дѣлать...

Что дѣлаешь ты, милая сестра? Что думаешь ты? Я знаю твою глубокую душу... твой взглядъ на все... а потому думаю, что тебѣ грустно, очень грустно въ минуты нѣмыхъ бесѣдъ съ собою... Я бы понялъ тебя, ты бы поняла меня, если бъ мы были вмѣстѣ... А мертвыя слова—безжизненные звуки... Имъ не высказать, не обрисовать чувства... Они только хорошо умѣютъ передавать людямъ обычную заученную прозу жизни. Грусть одиночества начинаетъ чаще мучить меня. Я бы охотно пріѣхалъ къ вамъ, охотно бы отдохнулъ съ вами...

Если не помѣшаютъ мнѣ обстоятельства, то въ декабрѣ я непремѣнно пріѣду къ вамъ, милая сестра: тогда увидимся, тогда перескажемъ другъ другу все...

оплачемъ наши прошедшія мечтательныя радости, погорюемъ надъ настоящимъ, заглянемъ въ будущее. Можетъ-быть, что и улыбнется намъ... Прощай, милая сестра. Сто разъ цѣлую тебя... я люблю тебя, какъ сестру, какъ друга, который одинъ только понимаетъ меня, предъ которымъ только я высказываю мою душу, люби же и ты меня такъ... Не сердись за мелочныя мои ошибки и частое невниманіе къ тебѣ, которое происходитъ не отъ эгоизма, а отъ моего разсѣяннаго, безпокойнаго характера, а нынѣ частію и отъ множества занятія. Прощай... И братъ и другъ твой *Н. Некрасовъ*.

Послѣ этого письма ты найдешь безжизненныя строки, набросанныя мною вчера поутру, болѣе по обязанности, я прочелъ послѣ ихъ и увидѣлъ, что онѣ какой-то формуляръ, но уже изорвать его не хотѣлось. Саблина стихи очень глупы... Это глупый, сумасшедшій н.....й, котораго я вамъ не совѣтую пускать къ себѣ въ домъ, потому что по безсознательной глупости своей онъ можетъ, пожалуй, надѣлать какихъ-нибудь мерзостей.

И. С. Тургеневу [1]).

Въ началѣ 1847 г.

Любезный Тургеневъ. Спасибо вамъ и за память объ насъ и за память о «Современникѣ». Разсказъ вашъ я прочелъ—онъ очень хорошъ, безъ преувеличенья: простъ и оригиналенъ. Завтра дамъ его Бѣлинскому—онъ, вѣрно, скажетъ то же. Кстати о Бѣлинскомъ; здоровье его такъ же неровно, какъ при васъ: то плохо, то какъ будто и ничего. Впрочемъ, докторъ завѣряетъ, что рѣшительной опасности нѣтъ. Весной, вѣроятно, онъ поѣдетъ на воды (въ Силезію)—докторъ говоритъ,

[1]) Настоящее и послѣдующія письма Тургеневу заимствованы изъ книги А. Н. Пыпина о Некрасовѣ.

что это для него будетъ очень хорошо. Объ этомъ да объ нашихъ отношеніяхъ съ нимъ былъ у насъ на дняхъ положительный разговоръ. Я было предложилъ ему условіе, которое обезпечивало ему при хорошемъ ходѣ дѣлъ журнала, кромѣ жалованья, до 5 тыс. асс. ежегодно во все продолженіе времени, пока издается журналъ, хоть бы почему-либо онъ и оставилъ у насъ работу. Но онъ странный человѣкъ—сказалъ, что для него будетъ лучше постепенное увеличеніе платы за его труды по мѣрѣ успѣховъ журнала, и на этомъ порѣшили. Впрочемъ, скажу вамъ, что при этомъ онъ не обнаружилъ и тѣни неудовольствія, и вообще, кажется, по этой части онъ теперь спокоенъ. На поѣздку за границу онъ рѣшился, когда я объявилъ ему, что жалованье за тѣ года, которые онъ проѣздитъ, все-таки будетъ выдано ему— и въ самомъ дѣлѣ безъ этого онъ не могъ бы ѣхать. Теперь эта мысль его занимаетъ. Тютчевъ [1]) и К° здоровы; контора ихъ идетъ дурно «Современникъ» продалъ уже слишкомъ сто экземпляровъ новаго изданія, и, есть надежда, продастъ и еще штукъ двѣсти. Кстати: «Современникъ» №№ 1-й и 2-й вамъ высланы и прочіе будутъ высылаться ежемѣсячно. Вашъ разсказъ («Каратаевъ») напечатанъ во 2-й книжкѣ: онъ всѣмъ понравился очень, Бѣлинскому тоже; два-три мѣста досадно (хоть небольшія) выкинуты, да что жъ дѣлать! если бъ и весь уничтожили, такъ нечему бы удивляться. Работайте, коли работается, дѣло хорошее; дѣлаешь ли что, не дѣлаешь ли—время все равно пройдетъ, только какъ ничего не сдѣлалъ, такъ оглянуться назадъ совѣстно; говорю по опыту—мнѣ вотъ все оглядываться совѣстно. Статья объ нѣмецкой литературѣ къ 4-му № намъ будетъ крайне нужна; письмо о Берлинѣ—очень бы

---

[1]) Рѣчь идетъ о Николаѣ Николаевичѣ Тютчевѣ.—А. П.

хорошо. «Радилова» [1]) я буду ждать съ нетерпѣніемъ; мнѣ эти ваши разсказы по сердцу пришлись.

Собственно я прошу у васъ еще стиховъ—поторопитесь съ «Маскарадомъ»—безъ стиховъ мнѣ куда не хочется выпускать книжекъ, своихъ мало, а за Огарева на-дняхъ съ Бѣлинскимъ мы воевали (впрочемъ, въ дружелюбномъ тонѣ), и побѣда осталась за нимъ—«Монологи» погибли для свѣта! Прощайте. Мнѣ весело. Очень преданный вамъ—Н. Некрасовъ.

Пишу 15-го вечеромъ, пошлю завтра.

Если Герценъ еще не уѣхалъ изъ Берлина, отвѣсьте ему три поклона.

И. К. Бабсту [2]).

М. Г. Иванъ Кондратьевичъ! Къ 1 января намъ нужно счесться, и потому прошу васъ прислать мнѣ краткій перечень вашихъ статей въ «Современникѣ»—съ означеніемъ, въ какомъ № которая помѣщена,—я желаю этого, потому что боюсь забыть которую-нибудь.

Затѣмъ, прошу васъ покорнѣйше продолжать ваши занятія въ «Современникѣ» и въ слѣдующемъ году. Какъ быть съ книгами? Вы все спрашиваете меня, а я думаю, что вамъ это дѣло устроить ближе и легче. Я же съ своей стороны, кромѣ предоставленнаго въ ваше распоряженіе магазина Базунова, могу обѣщать вамъ, что деньги, которыя вы издержите по этому предмету, я безпрекословно буду платить. Достаточно ли этого?..

А насчетъ полноты московской библіографіи прошу васъ особенно позаботиться. Книгъ сколько-нибудь

---

[1]) Упоминаемые здѣсь разсказы вошли въ составъ „Записокъ охотника“.

[2]) Изъ сборника «Памяти Бѣлинскаго», М., 1899. И. К. Бабстъ (1824—1881), профессоръ политической экономіи въ Московскомъ университетѣ.

дѣльныхъ не пропускайте, да и о плохихъ говорите хоть по два слова.

О духовныхъ книгахъ рецензій не нужно.

Скажу вамъ откровенно: я было подосадовалъ на васъ, что вы совѣтуете мнѣ *со статьями серьезнаго содержанія обращаться поосторожнье*, очевидно, приписавъ исключенія и поправки въ вашихъ статьяхъ моему произволу и малоумію, но потомъ я разсудилъ, что вы съ цензурой дѣла никогда не имѣли, и умилился духомъ. Скажу вамъ, что корректуры вашихъ статей я храню со всѣми слѣдами на нихъ красныхъ чернилъ, и при свиданіи со мною вы будете имѣть случай удостовѣриться, что вышеписанные совѣты попали не по тому адресу.—Очень преданный вамъ Н. Некрасовъ.

10 декабря 1847. Спб.
Поклонъ М. С. Щепкину.

И. С. Тургеневу.

1847, декабрь.

Радуюсь, что вы работаете, только, пожалуйста, не ослабѣвайте — право, я радъ за васъ и за «Современникъ», — на такую отличную дорогу вы попали; очевидно, вы начинаете привыкать къ труду и любить его—это, другъ мой, великое счастье!

А о себѣ скажу, что похвалы, которыми обременили вы мои послѣдніе стихи въ письмѣ къ Бѣлинскому, нагнали на меня страшную тоску, я съ каждымъ днемъ одурѣваю болѣе, рѣже и рѣже вспоминаю о томъ, что мнѣ слѣдуетъ писать стихи, и таковыхъ ужъ давно не пишу. Мнѣ это подчасъ и больно, да дѣлать нечего. Но за исключеніемъ сего живу изрядно и хотя работы много и поводовъ злиться еще больше—однако привыкъ и ничего.

Читайте въ 12 № «Совр.» *Полиньку Сакс*ъ, авторъ небывалый прежде, а каковъ, увидите [1]).

Ему же.

1848 г., 12 сент.

Любезнѣйшій Тургеневъ. Третьяго дня Анненковъ читалъ у насъ вечеромъ вашу комедію *Гдѣ тонко, тамъ и рвется*. Безъ преувеличенія скажу вамъ, что вещицы болѣе граціозной и художественной въ нынѣшней русской литературѣ врядъ ли отыскать. Хорошо выдумано и хорошо исполнено, — выдержано до послѣдняго слова. Это мнѣніе не одного меня, но всѣхъ, которые слушали эту комедію, а ихъ было человѣкъ десять, между прочимъ, Дружининъ, котораго я знакомилъ съ Анненковымъ.

Замѣтилъ я (и всѣ со мной тотчасъ согласились), что немного неловка сказка о куклахъ, ибо почтеннѣйшая публика можетъ принять все это мѣсто въ самую ярыжную сторону и разразиться жеребячьимъ хохотомъ. Приведите себѣ на память это мѣсто, взгляните на него съ этой точки, — можетъ-быть, вы найдете это замѣчаніе достойнымъ вниманія и сочтете нужнымъ замѣнить то мѣсто. Съ этой цѣлью я и сообщаю вамъ его.

Недавно (въ IX №) напечатали мы вашу повѣсть *Пѣтушковъ;* повѣсть эта хороша и отличается строгой выдержанностью—это мнѣніе всѣхъ, съ кѣмъ я о ней говорилъ. Мнѣ она и прежде очень нравилась, и я очень радъ, что не ошибся въ ней.

Ваши два послѣдніе присланные разсказа принадлежатъ къ удачнѣйшимъ въ «Запискахъ охотника». Вообще, другъ мой, говоря о вашихъ послѣднихъ трудахъ, приходится только хвалить и дивиться вашимъ

---

[1]) Дружининъ.

успѣхамъ (и трудолюбію), и я умолкаю только потому, что неловко распространяться. Скажу вкратцѣ: вы и Дружининъ, теперь два лица наиболѣе читаемые, хвалимые и любимые публикой и дѣйствительно наиболѣе замѣтные въ русской литературѣ. Герценъ и Гончаровъ, которые могли бы тягаться съ вами въ этомъ случаѣ, ничего давно не пишутъ (т.-е. первый не печатаетъ, а второй такъ заплылъ жиромъ, что точно ничего не пишетъ).

М. В. Авдѣеву [1]).

30 мая 1849 г. С.-Петербургъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ вашу повѣсть. Въ ней много хорошаго, и вы имѣете несомнѣнный талантъ. Повѣсть ваша будетъ напечатана не позже какъ въ 9-й книжкѣ «Современника» на 1849 годъ. Впрочемъ, напишите, если вы къ 9-й или 10-й книжкѣ можете прислать намъ другую свою повѣсть, въ такомъ случаѣ «Вариньку» я напечатаю теперь же, то-есть въ 7-мъ №. Что касается до вознагражденія, то, начиная со второй вашей повѣсти, вы будете получать столько, сколько получаютъ всѣ наши лучшіе сотрудники, то-есть два рубля серебромъ за печатную страницу. За первый же трудъ каждаго новаго автора, выводимаго въ публику, журналы обыкновенно ничего не платятъ. Впрочемъ, если есть особыя причины, то я могу до нѣкоторой степени сдѣлать для васъ исключеніе, о чемъ потрудитесь написать.

---

[1]) Какъ это, такъ и далѣе помѣщенныя письма Авдѣеву напечатаны въ «Рус. Стар.», 1902 г.,№ 8. Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ (1821—1876 гг.) — авторъ произведеній мало оригинальныхъ, но въ свое время весьма популярныхъ: романа-трилогіи «Тамаринъ» («Варинька», «Записки Тамарина», «Ивановъ»), «Подводный камень» и др. Въ 1849 г. Авдѣевъ жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ состоялъ на службѣ.

Напишите мнѣ также, сколько вамъ лѣтъ, гдѣ вы служите, куда думаете выступить изъ Нижняго. Все, что напишете, присылайте смѣло ко мнѣ: годное будетъ напечатано и будутъ вамъ тотчасъ же высланы деньги (по 32 рубля серебромъ съ каждаго печатнаго листа). Что же окажется неудовлетворительнымъ, на то я не полѣнюсь прислать вамъ свои замѣчанія, ибо вашъ талантъ меня очень заинтересовалъ. Высылайте мнѣ поскорѣй.

И. С. Тургеневу.

Спб. 1850 г., 9 янв. ст. ст.

Любезнѣйшій Тургеневъ, вы, я думаю, приходите въ неистовое негодованіе, не получая ни письма моего, ни денегъ, ни книгъ. Я чувствую, что виноватъ и я передъ вами, даже при тѣхъ гнусныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился въ послѣднее время. Обстоятельства эти суть: 1) лихорадка, которая трясетъ меня каждый вечеръ вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ; 2) глазная боль, отъ которой только недавно избавился нѣсколько; 3) невѣроятное, поистинѣ обременительное и для крѣпкаго человѣка количество работы — честью васъ увѣряю, что я, чтобы составить 1-ю книжку, прочелъ до 800 писаныхъ листовъ разныхъ статей, прочелъ 60 корректурныхъ листовъ (изъ коихъ пошло въ дѣло только 35), два раза передѣлывалъ одинъ романъ (не мой), разъ въ рукописи и другой разъ уже въ наборѣ, передѣлывалъ еще нѣсколько статей въ корректурахъ, наконецъ, написалъ полсотни писемъ, былъ каждый день, кромѣ лихорадки, боленъ еще злостью, разлитіемъ желчи и проч. Кромѣ физическихъ недуговъ, и состояніе моего духа гнусно, къ чему есть много причинъ, — обо всемъ этомъ я, конечно, не отписывалъ бы вамъ, если бы не надѣялся, что это смягчитъ нѣсколько ваше справедливое разъяреніе. Сего-

дня только выпустилъ я 1-ю книгу «Современника» на 1850 г. и теперь вздохнулъ свободнѣе.

М. В. Авдѣеву.

11 января 1850 г. С.-Петербургъ.

Сегодня только я немного успокоился, выпустивъ третьяго дня первую книжку «Современника». Въ этой книжкѣ я помѣстилъ половину вашей повѣсти. Скажу вообще: эта повѣсть настолько хороша, что можно напечатать ее въ журналѣ съ удовольствіемъ; но сходство всей ея постройки и даже нѣкоторыхъ частностей слишкомъ явно напоминаетъ Лермонтова. Впрочемъ, объ этомъ надо говорить много, а мнѣ теперь некогда; итакъ, скажу только общій выводъ: несмотря на свою подражательность, повѣсть эта выказываетъ въ авторѣ талантъ, а еще болѣе умъ и тактъ. Это такія вещи, съ которыми смѣло можно продолжать писать, что́ я вамъ совѣтую. Я убѣжденъ, что вы напишете много хорошихъ вещей, да если бы вы и не писали ничего лучше первыхъ вашихъ трудовъ, то и тогда жаль было бы, если бы вы перестали писать. Это мнѣніе не только мое, но и многихъ другихъ.

Изъ первой половины вашей повѣсти вышло 3 листа, изъ второй выйдетъ $2^1/_2$. Посылаю вамъ при семъ до расчета сто рублей серебромъ. Какъ только вашей повѣсти вторая половина пройдетъ чрезъ цензуру, я тотчасъ вышлю вамъ остальныя деньги. Напишите, высылать ли вамъ «Современникъ» въ Ярославль? Вы, кажется, сюда хотѣли пріѣхать; очень будетъ пріятно познакомиться.

Извините, что мало пишу. Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Некрасовъ.

P. S. Письма иногороднимъ подписчикамъ пишетъ по большей части Дружининъ.

Л. Н. Толстому.

[2 іюля 1852 г. графъ Л. Н. Толстой, въ то время артиллерійскій юнкеръ, жившій въ Пятигорскѣ, окончилъ свое первое, появившееся въ печати произведеніе «Дѣтство» и черезъ нѣсколько дней отправилъ рукопись въ Петербургъ, въ редакцію «Современника». Первоначальное заглавіе было «Исторія моего дѣтства». Разсказъ былъ подписанъ тремя буквами Л. Н. Т., и редакція долго не знала имени автора (см. слѣд. письмо Тургеневу). 28 августа Л. Толстой получилъ, наконецъ, давно жданное письмо отъ редактора «Современника». «Оно обрадовало меня до глупости», замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ. Письма къ Толстому заимствованы изъ его біографіи, составляемой П. И. Бирюковымъ. Т. I, М. 1906, т. II, М. 1908.]

Я прочелъ вашу рукопись («Дѣтство»). Она имѣетъ въ себѣ настолько интереса, что я ее напечатаю. Не зная продолженія, не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ ея есть талантъ. Во всякомъ случаѣ направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія составляютъ неотъемлемыя достоинства этого произведенія. Если въ дальнѣйшихъ частяхъ (какъ и слѣдуетъ ожидать) будетъ побольше живости и движенія, то это будетъ хорошій романъ. Прошу васъ прислать мнѣ продолженіе. И романъ вашъ, и талантъ меня заинтересовали. Еще я совѣтовалъ бы вамъ не прикрываться буквами, а начать печататься прямо со своей фамиліей, если только вы не случайный гость въ литературѣ. Жду вашего отвѣта.

Ему же.

5 сентября 1852 года.

Я писалъ вамъ о вашей повѣсти; но теперь считаю своимъ долгомъ еще сказать вамъ о ней нѣсколько словъ. Я далъ ее въ наборъ на IX книжку «Современника» и, прочитавъ внимательно въ корректурѣ, а не

въ слѣпо написанной рукописи, нашелъ, что эта повѣсть гораздо лучше, чѣмъ показалась мнѣ съ перваго раза. Могу сказать положительно, что у автора есть талантъ. Убѣжденіе въ этомъ для васъ, какъ для начинающаго, думаю, всего важнѣе въ настоящее время. Книжка «Современника» съ вашей повѣстью завтра выйдетъ въ Петербургѣ, а къ вамъ (я пошлю ее по вашему адресу), вѣроятно, попадетъ еще не ранѣе, какъ недѣли черезъ три. Изъ нея кое-что исключено (немного, впрочемъ)... Не прибавлено ничего. Скоро напишу вамъ подробнѣе, а теперь некогда. Жду вашего отвѣта и прошу васъ, если у васъ есть продолженіе, прислать мнѣ его.

P. S. Хотя я и догадываюсь, однакожъ прошу васъ сказать мнѣ положительно имя автора повѣсти. Это мнѣ нужно знать и по правиламъ нашей цензуры.

Тургеневу.

1852 г., 21 октября.

Любезный Тургеневъ. Спасибо тебѣ, что ты вспомнилъ меня; еще болѣе спасибо за подробныя извѣстія о твоей охотѣ нынѣшнимъ лѣтомъ; дичи этотъ годъ вездѣ мало—около Петербурга вовсе не было бекасовъ и очень мало дупелей—но все-таки ты поохотился, какъ видно, весьма хорошо. Я охотился по желѣзной дорогѣ—эта дорога какъ будто нарочно пролегаетъ черезъ такія мѣста, которыя нужны только охотникамъ и болѣе никому; благословенные моховички съ жидкимъ ельникомъ, подгнивающимъ при самомъ рожденіи, идутъ на цѣлыя сотни верстъ—и тутъ-то раздолье бѣлымъ куропаткамъ! Есть въ этой сторонѣ и тетеревъ, преимущественно мошникъ, довольно сѣрыхъ куропатокъ, но вальдшнепа нѣтъ и признаковъ; бекасъ и дупель попадаются только изрѣдка. Въ три мои поѣздки туда убилъ я болѣе сотни бѣлыхъ и сѣрыхъ

куропатокъ и глухарей, не считая зайцевъ—и услыхалъ одно новое словечко, которое мнѣ очень понравилось—*пáморха*. Знаешь ли ты, что́ это такое? Это—мелкій, мелкій, нерѣшительный дождь, сѣющій какъ сквозь сито и бывающій лѣтомъ. Онъ зовется пáморхой въ отличіе отъ *изморози*, идущей въ пору болѣе холодную. Это словцо Новгородской губерніи. Унылая сторона, населенная наполовину корелами, бѣдная и невѣроятно дикая—но тѣмъ лучше для нашего брата—охотника; изобрѣтеніе пороху еще не проникло сюда, и единственная охота, употребительная здѣсь—это на утокъ, посредствомъ брюха. Мужикъ идетъ по болоту и, завидѣвъ молодую утку, старается упасть на нее брюхомъ, что́ иногда и удается ему. Не думай, что я шучу. Я это самъ видѣлъ. Къ охотникамъ съ ружьемъ здѣсь даже оказывается явное нерасположеніе, и вотъ что́ со мной случилось. Разъ я заблудился въ нескончаемомъ моховичкѣ съ моимъ егеремъ (здѣсь не всегда найдешь проводника); долго мы не встрѣчали ни души, чтобы спросить, какъ пройти въ ближайшую деревню Борки. Я усталъ, проголодался, взмокъ отъ поту и брелъ въ тупомъ озлобленіи наудачу; наконецъ завидѣлъ человѣческій задъ и очень обрадованный побѣжалъ къ нему. Это была баба, собиравшая гнилые масляники (кромѣ этихъ грибовъ, здѣсь другихъ не водится). Я обратился къ ней съ вопросомъ, и получилъ вотъ какой отвѣтъ·

Скинь портки,
Такъ и дойдешь въ Борки.

И больше я ничего не могъ добиться отъ этой бабы, глядѣвшей на меня съ невѣроятнымъ озлобленіемъ.

Частію, мои отлучки на охоту, а болѣе—другія неблагопріятныя обстоятельства были причиною, что журналъ нашъ такъ запаздывалъ. Впрочемъ, мы это

надѣемся наверстать въ послѣдніе мѣсяцы этого года. Спасибо тебѣ, что не полѣнился написать намъ свое мнѣніе о нашемъ журналѣ—мы согласны съ нимъ; дѣлай это и впредь; если не будетъ лѣнь, обрати вниманіе на повѣсть «Дѣтство» въ IX №—это талантъ новый и, кажется, надежный. Настоящее имя его —графъ Ник. [1]) Ник. Толстой—офицеръ, служащій на Кавказѣ. Что́ ты думаешь объ авторѣ Ульяны Терентьевны и Якова Яковлича? «Батмановъ» (особенно первая половина) очень хорошъ, но какое грубое существо этотъ господинъ (т.-е. авторъ!) [2]). Я думаю, ты уже прочелъ 2-ю часть «Батманова»; эта часть поразила меня своею грубостью; сцена съ фракомъ, львица—*княгиня*, которая все толкаетъ мужчинъ; письмо Наумовой о пощечинахъ, съ подписью: *женщина*, которой очень хотѣлось за васъ замужъ — какъ все это нѣжно! Удивительно еще, какъ мало авторъ затрудняется въ разрѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ. Послѣ этой повѣсти... онъ мнѣ иначе не представляется какъ *литературнымъ городовымъ*, разрѣшающимъ всѣ вопросы жизни и сердца палкой! Впрочемъ, потому все это и досадно, что таланта много. Присылай свою статью о книгѣ Аксакова [3]). Мы спрашивали о тебѣ и намъ сказано, что ты можешь писать и печатать, только г. Крыловъ [4]) (это ужъ онъ для себя) замѣтилъ, что лучше, если ты будешь представлять свои произведенія *въ цѣломъ*, чтобы можно было видѣть идею сочиненія.

Если бы ты намъ прислалъ разсказъ (напр., *Переписку)* — это теперь намъ принесло бы болѣе пользы, чѣмъ цѣлый романъ другого автора.

---

[1]) Ошибка; въ это время стало извѣстно и имя гр. Николая Ник. Толстого, какъ писателя.

[2]) Рѣчь объ А. Ѳ. Писемскомъ и его повѣсти «М-г Батмановъ».

[3]) «Записки ружейнаго охотника» С. Т. Аксакова.

[4]) Цензоръ.

Л. Н. Толстому.

30 октября 1852 г. Спб.

Прошу извинить меня, что я замедлилъ отвѣтомъ на послѣднее ваше письмо—я былъ очень занятъ. Что касается вопроса о деньгахъ, то я умолчалъ объ этомъ въ прежнихъ моихъ письмахъ по слѣдующей причинѣ: въ лучшихъ нашихъ журналахъ издавна существуетъ обычай не платить за первую повѣсть начинающему автору, котораго журналъ впервые рекомендуетъ публикѣ. Этому обычаю подверглись всѣ доселѣ начавшіе въ «Современникѣ» свое литературное поприще, какъ-то: Гончаровъ, Дружининъ, Авдѣевъ и др. Этому же обычаю подверглись въ свое время какъ мои, такъ и Панаева первыя произведенія. Я предлагаю вамъ то же, съ условіемъ, что за дальнѣйшія ваши произведенія прямо назначу вамъ лучшую плату, какую получаютъ наши извѣстнѣйшіе (весьма немногіе) беллетристы, т.-е. 50 руб. сер. съ печатнаго листа. Я промѣшкалъ писать вамъ еще и потому, что не могъ сдѣлать вамъ этого предложенія ранѣе, не провѣривъ моего впечатлѣнія судомъ публики: этотъ судъ оказался какъ нельзя болѣе въ вашу пользу, и я очень радъ, что не ошибся въ мнѣніи своемъ о вашемъ первомъ произведеніи, и съ удовольствіемъ предлагаю вамъ теперь вышеписанныя условія.

Напишите мнѣ объ этомъ Во всякомъ случаѣ могу вамъ ручаться, что въ этомъ отношеніи мы сойдемся. Такъ какъ ваша повѣсть имѣла успѣхъ, то намъ очень было бы пріятно имѣть поскорѣе второе ваше произведеніе. Сдѣлайте одолженіе, вышлите намъ, что у васъ готово. Я хотѣлъ выслать вамъ IX № «Современника», но, къ сожалѣнію, забылъ распорядиться, чтобы отпечатали лишній, а у насъ весь журналъ за этотъ годъ въ расходѣ. Впрочемъ, если вамъ нужно, я могу вы-

слать вамъ одинъ или два оттиска одной вашей повѣсти, набравъ изъ дефектовъ.

Повторяю мою покорнѣйшую просьбу выслать намъ повѣсть или что-нибудь въ родѣ повѣсти, романа или разсказа и остаюсь въ ожиданіи вашего отвѣта.

Готовый къ услугамъ Н. Некрасовъ.

P. S. Мы обязаны знать имя каждаго автора, котораго сочиненія печатаемъ, и потому дайте мнѣ положительныя извѣстія на этотъ счетъ. Если вы хотите, то никто, кромѣ насъ, этого знать не будетъ.

Тургеневу.

17 ноября 1853 г.

Милый Тургеневъ, какъ ни люблю я тебя и какъ ни желаю почаще имѣть о тебѣ извѣстія, однакоже мнѣ рѣдко удается писать къ тебѣ—и это не потому, чтобы я былъ занятъ, а нахожусь почти постоянно въ такомъ негодномъ духѣ, что самому скверно. Кажется, приближается для меня нехорошее время: съ весны заболѣло горло и до сей поры кашляю и хриплю — и нѣтъ перемѣны къ лучшему, грудь болитъ постоянно и не на шутку; къ этому нервы мои ужасно раздражительны; каждая жилка танцуетъ въ моемъ тѣлѣ, какъ будто у нихъ вѣчный праздникъ, и мнѣ отъ этого совсѣмъ не весело, каждая мелочь вырастаетъ въ моихъ глазахъ до трагедіи — и вдобавокъ — стихи одолѣли, т.-е. чуть ничего не болитъ и на душѣ спокойно, приходитъ *Муза* и выворачиваетъ все вверхъ дномъ; и добро бы съ какой-нибудь пользой, а то безъ толку, — начинается волненіе, скоро переходящее границы всякой умѣренности — и прежде чѣмъ успѣю овладѣть мыслью, а тѣмъ паче хорошо выразить ее,— катаюсь по дивану съ спазмами въ груди, пульсъ, виски, сердце бьютъ тревогу — и такъ пока не угомо-

нится сверлящая мысль. На этомъ основаніи я себя сравниваю съ караульней, поднимающей стукотню всякій разъ, какъ проѣдетъ генералъ. Зато началъ много, да что толку. Посылаю тебѣ «Филантропа» — скажи мнѣ о немъ свое мнѣніе. Этой вещи я не почитаю хорошею, но дѣльною, — можетъ-быть, въ деревенскомъ единообразіи чтеніе ея доставитъ тебѣ и нѣкоторое удовольствіе хоть тѣмъ, что напомнитъ старое, — по крайней мѣрѣ, я теперь вдругъ вспомнилъ наши давніе литературные толки, ту охоту, съ которою я прочитывалъ тебѣ каждое мое новое стихотвореніе, и то вниманіе, съ которымъ ты меня слушалъ. Давнія времена! Мнѣ теперь ихъ жаль!

Поистинѣ, мнѣ становится грустно, какъ подумаю о скукѣ, которую ты претерпѣваешь. Предыдущее письмо мое вызвала досада на людей, которые, можетъ-быть, охолодили въ тебѣ даже охоту къ труду, разругавъ тебѣ твой романъ,—и я увѣренъ, несправедливо: въ романѣ твоемъ можетъ недоставать соразмѣрности въ построеніи, допускаю даже, что въ немъ проскользнуло что-нибудь фальшивое, но чтобы ты могъ написать томъ дряни, этому повѣрю развѣ тогда, когда лишусь здраваго смысла—увѣренъ, что тамъ есть даже отличныя вещи — жаль, что мнѣ не удалось его прочесть. Въ Москвѣ я читалъ твой «Постоялый дворъ» — вещь прекрасная, но выполненіе слабѣе, чѣмъ въ другихъ твоихъ разсказахъ,—какъ-то блѣдновато, думаю, потому, что ты не имѣлъ цѣли окончательно его отдѣлывать. Читалъ я *Чувства души въ высокоторжественный праздникъ*. Кому бы ни принадлежали эти стихи — они превосходны. Это мое мнѣніе послѣ троекратнаго ихъ прочтенія, съ значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали ихъ, даже прошу объ этомъ. Вотъ тебѣ литературная новость: Майковъ написалъ небольшую поэму «Дуня-дурочка» — это рѣшительно лучше всего, что онъ писалъ.

Ему же.

1854.

Получилъ твое письмо — хорошо дѣлаешь, что работаешь; Григоровичъ занятъ большимъ романомъ — на него нѣтъ вѣрной надежды, и теперь уже я слезно тебя прошу написать на 1 или 2 книжку «Современника» разсказъ хоть небольшой или что ты хочешь, да чтобы было твое имя. А то чѣмъ же мы начнемъ годъ—Дружининымъ? это самое блестящее изъ всего, что есть; — Писемскимъ? но онъ наворотилъ исполинскій романъ, который на авось начать печатать страшно—надо бы весь посмотрѣть. Это неряха, на которомъ не худо оглядывать каждую пуговку, а то подъ застегнутымъ сюртукомъ какъ разъ окажутся штаны съ дырой . . . . . [1]).

Получилъ разсказъ Основскаго. Штука обыкновенная, но тамъ есть черта (должно-быть, услышанный анекдотъ) мольеровская. Какой-то подлецъ позвалъ обѣдать губернатора — тотъ явился и положилъ свою каску на окно. «Ваше Пр—во! здѣсь дуетъ!» закричалъ подлецъ и переложилъ каску. Изъ сего слѣдуетъ, что подлость такъ же размягчаетъ сердца, какъ и добродѣтель. Напечатаю Основскаго въ XII кн. и вышлю ему деньги (не болѣе 25 р. сер. за листъ). *Нашъ добрый* [2]) въ сильной дѣятельности, но что это за кулацкое безвкусіе! Я ему помогаю въ выборѣ бумаги, но не я буду виноватъ, если форматъ новаго Пушкина будетъ уродливъ и шрифтъ гадокъ—ужъ эти статьи онъ рѣшилъ! Шрифтъ (тонкій и узкій) особенно для стиховъ мнѣ рѣшительно не нравится. Изданіе скоро начнется. Кланяйся бубулькѣ. Кстати. Я увѣренъ, что эта смѣт-

---

[1]) Точки въ текстѣ А. Н. Пыпина.

[2]) П. В. Анненковъ, редактировавшій собраніе сочиненій Пушкина.

ливая сучка теперь съ гордостью думаетъ: «Наконецъ *онъ* такъ привязался ко мнѣ, что и на зиму остался *со мной* въ деревнѣ», или что-нибудь подобное. — Твой Некр.

Ему же.

6 ноября 1854 г.

Захлопотавшись съ XI № «Совр.» (я тебѣ его вчера послалъ по легкой почтѣ), давно я тебѣ не писалъ. Во-первыхъ, я привелъ свои дѣла въ такое положеніе, что могу ѣхать за границу хоть завтра, если будетъ можно. Во-вторыхъ, въ чаяніи собрать нѣсколько денегъ къ отъѣзду, началъ я изрѣдка поигрывать въ картишки — и пока съ успѣхомъ; въ-третьихъ, получили письмо отъ Вас. Петр. Боткина, который говоритъ, что Баратынскій былъ пьяница, стиховъ котораго печатать не стоило, а по поводу «Отрочества» замѣчаетъ, что таланты бываютъ благородные и неблагородные и еще что-то, такъ что по этой классификаціи выходитъ, что Гоголь—писатель былъ подлецъ, а Влад. Ив. Панаевъ [1])—благороднѣйшій дѣятель литературы. Какъ это все свѣжо! Къ этимъ литературнымъ аристократамъ причисляетъ онъ и Толстого, которымъ очень восхищается. Ты хочешь знать объ «Отрочествѣ»— конечно, всѣ его хвалятъ, съ кѣмъ мнѣ случалось говорить, но видятъ настоящую его цѣну немногіе—вѣдь Дружининъ не дуракъ, а что онъ найдетъ для себя въ «Отрочествѣ»? Такихъ много и въ публикѣ; впрочемъ, мнѣ случалось встрѣчать круглыхъ скотовъ, о коихъ я думалъ, что они ничего не читаютъ,—они заговаривали со мной объ «Отрочествѣ»,— по-моему: это вѣрный признакъ успѣха, когда дураки считаютъ долгомъ говорить о томъ, до чего имъ дѣла нѣтъ. Хорошо, что ты мнѣ написалъ адресъ Толстого, — я не

---

[1]) Авторъ старомодныхъ «Идиллій» два цатыхъ годовъ

зналъ, куда ему послать деньги за «Отрочество», и послалъ теперь ему запросъ. Прибылъ сюда Авдѣевъ,— и первый визитъ сдѣлалъ намъ! Будетъ сюда Писемскій. Пріѣзжай и ты.—Весь твой Некр.

Ему же.

1855 г., 30 іюня, изъ Ярославля.

Здравствуй, милый Тургеневъ—ты, о комъ я думаю часто, всегда съ пріятнымъ и никогда съ горькимъ чувствомъ. Не писалъ я къ тебѣ долго потому, что нахожусь въ какомъ-то туповатомъ и благодатномъ спокойствіи—даже лѣнь взять въ руки перо. Я занимаюсь здѣсь, по совѣту Иноземцева, питіемъ какой-то минеральной воды — впрочемъ, безъ всякой вѣры въ ея цѣлебность для меня—и пью эту воду уже цѣлый мѣсяцъ. Кажется, скоро можно будетъ бросить это питье. Что тогда предприму, еще не знаю. Хочется ѣхать въ Севастополь. Ты надъ этимъ не смѣйся. Это желаніе во мнѣ сильно и серьезно—боюсь, не поздно ли уже будетъ? А что до здоровья, то ему ничто не помѣшаетъ быть столько же гнуснымъ въ Севастополѣ, какъ оно гнусно здѣсь. А оно крайне худо—и право, братъ, безъ фразы могу сказать, что едва ли не всего кислѣе въ жизни и смерти — это медленное умираніе, въ которомъ я маюсь. Болѣзнь моя сдѣлала замѣтные шаги впередъ—я кашляю, особенно по ночамъ, какимъ-то сквернѣйшимъ, сухимъ и звенящимъ кашлемъ и бѣшусь, что у моей груди, какъ на смѣхъ, только и осталось силы для произведенія этихъ противныхъ звуковъ! Куда теперь и подумать на охоту! Пройду полверсты—и едва отдышусь. Это не то, что прошлаго года, когда еще по цѣлымъ днямъ я плелся за тобой, дѣлая два шага за твой одинъ. Правда, я уходилъ весь въ ноги—и никуда негодно стрѣлялъ, но все же ходить-то хоть могъ. Однакоже объ этомъ будетъ.

Хочу тебѣ сказать нѣсколько словъ о своихъ занятіяхъ. Помнишь, на охотѣ какъ *прошепталъ* я тебѣ начало разсказа въ стихахъ — оно тебѣ понравилось; весной нынче въ Ярославлѣ я этотъ разсказъ написалъ, и такъ какъ это сдѣлано единственно по твоему желанію, то и посвятить его желаю тебѣ [1]) съ условіемъ: вышли мнѣ о немъ свое искреннее мнѣніе; надняхъ ты его получишь. Я уже началъ переписывать его. Весной нынче я столько писалъ стиховъ, какъ никогда, и признаюсь, въ первый разъ въ жизни сказалъ спасибо судьбѣ за эту способность: она меня выручила въ самое горькое и трудное время. Но хорошаго написалось мало. Стихи, впрочемъ, слишкомъ расшатываютъ мои нервы, и я теперь придумалъ для себя работу полегче, и хочу по этому поводу спросить твоего совѣта. Мнѣ пришло въ голову писать [2]) свою біографію, т.-е. нѣчто въ родѣ признаній или записокъ о моей жизни, въ довольно обширномъ размѣрѣ. Скажи: не слишкомъ ли это, такъ сказать, самолюбиво? Впрочемъ, я думаю прислать тебѣ начало: тогда ты лучше увидишь, можетъ ли это быть пригодно; главное въ томъ, что эта работа для меня легка и что, только увлекшись какимъ-нибудь продолжительнымъ трудомъ, буду я въ состояніи не чувствовать ежеминутно всей тягости моего существованія, которое болѣе плачевно, чѣмъ я объ этомъ говорю. И вотъ еще къ тебѣ просьба: у меня явилось какое-то болѣзненное желаніе познакомиться хоть немного съ Бёрнсомъ [3]): ты когда-то имъ занимался, даже хотѣлъ писать о немъ: вѣроятно, тебѣ не трудно будетъ перевесть для меня одну или двѣ пьесы прозой (по своему выбору)—

---

[1]) Кстати о посвященіяхъ: Толстой посвятилъ тебѣ повѣсть «Юнкеръ», которую прислалъ въ «Современникъ» (Н. Н.). — «Юнкеръ»—это, конечно, повѣсть «Рубка лѣса. Разсказъ юнкера».

[2]) Для печати, но не при жизни моей. (Н. Н.).

[3]) Шотландскій поэтъ-крестьянинъ.

приложи и размѣръ подлинника, означивъ его какимъ-нибудь русскимъ стихомъ (ибо я далѣе ямба въ размѣрахъ ничего не понимаю) — я, можетъ-быть, попробую переложить въ стихи. Пожалуйста, потѣшь меня, хоть страничку пришли на первый разъ. Я вообще азартно предаюсь чтенію и обуреваемъ съ нѣкотораго времени жаждой узнать и того, и другого—да на русскомъ ничего нѣтъ, особенно поэтовъ; а если и есть, то 20—30-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи литература русская 20 лѣтъ назадъ была дѣльнѣе. Перечелъ всего Жуковскаго—чудо переводчикъ, и ужасно бѣденъ какъ поэтъ; воетъ, воетъ, воетъ — и не наткнешься ни на одинъ стихъ, въ которомъ мелькнула бы грація скорби — о другомъ о чемъ-нибудь и не спрашивай! Труженическому терпѣнію, которое пригодилось ему какъ переводчику, обязанъ онъ своими оригинальными произведеніями, въ которыхъ только одно это терпѣніе и удивительно. Странно, какъ онъ—такой мастеръ переводить—не чувствовалъ слабости собственныхъ своихъ произведеній! Впрочемъ, вкусъ-то у него не совсѣмъ былъ ясенъ: сколько онъ и дряни перевелъ на ряду съ отличными вещами! Однако нельзя не замѣтить, что многія посланія и нѣкоторыя лицейскія годовщины Пушкина вышли прямо изъ посланій Жуковскаго; Пушкинъ бралъ у него—иную мысль, мотивъ и даже иногда выраженіе!

Слышалъ я отъ Боткина и другихъ друзей, какъ они славно провели у тебя въ деревнѣ время. Я тоже порывался къ вамъ, да былъ въ такой хандрѣ, что могъ только испортить общее веселье. И піеса, которую вы сочинили и сыграли, мнѣ пересказана. Этотъ веселый вздоръ всего лучше свидѣтельствуетъ, что вы находились въ отличномъ состояніи духа—счастливцы! Еще я слышалъ, что ты находишься, какъ говорилось лѣтъ 15 тому назадъ, въ «моментѣ распаденія», т.-е. считаешь свое писательское поприще конченнымъ и

себя выдохшимся!.. Стыдись, любезный другъ! Не тебѣ обижать природу или судьбу сомнѣніемъ въ своихъ силахъ и способностяхъ! Это ты не лѣнь ли свою прикрываешь, съ которой не надѣешься справиться? Хочешь знать мое мнѣніе? Изъ всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ писателей ты, какъ бы сказать, обязанъ сдѣлать наиболѣе, и сложить теперь руки было бы верхъ стыдовища. Я усталъ, а то много бы хотѣлось сказать по этому случаю. Знай, что изъ всѣхъ въ Россіи писателей и читателей только одинъ человѣкъ думаетъ, что твое поприще кончено, и этотъ одинъ—самъ ты. Вѣрь въ себя и пиши — вотъ въ короткихъ словахъ то, что я готовъ былъ бы доказывать на цѣлой страницѣ, если бы рука служила. Будь здоровъ. Желаю тебѣ хорошо охотиться.

[Далѣе слѣдуетъ приглашеніе Тургеневу пріѣхать въ деревню и вопросъ о мнѣніи Тургенева относительно прилагаемаго къ письму стихотворенія: Къ * («Давно, отвергнутый тобою...»). Написанное тогда же стихотвореніе говоритъ о мысли самоубійства, преслѣдовавшей Некрасова.]

А. В. Дружинину [1]).

Здравствуйте, любезнѣйшій Дружининъ. Съ самаго отъѣзда вашего изъ Москвы и поселенія моего съ Боткинымъ на дачѣ собирался я писать къ вамъ почти ежедневно, и, наконецъ, только сегодня собрался. Вотъ вамъ исторія этого времени моей жизни. Время проводилъ я пріятно и спокойно, въ бесѣдѣ съ Вас. Петр. и въ чтеніи; ѣлать ничего не дѣлалъ; лѣчился, еженедѣльно видаюсь съ Иноземцевымъ. Не знаю, при-

---

[1]) Беллетристъ и критикъ, А. В. Дружининъ (1824—1864 г.) въ 1855 году написалъ и напечаталъ упоминаемыя въ письмѣ статьи о Пушкинѣ, по поводу анненковскаго изданія его сочиненій, появившіяся въ «Библ. для чтенія». Письмо—см. сборникъ „Памяти Бѣлинскаго“. М. 1899, стр. 386—387.

несли ли мнѣ пользу воды и проч., но два мѣсяца, проведенные въ безмятежномъ и туповатомъ спокойствіи, вѣрно, не пропали вовсе задаромъ для моего здоровья. Оно, впрочемъ, не красиво, хотя и мало чѣмъ хуже, напримѣръ, прошлогодняго. Сырость—врагъ мой: тотчасъ дѣлаюсь боленъ, горло зудитъ и во всѣхъ членахъ такое ощущеніе лихорадочнаго холода, какое у здороваго можетъ быть только послѣ пятичасового лежанія нагишомъ на сырой землѣ въ дурную погоду. Теперь изъ всѣхъ лѣченій употребляю два: *наружное*—компрессы изъ холодной воды на горло; *внутреннее*—питье молока. Чтобы дополнить вамъ отчетъ о моемъ здоровьѣ, долженъ еще сказать, что, по словамъ Иноземцева, мнѣ или должно просидѣть всю зиму въ комнатѣ или поскорѣе убраться за границу, гдѣ я могу (т.-е. въ Италіи) прогуливаться отъ полудня часовъ до трехъ, но зато подвергаюсь опасности простудиться въ комнатѣ, по неимѣнію печей и двойныхъ рамъ; пугаетъ меня также безъязычіе, безкнижіе и безлюдіе, предстоящія мнѣ за границей, вмѣстѣ съ необходимостью просидѣть бóльшую часть зимы все-таки въ четырехъ стѣнахъ. А ѣхать-то есть возможность, и въ сію минуту я еще колеблюсь, что дѣлать. Можетъ-быть, уѣду, а можетъ-быть, останусь на зиму въ Петербургѣ — на новыхъ основаніяхъ, т.-е. найму себѣ особую квартиру и, какъ сурокъ, залягу въ ней до теплой весны, оградивъ себя отъ всякихъ вещей, волнующихъ спокойствіе. Покуда скажу одно, что неохотно покидаю настоящій образъ жизни, ибо Боткинъ—любезнѣйшій для сожительства человѣкъ. Къ этому я долженъ прибавить, что онъ истинно хорошій и истинно дѣльный человѣкъ. Это я нынѣ испыталъ на своей шкурѣ. Онъ принялъ кровное участіе въ неблестящемъ положеніи нашихъ дѣлъ въ нынѣшнемъ году и помогъ намъ и словомъ и дѣломъ. Правда говорится, что надо съѣсть съ человѣкомъ пудъ соли, чтобы узнать его.

Боткинъ настоялъ, чтобы я перечиталъ ваши статьи о Пушкинѣ, и рѣчь объ этомъ я долженъ начать извиненіями передъ вами, любезнѣйшій другъ. Заигравшись въ карты, я пробѣжалъ только первую статью и то мелькомъ, — а то, конечно, тогда же оцѣнилъ бы эти статьи. Онѣ достойны человѣка, о которомъ писаны; онѣ были бы прекрасны и замѣтны даже и въ лучшую эпоху русской критики, чѣмъ теперешняя. Въ нихъ виденъ не только знатокъ и мастеръ дѣла, но и *благородно* мыслящій человѣкъ — качество столь рѣдкое въ теперешнихъ авторахъ, т.-е. въ ихъ писаніяхъ. Я ужасно жалѣлъ, что эти статьи не попали въ «Современникъ». Онѣ могли бы быть въ немъ и при статьяхъ Чернышевскаго, которыя передъ ними, правда, сильно бы потускнѣли. Мнѣ, Дружининъ, весьма хочется возобновить ваше постоянное участіе въ «Современникѣ», о чемъ поговоримъ, надѣюсь, лично; для этого лучше всего, я думаю, воротиться къ системѣ условій 1849 и 1850 годовъ, т.-е. ежемѣсячно вы будете получать опредѣленную сумму, а расчетъ въ концѣ года. Въ началѣ года также можно вамъ часть изрядную вручить впередъ. Примите это къ свѣдѣнію, и ежели съ своей стороны не имѣете ничего противъ этого, то считайте это дѣло *вѣрнымъ*, ибо оно вполнѣ зависитъ *отъ меня*. При этомъ замѣчу, что оно будетъ и *прочнымъ*, ибо послѣдніе два года убѣдили насъ, что безпорядочность по счетной части можетъ привести чортъ знаетъ къ чему, и въ силу этого я не уѣду, не устроивъ этого такъ, чтобы оно не зависѣло ни отъ какихъ случайностей ни отъ чьей-либо безалаберности. Поговоримъ еще объ этомъ или спишемся. Вы обѣщали мнѣ что-нибудь перевесть изъ Крабба [1]), да, видно, забыли. Къ 20 августа я буду въ Петербургѣ—

---

[1]) Англійскій поэтъ—Джорджъ Краббъ, бравшій сюжеты своихъ произведеній изъ сельской жизни.

пришлите хоть двѣ, три пьесы [1]). Тургеневъ, спасибо ему, взялся мнѣ переводить изъ Бёрнса.

И затѣмъ прощайте. Недавно былъ у насъ Григоровичъ, и здѣсь сію минуту Панаевъ. Вечера проводимъ въ бесѣдахъ, гдѣ часто вспоминаемъ друзей отсутствующихъ—и вотъ тутъ-то сердце ваше порадовалось бы и духъ умилился: не зловонная сплетня господствуетъ въ этихъ бесѣдахъ, а духъ искренности, благодушія и любви. Давно бы такъ! Да и въ самомъ дѣлѣ мы уже не мальчишки и пора понять всю гнусность злостнаго... языкомъ и предоставить это упражненіе художества любителямъ и пр.

Будьте здоровы, любезнѣйшій другъ и одинъ изъ пріятнѣйшихъ сердцу моему товарищей.– Вашъ Н. Некрасовъ.

6 августа 1855 г. Петровскій паркъ.

Тургеневу.

18 августа. Спб. 1855 г.

Скажу тебѣ коротко и ясно: «Современникъ» въ плачевномъ положеніи (не въ денежномъ отношеніи— напротивъ,— эта часть устроилась, и я спокоенъ; при случаѣ разскажу—какъ, но теперь же спѣшу сказать, что Вас. Боткинъ явилъ себя при этомъ случаѣ въ чудномъ и невѣроятномъ блескѣ!) *Матеріала нѣтъ!* Толстой прислалъ статью о Севастополѣ, но эта статья исполнена такой трезвой и глубокой правды, что нечего и думать ее печатать, да и на будущія его статьи объ Сев. нельзя разсчитывать, хотя онъ и будетъ присылать ихъ: ибо врядъ ли онъ способенъ (т.-е., навѣр-

---

[1]) Кстати о Краббѣ: я надѣюсь, что онъ принадлежитъ «Современнику». Деньги, слѣдующія вамъ, готовы будутъ 7 сентября — вѣрно.—Н.

ное, неспособенъ) измѣнить взглядъ. А Писемскій романъ свой — проданный намъ — продалъ за лишнюю тысячу Краевскому, даже не предупредивши насъ и не спрося: что де и вы не дадите ли *столько же?* Все это еще ничего, если ты не измѣнишь «Современнику», но признаюсь, если бы не ты — то хоть закрывай лавочку, ибо съ Мих., съ Полонск. [1]) и т. п. какъ-то не совсѣмъ безопасно, да и не лестно было бы пускаться въ дальнѣйшее плаваніе. Итакъ, безъ преувеличенія— явись—во имя тѣхъ 2.849 человѣкъ, которые еще подписываются на «Современникъ», — явись спасителемъ «Современника»! Любезный другъ, для этого намъ нужны двѣ твои вещи: одна на конецъ года (т.-е. въ X или XI кн.), другая на начало (т.-е. на I книжку). Это, разумѣется, *меньше чего нельзя*, а если можно больше, то тѣмъ лучше. Пиши мнѣ объ этомъ и смотри на это серьезно, какъ на одно изъ важныхъ условій поддержки «Совр.» въ нынѣшнее трудное время.

Въ IX № «Соврем.» печатается посвященный тебѣ разсказъ юнкера: *Рубка лѣса* [2]). Знаешь ли, что это такое? Это очеркъ разнообразныхъ солдатскихъ типовъ (и отчасти офицерскихъ), т.-е. вещь, донынѣ небывалая въ русской литературѣ. И какъ хорошо! Форма въ этихъ очеркахъ совершенно твоя, даже есть выраженія, сравненія, напоминающія «З. Ох.» — а одинъ офицеръ такъ просто Гамлетъ Щ. [Щигровскаго] уѣзда въ армейскомъ мундирѣ. Но все это далеко отъ подражанія, схватывающаго одну внѣшность. Однако у меня такая боль въ плечѣ, что не могу продолжать.— Твой Н.

---

[1]) «Мих.»,—вѣроятно, М. Л. Михайловъ, извѣстный поэтъ-переводчикъ; Полон. — поэтъ Я. П. Полонскій. Оба писали повѣсти, на которыя Некрасовъ не рисковалъ опереться.

[2]) Произведеніе Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстому.

Сентябрь 1855 г.

«Милостивый государь, Левъ Николаевичъ!

Я прибылъ въ Петербургъ въ половинѣ августа, на самыя плачевныя для «Современника» обстоятельства. Возмутительное безобразіе, въ которое приведена ваша статья[1]), испортило во мнѣ всю кровь. До сей поры не могу думать объ этомъ безъ тоски и бѣшенства. Трудъ-то вашъ, конечно, не пропадетъ... Онъ всегда будетъ свидѣтельствовать о силѣ, сохранившей способность къ такой глубокой и трезвой правдѣ среди обстоятельствъ, въ которыхъ не всякій бы сохранилъ ее. Не хочу говорить, какъ высоко я ставлю эту статью и вообще направленіе вашего таланта и то, чѣмъ онъ вообще силенъ и новъ. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда, правда, которой со смертью Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ. Вы правы, дорожа всего болѣе этою стороной въ вашемъ дарованіи. Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо себѣ сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость дѣйствительности, глухота и нѣмота окружающаго не сдѣлали съ вами того, что большею частью изъ насъ: не убили въ васъ энергіи, безъ которой нѣтъ писателя, по крайней мѣрѣ такого, какіе теперь нужны Россіи. Вы молоды; идутъ какія-то перемѣны, которыя — будемъ надѣяться — кончатся добромъ, и можетъ-быть, вамъ предстоитъ широкое поприще. Вы

---

[1]) Очевидно, тутъ идетъ рѣчь о разсказѣ Л. Н. „Севастополь въ маѣ 1855 г.“.

начинаете такъ, что заставляете самыхъ осмотрительныхъ людей заноситься въ надеждахъ очень далеко. Однако я отвлекся отъ цѣли письма. Не буду васъ утѣшать тѣмъ, что и напечатанные обрывки вашей статьи многіе находятъ превосходными; для людей, знающихъ статью въ настоящемъ видѣ,—это не болѣе, какъ наборъ словъ безъ смысла и внутренняго значенія. Но нечего дѣлать! Скажу одно, что статья не была бы напечатана, если бы это не было необходимо. Но имени вашего подъ нею нѣтъ. «Рубка лѣса» прошла порядочно, хотя и изъ нея вылетѣло нѣсколько драгоцѣнныхъ чертъ. Мое мнѣніе объ этой вещи такое: формою она точно напоминаетъ Тургенева, но этимъ и оканчивается сходство: все остальное принадлежитъ вамъ и никѣмъ, кромѣ васъ, не могло бы быть написано. Въ этомъ очеркѣ множество удивительно мѣткихъ замѣтокъ, и весь онъ новъ, интересенъ и дѣленъ. Не пренебрегайте подобными очерками: о солдатѣ, вѣдь, наша литература донынѣ ничего не сказала, кромѣ пошлости. Вы только начинайте, и въ какой бы формѣ ни высказали вы все, что знаете объ этомъ предметѣ, все это будетъ въ высшей степени интересно и полезно. Панаевъ передалъ мнѣ ваше письмо, гдѣ вы обѣщаете намъ скоро прислать «Юность». Пожалуйста, присылайте. Независимо отъ журнала, я лично интересуюсь продолженіемъ вашего перваго труда. Мы приготовимъ для «Юности» мѣсто въ X или XI кн., смотря по времени, какъ она получится.

Деньги вамъ будутъ на дняхъ посланы. Я поселился на зиму въ Петербургѣ и буду радъ, если вы напишите мнѣ нѣсколько строкъ при случаѣ.

Примите увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи.
Н. Некрасовъ.

Тургеневу.

Римъ, 3 октября 1856 г.

Милый Тургеневъ, я писалъ изъ Вѣны къ Фету — вѣроятно, онъ тебѣ сказывалъ: желалъ бы я отъ тебя получить вѣсточку. Гдѣ ты будешь зимой? Хорошо ли живешь? Я цѣлые восемь дней былъ доволенъ своей судьбой—это такъ много, что я не ожидалъ. Девятый валъ меня немного подшибъ, — но въ этомъ кромѣ моей хандрящей натуры никто не виноватъ. Полагаю, что если при гнусныхъ условіяхъ петербургской жизни лѣтъ семь я могъ быть влюбленъ и счастливъ, то подъ хорошимъ небомъ, при условіяхъ свободы и безпечности, этого чувства хватило бы на 21 годъ по крайней мѣрѣ. А. Я. теперь здорова, а когда она здорова, тогда трудно пріискать лучшаго товарища для безпечной, бродячей жизни. Я не думалъ и не ожидалъ, чтобы кто-нибудь могъ мнѣ такъ обрадоваться, какъ обрадовалъ я эту женщину своимъ появленіемъ. Должно-быть, ей было тутъ очень солоно, или она точно меня любитъ больше, чѣмъ я думалъ. Она теперь поетъ и попрыгиваетъ какъ птица, и мнѣ весело видѣть на этомъ лицѣ выраженіе постояннаго довольства — выраженіе, котораго я очень давно на немъ не видалъ. Все это наскучитъ ли мнѣ или нѣтъ, и скоро ли—не знаю, но покуда ничего—живется. Вотъ тебѣ очень откровенное, хоть, можетъ-быть, и не очень поэтическое рѣшеніе того вопроса, который меня занималъ, когда мы съ тобой прощались.

О путешествіи не умѣю ничего сказать. Не потому, впрочемъ, чтобъ ровно ничего не замѣтилъ, а потому, что какъ-то самъ плохо довѣряю впечатлѣніямъ, которыя испытываю, и мыслямъ, которыя приходятъ въ голову. Одно вѣрно, что кромѣ природы все остальное производитъ на меня скорѣе тяжелое, нежели отрад-

ное впечатлѣніе. Въ Феррарѣ забрелъ я въ клѣтку, гдѣ держали Тасса, и цѣлый день потомъ было мнѣ очень гадко. Вся стѣна исцарапана именами приходившихъ взглянуть на тюрьму Тасса (то-то много ему отъ этого радости!). Я не посмѣлъ нацарапать своего имени тамъ, гдѣ, между прочимъ, прочелъ имя Байрона, а хотѣлось.

Мнѣ очень понравилась Венеція. Тамъ я прожилъ восемь дней. Въ Римѣ я всего второй день. Сейчасъ ѣдемъ въ Фраскати. Погода удивительная, хочется зелени—думаю тамъ нанять на мѣсяцъ нѣчто въ родѣ дачи — рано еще забиваться въ городѣ въ четырехъ стѣнахъ. Впрочемъ, хорошо не знаю еще, что сдѣлаю.

[Письмо заканчивается различными предположеніями о жизни за границей, приглашеніемъ Тургеневу пріѣхать въ Римъ и проч.]

Ему же.

Римъ, 21 октября 1856 г.

[Въ началѣ письма Некрасовъ благодаритъ Тургенева за помощь «Современнику», жалуется на неаккуратность другихъ сотрудниковъ и извиняется, что «Фауста» Тургенева пришлось напечатать рядомъ съ «Фаустомъ» Гете: «кажется, ничего»].

...Я живу такъ себѣ, ни худо, ни хорошо — или, вѣрнѣе, то хорошо, то худо — полосами. Совѣтъ твой жить со дня на день очень хорошъ, но я какъ-то лишенъ способности наладиться на такую жизнь; день, два идетъ хорошо, а тамъ смотришь — тоска, хандра, недовольство, злость... Всему этому и есть причины и пожалуй, нѣтъ... Писать объ этомъ больше трудно, а поговорить когда-нибудь можно. Римъ мнѣ тѣмъ больше нравится, чѣмъ болѣе живу въ немъ — и я твержу про себя припѣвъ къ несуществующей пѣсенкѣ:

Зачѣмъ я не попалъ сюда
Здоровѣй и моложе?

Да, хорошо было бы попасть сюда, когда впечатлѣнія были живы и сильны и ничто не засоряло души, мѣшая имъ ложиться. Я думаю такъ, что Римъ есть единственная школа, куда бы должно посылать людей въ первой молодости, — въ комъ есть что-нибудь не пошлое, въ томъ оно разовьется здѣсь самымъ благодатнымъ образомъ, и онъ навсегда унесетъ отсюда душевное изящество, а это человѣку понужнѣй цинизма и растлѣнія, которыми даритъ насъ щедро родная наша обстановка. Но мнѣ, но людямъ подобнымъ мнѣ, лучше всего не ѣздить сюда. Смотришь на отличное небо—и злишься, что столько лѣтъ кисъ въ болотѣ— и такъ далѣе до безконечности. Возвратъ къ впечатлѣніямъ моего дѣтства сталъ здѣсь моимъ кошмаромъ, — вѣрю теперь, что на чужбинѣ живѣе видишь родину, только отъ этого не слаще и злости не меньше. Все дико устроилось въ русской жизни, даже манера уѣзжать за границу, износивши душу и тѣло... Зачѣмъ я сюда пріѣхалъ!

Чтобъ больше жизни стало жаль...

По наклонности къ хандрѣ и къ романтизму, иногда раздражаюсь здѣсь отъ безчисленныхъ памятниковъ человѣческаго безумія, которое вижу на каждомъ шагу. Тысячи тысячъ разъ поруганная, распятая добродѣтель (или найди получше слово) и тысячи тысячъ разъ увѣнчанное зло—плохая порука, чтобъ человѣкъ поумнѣлъ въ будущемъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ забрался я третьяго дня на куполъ св. Петра и плюнулъ оттуда на свѣтъ Божій — это очень пошлый фарсъ — посмѣйся. Во мнѣ мало здоровой крови. Жить для себя не всякій день хочется и стоитъ (съ какой ноги встанешь съ постели) — и тогда приходитъ вопросъ: зачѣмъ же жить? Поживемъ для того, чтобъ хоть когда-

нибудь кому-нибудь было полегче жить, отвѣчаетъ какой-то голосъ, очень самолюбивый голосъ! Но когда онъ молчитъ, когда нѣтъ этой вѣры, тогда и плюешь на все, начиная съ самого себя. Ахъ, милый мой Тургеневъ, какъ мнѣ понравились твои слова: «наше послѣднее слово еще не сказано» — не за вѣру, которая въ нихъ заключается и которая можетъ обмануть, а за готовность жить для другихъ. Съ этой готовностью, конечно, сдѣлаешь что-нибудь.

[Письмо кончается (29 окт.) снова предположеніями о пріѣздѣ въ Римъ Фета и Тургенева].

Ему же.

7 декабря. Римъ 1856 г.

Я не писалъ къ тебѣ потому, что работалъ.

24 дня ни о чемъ не думалъ я кромѣ того, что писалъ [1]). Это случилось въ первый разъ въ моей жизни—обыкновенно мнѣ не приходилось и 24 часовъ останавливаться на одной мысли. Что вышло, не знаю—мучительно желалъ бы показать тебѣ,—даже, кажется, превозмогу лѣнь, перепишу и отправлю къ тебѣ въ Парижъ. Скажи мнѣ, пожалуйста, правду. Это для меня важно. Право, для меня прошло время писать изъ любви къ процессу писанія—хочу знать, надо ли и стоитъ ли продолжать — потому что впереди еще очень много труда — было бы изъ чего *убиваться*, говоря словомъ Фета. Онъ мою вещь очень хвалитъ, но, кромѣ тебя, я никому не повѣрю. — Я — ты не откажешь мнѣ въ этомъ — дошелъ въ отношеніи къ тебѣ до той высоты любви и вѣры, что говаривалъ тебѣ самую задушевную мою правду о тебѣ. Заплати мнѣ тѣмъ же. Пусть не стоитъ передъ тобой призракомъ моя нетерпимость

---

1) Это была поэма «Несчастные».

и раздражительность, которую я иногда обнаруживалъ при твоихъ замѣчаніяхъ. Правда, я не легко отказываюсь отъ того, что признавалъ истиннымъ и хорошимъ, но это не отъ слѣпоты самолюбія — дѣльное слово гвоздемъ забивается въ мою голову — но мнѣ надо убѣдиться, чтобъ отказаться отъ своего. То, что я тебѣ пошлю, только шестая доля всей поэмы, но отрывокъ имѣетъ цѣльность, и по немъ ты будешь въ состояніи судить. Завтра и послѣ завтра пошлю его тебѣ.

Прискорбно мнѣ было читать извѣстіе о твоемъ пузырѣ, но авось онъ уже тебя не мучитъ — ты веселъ и работаешь? Если бъ ты зналъ, какъ мы съ Фетомъ ждемъ тебя! У насъ только и рѣчи, что о тебѣ. Смотри же, не надуй. Ты получаешь «Современникъ», а я до сей поры нѣтъ. Мнѣ пишутъ, что Фаустъ сильно гремитъ—въ этомъ я былъ увѣренъ. Надѣюсь, что мнѣ скоро пришлютъ «Современникъ», и какъ я радъ буду перечитать эту повѣсть. Столько поэзіи, страсти и свѣту еще не бывало въ русской повѣсти. «Современникъ», кажется, идетъ хорошо. Чернышевскій просто молодецъ, помяни мое слово, что это будущій русскій журналистъ, почище меня грѣшнаго и т. п. Напишу Панаеву, что не одинъ я бѣшусь, зачѣмъ онъ пачкаетъ «Современникъ» стишонками Гербеля и Грекова, за что я ему написалъ на дняхъ ругательство. Говорятъ, вышли мои стихи, и мнѣ пишутъ, будто 500 экз., присланные въ Петербургъ съ первымъ транспортомъ, разошлись въ два дня—это похоже на пуфъ. Вульфъ [1]), вѣрно, уже прислалъ тебѣ мою книгу. Когда ты будешь ее перелистывать, то увидишь, что я не поправилъ ничего, что ты мнѣ замѣтилъ. Это произошло оттого, что мнѣ опротивѣла рукопись, и я торопился ее сбыть.

---

[1]) Завѣдующій конторой «Современника».

Ему же.

Римъ, 18 декабря 1856 г.

Письмо твое застигло меня въ самомъ разгарѣ работы и какъ варомъ обдало. (Изъ Петербурга мнѣ объ этомъ не пишутъ[1]). Не знаю, буду ли въ состояніи кончить работу, въ которую думалъ вылить всю мою душу,—безъ первой половины то, что я послалъ тебѣ, не имѣетъ того значенія, какое, я надѣюсь, получитъ вещь въ цѣломъ. Признаюсь, она мнѣ нравится. Глупый человѣкъ! Я воображалъ, что можно будетъ напечатать ее. О, Тургеневъ! Зачѣмъ же жить,—то-есть, мнѣ, котораго жизнь медленное, трудное умиранье. Впрочемъ, къ чорту хандра и скуленіе. Хоть для тебя—кончу. Панаевъ неисправимъ — это я зналъ. Гроза могла миновать «Современникъ», будь хоть ты тамъ. Такіе люди, какъ онъ, и трусятъ и храбрятся—все не кстати. Я не меньше люблю «Современникъ» и себя или мою извѣстность, — не даромъ же я не рѣшился помѣстить «Поэтъ и Гражд.» въ «Современникѣ»? Такъ нѣтъ! Надо было похрабриться. Впрочемъ, Панаева винить смѣшно: не гнилой мостъ виноватъ, когда мы проваливаемся!

О книгѣ моей пишутъ чудеса — голова могла бы закружиться. Когда я писалъ къ тебѣ, я имѣлъ извѣстіе только отъ Вульфа и Чернышевскаго,—чего только не было тамъ,—я даже разсердился,—но пришло письмо Панаева (къ Ав. Як.) и въ немъ то же. Неслыханная популярность, успѣхъ, какого не имѣлъ и Гоголь (!), — *приличный* Панаевъ, дозволившій себѣ такія выраженія, заслуживалъ хоть въ половину довѣрія, и я по-

---

[1]) Рѣчь идетъ о цензурныхъ непріятностяхъ, возникшихъ вслѣдствіе перепечатки въ «Современникѣ» изъ собранія стихотвореній Некрасова «Поэта и гражданина». Перепечатку сдѣлалъ Чернышевскій.

радовался. Твои слова много позолотили пилюлю, которую я проглотилъ въ твоемъ письмѣ. Впрочемъ, хорошо, что ты написалъ. Я уже хотѣлъ посылать надняхъ (до конца недалеко) мою поэму въ Петербургъ на 1 книжку.—Кончивши, начну ее портить; можетъ, и пройдетъ, если вставить нѣсколько... стиховъ.

...Спасибо тебѣ за разныя твои извѣстія, но что не пишешь, какъ идетъ твоя работа? — Зачѣмъ у меня нѣтъ твоихъ сочиненій! — Чортъ знаетъ, что дѣлаетъ Вульфъ! Привези ихъ въ Римъ—да и «Современникъ». Мнѣ и видѣть его хочется и читать нечего. Пропоролъ слишкомъ 1000 страницъ «Ньюкомовъ». Люблю Теккерея. Послѣ тебя, это любимый мой современный писатель. Хотѣлъ вычеркнуть *послѣ тебя*, но я теперь не въ такомъ духѣ, чтобъ говорить любезности. Это сорвалось—и пусть останется. Русскій характеръ, или мой лично, странно устроенъ,—когда твоя, всегда милая для меня личность, со всѣмъ своимъ вліяніемъ на идущее смѣнить насъ поколѣніе, стоитъ передо мной (а это часто бываетъ), кажется, сказалъ бы тебѣ много, а станешь говорить или писать — того гляди слетитъ съ языка злостная закорючка, и доброе слово мретъ на языкѣ или зачеркивается.

Ну, прощай! За этимъ письмомъ я развлекся отъ мыслей, которыя нагнало на меня извѣстіе твое. Не хотѣлъ бы воротиться къ нимъ — но и къ поэмѣ подойти дико. Нѣтъ! и мудрый Теккерей не все еще знаетъ, онъ не бывалъ въ душѣ русскаго писателя.

П. В. Анненкову [1]).

Римъ. 6—18 декабря 1856 года.

Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ! Въ затруднительномъ или непріятномъ случаѣ, гдѣ нужно пособіе

---

[1]) Изъ книги „П. В. Анненковъ и его друзья". Спб. 1892, стр. 635 Тамъ же и другія, менѣе значительныя письма Некрасова.

другого, самъ собою рѣшается вопросъ: на кого можно положиться? Вы, и никто болѣе, пришли мнѣ на память, когда я подумалъ: кто мнѣ можетъ объяснить въ точномъ видѣ мѣру непріятностей, вызванныхъ моимъ стихотвореніемъ «Поэтъ и гражданинъ» [1]). Согласитесь, что мнѣ это нужно знать въ отношеніи къ «Современнику»—(въ которомъ я—по убѣжденію своему и Тургенева—не нашелъ удобнымъ помѣстить это стихотвореніе, какъ и нѣкоторыя другія, явившіяся въ книгѣ; а зачѣмъ я его помѣстилъ въ книгѣ—это не касается никого, кромѣ меня, равно какъ зачѣмъ его перепечатали въ «Современникѣ»—касается другихъ,—спросите!), въ отношеніи къ дальнѣйшимъ моимъ писаніямъ и даже въ отношеніи ко мнѣ лично. Объясните же мнѣ—будьте другъ—весь ходъ дѣла съ его послѣдствіями, уже совершившимися и тѣми, которыхъ, можетъ-быть, надо ждать. Я васъ объ этомъ прошу именемъ моего безпокойства, которое застигло меня очень не кстати—въ жару работы. 39 дней я трудился съ небывалою еще во мнѣ энергіей, постоянствомъ и, кажется, удачей; но теперь не знаю, хватитъ ли силъ и духу кончить вещь, которая, быть-можетъ, заслужила бы ваше одобреніе. По крайней мѣрѣ, не буду въ состояніи приняться, пока не выйду изъ неизвѣстности. Въ отдаленіи все принимаетъ большіе размѣры, и я же болѣлъ. Но хоть бы эти размѣры и точно были велики, я—не ребенокъ; я зналъ, что дѣлалъ. Книга моя вся висѣла на волоскѣ, и мнѣ приходилось или сжечь ее, или поступить, какъ поступилъ я; выбору не было. Напишите мнѣ и о томъ, какъ ее приняла публика. Ваше слово для меня важно. Я пришлю вамъ свою поэму и тогда напишу больше. Будьте здоровы. Душевно васъ любящій Н. Некрасовъ.

Мой адресъ: Piazza di Spagna, № 32.

---

[1]) Анненковъ, П. В., могъ это выяснить по служебнымъ связямъ своего брата.

Тургеневу.

30 декабря 1856 г. Римъ.

Получилъ твое письмо. Спасибо за доброе мнѣніе о «Кротѣ» [1]) и за замѣчанія на него—всѣ они дѣльны и вѣрны. Писать буду, хоть, кажется, мнѣ грозитъ что-то не совсѣмъ хорошее по возвращеніи въ Россію. Напиши—не знаешь ли ты — откуда вышла буря: отъ министерства [2]) или докладывалось выше? А можетъ, и такъ пронесетъ. Мы видывали цензурныя бури и пострашнѣе — при... [Николаѣ I], да пережили. Я такъ думаю, что со стороны цензуры «Современникъ» отъ этого не потерпитъ,—къ прежней дичи все же нельзя вернуться. Иное дѣло со стороны литературной. За наступающій годъ нельзя опасаться — покуда есть въ виду и въ рукахъ хорошіе матеріалы, а что до подписки, то она будетъ несомнѣнно хороша, но жаль, если союзъ пойдетъ въ разладъ [3])... При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, естественно, литературное движеніе сгруппировалось около Дружинина... Какого *новаго* направленія они хотятъ? Есть ли другое — живое и честное—кромѣ обличенія и протеста? Его создалъ не Бѣлинскій, а среда, оттого оно и пережило Бѣлинскаго, и совсѣмъ не потому, что «Современникъ»—въ лицѣ Чернышевскаго — будто бы подражаетъ Бѣлинскому. Иное дѣло — можетъ-быть, Чернышевскій недостаточно хорошо ведетъ дѣло,—такъ дайте намъ чело-

---

1) Герой поэмы «Несчастные».

2) Т.-е. министерства просвѣщенія, въ которомъ тогда была цензура.

3) Рѣчь идетъ о планѣ Некрасова—предложить своимъ главнымъ сотрудникамъ - беллетристамъ долю въ доходахъ журнала, т.-е. сдѣлать ихъ пайщиками, на томъ условіи, что ихъ новыя произведенія будутъ помѣщаться *только* въ «Современникѣ». «Союзъ» и былъ заключенъ, но продержался не долго, какъ и опасался Некрасовъ. А. П.

вѣка или пишите сами. Больно видѣть, что личное свое нерасположеніе..., поддерживаемое Дружининымъ и Григоровичемъ, переносятъ на направленіе, которому сами донынѣ служили и которому служитъ всякій честный человѣкъ въ Россіи...

А. Фету [1]).

18 декабря 1857 г. Спб.

Милѣйшій другъ, посылаю вамъ записку, по коей вы получите деньги, слѣдуемыя за ваши вещи напечатанныя.

Стиховъ Гейне я не могу взять.

Изъ стиховъ вашихъ набраны «Музѣ», предсмертное стихотвореніе Беранже, «Какая ночь». Деньги за нихъ получите по напечатаніи (по 25 р., какъ вами назначено).

За что вы насъ подвергли расходу и хлопотамъ? Вы уступили мнѣ «Двѣ липки» за 25 руб. (въ этомъ я убѣжденъ), а теперь требуете сто — цѣна неслыханная за перепечатку нѣсколькихъ страницъ, а главное, отступающая отъ уговора. Такъ какъ VIII т. Л. Чт. уже почти весь отпечатанъ, то придется мнѣ эту вещь вырѣзывать вонъ. Впрочемъ, дѣлать нечего.

Будьте здоровы.

Душевно васъ любящій Н. Некрасовъ.

В. Ѳ. Одоевскому [2]).

[10 января 1860 г. устраивался въ Петербургѣ литературный вечеръ въ пользу недавно возникшаго «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ («литературный фондъ»). На вечерѣ Некрасовъ предполагалъ прочесть свое стихотвореніе «Филантропъ». Объ этомъ кто-то сообщилъ кн. В. Ѳ. Одоев-

---

[1]) „Сѣверные цвѣты“ на 1902 г.

[2]) „Рус. Старина“, 1904, № 8.

скому, извѣстному писателю-философу, высоко цѣнимому въ литературныхъ кругахъ въ качествѣ гуманнаго и благороднаго человѣка, съ указаніемъ, будто «Филантропъ» направленъ лично противъ Одоевскаго, какъ предсѣдателя благотворительнаго О-ва посѣщенія бѣдныхъ (дѣйствовавшаго въ концѣ сороковыхъ годовъ). Одоевскій, затронутый за живое, письмомъ обратился лично къ Некрасову, говорилъ о дѣятельности О-ва и кончилъ письмо такими словами: «Я не хочу вѣрить, чтобы вы имѣли намѣреніе намекнуть на меня, а просто намекъ попался подъ стопу или риѳму; въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ мы съ вами находимся, вы бы о такомъ гнусномъ нарушеніи моей обязанности сказали бы мнѣ прямо, и не такія вещи мнѣ приходилось выслушивать, — и не зажималъ я ушей. Но обращаю ваше вниманіе на то, что для публики все это не существуетъ, она будетъ видѣть лишь тѣ признаки, по которымъ къ фантастическому лицу можно приложить имя, волею или неволею довольно извѣстное. Подумайте объ этомъ результатѣ, который, вѣрю, вамъ самимъ будетъ и неожиданнымъ и непріятнымъ, по его дѣйствію въ публикѣ».

Некрасовъ въ тотъ же день поспѣшилъ отвѣтить князю В. Ѳ. Одоевскому слѣдующимъ письмомъ]:

10 января 1860 г.

Князь, никогда ни къ кому не чувствовалъ я столько благодарности, какъ въ настоящую минуту къ вамъ за ваше прямое обращеніе ко мнѣ. Хорошо, что не поздно! Какъ бы я бѣсился и сожалѣлъ завтра, если бъ прочелъ сегодня «Филантропа» и подалъ нашей публикѣ, которая ужасно наклонна всегда видѣть личности, поводъ къ разнымъ глупымъ толкамъ. Надо вамъ сказать, что лѣтъ пять тому назадъ, при выходѣ «Филантропа», до меня доходило, будто нѣкоторые думаютъ, что я имѣлъ въ виду васъ, но потомъ я забылъ объ этомъ, а то, конечно, не вздумалъ бы читать «Филантропа». Теперь прочту другое стихотвореніе. Не могу покончить этимъ, надо вамъ при этомъ

случаѣ сказать, что я рѣшительно не имѣлъ въ виду васъ (честное слово!).

Когда я хотѣлъ издавать «Петербургскій Сборникъ», со мной было вотъ что: я пришелъ къ Далю, который жилъ въ восьмомъ, кажется, этажѣ, просить у него статьи. Я очень запыхался и, можетъ-быть, сконфузился—я былъ тогда начинающій. Даль мнѣ въ просьбѣ моей отказалъ, а черезъ нѣсколько дней сказалъ Тургеневу: *что за человѣкъ Некрасовъ? Онъ пришелъ ко мнѣ пьяный*, и проч. Тургеневъ, я думаю, это помнитъ. Я не былъ ни пьянъ, ни голоденъ. Это заставило меня подумать, какъ Даль дошелъ до такого заключенія обо мнѣ,—вышло стихотвореніе «Филантропъ». Но, по-моему, я и Даля тоже въ немъ не изображалъ, я вывелъ черту современнаго общества,—и совѣсть моя была и остается спокойна.

Почему это къ вамъ отнесли? Да потому, что первоначально въ стихахъ этотъ Филантропъ названъ сіятельнымъ. Повѣрьте, для нашей публики этого довольно.

Глубоко уважающій князя Одоевскаго Н. Некрасовъ.

Я писалъ это лежа, потому что очень утомленъ; если бъ нужны были церемоніи, то пришлось бы отложить отвѣтъ до завтра.

И. А. Голышеву [1]).

28 марта 1862 г.

Милостивый государь, посылаю вамъ 1.500 экземпляровъ моихъ стихотвореній, назначающихся для народа. На оборотѣ каждой книжечки выставлена цѣна—3 ко-

---

[1]) Переписка И. А. Голышева, подъ ред. А. В. С—ва (Смирнова) Губ. гор. Владиміръ, 1898. Стр. 109.—Иванъ Александровичъ Голышевъ († 1896 г.), крестьянинъ с. Мстеры, Вязниковскаго уѣзда, Владимирской губерніи, былъ извѣстенъ въ учено-литературномъ мірѣ, какъ археологъ-любитель мѣстной старины; онъ занимался торговлею—при посредствѣ ходебщиковъ-офеней — иконами и лубочными

пейки за экземпляръ, — потому я желалъ бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы изъ трехъ копеекъ одна поступала въ вашу пользу и двѣ въ пользу офеней (продавцовъ),—такимъ образомъ книжка и выйдетъ въ три копейки, не дороже. Послѣ Пасхи я пришлю къ вамъ еще другія, о которыхъ мы тогда и поговоримъ.

Желаю вамъ полнѣйшаго успѣха въ вашихъ дѣлахъ. Н. Некрасовъ.

М. В. Авдѣеву.

8 февраля 1863 г. Спб.

Любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ! Получилъ ваше письмо. Согласиться на ваше условіе пока не могу; буду ли въ состояніи, покажетъ время. Во всякомъ случаѣ, благодаренъ вамъ за деликатное представленіе на мою волю объявлять или нѣтъ, что романъ вашъ у насъ не будетъ. Думаю промолчать. Второй вопросъ: объ отрывкѣ изъ комедіи; вы правы, онъ очень малъ и не достаточно значителенъ; думаю, для васъ самихъ, послѣ долгаго молчанія, лучше будетъ явиться съ чѣмъ-нибудь покапитальнѣе. Оставить ли мнѣ его до времени у себя или отослать къ вамъ, жду вашего увѣдомленія. Третій вопросъ: о «Подводномъ камнѣ». Вы правы, я виноватъ, что не выпустилъ его прошлаго

картинами и книгами и имѣлъ собственную литографію для народныхъ картинъ. Некрасовъ дѣлалъ попытку распространенія чрезъ Голышева въ народѣ нѣкоторыхъ своихъ произведеній, изданныхъ въ видѣ небольшихъ брошюръ, при чемъ, какъ видно изъ настоящаго письма, передавалъ — по крайней мѣрѣ, часть изданій—на книжный рынокъ даромъ. Въ письмѣ Некрасову 1 августа 1863 г. Голышевъ говоритъ: «Вы вполнѣ удовлетворяете вашими прекрасными изданіями требованіе меньшинства, даете возможность пользоваться бѣдному сословію полезными вашими книжками и украшаете народную книжную торговлю» (стр. 110). Некрасовымъ были такъ изданы «Морозъ, Красный Носъ» и др.

года, этимъ только я повредилъ вамъ въ денежномъ отношеніи. Впрочемъ, я бралъ романъ не изъ барышей: дѣло было только въ томъ, чтобъ дать денегъ извѣстному лицу, когда онѣ были ему нужны. Я печатаю «Подводнаго Камня» 2.000 экз., какъ условился съ продавцомъ его (изданіе будетъ хорошее и скоро выйдетъ). Какъ только выручу издержки за изданіе и мои 500 рублей, изъ остальныхъ значительную часть предоставлю вамъ; это было мое намѣреніе и тогда, какъ я бралъ его. Я не барышничаю этими вещами.

У насъ въ Петербургѣ особеннаго ничего не происходитъ, а что дѣлается въ литературѣ, вы видите изъ журналовъ; чего тамъ недоставало, то теперь увидите изъ «Современника», который на-дняхъ вышелъ и пошлется вамъ (о чемъ я распорядился, сочтемся со временемъ). Будьте здоровы и легко несите тяготу свою. Искренно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

Н. М. Сатину [1])

Спб. 9 мая 1865 г.

Многоуважаемый Николай Михайловичъ! «Сонъ въ лѣтнюю ночь» напечатанъ, что касается до «Бури», то намъ хотѣлось бы, чтобъ этотъ переводъ, сдѣланный 25 лѣтъ тому назадъ, вы пересмотрѣли и исправили. Если вы возьметесь это сдѣлать сами, то и прекрасно. Если же самимъ вамъ возиться не захочется, то предоставьте намъ; иногда перемѣнивъ одно слово или даже сдѣлавъ только перестановку въ словахъ, ви-

---

[1]) Николай Михайловичъ Сатинъ (1814—1873), членъ московскаго кружка западниковъ, былъ сотрудникомъ «Современника», а также собранія сочиненій Шекспира, изданнаго Некрасовымъ и Гербелемъ, Н. В. Письма къ Сатину напечатаны «Рус. Мысль», 1902 г., № 12; тамъ же незначительныя письма Некрасова поэту Огареву и его женѣ, между прочимъ, о денежныхъ счетахъ. Эти счеты, доселѣ невыясненные, послужили поводомъ упорной вражды къ Некрасову со стороны Огарева и Герцена.

дишь, что стихъ выигрываетъ; это и понятно, ибо въ 25 лѣтъ русскій языкъ и стихъ сдѣлали успѣхъ. Итакъ, ждемъ вашего отвѣта, который адресуйте на мое имя въ Ярославль. Томъ I при семъ высылается и деньги 150 руб. за оный посылаемъ. Остальное вышлемъ осенью,—изданіе много у насъ взяло денегъ, а *Современникъ* нынѣ въ убытокъ.

Весь вашъ Н. Некрасовъ.

А. А. Краевскому.

Два дня тому назадъ я писалъ вамъ, что не знаю еще, куда поѣду, а теперь я рѣшился ѣхать въ Діеппъ купаться въ морѣ. Убѣдительно васъ прошу прислать мнѣ немедленно пять тысячъ франковъ, адресуя на мое имя въ Діеппъ, poste restante. Въ Діеппъ я попаду 1 августа новаго стиля, пробуду тамъ 15 или 20 дней, и такимъ образомъ въ половинѣ русскаго августа буду въ Петербургѣ, а уже въ деревню не поѣду. Впрочемъ, какъ вижу, дѣла по «Отеч. Зап.» и безъ меня идутъ недурно, и мнѣ весьма пріятно, что вы отлично ладите съ нашею братіею, что вижу по письму Елисеева ко мнѣ.

Вотъ что: есть у насъ сотрудникъ Н. Михайловскій; теперь ясно, что это самый даровитый человѣкъ изъ новыхъ, и ему, безъ сомнѣнія, предстоитъ хорошая будущность. Кромѣ несомнѣнной талантливости, онъ человѣкъ со свѣдѣніями, очень энергиченъ и работящъ. «Отеч. Запискамъ» онъ можетъ быть полезенъ сильно и надолго. Человѣкъ онъ честный и скромный, но теперь, по поводу своей женитьбы, сильно нуждающійся. Я очень радъ, что вы, какъ пишетъ мнѣ Елисеевъ, не отказали ему въ деньгахъ, несмотря на то, что онъ уже изрядно долженъ и конторѣ «Отеч. Зап.» и мнѣ лично. Легко можетъ быть, что вы и безъ этого моего письма не отказали бы ему и еще, но я на вся-

кій случай прошу васъ, не откажите ему, если обратится: у него теперь жена лѣчится во Франценсбадѣ, и, кромѣ редакціи «Отеч. Зап.», некуда прибѣгнуть. Съ осени онъ, между прочимъ, будетъ писать въ «Отеч. Зап.» обозрѣніе журналистики, да у него еще есть романъ. Постепенно онъ все отработаетъ. Будьте здоровы и бодры. Душевно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

27 іюля н. с. 1869 г.
Киссингенъ.

Завтра отсюда уѣду.

P. S. Пожалуйста велите мнѣ посылать «Голосъ» въ Діеппъ, poste restante.

В. М. Лазаревскому [1]).

10 августа 1869 г. Діеппъ.

Получили мы ваше письмо, глубокочтимый и любимый другъ Василій Матвѣевичъ, въ Діеппѣ, гдѣ пребываемъ уже съ недѣлю. Я шесть разъ уже погружался въ море и худа себѣ не вижу. Кажется, опасенія, буду ли его хорошо переносить, были напрасны; не только лихорадки, но даже малаго прилива къ головѣ или тяжести на груди послѣ купанья — не чувствую. А ощущаю волчій аппетитъ и хорошее распо-

---

[1]) Василій Матвѣевичъ Лазаревскій (1817—1890) занималъ съ 1866 г. постъ члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ теченіе ряда лѣтъ Некрасовъ и Лазаревскій поддерживали дружескія отношенія, между прочимъ, на почвѣ общей страсти къ охотѣ, для которой Лазаревскій арендовалъ мѣстность близъ Чудова, гдѣ позднѣе купилъ дачу Некрасовъ. Лазаревскій печаталъ повѣсти и разсказы въ журналахъ 40—50-хъ годовъ, переводилъ Шекспира, а въ 70-хъ издалъ работу статистическаго характера о волкахъ, которую Тургеневъ приравнивалъ къ сочиненіямъ С. Т. Аксакова. Былъ близокъ со многими литераторами и оставилъ добрую память, какъ просвѣщенный администраторъ.

ложеніе духа. Если такъ пойдетъ, то въ сердцѣ моемъ поставлю вѣчный памятникъ морю! Я къ нему шелъ съ боязнію и надеждой! Мнѣ ужъ лѣтъ пятнадцать все говорятъ—хорошо бы вамъ купаться въ морѣ, да вы врядъ ли выдержите его! И теперь я особенно доволенъ потому, что я о себѣ былъ всегда такого мнѣнія, что все могу выдержать. Изъ сего можете усмотрѣть, какъ мало было у человѣка самолюбія, но надо быть самоувѣреннымъ до тупости, иначе ничего на этомъ свѣтѣ не сдѣлаешь. Я это сознаю теперь, когда начинаю терять это милое качество. Жаль, что нѣтъ у меня дѣтей, я бы ихъ такъ воспиталъ, что не испугались бы никакой стихіи! Гордость и самоувѣренность даже при глупости ничего, а при умѣ это прибавка трехъ четвертей силы. Русскіе люди до нищеты бѣдны этими качествами.

[Далѣе Некрасовъ проситъ Лазаревскаго похлопотать, чтобы не требовали въ Петербургъ на службу врача Сизеневскаго, который сопровождалъ Некрасова за границу и служилъ въ морскомъ вѣдомствѣ.]

Какъ идетъ ваша охота? Къ осенней непремѣнно явимся и зададимъ валдайскому зайцу и перу подобающую встрепку.

Ему же.

1873 года.

[Выдержка изъ записки, писанной карандашомъ, во время размолвки съ Лазаревскимъ.]

... Я такъ думаю, что отношенія, завязываемыя въ 40 лѣтъ, не могутъ быть названы дружбою, ибо у каждаго до этихъ лѣтъ успѣваетъ накопиться болѣе желчи и холоду, чѣмъ допускаетъ дружба, безусловно понимаемая...

———

Л. Н. Толстому.

Милостивый государь
Левъ Николаевичъ!

Статью вашу [1]) я напечаталъ и, выждавъ нѣсколько времени, пишу вамъ, что всѣ сотрудники отзываются о ней съ сочувствіемъ и единодушными похвалами. Публика петербургская не читаетъ, а если читаетъ, то молчитъ. Мнѣ ваша статья очень по душѣ, и я думаю, что дѣло народнаго образованія, которымъ вы занимаетесь, есть главное русское дѣло настоящаго времени.

Н. К. Михайловскій еще не покинулъ желанія выступить въ «Отечественныхъ Запискахъ» по вопросамъ педагогическимъ и сдѣлаетъ это, какъ только представится случай.

Я очень доволенъ, что украсилъ журналъ и хорошею статьею и вашимъ именемъ.

Душевно васъ уважающій
Н. Некрасовъ.

12 окт. 1874 г. Спб.

Юшенову.

[Директоръ Владимирской кіевской военной гимназіи въ 1874 году обратился къ Некрасову съ вопросомъ относительно смысла, который слѣдуетъ придавать встрѣчающемуся въ стихотвореніи «Несжатая полоса» слову: *станица*, въ виду недоразумѣній, возник-

---

1) Статья Л. Н. Толстого «О народномъ образованіи», содержавшая живую критику установившихся способовъ открытія и веденія школъ и требовавшая полной свободы въ установленіи самимъ народомъ нужныхъ ему типовъ школы, была напечатана въ «Отеч. Запискахъ», 1874 г., № 9. Письмо Некрасова напечатано во II томѣ біографіи Л. Толстого, составл. П. Бирюковымъ, стр. 157.

шихъ изъ-за пониманія этого слова въ средѣ преподавателей гимназіи. Некрасовъ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ.]

М. Г. Я не справлялся съ Толковымъ словаремъ (Даля), когда писалъ «Несжатую полосу», а употребилъ слово «станица» потому, что съ дѣтства слышалъ его въ народѣ, между прочимъ, въ этомъ смыслѣ: птицы летаютъ *станицами;* воробьевъ *станичка* перелетѣла и т. п. Заглянувъ нынѣ въ словарь Даля, я увидѣлъ, что и тамъ слову этому придается, между прочимъ, и то значеніе, въ которомъ я его употребилъ... Что слово употребляется и въ другихъ смыслахъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ данномъ случаѣ оно было употреблено не точно. Слова: группа, партія, даже стая, которыми можно было бы замѣнить его въ «Несжатой полосѣ», кромѣ своей прозаичности, были бы менѣе точны, лишивъ выраженіе того оттѣнка, который характеризуетъ птицу перелетную (о которой идетъ рѣчь въ стихотвореніи), располагающуюся время отъ времени *станомъ* на удобныхъ мѣстахъ для отдыха и корма. Вотъ все, что имѣю сказать на предложенный вами вопросъ.—Примите и пр. Спб. 31 марта 1874 г.

P. S. Письмо это, по моей оплошности, завалялось между бумагами и будетъ сдано на почту только сегодня, 25 апрѣля. (Стихотв. Некрас., Спб., 1879 г., т. IV, стр. 37).

Г. И. Успенскому.

Записка семидесятыхъ годовъ.

Глѣбъ Ивановичъ, по документамъ вашимъ я убѣдился, что ваши сочиненія могутъ быть выручены отъ Базунова [1]); то же думаетъ Унковскій. Мы уговорились съ нимъ пересмотрѣть еще вмѣстѣ эти документы,

---

[1]) Издатель сочиненій Успенскаго, которому они были уступлены за гроши во время нужды Г. И. и выкуплены за большую сумму.

позвать Базунова, устыдить его и взять отъ него записку. Но вотъ въ чемъ дѣло: вы не такъ поняли ту роль, которую я могу взять на себя въ качествѣ издателя: я не желаю *покупать* у васъ ваши сочиненія, я думалъ издать ихъ на свой счетъ, выручить свои деньги и затѣмъ остальной доходъ предоставить автору. Если вамъ это неудобно и вы можете найти для себя условія, болѣе подходящія, то не стѣсняйтесь. Деньгами наличными я въ сіе время бѣденъ. (Н. К. Михайловскій. Послѣднія сочиненія, Спб., 1905, т. II, стр. 203).

П. А. Ефремову [1]).

1877 г.

Милый Петръ Александровичъ, словно что-то дорогое, потерянное нашелъ я, поговоривъ съ вами и получивъ ваше письмо. Въ жизни многіе люди терпятъ отъ излишней болтливости, я же часто терпѣлъ отъ противоположнаго качества, и очень радъ и благодаренъ себѣ, что отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки молчать...

---

[1]) Некрасовъ сошелся съ библіографомъ П. А. Ефремовымъ въ 1873 г. во время общей работы по изданію сборника «Складчина» въ пользу голодающихъ Самарской губерніи. Ефремовъ помогалъ Некрасову въ его работѣ, въ послѣднее время его жизни, по составленію указателя напечатанныхъ имъ произведеній. Приводимое письмо или, точнѣе его начало, напечатано въ статьѣ В. Якушкина «Памяти Н. А. Некрасова» («Рус. Вѣдом.», 1897 г., № 357 и 358).

Изъ несобранныхъ произведеній Н. А. Некрасова.

Изъ книги „Мечты и звуки“.

Мысль.

Спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый,
Подъ грустной тѣнію ночного покрывала,
Едва согрѣтъ остатками огня
Уже давно погаснувшаго дня.
Спи, старецъ, спи!.. Отраднаго покоя
Минуты усладятъ заботы сѣдины
Воспоминаніемъ минувшей старины...
И, можетъ-быть, въ тебѣ зажжется ретивое
Огнемъ страстей, погаснувшихъ давно,
И вспыхнетъ для тебя прекрасное былое!..
И, можетъ-быть, распустится зерно
Въ тебѣ давно угасшей жизни силы,
И новой жизнію заглохшія могилы,
Печальный міръ, повѣютъ надъ тобой!
И снова ты проснешься отъ дремоты,
И снова, юноша съ пылающей душой,
Забудешь старые, утраченные годы,
И будешь жить ты жизнью молодой,
Какъ въ первый день созданія природы!..
. . . . . .
. . . . . .

Нѣтъ! тотъ же все проснулся ты,
Такой же дряхлый, обветшалый,
Еще дряхлѣй безъ покрывала...
Скрой безобразье наготы
Опять подъ мрачной ризой ночи!
Поддѣльнымъ блескомъ красоты
Ты не мои обманешь очи!..

Тотъ не поэтъ,

Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердцѣ силы нѣтъ,
Кто у него пощады вымоляетъ,
Кто передъ нимъ колѣна преклоняетъ,
Тотъ не поэтъ.

Кто юныхъ дней губительныя страсти
Не подчинилъ разсудка твердой власти,
Но волю давъ и чувствамъ и страстямъ,
Пошелъ какъ рабъ вослѣдъ за ними самъ,
Кто слезы лилъ въ годину испытанья
И трепеталъ подъ игомъ тяжкихъ бѣдъ
И не сносилъ безропотно страданья,
Тотъ не поэтъ.

На Божій міръ кто смотритъ безъ восторга,
Кого сей міръ въ душѣ не вдохновлялъ,
Кто предъ грозой разгнѣваннаго Бога
Съ мольбой въ устахъ во прахъ не упадалъ,
Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нѣтъ,
Кто продаетъ себя толпѣ за злато,
Тотъ не поэтъ.

Любви святой, высокой, благородной
Кто не носилъ въ груди своей огня,
Кто на порокъ презрительный, холодный

Смѣнилъ любовь, святыни не храня;
Кто не горѣлъ въ горнилѣ вдохновеній,
Кто ихъ искалъ въ кругу мірскихъ суетъ,
Съ кѣмъ не бесѣдовалъ въ часы ночные геній —
Тотъ не поэтъ.

Смерти.

Не приходи въ часы волненій,
Сердечныхъ бурь и мятежей,
Когда душа огнемъ мученій
Сгораетъ въ пламени страстей.
Не приходи въ часы раздумья,
Когда наводитъ демонъ зла,
Вливая въ сердце ядъ безумья,
На нечестивыя дѣла.
Когда внушеньямъ духа злого,
Какъ низкій рабъ, послушенъ умъ,
И ничего въ немъ нѣтъ святого,
И много, много грѣшныхъ думъ,
Законъ озлобленнаго рока,
Смерть, надо мной останови
И въ черномъ рубищѣ порока
Меня на небо не зови!
Не приходи тогда накинуть
Оковъ тяжелыхъ на меня;
Мнѣ будетъ жалко міръ покинуть,
И робко небо встрѣчу я...
Приди ко мнѣ въ часы забвенья
И о страстяхъ и о землѣ,
Когда святое вдохновенье
Горитъ въ груди и на челѣ;
Когда я, думъ высокихъ полный,
Безгрѣшенъ сердцемъ и душой,
И бурной суетности волны
Меня отъ жизни не земной

Увлечь не въ силахъ за собой;
Когда я мыслью улетаю
Въ обитель къ горнему Царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.
Я близокъ къ небу—смерти время!
Не труденъ будетъ переходъ,
Душа, покинувъ жизни бремя,
Безъ страха въ небо перейдетъ...

Жизнь.

Прекрасно, высоко твое предназначенье,
Святой завѣтъ Того, Котораго велѣнье,
Премудро учредя порядокъ естества,
Изъ праха создало живыя существа;
Но низко и смѣшно межъ насъ употребленье,
И недостойны мы подобья Божества.
Чѣмъ отмѣчаемъ, жизнь, мы всѣ твои мгновенья,
Широкіе листы великой книги дѣлъ?
Они черны какъ демонъ преступленья,
Стыдишься ты сама бездушныхъ нашихъ тѣлъ.
Изъ тихой вечери молитвъ и вдохновеній
Разгульной оргіей мы сдѣлали тебя,
И гибельно паритъ надъ нами злобы геній,
Еще въ зародышѣ все доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуреваетъ насъ, блаженства ищемъ мы,
А къ пропасти ведетъ порокъ и заблужденье
Святою вѣрою нетвердые умы.
Поклонники грѣха, мы не рабы Христовы;
Намъ тяжекъ крестъ скорбей, даруемый судьбой;
Мы не умѣемъ жить, мы сами на оковы
Мѣняемъ всѣ дары свободы золотой...
Раскрыла ты для насъ всѣ таинства искусства.
Мы можемъ создавать, творцами можемъ быть;

Довольно налила ты въ груди наши чувства,
Чтобъ дѣлать доброе, трудиться и любить.
Но чуждо намъ добро, искусства намъ не новы,
Не сдѣлавъ ничего, спѣшимъ мы отдохнуть;
Мы любимъ лишь себя, намъ дружество — оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.
И что же, что онѣ безумнымъ намъ приносятъ?
Презрительно смѣясь надъ слабостью земной,
Священнаго огня намъ искру въ сердце бросятъ
И сами же зальютъ его нечистотой.
За наслажденьями по ихъ дорогѣ смрадной,
Слѣпые, мы идемъ и ловимъ только тѣнь;
Терзаютъ нашу грудь, какъ коршунъ кровожадный,
Губительный порокъ, бездѣйственная лѣнь...
И послѣ буйнаго минутнаго безумья,
И чистый жаръ души и совѣсть погубя,
Мы, съ тайнымъ холодомъ невѣрья и раздумья,
Проклятью предаемъ неистово тебя.
О, сколько на тебя проклятій этихъ пало!
Чѣмъ недовольны мы, за что онѣ? Богъ вѣсть!..
Еще за нихъ насъ небо не карало:
Оно достойную приготовляетъ месть.

Красавицѣ.

Красавица! не пой веселыхъ пѣсенъ мнѣ!
Онѣ плѣнительны въ устахъ прекрасной дѣвы,
Но больше я люблю печальные напѣвы,—
Они манятъ къ той дивной сторонѣ,
Гдѣ жизнь сладка, отъ звуковъ таетъ камень,
Гдѣ все восторгъ, поэзія и пламень,
Гдѣ безъ предѣловъ радость есть,
Куда и мыслью дерзновенной
Не проникаетъ умъ надменный;
Откуда лишь мечта въ нашъ міръ заноситъ вѣсть,

Когда на крыльяхъ своевольныхъ
Туда взлетитъ съ границъ юдольныхъ,
И тамъ прикована чудеснымъ волшебствомъ,
Вся очарована, украдкой
Заучиваетъ гимнъ плѣнительный и сладкій,
Не смѣя зашумѣть крыломъ...
Мнѣ милъ и потому печальный тонъ напѣва,
Что въ первый жизни годъ родимая, съ тоской,
Смиряла имъ порывъ ребяческаго гнѣва,
Качая колыбель заботливой рукой;
Что въ годы бурь и бѣдъ завѣтною молитвой
На томъ же языкѣ молилась за меня;
Что, побѣжденъ житейской битвой,
Во власть ей отдался я, плача и стеня;
Что первыхъ слезъ горючей влаги
Восторга пѣснь не залила
А та—надежды и отваги
Съ собой мнѣ много принесла.
И тѣмъ, что горнихъ странъ таинственная дѣва,
Младая муза, въ первый разъ,
Слетя ко мнѣ подъ сѣнь развѣсистаго древа,
Мнѣ въ немъ повѣдала чудесный свой разсказъ.
Что мнѣ понятенъ сталъ и дивный говоръ бури,
И съ листомъ шепчущійся листъ,
И шумъ морскихъ валовъ, и вѣтра буйный свистъ,
И разговоръ съ землей лазури—
Когда впервые я пѣснь грусти услыхалъ;
Я съ ними встрѣтилъ въ ней нежданыя созвучья.
Въ душѣ убитой имъ отзвучья
Я много, много отыскалъ!
На что жъ мнѣ пѣснь веселья и забавы,
Когда настроена она
На звуки томные, на грустныя октавы
И только ими лишь полна?
Когда на ложѣ грусти вѣчной
Спокойно задремалъ мой духъ?

Забудь, прекрасная, пѣснь радости безпечной:
Его разбудишь ты для муки безконечной,
Когда она встревожитъ слухъ.

Баллада Ангелики.

(Изъ повѣсти «Пѣвица»—«Пантеонъ», 1840 г., № 11).

Клятвою въ вѣрности съ милою связанный,
Ею любимый душой,
Въ латы закованъ, мечомъ препоясанный,
Рыцарь сбирается въ бой.
Вотъ ужъ и сѣлъ на коня крутогрудаго,
Вотъ и пропалъ вдалекѣ.
Годы промчалися... нѣтъ ниоткудова
Вѣсти о миломъ дружкѣ.
Слезы красавица льетъ одинокая,
Тайно груститъ въ тишинѣ...
Пылью клубится дорога широкая:
Скачетъ ѣздокъ на конѣ.
Вотъ онъ приблизился, въ замокъ торопится,
Входитъ и ей говоритъ:
«Ждешь понапрасну ты—онъ не воротится:
Храбрый женихъ твой убитъ».
Плакать—не плакала, только лишь кинула
Пламенный взоръ въ небеса,
Съ тѣхъ поръ безъ горести часа не минуло,
Гасла въ ней жизнь и краса!..
Мужа избрать себѣ, рыцарь воинственный,
Грозный, велѣлъ ей отецъ;
Дѣва покорна судьбинѣ таинственной,
Плача идетъ подъ вѣнецъ.
Вотъ обвѣнчалися... пиръ начинается,
Вотъ, наконецъ, призатихъ.
Дверь отворяется... мрачный является
Къ дѣвицѣ прежній женихъ!

Вздрогнула, вскрикнула. Онъ ей съ укорами
Кажетъ златое кольцо...
Встрѣтилъ соперника страшными взорами,
Бросилъ перчатку въ лицо!..
Оба нашли себѣ въ битвѣ отчаянной
Къ мраку могильному путь;
Дѣва, сраженная смертью нечаянной,
Къ прежнему пала на грудь!..

Пѣсни Маріи.

(Изъ драмы «Материнское благословеніе»).

I.

Какъ соловей
Поетъ на волѣ,
Въ тѣни вѣтвей
И въ чистомъ полѣ...
Едва встаю
Чуть день начнется —
Такъ я пою,
Пока поется.
Бѣгу гулять
Такъ шибко, шибко...
Глаза глядятъ
На все съ улыбкой,
А грудь моя
Такъ сладко бьется,
И рада я,
Что мнѣ поется.

II.

Въ хижину бѣдную, Богомъ хранимую,
Скоро ль опять возвращусь?
Скоро ли мать расцѣлую любимую,
Съ добрымъ отцомъ обнимусь?
Блѣдная, страшная въ грезахъ являлася
Мать моя часто ко мнѣ,

И горячо я съ мечтой обнималася,
Будто съ родимой во снѣ.
Сколько, я думаю, къ горю привычная
Мать моя слезъ пролила...
Если бъ отсюда она, горемычная,
Рѣчь мою слышать могла,
Я бъ закричала ей: пусть не пугается,
Жизнь для меня не страшна;
Матушка! дочь твоя съ горемъ не знается,
Замужъ выходитъ она.

Изъ сборника „Первое апрѣля“ (1846 г.).

I.

Женщина, какихъ много.

Она росла среди перинъ, подушекъ,
Дворовыхъ дѣвокъ, мамушекъ, старушекъ,
Подобострастныхъ, битыхъ и босыхъ...
Ее поддерживали съ уваженьемъ,
Ей ножки цѣловали съ восхищеньемъ
Въ избыткѣ чувствъ почтительно-нѣмыхъ.

И вотъ подросъ ребенокъ несравненный.
Ея родитель, человѣкъ степенный,
Въ деревнѣ прожилъ ровно двадцать лѣтъ.
Сложилась барышня, потомъ созрѣла...
И стала на свободѣ жить безъ дѣла,
Невыразимо презирая свѣтъ.

Она слыла дѣвицей идеальной,
Имѣла взглядъ глубокій и печальный,
Сидѣла подъ окошкомъ по ночамъ—
И на луну глядѣла неотвязно.
Болтала лихорадочно, несвязно,
Торжественно молчала по часамъ...

Впивалася въ нѣмецкія книжонки,
Влюблялася въ прекрасныя душонки —
И тотчасъ отрекалась... навсегда...
Благословляла, плакала, вздыхала,
Пророчила, страдала, все страдала...
И пѣла такъ фальшиво, что бѣда!

И вдругъ пошла за барина простого;
За русака дебелаго, степного —
. . . . . .
На мужа негодуя благородно,
Ему дѣтей рожала ежегодно
И двойней разрѣшилась наконецъ.

Печальная, чувствительная Текла
Своихъ людей не безъ отрады сѣкла;
Играла въ карточки до пѣтуховъ,
Гусями занималась да скотиной —
И было въ ней передъ ея кончиной
Безъ малаго четырнадцать пудовъ...

II

* * *

Онъ у насъ осьмое чудо,
У него завидный нравъ;
Неподкупенъ, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ.
Съ безкорыстностью жидовской,
Какъ хавронья, милъ и чистъ;
Даровитъ, какъ Тредьяковскій,
Столько жъ важенъ и рѣчистъ;
Не страшитесь съ нимъ союза,
Не разладитесь никакъ:
Онъ съ французомъ—за француза,
Съ полякомъ—онъ самъ полякъ;
Онъ съ татариномъ—татаринъ,

Онъ съ евреемъ—самъ еврей;
Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ—лакей!
Кто же онъ? . . . . . .
. . . . . .

Изъ разсказа «Петербургскіе углы» [2]).

Послышался странный стукъ въ дверь, сопровождаемый страшнымъ мурлыканьемъ.

— Ну, баринъ!—воскликнулъ дворовый человѣкъ.— Будетъ потѣха: учитель идетъ!

— Что за учитель?

Дверь отворилась настежь и, ударившись о стѣну, оглушительно стукнула. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, въ комнату вошелъ полуштофъ, заткнутый человѣческою головой вмѣсто пробки: такъ называю я на первый случай господина въ свѣтло-зеленой въ рукава надѣтой шинели, безъ воротника: воротникъ, понадобившійся на починку остальныхъ частей одѣянія, отрѣзанъ еще въ 1819 году. Между людьми, которыхъ зовутъ пьющими, и настоящими пьяницами, — огромная разница. Отъ первыхъ несетъ виномъ только

---

[1]) Въ сборникѣ «Первое апрѣля» и въ оригиналѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ въ Спб., эпиграмма кончается точками; она направлена противъ редактора «Сѣверной Пчелы» Ѳаддея Булгарина.

[2]) Бѣлинскій въ слѣдующихъ выраженіяхъ оцѣниваетъ очеркъ Некрасова: «Петербургскіе углы» г. Некрасова отличаются необыкновенною наблюдательностью и необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія. Это живая картина особаго міра жизни, который не всѣмъ извѣстенъ, но, тѣмъ не менѣе, существуетъ, — картина, проникнутая мыслію».

Приводимый отрывокъ очерка Бѣлинскій процитировалъ цѣликомъ въ своемъ отзывѣ о «Физіологіи Петербурга». Содержаніе «Петербургскихъ угловъ» см. въ извлеченіи изъ статьи В. Горленка «Литературные дебюты Некрасова».

въ извѣстныхъ случаяхъ, и запахъ бываетъ сносный, даже для нѣкоторыхъ не чуждый пріятности; такіе люди, будучи большею частью тонкими политиками, знаютъ испытанныя средства къ отвращенію смрадной рѣзкости виннаго духа и не забываютъ имъ пользоваться. Употребительнѣйшія изъ такихъ средствъ: гвоздика, чай (въ нормальномъ состояніи), гофмановы капли, пеперменты, фіалковый корень, наконецъ, лукъ, чеснокъ. Отъ вторыхъ несетъ постоянно, хотя бы они недѣлю не брали въ ротъ капли вина, и запахъ бываетъ особенный, даже, если хотите, не запахъ—какъ будто вамъ подъ носъ поставятъ бочку изъ-подъ вина, которая долго была заткнута, и вдругъ ототкнутъ. Такой запахъ распространился при появленіи зеленаго господина — я понялъ, что онъ принадлежитъ ко второму разряду. Всматриваясь пристально въ лицо его, я даже вспомнилъ, что оно не вовсе мнѣ незнакомо. Разъ какъ-то я проходилъ мимо зданія съ надписью «питейный домъ». У входа, растянувшись во всю длину, лежалъ человѣкъ въ ветхомъ фракѣ съ бѣлыми пуговицами; глаза его были закрыты; онъ спалъ; горячее лѣтнее солнце жгло его прямо въ голову и вырисовывало на лоснящемся, страшно измятомъ лицѣ фантастическіе узоры; тысячи мухъ разгуливали по лицу, кучей тѣснились на губахъ, и еще тысячи вились надъ головой съ непрерывнымъ жужжаніемъ, выжидая очереди... Долго съ тяжкимъ чувствомъ (вы ужъ знаете, что у меня чувствительное сердце) смотрѣлъ я на измятое лицо, и оно глубоко врѣзалось мнѣ въ память. Теперь онъ былъ одѣтъ нѣсколько иначе и казался немного старѣе. Кромѣ шинели, разодранной сзади по среднему шву четверти на три, одежду его составляли рыжіе сапоги съ заплатами въ три яруса, и что-то грязно-сѣрое выглядывало изъ-подъ шинели, когда она случайно распахивалась. Ему было, повидимому, лѣтъ шестьдесятъ. Лицо его не имѣло особеннаго: желто,

стекловидно, морщинисто; на подбородкѣ нѣсколько бородавокъ, которыя въ медицинѣ называются мышевидными, съ рыжими, завившимися въ кольцо волосами, какіе отпускаютъ на бородавкахъ для счастья дьячки и квартальные, на носу небольшой шрамъ; глаза мутные, сѣрые; волосы (странная вещь!) черные, густые, почти безъ сѣдинъ; такъ что ихъ можно было бы назвать даже очень красивыми, если бы не двѣ-три небольшія въ грошъ величины плѣшинки, виною которыхъ, очевидно, были не природа и не добрая воля. Но вообще вся фигура зеленаго человѣка рѣзко кидалась въ глаза. Въ немъ было что-то такое, что́ уноситъ съ собою актеръ въ жизнь отъ любимой хорошо затверженной роли, которую онъ долго игралъ на сценѣ. Въ самыхъ смѣшныхъ и карикатурныхъ движеніяхъ, неизбѣжныхъ у человѣка, нетвердаго на ногахъ, замѣчалось что-то степенное, что-то въ родѣ чувства собственнаго достоинства, и, говоря съ вами даже о совершенныхъ пустякахъ, онъ постоянно держалъ себя въ положеніи человѣка, готоваго произнесть во всеуслышаніе, что добродѣтель похвальна, а порокъ гнусенъ. Отъ этихъ рѣзкихъ противорѣчій онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и возбуждалъ въ дворовомъ человѣкѣ страшную охоту надъ нимъ посмѣяться.

Дворовый человѣкъ встрѣтилъ его обычнымъ своимъ привѣтствіемъ:

— Здравствуй, носъ красный!

Казалось, зеленый господинъ хотѣлъ разсердиться, но гнѣвное слово оборвалось на первомъ звукѣ; сдѣлавъ быстрое движеніе къ шкафу, онъ сказалъ очень ласково:

— Здравствуй, Егорушка! Налей-ка мнѣ рюмочку!

Дворовый человѣкъ украдкой налилъ стаканъ водою изъ стоявшей на столѣ глиняной кружки и подалъ зеленому господину. Зеленый господинъ выпилъ залпомъ. Дворовый человѣкъ и Кирьянычъ страшно

захохотали. Зеленый человѣкъ съ минуту стоялъ неподвижно, разинувъ ротъ, со стаканомъ въ рукѣ, и началъ сильно ругаться.

— Ты, братъ, со мною не шути! Кто тебѣ позволилъ со мною шутить? Меня и не такіе знали, да со мной не шутятъ. Вотъ и сегодня у одного былъ... Дѣйствительный, братъ, и кавалеръ... слышишь ты, кавалеръ... Тебя къ нему и въ прихожую-то не пустятъ. А меня въ кабинетъ привели. «Жаль мнѣ тебя, говоритъ, Григорій Андреичъ (слышишь, по отчеству назвалъ!), совсѣмъ ты пьянчугой сталъ; смотри, сгоришь ты когда-нибудь отъ вина, говоритъ. Не того, говоритъ, я отъ тебя ожидалъ... Садись, говоритъ, потолкуемъ о старинѣ... И графинчикъ велѣлъ принести... Вотъ я и заговорилъ... Знаю, о чемъ говорить: съ Измайловымъ былъ знакомъ... къ Гавріилу Романовичу былъ принимаемъ. У Яковлева [1]) на постоянномъ жительствѣ проживалъ... Не знаешь ты, великій былъ человѣкъ!.. Вмѣстѣ и чай, и обѣдали, и водку-то пили... Да и самъ я... ты, братъ, со мной не шути... у меня, братъ, знаешь, какіе ученики есть... вотъ одинъ... у, какой тузъ!.. А мальчишкой былъ... кликну, бывало, сторожа, да и ну... никакихъ оправданій не принималъ... Вотъ мы все съ нимъ вспоминаемъ, смѣемся... «И хорошо, говоритъ, вотъ отъ того я теперь и въ люди пошелъ, говоритъ, что вы меня за всякую малость пороли... я васъ, говоритъ, никогда не забуду», да и суетъ въ руку мнѣ четвертакъ... «Смолоду, говоритъ, человѣка надобно драть, подъ старость самъ благодарить будетъ»... Знаешь, какъ мнѣ,

---

[1]) А. Е. Измайловъ — издатель журналовъ «Благонамѣренный» (1818 г.) и др., баснописецъ; Гавріилъ Романовичъ Державинъ, знаменитый поэтъ († 1816 г.); Яковлевъ Алексѣй Семеновичъ, знаменитый трагическій актеръ († 1817 г.), какъ Измайловъ, человѣкъ пьющій. Совпаденіе этихъ датъ и деталей убѣдительно говоритъ за то, что «бывшій человѣкъ» Некрасова и его рѣчи списаны съ натуры.

братецъ, платили... А ты, ты... вотъ поди служить: *по пяти рублей на годъ да по пяти пощечинъ на день*... Таланты разные имѣлъ: нюхалъ, братъ, не изъ такой (онъ щелкнулъ по берестяной табакеркѣ)... золотая была... да было и тутъ... одинъ палецъ, братъ, восемьсотъ рублей стоилъ. А все ни за что; такъ—за стихи!.. Я, братъ, какіе стихи сочинялъ!

Зеленый господинъ такъ заинтересовалъ меня своимъ разсказомъ, что я впослѣдствіи навелъ о немъ справки. Сгоряча онъ немного прилгнулъ, но въ словахъ его была частица и правды. Давно, лѣтъ сорокъ назадъ, окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ вступилъ учителемъ въ какое-то незначительное училище и дѣло свое велъ хорошо. Правда, любилъ подчасъ выпить лишнюю чарку, но отъ него менѣе пахло виномъ, чѣмъ гвоздикой, и нравственность учениковъ не подвергалась опасности. Снисходительное начальство училища, цѣнившее въ немъ человѣка даровитаго и способнаго къ дѣлу, старалось кроткими мѣрами обуздать возникавшую страсть. Но страсти могущественнѣе даже начальства, какъ бы оно ни было благородно и снисходительно. Замѣтили, что съ нѣкотораго времени, при появленіи зеленаго господина, въ классѣ распространялся запахъ, который могъ подать вредные примѣры ученикамъ. Наконецъ, къ довершенію бѣдъ, зеленый господинъ пришелъ однажды въ классъ не только безъ заднихъ ногъ, но и безъ галстука, и вмѣсто того, чтобы поклониться главному лицу училища, которое вошло въ классъ и сѣло на краю одной изъ скамеекъ, занимаемыхъ учениками, обратился къ нему съ вопросомъ:

— А какіе глаголы принимаютъ родительный падежъ?.. а, не знаешь? А вотъ я тебя на колѣни!

Его отставили и мѣсто его отдали молодому человѣку, который въ полной мѣрѣ оправдалъ честь, ему оказанную: не пропускалъ классовъ, былъ почти-

теленъ къ старшимъ и, женившись вскорѣ на сестрѣ главнаго лица, совершенно отказался отъ треволненій, неразлучныхъ съ холостою жизнію. Зеленаго господина отставили, но по ходатайству одного добраго человѣка и въ уваженіе прежнихъ заслугъ дали ему небольшой пенсіонъ. Остальное понятно: бездѣйствіе скоро усилило въ немъ страсть къ вину, и нечувствительно дошелъ онъ до того положенія, въ которомъ мы съ нимъ познакомились. Интересна жизнь, которую велъ онъ въ подвалѣ. Еще за нѣсколько дней до перваго числа каждаго мѣсяца хозяйка неотступно слѣдовала за нимъ и такъ приноравливала, что наканунѣ перваго числа онъ всегда напивался дома. Поутру она отправлялась съ нимъ за «получкой», вычитала слѣдующія ей деньги, а съ остальными зеленый господинъ уходилъ Богъ знаетъ куда и пропадалъ на нѣсколько дней. Возвращался пьяный, нерѣдко избитый, въ грязи и безъ гроша. Въ остальные дни мѣсяца онъ почти ежедневно обходилъ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ, учениковъ, которые теперь уже были взрослые люди, наконецъ, всѣхъ, кого зналъ въ лучшую пору жизни; вездѣ давали ему по рюмкѣ вина, индѣ по двѣ; гдѣ же не давали, оттуда уходилъ онъ съ проклятіями и долго потомъ, лежа на своихъ нарахъ, сердито толковалъ самъ съ собою о неблагодарности. Что жъ касается до стиховъ, то очень немудрено, что зеленый господинъ и дѣйствительно писалъ стихи: въ русскомъ государствѣ всѣ пишутъ или писали стихи и писать ихъ никому нѣтъ запрета. Впрочемъ, послѣдній пунктъ своего разсказа зеленый господинъ не замедлилъ подтвердить доказательствами. Онъ вытащилъ изъ-за сапога двѣ тощенькія лоснящіяся брошюры въ двѣнадцатую долю листа, уставилъ ихъ передъ глазами двороваго человѣка и, поводя указательнымъ пальцемъ со строки на строку заглавной страницы, говорилъ торжественно:

— Видишь, видишь, видишь... а?.. видишь ли?

Но дворовый человѣкъ съ негодованіемъ оттолкнулъ брошюры и возразилъ съ жаромъ, доказывавшимъ, что въ немъ говоритъ убѣжденіе:

— Ты мнѣ этимъ не тычь! Что ты мнѣ этимъ тычешь! Я, братъ, не дворянинъ: грамотѣ не умѣю. Какая грамота нашему брату? Грамоту будешь знать — дѣло свое забудешь... А вотъ ты мнѣ награжденіе-то покажи! Что, небось, потерялъ али подарилъ кому... ты вѣдь добрѣйшій?.. самъ не съѣшь, да другому отдашь. Знаю я... кто намедни у меня ситникъ-отъ съѣлъ?

— Продалъ, такъ и нѣтъ, — отвѣчалъ зеленый господинъ съ меланхолическою грустью. — Гдѣ нюхать нашему брату изъ золотой табакерки, на пальцахъ самоцвѣтные камни имѣть!

Онъ махнулъ рукой и отравилъ послѣднюю струю чистаго воздуха продолжительнымъ вздохомъ.

Между тѣмъ я взглянулъ на брошюры. Одна изъ нихъ была на всерадостный день тезоименитства какого-то важнаго лица тѣхъ временъ, другая на бракосочетаніе того же лица. Обѣ были написаны высокопарными стихами и заключали въ себѣ похвалы важному лицу, которое поэтъ называлъ меценатомъ. Такія брошюры загромождали русскую литературу въ доброе, старое время, потому что русская литература началась съ хвалебныхъ гимновъ на разные торжественные случаи, и піита обязанъ былъ держать всегда наготовѣ свое офиціальное вдохновеніе; зато его и хлѣбомъ кормили, а за неустойку больно били палкою. Извѣстенъ анекдотъ о Тредьяковскомъ, котораго Волынскій собственноручно наказалъ тростью за то, что Тредьяковскій не изготовилъ *оды* на какой-то придворный праздникъ. Поэтъ Петровъ официально состоялъ при Потемкинѣ въ качествѣ воспѣвателя его подвиговъ, и для того, во время его походовъ, всегда находился въ обозѣ дѣйствующей арміи. По примѣру великихъ

земли, и маленькіе тузы или козырные хлапы имѣли своихъ піитовъ и любили получать отъ нихъ оды въ день рожденія, именинъ, бракосочетанія, крестинъ дитяти, полученія чина, награды и въ подобныхъ тому торжественныхъ случаяхъ ихъ жизни; за то они позволяли піитѣ садиться на нижній конецъ стола обѣдать уже съ собою, а не съ слугами, какъ въ обыкновенные дни, подпускали его къ цѣлованію своей руки, дарили его перстнемъ, табакеркою, деньгами, поили его допьяна и потомъ тѣшились надъ нимъ, заставляя его плясать. А піита величалъ ихъ своими благодѣтелями, меценатами, покровителями, отцами-командирами и «милостивцами». Въ началѣ XIX столѣтія этотъ родъ литературы началъ замѣтно упадать; 1812 годъ нанесъ ему сильный ударъ, а романтизмъ, появившійся съ двадцатыхъ годовъ, рѣшительно доканалъ его. И теперь эта «торжественная» поэзія считается уже синонимомъ «подлому стихотворству». Такъ измѣняются нравы. Теперь ужъ за листокъ дурныхъ виршей, наполненныхъ высокопарною, безсмысленною и низкою лестью, нельзя отъ какого-нибудь барина получить на водку перстенекъ, табакерку, 50 или 100 рублей денегъ, — и еще менѣе можно пріобрѣсти званіе поэта! Вѣроятно, эта одна изъ причинъ, почему старички, запоздалые остатки добраго стараго времени, такъ сердиты на наше время, съ такимъ восторгомъ и съ такою грустью вспоминаютъ о своемъ времени, когда, по ихъ словамъ, все было лучше, чѣмъ теперь.

— Ерунда [1]), — сказалъ дворовый человѣкъ, замѣтивъ, что я зачитался.

— Ерунда?!—повторилъ зеленый господинъ голосомъ, который заставилъ меня уронить брошюру и поскорѣй

---

[1]) Лакейское слово, равнозначительное слову — дрянь, охота вамъ рукъ марать!—Примѣчаніе Некрасова.

взглянуть ему въ лицо.—Глупъ ты, такъ и ерунда! Когда я подносилъ ихъ его превосходительству, его превосходительство поцѣловалъ меня въ губы, посадилъ рядомъ съ собою на диванъ и велѣлъ прочесть... Я читалъ, а онъ нюхалъ табакъ и говоритъ «понюхай». Не нюхаю, говорю, да ужъ изъ табакерки вашего превосходительства... «Нюхай, говоритъ, ученому нельзя не нюхать» и отдалъ мнѣ табакерку... Съ тѣхъ поръ и началъ я нюхать. Велѣлъ приходить къ обѣду... посмотрѣлъ бы ты, какъ меня принимали... Всякій гость обнималъ... А какіе все гости... Даже начальникъ его превосходительства поцѣловалъ... я послѣ ему и написалъ... Напился пьянъ... говорю какъ съ равными, а они ничего, только хохочутъ. Всякъ къ себѣ приглашеніе дѣлаетъ... Ерунда!

И что-то похожее на чувство мелькнуло въ глазахъ зеленаго господина, и долго съ поднятою рукою стоялъ онъ посреди комнаты, и вдругъ качнулъ головой и сказалъ голосомъ, который очень бы шелъ къ Манфреду, просившему у неба забвенія:

— Налей, братъ, мнѣ, Егорушка, рюмочку!

Лѣсня двороваго.

(Изъ разсказа «Петербургскіе углы»).

Въ понедѣльникъ
Савка мельникъ,
А во вторникъ
Савка шорникъ,
Съ середы до четверга
Савка въ комнатѣ слуга.
Савка въ тотъ же четвертокъ
Дровосѣкъ и хлѣбопекъ,
Чешетъ въ пятницу собакъ,
Свищетъ съ голоду въ кулакъ,

Въ день субботній все скребетъ
И подъ розгами реветъ;
Въ воскресенье Савка панъ—
Цѣлый день, какъ стелька, пьянъ!

Изъ романа „Три страны свѣта“ [1]).

I.

Каютинъ о дѣятельности въ провинціи.

Нечего? какъ нечего (дѣлать въ провинціи)? Напротивъ, тамъ-то и работа нашему брату! Не даромъ говорятъ, что отечество наше велико и обильно. Въ разнообразной производительности нашихъ лѣсовъ и горъ, земель и необъятныхъ рѣкъ скрываются неисчерпаемые источники богатствъ, неразработанные, нетронутые. Нужно только умѣнье да твердая, желѣзная воля... Бываютъ же примѣры и у насъ, что человѣкъ, не имѣвшій гроша, черезъ десять-двадцать лѣтъ ворочаетъ сотнями тысячъ; а отчего? Онъ отказываетъ себѣ во всемъ, отказывается отъ всего... обрекаетъ себя на безсрочную разлуку съ роднымъ угломъ, съ дѣтьми, со всѣмъ дорогимъ его сердцу. Съ опасностью жизни переплываетъ онъ огромныя пространства на плоту, на дрянной баркѣ, мерзнетъ, мокнетъ, питается Богъ знаетъ чѣмъ, и надежда выгодно сбыть дрова, получить гривну на рубль за доставку чужого хлѣба, подкрѣпляетъ и одушевляетъ его въ долгомъ, скучномъ и опасномъ плаваніи. Только успѣлъ онъ вздохнуть спокойно, почувствовалъ подъ ногами твердую землю, какъ новый выгодный оборотъ увлекаетъ его

---

1) См. о томъ, какъ писался романъ, воспоминанія Головачевой-Панаевой. Герой романа Каютинъ странствуетъ по свѣту въ качествѣ предпринимателя по торговлѣ хлѣбомъ, по пушнымъ промысламъ на сѣверѣ и пр.

часто на совершенно противоположный конецъ нашего необъятнаго царства. И вотъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже мчится на оленяхъ по унылой и однообразной тундрѣ, покупаетъ, вымѣниваетъ у дикарей звѣриныя шкуры, братается съ ними, а черезъ годъ ему, можетъ-быть, придется быть въ Сибири... Тамъ опять борьба, лишенія, вѣчный страхъ и вѣчная, неумирающая надежда... Вотъ какъ куются денежки, Поленька! «Счастье», говоримъ мы, когда такой человѣкъ, наконецъ, воротится къ намъ съ милліономъ. А многіе безъ дальнихъ справокъ просто пожалуютъ его въ плуты... Не всѣ наживаются плутнями, и рѣшительно никто не наживался безъ долгаго, упорнаго, самоотверженнаго труда. Но мы бѣлоручки, мы ждемъ, чтобъ деньги сами пришли къ намъ, упали съ неба... О, тогда мы радехоньки... Да притомъ всѣ мы большіе господа; если мы не служимъ, такъ намъ давай, по крайней мѣрѣ, занятія профессора, литератора, артиста... Званіе артиста — конекъ нашъ, а купецъ, подрядчикъ, промышленникъ... намъ обидно и подумать! Какъ будто быть дѣльнымъ купцомъ не почетнѣе и не полезнѣе, чѣмъ ничего не дѣлающимъ гулякой... И еще надо взять въ расчетъ, что люди, пускающіеся у насъ въ такіе отважные промыслы, всѣ они безъ образованія, даже часто безъ свѣдѣній, необходимыхъ въ томъ дѣлѣ, которому они посвятили себя. Врожденный умъ, инстинктъ скорѣе, желѣзная настойчивость, постепенно пріобрѣтаемый опытъ, русская смѣтливость да русское авось — вотъ единственные ихъ руководители... Что же можетъ сдѣлать добрый человѣкъ, у котораго при доброй волѣ, трудолюбіи, настойчивости и умѣ, разумѣется, есть еще свѣдѣнія?!.

II.

Каютинъ о русскомъ крестьянинѣ.

...Поразили меня многія добрыя свойства русскаго крестьянина. Сколько чудныхъ исторій слышалъ я, и такихъ исторій, такихъ подвиговъ, что доведись нашему брату сдѣлать что-нибудь подобное, хватило бы разсказывать на всю жизнь, да нашлись бы слушатели и хвалители. А здѣсь такія дѣла дѣлаются и забываются, какъ самыя обыкновенныя вещи; никто имъ не удивляется; никто не говоритъ о нихъ.

Тамъ мужикъ Вавило дубинкой уходилъ матерого волка, который, сбѣсившись, бѣжалъ прямо въ село, гдѣ оставались только бабы да полоскавшіеся въ лужахъ малые ребятишки. Въ другомъ мѣстѣ рыжій парень невзначай набрелъ на медвѣдя, дѣлать нечего: уходить поздно! Пошли въ рукопашный, медвѣдь деретъ парню плечи, а парень держитъ его за уши такъ крѣпко, что дѣйствовать зубами медвѣдь не можетъ, какъ ни рвется. Такъ проходитъ и часъ и два. Сталъ ослабѣвать медвѣдь. Парень улучилъ минуту, выхватилъ ножъ изъ-за пояса и пропоролъ ему брюхо. Любо парню! Пошелъ за дровами, а принесъ медвѣжью шкуру, и какъ продалъ ее, такъ выпилъ съ камрадомъ лишнюю чарку да съ тѣхъ поръ никогда ужъ и не вспоминалъ о своей дракѣ съ медвѣдемъ.

Сколько разъ находчивость одного спасала пять и десять товарищей въ необозримой степи, въ горахъ, окруженныхъ пропастями; зимой, когда мерзнетъ ртуть, злится пурга и путники давно сбились съ дороги, или когда откуда ни возьмется цѣлая шайка варнаковъ, готовая и грабить и рѣзать!

...Въ моихъ странствіяхъ, несчастіяхъ и трудахъ одна была у меня отрада, безъ которой, можетъ-быть, я не вынесъ бы своей тяжелой роли. Не зналъ я рус-

скаго крестьянина; готовыя истины были въ основѣ моего о немъ мнѣнія. Какъ всѣ мы, изъяснялъ я каждый поступокъ его по внѣшности факта, а еще чаще старался удаляться такихъ мыслей, такъ же какъ и столкновеній съ простымъ классомъ.

Но необходимость свела меня съ нимъ, скука и общая доля сблизила; познакомился и породнился я съ русскимъ крестьяниномъ... среди моря, гдѣ равно каждому грозила смерть, въ снѣжныхъ степяхъ, гдѣ отогрѣвали мы другъ друга рукопашной борьбой, а подчасъ и дыханіемъ, въ сырой и тѣсной избѣ, гдѣ голодные и холодные жались мы другъ къ другу, шестьдесятъ дней не видя солнца Божьяго...

Труденъ доступъ къ его сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство, глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину. Ошибается тотъ, кто иначе думаетъ; кто, побродивъ по базару въ праздничный день, увидавъ двѣ-три деревенскія сходки, поговоривъ, хоть и за чаркой, съ нѣсколькими мужиками, думаетъ знать всю ихъ подноготную... Жалокъ такой наблюдатель! Нѣтъ, сердце его открывается не всякому и не вдругъ. Вотъ ужъ, кажется, ты довольно сблизился съ нимъ: онъ воленъ съ тобой въ обращеніи и за словомъ въ карманъ не ходитъ; ты думаешь, говоритъ онъ тебѣ свою подноготную... Погоди, она сама у него неясна, а ты не настолько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобъ она у него выяснилась, облеклась въ слово... Ты самъ скоро убѣдишься, что не поймалъ еще истины, когда замѣтишь, что черезъ день онъ уже говоритъ не то, съ полнымъ равнодушіемъ, которое такъ часто тебя обманывало, приводя къ ложнымъ и неотраднымъ выводамъ! Будешь говорить ты съ нимъ еще разъ, узнаешь больше, услышишь много опять новаго, но и тутъ часто не то еще, чего ищешь... Будь простъ и добръ, а главное — будь искрененъ, спрячь подальше

чувство собственнаго превосходства, умѣй отстранить всѣ порывы неизбѣжной надменности, которая невольно пробивается въ подобныхъ отношеніяхъ, да еще не показывай, что ты стараешься подъ него подладиться, и тогда только можешь ждать его искренности...

И тогда увидишь ты, что въ немъ есть душа, чувство, энергія, и что, главное, въ немъ много иронiи, иронiи дѣльной и мѣткой, которая уже, можетъ-быть, давно твою собственную особу пустила ходячей притчей по всему околотку...

Ни въ комъ, кромѣ русскаго крестьянина, не встрѣчалъ я такой удали и находчивости, такой отважности, при совершенномъ отсутствiи хвастовства (замѣтьте, черта важная!) и, опять повторяю, такой удивительной насмѣшливости.

Эти черты ужели мало говорятъ въ пользу его?

Я много люблю русскаго крестьянина, потому что хорошо его знаю. И кто, подобно многимъ нашимъ юношамъ, послѣ обычной «жажды дѣлъ», впалъ въ апатiю и сидитъ сложа руки, кого тревожатъ скептическiя мысли, безотрадныя и безвыходныя, тому совѣтую я, подобно мнѣ, прокатиться по раздольному нашему царству, побывать среди всякихъ людей, посмотрѣть всякихъ дивъ...

Въ столкновенiи съ народомъ онъ увидитъ, что много жизни, здоровыхъ и свѣжихъ силъ въ нашемъ миломъ и дорогомъ отечествѣ, увидитъ, что все идетъ впередъ... можетъ-быть, иначе, чѣмъ думали кабинетные теоретики, но совершенно согласно съ характеромъ народнымъ, съ его судьбами, древними и настоящими, и съ неизмѣннымъ закономъ историческимъ... Увидитъ и устыдится своего бездѣйствiя, своего скептицизма, и самъ, какъ русскiй человѣкъ, разохотится, расходится: откинетъ лѣнь и положитъ посильный трудъ въ сокровищницу развитiя, славы и процвѣтанiя русскаго народа...

Отрывокъ.

. . . . . .

Вчерашній день, часу въ шестомъ
Зашелъ я на Сѣнную;
Тамъ били дѣвушку кнутомъ —
Крестьянку молодую.
Ни звука изъ ея груди,
Лишь бичъ свисталъ, играя...
И Музѣ я сказалъ: «Гляди!
Сестра твоя родная»...

[Сообщено М. Писаревымъ въ сборникѣ «Голодному на хлѣбъ», альбомъ автографовъ, изд. ред. газ. «Русская Жизнь», Спб., 1892 г., стр. 22].

В. Г. Бѣлинскій.

[Памяти Бѣлинскаго Некрасовъ посвятилъ цѣнныя въ художественномъ отношеніи извѣстныя вещи: «Памяти пріятеля» («Наивная и страстная душа») и строфы въ «Медвѣжьей охотѣ» («Молясь твоей многострадальной тѣни»)... Но и воспроизводимое далѣе стихотвореніе Некрасова, при всей своей видимой неотдѣланности, дышитъ энтузіазмомъ къ памяти критика и кое-гдѣ ярко характеризуетъ жестокое время, когда пришлось жить, бороться и страдать и Бѣлинскому и Некрасову.

Время написанія этого стихотворенія точно указано въ немъ самомъ. Умирающій въ чахоткѣ поэтъ, въ уста котораго вложенъ разсказъ о Бѣлинскомъ, говоритъ, что послѣдній умеръ «назадъ тому семь лѣтъ». Бѣлинскій скончался 26 мая 1848 года, слѣдовательно, стихотвореніе Некрасова относится къ 1855 году. Какъ разъ въ это время поэтъ былъ опасно боленъ и даже уже приговоренъ врачами къ смерти отъ горловой чахотки; это соотвѣтствуетъ и стихотворенію, кромѣ того, впрочемъ, что Некрасовъ былъ тогда человѣкомъ уже обезпеченнымъ. Автобіографическій для Некрасова ха-

рактеръ носитъ и проскользнувшая здѣсь черточка самоупрека:

Мои страданья были люты,
Но многихъ былъ я самъ виной.

Разсказъ Некрасова о жизни Бѣлинскаго довольно точно воспроизводитъ ходъ жизни и дѣятельности критика. Невѣрно указаны только ранняя будто бы смерть отца Бѣлинскаго и причина удаленія его изъ Московскаго университета: Бѣлинскій былъ исключенъ не за недоказательство правъ о рожденіи, а за неблагонамѣренность, проявленную имъ въ трагедіи «Дмитрій Калининъ», и подъ предлогомъ неуспѣшности. Для ясности некрасовскаго текста остается напомнить, что недоучившимся студентомъ Бѣлинскаго называли печатно многіе; «прожектеръ» это — Краевскій, издатель *Отечественныхъ Записокъ;* «два задорныхъ поляка» — конечно, Булгаринъ съ *Сѣверной Пчелой* и Сенковскій съ *Библіотекой для Чтенія;* «новый геній» — Лермонтовъ, котораго такъ высоко ставилъ Бѣлинскій; «тревога въ Парижѣ буйномъ» — февральская революція 1848 года, тогда дѣйствовалъ извѣстный «Бутурлинскій» комитетъ по дѣламъ печати.

Текстъ стихотворенія не совсѣмъ исправенъ въ лондонскомъ изданіи («Русская потаенная литература», 1859 г.): такъ, повидимому, испорчено четверостишіе:

И между тѣмъ, какъ передъ нимъ
Его соратники рѣдѣли,
Смирялись, пятились, нѣмѣли,
Онъ шелъ одинъ неколебимъ.

Если здѣсь нѣтъ небрежности самого поэта, надо, чтобы строфа имѣла ясный смыслъ, или замѣнить слово «соратники» словомъ «противники», или вмѣсто «передъ нимъ» сказать «рядомъ съ нимъ»].

Въ одномъ изъ переулковъ дальнихъ,
Среди друзей своихъ печальныхъ
Поэтъ въ подвалѣ умиралъ
И передъ смертью имъ сказалъ:

«Какъ я, назадъ тому семь лѣтъ,
Другой бѣднякъ покинулъ свѣтъ,
Такимъ же сокрушенъ недугомъ.
Я былъ его ближайшимъ другомъ
И братомъ по судьбѣ. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, равно къ обоимъ строгой.
Онъ честно истинѣ служилъ,
Онъ духомъ былъ смѣлѣй и чище,
Зато и раньше проложилъ
Себѣ дорогу на кладбище...
А нынѣ очередь моя...
Его я пережилъ немного;
Я сдѣлалъ мало, волей Бога
Погибла даромъ жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многихъ былъ я самъ виной;
Теперь, въ послѣднія минуты,
Хочу я долгъ исполнить мой,
Хочу сказать о бѣдномъ другѣ,
Все, что я видѣлъ, что я зналъ,
И что въ мучительномъ недугѣ
Онъ честнымъ людямъ завѣщалъ.

«Родился онъ почти плебеемъ
(Что мы безславьемъ разумѣемъ,
Что онъ иначе понималъ).
Его отецъ былъ лѣкарь жалкій,
Онъ только пить любилъ да палкой
Къ ученью сына поощрялъ.
Процессъ развитія—въ Россіи
Не чуждый многимъ—проходя,
Книжонки дѣльныя, пустыя
Читало съ жадностью дитя,
Притомъ, какъ водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой

Имъ овладѣла съ малыхъ лѣтъ...
Какой прозаикъ иль поэтъ
Помогъ душѣ его развиться,
Къ добру и славѣ прилѣпиться —
Не знаю я. Но въ немъ кипѣлъ
Родникъ богатыхъ силъ природныхъ,
Источникъ мыслей благородныхъ
И честныхъ, безкорыстныхъ дѣлъ!..
«Съ кончиной лѣкаря, на свѣтѣ
Остался онъ убогъ и малъ;
Попалъ въ Москву, учиться сталъ
Въ Московскомъ университетѣ,
Но выгнанъ былъ, не доказавъ
Какихъ-то о рожденьи правъ,
Не удостоенный патентомъ, —
И оставался цѣлый вѣкъ
Недоучившимся студентомъ.
(Одинъ ученый человѣкъ
Кололъ его неоднократно
Такимъ прозваніемъ печатно,
Но, впрочемъ, Богъ ему судья)!..
Бѣднякъ, терпя нужду и горе,
Въ подвалѣ жилъ—и началъ вскорѣ
Писать въ журналахъ; помню я —
Писалъ онъ много... Мыслью новой,
Стремленьемъ къ истинѣ суровой
Горячій трудъ его дышалъ,—
Его замѣтили... Въ ту пору
Пришла охота прожектеру,
Который барышей желалъ,
Обширный основать журналъ...
Вникая въ дѣло не глубоко,
Искалъ онъ одного, чтобъ тотъ,
Кто мѣсто главное займетъ,
Писалъ разборчиво—и срока
Въ доставкѣ своего труда

Не нарушалъ бы никогда.
Бѣлинскій какъ-то съ нимъ списался
И жить на сѣверъ перебрался...
«Тогда все глухо и мертво
Въ литературѣ нашей было:
Скончался Пушкинъ, безъ него
Любовь къ ней въ публикѣ остыла...
Въ бореньи пошлыхъ мелочей
Она, погрязнувъ, поглупѣла...
До общества, до жизни ей
Какъ будто не было и дѣла.
Въ то время, какъ въ родномъ краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распѣвала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла къ цѣли;
Лишь два задорныхъ поляка
На первомъ планѣ въ ней шумѣли.
Ужъ новый геній подымалъ
Тогда главу свою межъ нами,
Но онъ одинъ изнемогалъ,
Тѣснимъ безстыдными врагами;
Къ нему подъ знамя приносилъ
Запасъ идей, надеждъ и силъ
Кружокъ еще не смѣлый, тѣсной...
Потребность сильная была
Въ могучемъ словѣ правды честной,
Въ открытомъ обличеньи зла...
«И онъ пришелъ, плебей безвѣстный!..
Не пощадилъ онъ ни льстецовъ,
Ни подлецовъ, ни идіотовъ,
Ни въ маскѣ жаркихъ патріотовъ,
Благонамѣренныхъ воровъ!
Онъ всѣ преданія провѣрилъ,
Безъ ложнаго стыда измѣрилъ

Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснувъ подъ говоръ лести,
Въ забвеньи истины и чести,
Отчизна бѣдная зашла!
Онъ расточалъ ей укоризны
За рабство—вѣковой недугъ,
И прокричалъ врагомъ отчизны
Его—отчизны ложный другъ.
Надъ нимъ ужъ тучи собирались,
Враги шумѣли, ополчались,
Но дикій вопль клеветника
Не помѣшалъ ему пока...
Въ немъ силы пуще разгорались,
И между тѣмъ какъ передъ нимъ
Его соратники рѣдѣли,
Смирялись, пятились, нѣмѣли,
Онъ шелъ одинъ, неколебимъ!..
«О! сколько есть душой свободныхъ
Сыновъ у родины моей,
Великодушныхъ, благородныхъ
И неподкупно-вѣрныхъ ей;
Кто въ человѣкѣ брата видитъ,
Кто зло клеймитъ и ненавидитъ,
Чей свѣтелъ умъ и ясенъ взглядъ,
Кому разсудокъ не тѣснятъ
Преданья ржавыя оковы, —
Не всѣ ль они признать готовы
Его учителемъ своимъ?..
«Судьбой и случаемъ хранимъ,
Трудился долго онъ и много
(Конечно, не безъ воли Бога)
Сказать полезнаго успѣлъ,
И, можетъ-быть бы, уцѣлѣлъ...
Но поднялась тогда тревога
Въ Парижѣ буйномъ—и у насъ
По-своему отозвалась...

Скрутили бѣдную цензуру —
Послушавъ, наконецъ, клеветъ,
И разбирать литературу
Созвали цѣлый комитетъ.
По счастью, въ немъ сидѣли люди
Честнѣй, чѣмъ былъ изъ нихъ одинъ—
Фанатикъ ярый Бутурлинъ,
Который, не жалѣя груди,
Бѣснуясь повторялъ одно:
«Закройте университеты
И будетъ зло пресѣчено!..»
(О, мужъ безсмертный! не воспѣты
Еще никѣмъ твои слова,
Но твердо помнитъ ихъ молва!
Пусть червь тебя могильный гложетъ,
Но сей совѣтъ тебѣ поможетъ
Въ потомство перейти вѣрнѣй,
Чѣмъ томъ исторіи твоей...)
«Почти полгода насъ судили,
Читали, справки наводили—
И не остался правъ никто...
Какъ быть! Спасибо и за то,
Что не былъ судъ безчеловѣченъ...
Настала грустная пора,
И честный сѣятель добра,
Какъ врагъ отчизны, былъ отмѣченъ:
За нимъ слѣдили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тутъ услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замученъ жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Онъ умеръ... Помянуть печатно
Его не смѣли,—и о немъ
Слабѣетъ память съ каждымъ днемъ
И скоро сгибнетъ невозвратно!..»

Поэтъ умолкъ. А черезъ день
Скончался онъ. Друзья сложились
И надъ усопшимъ согласились
Поставить памятникъ, но лѣнь
Исполнить помѣшала вскорѣ
Благое дѣло, а потомъ
Могила заросла кругомъ:
Не сыщешь!.. Не велико горе!..
Живой печется о живомъ,
А мертвый спи глубокимъ сномъ.

Тишина.

[Въ «Современникѣ», 1857 г., № 9, поэма «Тишина» состояла изъ пяти главъ, но четвертая потомъ опущена авторомъ. Приводимъ эту главу, какъ весьма характеристичную для момента, когда было написано стихотвореніе].

(Надъ всею Русью тишина)
Но Русь цѣла, но Русь тверда,
Надъ нею солнце мира блещетъ...
О, Русь! Ты такова всегда:
Какъ сильно буря ни тревожитъ
Вершины вѣковыхъ древесъ,
Она ни долу не положитъ,
Ни даже раскачать не можетъ
До корня заповѣдный лѣсъ.
Не угадать, что знаменуетъ
Твоя нѣмая тишина,
Но сердце вѣщее ликуетъ
И умиляется до дна...
Подъ небомъ нероднымъ блуждая,
Но къ сѣверу стремясь душой,
Любилъ я, сторона родная,
Воображать тебя такой:
Тиха, какъ сонная, наружно,

Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно
Ты вся работаешь съ плеча.
Къ добру разумное стремленье
Животворитъ твоихъ дѣтей;
Въ права вступаетъ просвѣщенье,
Уходитъ мракъ, кругомъ свѣтлѣй,
И быстро царство молодое
Шагаетъ по пути добра,
Какъ въ дни Великаго Петра.
Да сбудется!..
Погибни злое!
Пускай не устаетъ сіять
Намъ солнце правды повсемѣстно,
Пусть на работающихъ честно
Нисходитъ Божья благодать!
Да будетъ трудъ ихъ споръ и строенъ,
Да тѣломъ здравъ, душой покоенъ,
Его до цѣли доведетъ
И пахарь, и поэтъ, и воинъ,
И мореплаватель, и Тотъ,
Заступникъ и Глава народный,
Предъ коимъ частные труды —
Какъ мелководные пруды
Передъ Невою многоводной!..

(Соч. Некр. 1879 г., IV).

На смерть Т. Г. Шевченка.

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвидѣнный, даже желательный,—
Такъ погибаетъ по Божьей по милости
Русской земли человѣкъ замѣчательный
Съ давняго времени: молодость трудная,
Полная страсти, надеждъ, увлеченія,

Смѣлыя рѣчи, борьба безразсудная,
Вслѣдъ за тѣмъ—долгіе дни заключенія...
Все онъ извѣдалъ: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармовъ любезности,—
Все—и раздольную степь оренбургскую
И ея крѣпость. Въ нуждѣ, неизвѣстности
Жилъ онъ солдатомъ, съ солдатами жалкими,
Жилъ оскорбляемый всякимъ невѣждою;
Могъ умереть онъ, конечно, подъ палками,
Можетъ, и жилъ только этой надеждою...
Но, сократить не желая страданія,
Поберегло его въ годы изгнанія
Русскихъ людей провидѣнье игривое;
Кончилось время его несчастливое,—
Все, чего съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу ему улыбалося...
Тутъ ему Богъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалася!..

1861. («Былое», 1906, мартъ).

Плачъ дѣтей.

(1861).

«Это стихотвореніе,—замѣчаетъ поэтъ [1]),—принадлежитъ въ подлинникѣ одной англійской писательницѣ (Елизавета Броунингъ) и пользуется тамъ извѣстностью, въ родѣ какъ «Пѣсня о рубашкѣ» Т. Гуда, конечно—гораздо меньшею. Все остальное, что она писала, плохо. Я имѣлъ подстрочный переводъ въ прозѣ и очень мало держался подлинника; у меня оно наполовину короче. Я имъ очень дорожу».

---

[1]) Цитированное здѣсь замѣчаніе Некрасова и приводимыя далѣе его же замѣчанія объ отдѣльныхъ произведеніяхъ заимствованы изъ примѣчаній 4 тома, изд. 1879 года.

Двадцатое ноября 1861 года.

«Вспоминалъ Добролюбова, — замѣчаетъ авторъ, — писалъ въ день его похоронъ».

Этому поэтическому воспоминанію о Добролюбовѣ предшествовали нѣсколько сердечныхъ словъ Некрасова, произнесенныхъ на публичномъ чтеніи, въ пользу бѣдныхъ студентовъ, 2 января 1861 года:

«Мы во всю нашу жизнь не встрѣчали русскаго юноши, столь чистаго, безстрашнаго духомъ, самоотверженнаго. Наше сожалѣніе о немъ не имѣетъ границъ и едва ли когда изгладится. Еще не было дня съ его смерти, чтобы онъ не являлся нашему воображенію то умирающій, то уже мертвый, опускаемый въ могилу нашими собственными руками. Мы ушли съ этой могилы, но мысль наша осталась тамъ, и поминутно зоветъ насъ туда, и поминутно рисуетъ намъ одинъ и тотъ же неотразимый образъ»...

Памяти Добролюбова.

(1864).

«Надо замѣтить, — пишетъ авторъ подъ стихотвореніемъ, — что я хлопоталъ не о вѣрности факта, а старался выразить тотъ идеалъ, который одно время лелѣялъ Добролюбовъ».

Н. Г. Чернышевскій [1]).

Не говори: «забылъ онъ осторожность,
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!..»

---

1) Первыя три строфы настоящаго стихотворенія перепечатываются въ собраніи сочиненій Некрасова подъ заглавіемъ «Пророкъ. Изъ Барбье», что было сдѣлано первоначально изъ цензурныхъ соображеній. Полный текстъ напечатанъ: «Былое», 1906 г., мартъ, стр. 96, по рукописи, подаренной Некрасовымъ П. А. Ефремову. По смыслу стихотворенія, оно написано тогда, когда участь Н. Г. Чернышев-

Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.
Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
«Жить—для себя возможно только въ мірѣ
Но умереть возможно для другихъ!»
Такъ мыслитъ онъ—и смерть ему любезна;
Не скажетъ онъ, что жизнь ему нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна.
Его еще покамѣстъ не распяли,
Но часъ придетъ—онъ будетъ на крестѣ.
Его послалъ Богъ гнѣва и печали
Рабамъ земли напомнить о Христѣ.

Осипу Ивановичу Комиссарову [1]).

Не громка моя лира, въ ней нѣтъ
Величавыхъ, торжественныхъ пѣсенъ,
Но придетъ, народится поэтъ,
Вдохновеньемъ могучъ и чудесенъ,
Онъ великую пѣсню споетъ,
И героями пѣсни той чудной
Будутъ: Царь, что стезей многотрудной
Царство русское къ счастью ведетъ;
Царь, покончившій рабскіе стоны,
Вѣковую безправность людей

скаго не была еще рѣшена («Его еще покамѣстъ не распяли»). Если стихотвореніе относятъ къ 1874 г., то это, вѣроятно, недоразумѣніе: въ этомъ году списокъ былъ, надо думать, только переданъ Ефремову, при чемъ стихотвореніе могло быть исправлено, написано же оно могло быть во время заключенія Чернышевскаго въ Петропавловской крѣпости.

[1]) О. И. Комиссаровъ (крестьянинъ), при покушеніи Каракозова на жизнь Александра II, 4 апрѣля 1866 г., остановилъ руку покушавшагося (дѣло было на улицѣ, въ толпѣ) и выстрѣлъ послѣдовалъ на воздухъ.

И свободныхъ сыновъ милліоны
Даровавшій отчизнѣ своей;
И крестьянинъ, кого возрастилъ
Въ нѣдрахъ Руси народъ православный,
Чтобъ въ себѣ весь народъ онъ явилъ
Охранителемъ жизни державной.
Сынъ народа! Тебя я пою!
Будешь славенъ ты много и много...
Ты великъ—какъ орудіе Бога,
Направлявшаго руку твою!

«Совр.», 1866 г., № 4.

М. Н. Муравьеву-Виленскому.

(Прочитано на обѣдѣ 27 апр. 1866 г. въ честь Муравьева).

Бокалъ заздравный поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много жъ лѣтъ ему... ура!

***

Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный Западъ и враги:
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!

***

Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ;
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ... и вздохнетъ.

***

Вздохнетъ, что, ставши сумасбродомъ,
Забывъ присягу, свой позоръ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ

* * *

Нѣтъ, не помогутъ имъ усилья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ,
Зри! Надъ тобой, простерши крылья,
Паритъ архангелъ Михаилъ!

(Объ обѣдѣ, на которомъ были прочитаны эти стихи, и обстоятельствахъ, побудившихъ Некрасова къ лицемѣрному прославленію жестокаго временщика, см. воспоминанія Михайловскаго, Елисеева и Ковалевскаго).

Неизвѣстному другу, приславшему мнѣ стихотвореніе «Не можетъ быть».

Вотъ примѣчаніе поэта: «не выдуманный другъ, но точно неизвѣстный мнѣ. Получилъ, помнится, 4 марта 1866 г. Гдѣ-нибудь въ бумагахъ найдете эту пьесу, превосходную по стиху. Ее слѣдуетъ помѣстить въ примѣчаніи». Приводимъ здѣсь это стихотвореніе неизвѣстнаго, не включенное въ послѣднія изданія Некрасова.

Не можетъ быть.

(Н. А. Некрасову.)

Мнѣ говорятъ: твой чудный голосъ—ложь;
Прельщаешь ты притворною слезою
И словомъ лишь толпу къ добру влечешь,
А самъ, какъ змѣй, смѣешься надъ толпою.
Но ихъ рѣчамъ меня не убѣдить:
Иное мнѣ твой взглядъ сказалъ невольно;
Повѣрить имъ мнѣ было бъ горько, больно...
Не можетъ быть!

Мнѣ говорятъ, что ты душой суровъ,
Что лишь въ словахъ твоихъ есть чувства пламень,
Что ты жестокъ, что стихъ твой весь любовь,
А сердце холодно, какъ камень!

Но отчего жъ весь міръ сильнѣй любить
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!

Но если правъ ужасный приговоръ?..
Скажи же мнѣ, нашъ геній, гордость наша,
Ужель сулитъ потомства строгій взоръ
За дѣло здѣсь тебѣ проклятья чашу?..
Ужель толпѣ дано тебя язвить,
Когда весь свѣтъ твоей дивится славѣ,
И мы сказать въ лицо молвѣ не въ правѣ:
Не можетъ быть?!.

Скажи, скажи: ужель клеймо стыда
Ты положилъ надъ жизнію своею?
Твои слова и я приму тогда
И съ вѣрою разстануся моею.
Но, нѣтъ! И имъ ее не истребить!
Въ твои глаза смотря съ нѣмымъ волненьемъ,
Я повторю съ глубокимъ убѣжденьемъ:
Не можетъ быть!

На подлинникѣ поэтъ помѣтилъ: «Получено 3 марта 1866 года». Отвѣтъ Некрасова относятъ къ 1867 году.

Коробиха. 24 іюля 1867 г.
«Пиши для себя (пишу?)».

Зачѣмъ меня на части рвете,
Клеймите именемъ раба?..
Я отъ костей твоихъ и плоти,
Остервенѣлая толпа!
Гдѣ логика? Отцы—злодѣи,
Низкопоклонники, лакеи,
А въ дѣтяхъ видя отпрыскъ свой,
И негодуютъ и дивятся,

Какъ будто на соснѣ простой
Каштаны гдѣ-нибудь родятся?
Блаженъ, кто въ юности слѣпой
Погорячится и съ размаху
Положитъ голову на плаху...
Но кто, пощаженный судьбой,
Узнаетъ жизнь, тому дороги
И къ честной смерти не найти.
Стоять онъ будетъ на пути
Въ недоумѣніи, тревогѣ
И думать: глупо умирать,
Чтобъ имъ яснѣе доказать,
Что проченъ только путь неправый;
Глупѣй трагедіей кровавой
Безъ всякой пользы тѣшить ихъ!
Когда являлся сумасшедшій,
Навстрѣчу смерти гордо шедшій,
Что было въ помыслахъ твоихъ,
О родина! Одну идею
Твоя вмѣщала голова:
«Посмотримъ, какъ онъ сломитъ шею!»
Но жизнь не такъ же дешева!
Не оправданій я ищу,
Я только судъ твой отвергаю.
Я жить въ позорѣ не хочу,
Но умереть за что—не знаю.

(«Отеч. Зап.», 1878, I, Внутреннее обозрѣніе).

Медвѣжья охота.

«Нѣсколько разъ,—пишетъ авторъ (прим. въ IV т., изд. 1879 г.), — я принимался окончить эту пьесу, которой содержаніе само по себѣ интересно, и не могъ—скука брала. Вообще свойство мое таково—какъ только сказалъ, что особенно занимало, что казалось важнымъ и полезнымъ, такъ и довольно, — скучно досказывать

басню. Если найду время, разскажу прозой, съ приведеніемъ отрывковъ». Обѣщаніе это осталось неисполненнымъ.

«Пѣсня» изъ «Медвѣжьей охоты» («Отпусти меня, родная») — явилась въ изданіи стихотвореній 1869 г., въ II части, подъ заглавіемъ «Пѣсня Любы»; послѣднее слово потомъ вычеркнуто на экземплярѣ поэта. «Нужно большое примѣчаніе — если успѣю (пишетъ авторъ). Мать дѣвочки была трагическая актриса» Этотъ намекъ Некрасова на источникъ, вдохновившій его и на содержаніе «Медвѣжьей охоты», остается неразъясненнымъ.

Русскія женщины.

Княгиня Трубецкая.

Въ «Отеч. Зап.», 1872, № 4, эта поэма сопровождалась примѣчаніемъ автора.

«Съ изданія манифеста Александра II отъ 26 августа 1856 года (амнистія декабристамъ.—Ч. В-ій), въ нашей литературѣ начали появляться время отъ времени (а въ послѣдніе годы и довольно часто) матеріалы для изученія эпохи, къ которой относится настоящій разсказъ. Перечитывая эти матеріалы, авторъ постоянно съ любовію останавливался на роли, выпавшей тогда на долю женщинъ и выполненной ими съ изумительной твердостію. Если на самое событіе можно смотрѣть съ разныхъ точекъ зрѣнія, то нельзя не согласиться, что самоотверженіе, выказанное ими, останется навсегда свидѣтельствомъ великихъ душевныхъ силъ, присущихъ русской женщинѣ, и есть прямое достояніе поэзіи.

«Вотъ причина, побудившая автора приняться за трудъ, часть котораго представляется теперь публикѣ. Хотя минуло уже почти полвѣка со времени событія,

однако авторъ счелъ за лучшее вовсе не касаться его политической стороны, да это и не входило въ предѣлы задачи, какъ увидитъ читатель. Точки, вмѣсто нѣкоторыхъ строфъ, поставлены самимъ авторомъ, по его личнымъ соображеніямъ».

Разсказъ о томъ, какъ писалась вся поэма и особенно вторая часть «Княгиня Волконская», напечатанъ кн. М. С. Волконскимъ въ предисловіи къ «Запискамъ кн. Маріи Волконской» (Спб., 1905); см. этотъ разсказъ въ отдѣлѣ воспоминаній о Некрасовѣ.

Кому на Руси жить хорошо.

Поэма Некрасова писалась и печаталась въ «Отеч. Зап.» съ 1869 года. Въ 1873 году было закончено и напечатано три части. Незадолго до смерти, въ 1876 году, во время лѣченія въ Крыму написана четвертая часть «Пиръ на весь міръ», по цензурнымъ условіямъ напечатанная только въ 1880 г. въ «Отеч. Зап.» со значительными цензурными урѣзками, не возстановленными въ такъ называемыхъ «полныхъ собраніяхъ». Въ этой части Некрасовъ опять вспомнилъ Добролюбова и вывелъ его въ лицѣ молодого дьячковскаго сына.

Въ отдѣлѣ воспоминаній помѣщенъ разсказъ Глѣба Успенскаго, излагающій проектированное Некрасовымъ окончаніе поэмы.

Въ бумагахъ поэта нашелся еще листокъ, исписанный его рукою и представляющій, очевидно, одинъ изъ плановъ для дальнѣйшаго развитія поэмы.

«Прибытіе въ Петербургъ; искать доступа—

Къ вельможному боярину,
Министру государеву.

«Встрѣча съ царской охотой и пребываніе въ облавѣ:

Глядѣли, любовалися
И съ умиленьемъ думали:
«Дойдемъ и до тебя».

«Катастрофа на желѣзной дорогѣ, которой свидѣтелями были странники, или—голова на рельсахъ.

«Какъ мужики распоряжались съ шпіонами изъ своихъ. Мнѣ разсказывали о крестьянинѣ шпіонѣ, который возбудилъ подозрѣніе въ мужикахъ тѣмъ, что, ничего не дѣлая, одѣвался щеголемъ и всегда имѣлъ деньги,—вотъ они и добрались откуда... И, сообразивъ, что это за птица, заманили его въ лѣсъ и избили. Мужикъ-шпіонъ убрался изъ своей деревни, но всюду, гдѣ онъ ни появлялся, его били по наказу. Помнится, что исторія эта кончилась трагически...»

Этотъ эпизодъ о шпіонѣ воспроизведенъ въ IV части.

По смерти поэта въ его бумагахъ найденъ былъ планъ еще одной задуманной имъ части подъ заглавіемъ «Смертушка». Дѣйствіе происходитъ на Шекснѣ въ самый разгаръ сибирской язвы. По бечевнику бродятъ полуживыя лошади, тутъ же валяются мертвыя. По рѣкѣ плывутъ лошадиные трупы. Ночь. По берегамъ мѣстами разложены костры, у которыхъ видны фигуры судорабочихъ. Слышится пѣсня.

На правомъ берегу поютъ:

Жена къ рѣкѣ,
А мужъ за ней.
«Куда идешь?»
— Портки стирать!
«Портки стирать?
А гдѣ жъ они?
Утопишься—
А дѣтки-то?»

На лѣвомъ берегу поютъ:

Въ рукѣ топоръ,
Въ другой возжа.
«Куда идешь?»
— Тебѣ на что? —
Жена глядитъ
И въ ноженьки—
«Голубчикъ мужъ,
Не вѣшайся!»

Далѣе въ рукописи идетъ слѣдующая замѣтка Некрасова:

«Это пѣсня изъ новой главы «Кому на Руси жить хорошо», которую я собираюсь писать. Дѣйствующія лица—семь мужиковъ, сторожъ, ветеринарный врачъ, на пикетѣ офицеръ путей сообщенія, посланный своимъ начальствомъ для дознанія о сибирской язвѣ, и,

наконецъ, исправникъ. Послѣ сцены сибирской язвы, подъ утро, среди этой обстановки—вопросъ крестьянъ къ исправнику, разсказъ его, которымъ я поканчиваю съ мужикомъ, который утверждалъ, что счастливъ чиновникъ».

Къ 1874 году относится стихотвореніе «Унынiе», въ которомъ имѣется эпизодъ о конѣ, пораженномъ «недугомъ роковымъ». Можетъ-быть, и эта замѣтка относится къ этому же году.

Во время болѣзни Некрасовъ часто вспоминалъ о своей поэмѣ и уже незадолго до смерти говорилъ своимъ близкимъ: «Одно, о чемъ сожалѣю глубоко, это — что не окончилъ своей поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Сестра его, говорившая иногда въ шутку—«вотъ мы написали еще стихи» (потому что часто записывала ихъ съ его словъ), и на этотъ разъ сказала: «Повѣрь мнѣ, что мы ее кончимъ». Онъ съ тоской посмотрѣлъ на нее и промолвилъ: «Нѣтъ, ужъ не кончимъ».

Изъ четвертой части «Кому на Руси жить хорошо» [1]).

1.

Горькое время, горькія пѣсни.

Веселая.

— Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нѣтъ!
— Гдѣ жъ корова наша?
— Увели, мой свѣтъ.
Баринъ для приплоду
Взялъ ее домой...

---

[1]) Перепечатывается по статьѣ А. Измайлова «Просыпанный бисеръ», «Рус. Слово», 1908, № отъ 1 февраля. Текстъ, не вошедшій въ соч. Некрасова, данъ г. Измайловымъ по рукописи, хранящейся у г. Фидлера.

Славно жить народу
На Руси святой!

***

— Гдѣ же наши куры?—
Дѣвочки орутъ.
— Не орите, дуры!
Съѣлъ ихъ земскій судъ.
Взялъ еще подводу
Да сулилъ постой...
Славно жить народу
На Руси святой!

***

Разломило спину,
А квашня не ждетъ!
Баба Катерину
Вспомнила, реветъ:
Въ дворнѣ больше году
Дочка... Нѣтъ родной...
Славно жить народу
На Руси святой!

***

Чуть изъ ребятишекъ,
Глядь,—и нѣтъ дѣтей:
Въ рекруты мальчишекъ,
Въ дворню дочерей.
Одному уроду
Вѣковать съ семьей...
Славно жить народу
На Руси святой!

Потомъ свою, вахлацкую,
Родную хоромъ грянули,
Протяжную, печальную—
Иныхъ покамѣстъ нѣтъ.
Не диво ли? широкая

Сторонка Русь крещеная,
Народу въ ней тьма тёмъ,
А ни въ одной-то душенькѣ
Споконъ вѣковъ до нашего
Не загорѣлась пѣсенка,
Веселая и ясная,
Какъ ведреный денекъ.
Не дивно ли? Не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже въ пѣснѣ скажешься,
Но какъ?.. Душа народная!
Возсмѣйся жъ, наконецъ!..

Барщинная.

Бѣденъ, нечесанъ Калинушка,
Нечѣмъ ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать!
Съ лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнетъ съ мякины животъ.
Верченный, крученный,
Сѣченный, мученный,
Еле Калина бредетъ:
Въ ноги кабатчику стукнется,
Горе потопитъ въ винѣ,—
Только въ субботу аукнется
Съ барской конюшни женѣ.
«Ай, пѣсенка... Запомнить бы!»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
— Мы барщинные! Съ наше-то
Попробуй, потерпи!
— Мы барщинные. Выросли
Подъ рыломъ у помѣщика—

День—каторга, а ночь...
Что сраму-то! За дѣвками
Гонцы скакали тройками
По нашимъ деревнямъ...
Въ лицо позабывали мы
Другъ дружку, въ землю глядючи,
Мы потеряли рѣчь.
Въ молчанку напивалися,
Въ молчанку цѣловалися,
Въ молчанку драка шла...

III.

И старое и новое.

(Окончаніе главы).

Солдатъ ударилъ въ ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу—все сбѣгается.
Ударилъ и запѣлъ:

Солдатская.

Тошенъ свѣтъ,—
Правды нѣтъ,
Жизнь тошна,
Боль сильна.
Пули нѣмецкія,
Пули турецкія,
Пули французскія,
Палочки русскія!
Тошенъ свѣтъ,—
Хлѣба нѣтъ,
Крова нѣтъ,
Смерти нѣтъ!

Ну-т-ка, съ редута-то, съ перваго номеру,
Ну-т-ка, служивенькій,—по міру, по міру!

У богатаго,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину!
Весь въ гвоздяхъ заборъ
Ощетинился,
А хозяинъ воръ
Оскотинился!
Нѣтъ у бѣднаго
Гроша мѣднаго:
Не взыщи, солдатъ!
— И не надо, братъ!
Тошенъ свѣтъ, —
Хлѣба нѣтъ,
Крова нѣтъ,
Смерти нѣтъ!
Только трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ
Помяну добромъ.
У Луки съ Петромъ
Табачку нюхнемъ,
А у трехъ Матренъ
Провіантъ найдемъ!
У первой Матрены
Груздочки ядрены,
Матрена вторая
Несетъ коровая,
У третьей—водицы попью изъ ковша,
Вода ключевая, а мѣра—душа!
Тошенъ свѣтъ, —
Правды нѣтъ,
Жизнь тошна,
Боль сильна!
Служиваго задергало,
Опершись на Устиньюшку,
Онъ поднялъ ногу лѣвую

И сталъ ее раскачивать,
Какъ гирю на вѣсу.
Продѣлалъ то же съ правою,
И вдругъ на обѣ сталъ.
— «Орудуй, Климъ!» По-питерски
Климъ дѣло оборудовалъ:
По блюдцу деревянному
Далъ дядѣ и племянницѣ,
Поставилъ ихъ рядкомъ,
А самъ вскочилъ на бревнышко
И громко крикнулъ: слушайте!
(Служивый не выдерживалъ
И часто въ рѣчь крестьянина
Вставлялъ словечко мѣткое
И въ ложечки стучалъ).

Климъ.

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежитъ давно, — я съ младости
Колю на ней дрова, —
Такъ та не такъ изранена,
Какъ господинъ служивенькій:
Взгляните, въ чемъ душа?!

Солдатъ.

Пули нѣмецкія,
Пули турецкія,
Пули французскія,
Палочки русскія!

Климъ.

А пенціону полнаго
Не вышло, — забракованы
Всѣ раны старика.
Взглянулъ помощникъ лѣкаря,

Сказалъ: «Второразрядная», —
По нимъ и пенціонъ.

Солдатъ

Полнаго выдать не велѣно —
Сердце насквозь не прострѣлено!

Служивый всхлипнулъ, въ ложечки
Хотѣлъ ударить,—скорчило.
Не будь при немъ Устиньюшки,
Упалъ бы старина.

Климъ.

Солдатъ опять съ прошеніемъ.
Вершками раны смѣряли
И оцѣнили каждую
Чуть-чуть не въ мѣдный грошъ,
Такъ мѣритъ приставъ слѣдственный
Побои на подравшихся
На рынкѣ мужикахъ:
«Подъ правымъ глазомъ ссадина
Величиной съ двугривенный,
Въ срединѣ лба пробоина
Въ цѣлковый. Итого
На рубль пятнадцать деньгою
Побоевъ»... Приравняешь ли
Къ побоищу базарному
Войну подъ Севастополемъ,
Гдѣ лилъ солдатикъ кровь?

Солдатъ.

Только горами не двигали,
А на редуты какъ прыгали!
Зайцами, бѣлками, дикими кошками.
Тамъ и простился я съ ножками.
Съ адскаго грохоту, свисту оглохъ,
Съ русскаго голоду—чуть не подохъ!

Климъ.

Ему бы въ Питеръ надобно,
До комитета раненыхъ.
Пѣшъ до Москвы дотянется,
А дальше какъ? Чугунка-то
Кусаться начала!

Солдатъ.

Важная барыня, гордая барыня!
Ходитъ, змѣею шипитъ:
«Пусто вамъ! Пусто вамъ! Пусто вамъ!»
Русской деревнѣ кричитъ.
Въ рожу крестьянину фыркаетъ,
Давитъ, увѣчитъ, кувыркаетъ.
Скоро весь русскій народъ
Чище метлы подмететъ.

Солдатъ слегка притопывалъ,
И слышалось, какъ стукалась
Сухая кость о кость.
А Климъ молчалъ: ужъ двинулся
Къ служивому народъ.
Всѣ дали: по копеечкѣ,
По грошу; на тарелочкахъ
Рублишко набрался...

Изъ главы «Доброе время—добрыя пѣсни».

(По списку П. А. Ефремова).

... И лѣтъ пятнадцати
Григорій твердо зналъ уже,
Кому отдастъ всю жизнь свою
И за кого умретъ.

Довольно демонъ ярости
Леталъ съ мечомъ карающимъ

Надъ русскою землей.
Еще далеко солнышко;
Но ангелъ милосердія
Уже незримо носится
Надъ бѣдными селеньями,
Соломою покрытыми,
И пѣсней тихой, ласковой,
Лишь избранному слышимой,
Сзываетъ души честныя
На трудную борьбу [1]).

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.

Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую,—
Какимъ итти.

Одна просторная,
Дорога торная,—
Страстей раба,

По ней громадная,
Къ соблазну жадная
Идетъ толпа.

О жизни искренной,
О цѣли выспренной
Тамъ мысль смѣшна.

Кипитъ тамъ вѣчная,
Безчеловѣчная
Вражда—война

---

[1]) *Варіантъ:*

Не все жъ пути лукавые!
Надъ Русью оживающей
Иная пѣсня слышится:
То ангелъ милосердія
Надъ ней незримо носится
И юношамъ поетъ:

За блага бренныя,
Тамъ души тлѣнныя
Полны грѣха

На видъ блестящая,
Тамъ жизнь мертвящая,
Къ добру глуха.

Другая—тѣсная
Дорога, честная.
По ней идутъ

Лишь души сильныя,
Любвеобильныя,
На бой, на трудъ—

За обойденнаго,
За угнетеннаго,—
Стань въ ихъ ряды.

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ—
Имъ нуженъ ты!..

И ангелъ милосердія
Не даромъ пѣснь призывную
Поетъ надъ русскимъ юношей.
Не мало Русь ужъ выслала
Сыновъ своихъ, отмѣченныхъ
Печатью дара Божьяго,
На честные пути,
Не мало ихъ оплакала...
(Увы! Звѣздой падучею
Проносятся они...).
Какъ ни темна вахлачина,
Какъ ни забита барщиной
И рабствомъ—а она,
Благословясь, поставила
Въ Григорьѣ Добросклоновѣ
Такого посланца.

Апрѣль 1876 г.

Время-то есть, да писать нѣтъ возможности:
Мысль убивающій страхъ —
Не перейти бы границъ осторожности? —
Голову держитъ въ тискахъ!
Утромъ мы наше село посѣщали,
Гдѣ я родился и взросъ.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; въ умѣ шевельнулся вопросъ:
Новое время—свободы, движенья,
Земства, желѣзныхъ путей,—
Что жъ я не вижу слѣдовъ обновленья
Въ бѣдной отчизнѣ моей?
Тѣ же напѣвы, тоску наводящіе,
Съ дѣтства знакомые намъ,
И о терпѣніи новомъ молящіе
Тѣ же попы по церквамъ.
Въ жизни крестьянина, нынѣ свободнаго,
Бѣдность, невѣжество, мракъ.
Гдѣ же ты, тайна довольства народнаго?
Воронъ въ отвѣтъ мнѣ прокаркалъ: «дуракъ!»
Я обругалъ его грубымъ невѣжею.
На телеграфную нить
Онъ пересѣлъ. «Не доносъ ли депешею
Хочетъ въ столицу пустить?»
Глупая мысль, но я, долго не думая,
Мѣтко прицѣлился. Выстрѣлъ гремитъ:
Падаетъ замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожитъ...

ИЗЪ ПОСЛѢДНИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ [1]).

I.

Въ черные дни.

Посвящено моимъ друзьямъ-читателямъ.

Посвященіе.

Вамъ, мой даръ цѣнившимъ и любившимъ,
Вамъ, ко мнѣ участье заявившимъ
Въ черный годъ, простертый надо мной, —
Посвящаю трудъ послѣдній мой!
Я примѣру русскаго народа
Вѣренъ: въ горѣ жить
Не кручинну быть,
И, больной, работаю полгода,
Я трудомъ смягчаю свой недугъ:
Ты не будешь строгъ, читатель-другъ!

Спб. 1 февр. 1877 г.

Н. Некрасовъ.

II.

Смолкли честные, доблестно павшіе;
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе...
Но разнузданы страсти жестокія.
Вихри злобы и бѣшенства носятся
Надъ тобою, страна безотвѣтная.
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о, ночь безразсвѣтная,

---

[1]) Оба слѣдующихъ стихотворенія переданы Некрасовымъ студенческой депутаціи Петербургскаго университета, поднесшей ему по случаю его тяжкой болѣзни адресъ. «Въ черные дни» — заглавіе предполагавшагося сборника стихотвореній, вмѣсто котораго состоялся сборникъ «Послѣднія пѣсни» (Н. Михайловскій, «Отклики», Спб., 1904 г., т. II, стр. 323—324).

Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ враги, торжествуя, скликаются.
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

ИЗЪ ДНЕВНИКА НЕКРАСОВА 1877 г.

Мартъ, 77 г.—Худо мнѣ! Мой домъ—постель. Мой міръ—двѣ комнаты: пока освѣжаютъ одну—лежу въ другой. Полрюмки кипрскаго меня опьяняетъ; гранъ опіума дѣлаетъ меня идіотомъ, не всегда давая сонъ. Стиховъ уже писать не могу, но днями нападаетъ на меня самомнѣніе. На-дняхъ муза моя на прощанье пропѣла мнѣ такую пѣснь:

«Пускай чуть слышенъ голосъ твой,
Не громки темы пѣснопѣнья,
Но ты воспрянешь за чертой
Неотразимаго забвенья!»

14 іюня.—Буду писать, что приходитъ въ голову: надо же убивать время.

Онъ не былъ злобенъ и коваренъ,
Но былъ мучительно ревнивъ,
Но былъ въ любви неблагодаренъ
И къ дружбѣ нерадивъ.

Сибиряки обнаружили особенную симпатію ко мнѣ со времени моей болѣзни. Много получаю стиховъ, писемъ и телеграммъ. Было двѣ съ двумя десятками подписей. Я хотѣлъ сдѣлать на это намекъ въ стихотвореніи «Баюшки-баю»—и было тамъ четыре стиха:

И ужъ несетъ изъ дебрей снѣжныхъ
На гробъ твой лавры и вѣнецъ
Друзей невѣдомыхъ и нѣжныхъ
Хранимый Богомъ посланецъ—

да побоялся, не глупо ли будетъ. А теперь этого вопроса рѣшить не могу и подавно.

Вообще, изъ страха, нерѣшительности и за потерею памяти, я передъ операціей испортилъ въ поэмѣ «Мать» много мѣстъ, замѣнилъ точками иныя строки.

Очень тяжело растревоживать мысли—сейчасъ боли, какъ и въ эту минуту.

15 іюня. За полдень.

16 іюня.—Любимое стихотвореніе Бѣлинскаго было: «Въ степи мірской, широкой и безбрежной»... (Пушкинъ). Я же когда-то очень любилъ стих. Лермонтова: «Бѣлѣетъ парусъ одинокій» и т. д. А теперь все повторяю: «Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день» (Пушкинъ).

16 іюня, 7 часовъ.—Хотѣлъ было анализировать свое положеніе и свои ощущенія, но слишкомъ это мрачная работа, прибавишь себѣ муки—а ея много!

Не забыть отвѣтить Ир...ву (поэтъ-юноша, грамотный, но дарованія не замѣтно): пишетъ, что прибылъ въ Петербургъ на занятыя деньги.

Всего болѣе страшно, чтобы мое теперешнее положеніе не затянулось — или хоть немного бы получше, или поскорѣй бы конецъ.

Ничего не понимаю, что со мной дѣлается. Очень тяжело. Дождь! (Воскресенье)».

ЛИТЕРАТУРА О Н. А. НЕКРАСОВѢ.

А. Собранія сочиненій.

Полнаго собранія сочиненій Некрасова не существуетъ, нѣтъ и полнаго собранія его стихотвореній. Такъ называемое «полное» ихъ собраніе, имѣющееся на книжномъ рынкѣ (изданіе А. С. Суворина, въ двухъ томахъ; въ 1902 году вышло восьмое изданіе, Спб. Цѣна 5 рублей), въ дѣйствительности чрезвычайно не полно. Для изученія Некрасова необходимо первое посмертное четырехтомное изданіе стихотвореній 1879 года; оно содержитъ въ IV томѣ много дополнительнаго матеріала и нѣкоторыя стихотворенія, которыя лично Некрасовъ изъ собраній, выходившихъ при его жизни, исключалъ по разнообразнымъ побужденіямъ. Весьма цѣнны въ этомъ IV т. примѣчанія С. И. Пономарева, которыя въ послѣдующихъ изданіяхъ совершенно выкинуты.

Н. Н. «Мечты и звуки». Спб. 1840. (Библіограф. рѣдкость).

«Три страны свѣта». Романъ въ 8 частяхъ Н. Некрасова и Н. Станицкаго. 2 тома. Изд. третье (С. Звонарева). Спб. 1872.

«Мертвое озеро», романъ, 3 т. Спб. 1852.

Б. Біографическіе матеріалы и біографіи.

Первая біографія Некрасова составлена А. М. Скабичевскимъ и входила въ составъ изданія стихотвореній 1879 года, подъ названіемъ «Біографическія свѣдѣнія». Въ послѣдующихъ изданіяхъ она сокращена до одной трети объема.

А. М. Скабичевскій. Сочиненія. Спб. 1895, т. II. «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», стр. 239—312. Біографія и критическій обзоръ дѣятельности Некрасова.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). «Н. А. Некрасовъ, его жизнь и литературная дѣятельность». Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1907. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Цѣна 25 коп. Это—нѣ-

сколько сокращенная перепечатка статьи того же автора «Муза мести и печали» въ книгѣ «Очерки русской поэзіи». Спб. 1904.

А. Голубевъ. «Н. А. Некрасовъ». Біографія; критическій обзоръ поэзіи; собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Спб. 1878. Интересъ представляютъ стихотворенія, посвященныя Некрасову.

На память о Н. А. Некрасовѣ. Спб. 1878.

Небольшой сборникъ газетныхъ статей и некрологовъ о Некрасовѣ. Въ 1885 году книжка была перелицована и, какъ новое изданіе, выпущена съ новымъ заглавіемъ: «Н. А. Некрасовъ. Его жизнь, послѣднія минуты и отрывки изъ сочиненій». Здѣсь перепечатаны, между прочимъ, трудно разыскиваемыя по газетамъ статьи, замѣтки и стихотворенія Полонскаго, А. Михайлова, д-ра Бѣлоголоваго, Незнакомца (Суворина), Г. Успенскаго, Гайдебурова, Пальмина, Достоевскаго и рядъ анонимныхъ газетныхъ сообщеній.

А. Н. Пыпинъ. «Н. А. Некрасовъ». Спб. 1905.

Книга весьма важная для изученія Некрасова, какъ по содержащимся въ ней воспоминаніямъ А. Н. Пыпина, такъ и въ особенности по собранію писемъ Некрасова къ Тургеневу и другимъ собраннымъ въ ней матеріаламъ. Данъ библіографическій обзоръ литературы о Некрасовѣ.

Библіографія другихъ болѣе важныхъ біографическихъ матеріаловъ указана при соотвѣтствующихъ отрывкахъ, приведенныхъ въ нашемъ сборникѣ, и во вступительной статьѣ.

В. Критическая литература о Некрасовѣ.

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Собралъ В. Зелинскій. М. Три части. По 1 р. за часть.

Сборникъ обнимаетъ важнѣйшія критическія статьи о Некрасовѣ, появившіяся по годъ его смерти, содержитъ также некрологи и нѣкоторыя посмертныя статьи.

Изъ позднѣйшей литературы, кромѣ упомянутыхъ работъ Скабичевскаго и Мельшина, заслуживаютъ вниманія:

К. Арсеньевъ. «Критическіе этюды», томъ II.

С. Андреевскій. «Литературные очерки» (третье изданіе «Литературныхъ Чтеній»), Спб. 1902.

С. Венгеровъ. Энциклоп. словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XX.

Ивановъ, Ив. «Поэзія Некрасова». Сб. «Починъ» (Общ. люб. рос. слов.). М. 1895 г. и въ книгѣ «Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX вѣка». Спб. 1901.

С. Южаковъ. «Любовь и счастье въ произведеніяхъ русской поэзіи», «Сѣв. Вѣст.», 1887, V.

В. Гольцевъ. «Памяти Некрасова. По поводу 15-лѣтія его кончины» Литературные очерки. М. 1895.

В. П. Кранихфельдъ. «Н. А. Некрасовъ». Въ III томѣ «Истор. рус. лит. XIX в.» подъ ред. Овсянико-Куликовскаго, изд. т-ва «Міръ».

Горленко. «Литературные дебюты Некрасова», «О. З.», 1878, XII.

Владиславъ Максимовъ. «Литературные дебюты Некрасова». Вып. I. Спб. 1908. Цѣна 1 руб.

Книга цѣнна многочисленными библіографическими указаніями, содержитъ обзоръ ранней стихотворной дѣятельности Некрасова и его драматическихъ опытовъ. Въ приложеніи данъ текстъ нѣкоторыхъ юношескихъ произведеній.

П. Н. Сакулинъ. «Творчество Некрасова». М. 1903 («Научное Слово». 1902).

И. Игнатовъ. «Некрасовъ художникъ». Сборникъ «На славномъ посту». Спб. 1900.

П. А. Заболотскій. «Н. А. Некрасовъ (къ 30-лѣтію его смерти)». Нѣжинъ, 1908.

А. Г. Горнфельдъ. «Русскія женщины Некрасова въ новомъ освѣщеніи», «Рус. Бог.», 1904, № 4.

Обзоръ литературы о Некрасовѣ по поводу 25-лѣтія его кончины въ книгѣ Пыпина. Приведены обширныя выдержки изъ болѣе замѣчательныхъ статей, въ томъ числѣ изъ статей В. В. Розанова (въ «Нов. Вр.») и А. М. Бобрищева-Пушкина («В. Евр.», 1903, апр.).

487592
LR
N4189
.Ych
Nekrasov, Nikolai Alekseyevich
Cheshikin, Vasily Evgrafovich (comp.)
Н.А.Некрасовъ.
[Translit: N.A.Nekrasov]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET